

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

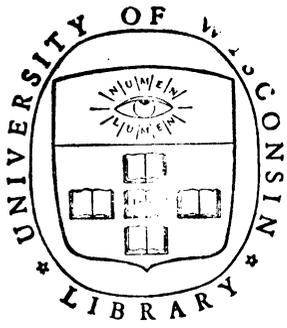
Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

НАРОДНАЯ ИСТОРИЯ
РУСИ

ОТЪ НАЧАЛА ДО НОВѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ

ПОСЛЯ НАЙЛУЧШИХЪ ИСТОРИКОВЪ

составлена и издана

БОГДАНОМЪ А. ДЪДИЦКИМЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ДЪВОВЪ.

Въ типографіи Института Ставропигійскаго,

подо варядомъ Стефана Гугковскаго.

1870.

Deditskii, Bogdan A.

NARODNAIA ISTORIIA
НАРОДНАЯ ИСТОРИЯ

RUSI
РУСИ

ОТЪ НАЧАЛА ДО НОВѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ

ПОСЛЯ НАЙЛУЧШИХЪ ИСТОРИКОВЪ

составлена и издана

Bogdan A. Deditzskii
БОГДАНОМЪ А. ДЪДИЦКИМЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ДЪВЪВЪ.

Въ типографіи Института Ставропигійскаго,

подъ зарядомъ Стефана Гугковскаго.

1870.

**Второе издание, перепечатано изъ „Галичанина“; литературной прилоги
„Слова“ на г. 1870.**

DK
40
.D4
3

Содержанье шрешой части.

	стор.
Царь Алексѣй Михайловичъ и новое устройство Москвы	1
Богданъ Хмельницкій и его грозная рада противу Польши	5
Первыи победы Гетмана Хмельницкого у Жолтыхъ Водъ и подъ Кор- сунемъ	21
Истребленіе Ляховъ въ земляхъ русскихъ лѣтомъ 1648 г.	37
Непорядная година въ Польшѣ; — перекинчики Кисель и Вишневецкій	48
Походъ Хмельницкого на Волинь; — битва подъ Пилявою	59
Хмельницкій въ Галичинѣ; осада Львова и Замостья	64
Король Янъ-Казиміръ — и переговоры съ Хмельницкимъ въ Переяславѣ	82
Обновленіе войны: осада Збаража и битва подъ Зборовомъ	93
Зборовскій договоръ и его послѣдствія въ украинской Руси	112
Сношенія Хмельницкого съ Москвою и съ турецкимъ Султаномъ	126
Новая война съ Польщею; смерть Ничая — побѣда Богуна	136
Великая битва подъ Берестечкомъ; зрада Татаръ	143
Хлопскіи бунты въ Польшѣ и на Литвѣ; — поворотъ Хмельницкого отъ Татаръ	162
Бѣло-Церковскій договоръ; — новое посольство Хмельницкого въ Москву	172
Походъ на Молдавію; — истребленіе польского войсва подъ Батогомъ	182
Молдавская война; — новая зрада Татаръ подъ Жванцемъ	192
Соединеніе Украины съ Великою Русію (1654 г.)	202

ЦАРЬ АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ и НОВОЕ УСТРОЙСТВО МОСКВЫ.

Въ г. 1645, коли умеръ Царь Михаилъ Романовъ, вступилъ на царскій престолъ сынъ его 16-лѣтній Алексѣй Михайловичъ. Новый сей Царь отличался великими дарами ума и сердца, и уже первыи лѣта его царствованія доказали достаточно, що Великая Русь вступаете на нову просторнѣйшую колю народнаго житья, по которой слѣдовало идти ей съ бѣльшою смѣлостію и рѣшимостію, чѣмъ за прежнихъ Царей, затруднявшихся непомаду внутренними хлопотами и безпорядками. — Перве славное дѣло Царя Алексѣя было именно то, що онъ постановилъ супротивъ Крымскихъ Татаръ, сихъ-то самыхъ наибѣльше докучливыхъ враговъ Руси, поступати не такъ, якъ его попередники, лишь оборонительно, но вразъ-же и наступательно, т. е. постановилъ навѣтъ и забрати ихъ пѣдъ себе, якъ ино до того надасться добрая способность. Въ сей-же цѣли приказалъ онъ своимъ воеводамъ отправитися съ войскомъ къ берегамъ Дону, и соединившись съ Донскими козаками идти войною на Крымцѣвъ, особенно-же добыти тамъ знову крѣпость Азовъ, которую бисурмане по уступленью Донцѣвъ въ г. 1642 назадъ были заняли. За-для тѣмъ успѣннѣйшого покоренія Крымскихъ ордъ Царь Алексѣй сталъ договаривать съ польскимъ королемъ Владиславомъ, который также изъ своей стороны бажалъ покарати Крымцѣвъ за ихъ частыи напады на области короны польской. Абы затѣмъ заключити съ царствомъ русскимъ союзъ противъ татарскаго хана, король Владиславъ прислалъ въ Москву нарочнаго посла Адама Киселя, который, яко украинскій вельможа вѣры православной, найшолъ у Царя Алексѣя истинно дружеске принятіе. Онъ то Адамъ Кисель держалъ въ Москвѣ передъ молодымъ Царемъ краснорѣчивую бесѣду, въ которой высказалъ межъ прочими щиросердное желаніе: абы Москва и Польша, яко державы чисто-славянскіи, соединились вѣчнымъ союзомъ племеннаго братства, а тогда настало бы великое время, коли

Славяне, совокупившись по-прежнѣму во-едено, наполнили бы весь міръ славою своего имени. Желаніе то Царь Алексѣй исполнилъ на-теперь о стѣлько, що заключилъ съ Польщею вѣчный союзъ противу Татаръ, которы зъ той поры уже не осмѣялись загоняться въ земли великорусского царства.

Убезпечивши себе противу Татаръ союзомъ съ Польщею, юный Царь въ первыхъ-же лѣтахъ своего владѣнья началъ съ бѣльшимъ вниманіемъ вглядати во внутренній дѣла своей державы. А тутъ то и были гдѣякіи нестройства, которы не такъ легко приходилось усторонити зъ той причины, що походили они власне отъ челоуѣка, самому-же Царю дуже близкого. Челоуѣкъ сей былъ именно бояринъ Морозовъ, воспитатель Царя отъ дитинячихъ лѣтъ, а теперь въ нѣжной его юности опѣкунъ и первый его любимецъ. Онъ то бояринъ — на несчастье — былъ чрезвычайно корыстолюбивый, а вжежъ отъ такой напасти не можъ ничего добраго ожидати. Полагаючи на свое высокое значенье при особѣ молоденького Царя, бояринъ Морозовъ тѣмъ безпечнѣйше предавался своей грѣховной страсти, понеже никто не смѣлъ выступити съ жалобою противъ царского любимця. Онъ то хотя и малъ препорученье отъ самого Царя Алексѣя, щобы о скѣлько возможно зменьшалъ державныи податки и творилъ пѣльгу народу, еще тѣмъ бѣльшій накладалъ данины, и отдавалъ ихъ на' откупъ твердо-серднымъ людемъ, щобы оттакъ якъ найкорыстнѣйше дѣлаться съ откупщиками. Отъ того пѣйшли бунты въ народѣ: начались они отъ Москвы, а потомъ перейшли и въ другіи города. Розобравши дѣла, Царь увидѣлъ, що неправды были велики, и що головнымъ ихъ виновникомъ былъ онъ-же самъ Морозовъ. Тожъ хотя и якъ любилъ онъ оного кормильца своего отъ дѣтинныхъ лѣтъ, а таки удалилъ его отъ себе съ соромомъ и началъ далѣй (зъ г. 1648) самъ управляти всѣма дѣлами царства.

Прежде всего Царь Алексѣй призвалъ къ собѣ самыхъ честныхъ людей всякого чина, именно такихъ, которы поважаны и любены были народомъ. Съ тѣми людьми держалъ онъ совѣтъ: якъ утвердити въ русской земли праведный судъ и законный порядокъ, для всѣхъ зарѣвно обязующій. Насампередъ обернулъ онъ своѣй взглядъ на распредѣленье земскихъ повинностей, и установилъ тутъ саму справедливую сорозмѣрность: боярина ли ты, чи мѣщукъ, чи сельскій житель, а повинность зъ тебе еднака; плати подушне, якъ належитъ, честно, исправно, не увертайся. — До часѣвъ Царя Алексѣя всѣ рускіи города были заставлены рогачками и коморами: не можъ было ни выѣхати ни въѣхати, не заплативши мыта; при переездѣ черезъ кождый мѣстъ, при въездѣ въ кождый городъ, ба въ кождое село, при всякой продажи нужно было платити дачку за провозъ, за складчину, за про-

дажу, такъ, що и одного кроку не можь было здѣлати безъ оплаты. Царь же Алексѣй уничтожилъ весь тѣи мыта, рогачки и коморы. А щобы еще больше ободрити русское купечество, онъ запретилъ чужеземцямъ торговати на Руси — якъ бывало давнѣйше — безъ всякой оплаты, а приказалъ просто, щобы и тѣи несли такую-же повинность, якъ и русскіи купцы. Кромъ того для точного устроенья купеческихъ дѣлъ издалъ онъ „торговый уставъ“, первый законъ того рода на Руси, а ещежь для управленья всеми торговельными справами учредилъ въ Москвѣ купеческій Приказъ (зарядъ), въ которомъ засѣдали самыи купцы и рѣшали всякіи дѣла своего званія по торговому уставу. Для розширенья торговли съ хинскимъ царствомъ онъ основалъ города Нерчинскъ и Иркутскъ въ Сибири, и зъ того часу русскіи купцы начали ѣздити ажъ въ Китайскую столицю — въ Пекинъ, куда еще въ ту пору ніякому другому народу Европы завхати не было дозволено. Отъ такихъ жъръ Царя Алексѣя духъ торговли предпріимчивости пробудился по всей Руси. Нашъ братъ — русскій человекъ Семень Дешневъ пустился въ то время на морскую плавбу по Ледоватому морю, и дойшолъ ажъ до устья рѣки Анадыра; онъ затѣиъ первый изъ мореходовъ всего свѣта проѣхалъ проливъ, отдѣляющій Азію отъ Америки.

Устроивши дѣла русской торговли, молодой Царь приступилъ къ уложенію добрыхъ законѣвъ для всѣхъ жителей своего царства. А щобы справу тую многоважну произвести въ согласію съ народомъ, онъ созвалъ до Москвы великій Соборъ народный, на которомъ явилось 320 заступникѣвъ отъ всѣхъ городѣвъ и областей Руси. Тому-то Собору Царь Алексѣй препоручилъ розсмотрѣти всѣ державныи законы, якіи отъ часѣвъ Ивана Грозного въ теченью 100 лѣтъ выдаваны были на Руси, а которыи изъ тѣхъ законѣвъ покажутся недостаточны, то щобы ихъ исправить и дополнити новыми, та оттакъ и составить якъ найполнѣйшій сборникъ русскихъ законѣвъ. Соборъ возложилъ сіе дѣло на князей Одоевского и Волконского, и тѣи два умныи и трудолюбивыи бояре добросовѣстно и усердно выполнили порученіе; они то привели всѣ законы въ ясность, выписали изъ правилъ Апостольскихъ и святыхъ Отцевъ а также изъ законѣвъ греческихъ Царей все тое, що къ дѣлу подходило, собрали указы прежнихъ русскихъ Царей и написали новыи такъ, щобы судъ и росправа были во всякихъ дѣлахъ всѣмъ людямъ рѣвныи и еднаки. Была бо и у самого Царя Алексѣя въ той справѣ головна мысль та, щобы законъ для всѣхъ былъ рѣвнѣй. Коли же сборникъ законѣвъ былъ въ-полнѣ изготовленъ, то Соборъ 320 заступникѣвъ народныхъ, принявши его, утвердилъ своими подписями на вѣчныи часы нерушимо. Такъ и вышло въ г. 1649 славное оно дѣло, извѣстне въ Исторіи Руси подъ названіемъ: „Соборъ“

*

ное уложеніе Царя Алексѣя Михайловича“, которое въ русскомъ законодательствѣ и донынѣ найкрасшимъ почитается памятникомъ.

Совершивши той великій подвигъ съ уложеніемъ законѣвъ, Царь Алексѣй занялся исполненіемъ ихъ на дѣлѣ, т. е. онъ не удовольсился однимъ тѣлько изданіемъ законѣвъ, но хотѣлъ, чтобы ихъ свято исполнили повсюду въ русскомъ царствѣ. И самъ-же онъ былъ найвѣрнѣйшимъ исполнителемъ своихъ законѣвъ, выконуючи всякое ихъ предписаніе точно такъ, яко-бы въ обличію закона былъ не владѣтель, а рѣвный всѣмъ подданный. А що еще найважнѣйше было по новымъ указамъ царскимъ, що всякій, кто лишь чувствовалъ себе оскорбленнымъ ѳтъ суду, имѣлъ свободный доступъ къ Царю и мѣлъ жаловатись на неправедныхъ судіевъ, хотя бы тѣи и были найвысшими достойниками царства.

Устрояючи внутренніи дѣла державы, юный Царь принялся также за введеніе лучшаго ладу въ русскомъ войску. До того бо времени Великая Русь кромѣ стрѣльцѣвъ не имѣла еще постоянного войска. Всякій разъ, якъ начиналась война, бывало мѣщухи та селяне ѳтъ плуга и сохи берутся за оружіе, становятся въ ряды и составляютъ войско. Ѳттакъ то и великихъ побѣдъ годъ было ожидать ѳтъ такихъ воинѣвъ. Видачи се неудобство, Царь Алексѣй умножилъ число стрѣльцѣвъ, завелъ конныи и пѣхотныи полки, издалъ „воинскій уставъ“, и призвалъ изъ-заграницъ славныхъ офицерѣвъ для обученья русскихъ солдатѣвъ. — Кромѣ сего на-польного войска дѣятельный Царь хотѣлъ завести и морскую силу; для той цѣли призвалъ онъ изъ Голандіи опытныхъ корабельщикѣвъ, и тѣи построили на рѣцѣ Оцѣ одинъ великій корабель и кѣлька поменьшихъ лодей военныхъ. Тѣи корабли были спущены на рѣку Волгу и зведены въ Астрахань на Каспійское море. Царь Алексѣй написалъ уже „морскій уставъ“ и хотѣлъ было заняться мореплаваніемъ; однакожь вскорѣ потомъ наступившіи войны съ Польщею и со Шведами отвлекли его ѳтъ сего много-стоящего предпринятія.

Будучи благочестивѣйшимъ человекомъ въ родинной и гражданской жизни, Царь Алексѣй усиленно старался, чтобы и народъ его имѣлъ добрыи обычаи. А якъ то у простаго народа всякіи прогрѣшенія наибѣльше происходятъ ѳтъ пиянства, то Царь строго каралъ пияницъ, и запретилъ вольную варку и продажу горьлки; а продавати горьлку могли тѣлько царскіи пивоварнѣ, и то не всегда, лише передъ великими праздниками и къ тому немного. — Православную же вѣру зберегалъ Царь, якъ зѣницу ока, и въ тѣмъ святѣмъ дѣлѣ много помагалъ ему славный Отецъ русской Церкви, Святитель Никонъ, котораго Царь любилъ бѣльше надъ всѣхъ своихъ подданныхъ и поручалъ ему

смотрѣти за боярами и прочими чиновниками, щобы не кривдили си-
рѣтъ и бѣдныхъ людей.

Такъ отже изъ всѣхъ дѣлъ молодого Царя уже въ первыхъ лѣ-
тахъ ого правленія можъ было достаточно увѣритись, що се былъ вла-
дѣтель мудрый и добрый, та що ѳтъ него належало еще много добра
для святой Руси надѣяться.

БОГДАНЪ ХМЕЛЬНИЦКІЙ И ЕГО ГРОЗНАЯ РАДА ПРОТИВУ ПОЛЬЩИ.

Въ тоежь саме время, коли Великая Русь пѳдъ владѣнемъ нового
Царя Алексѣя Михайловича устроилась лучшимъ ладомъ на основѣ до-
брыхъ закоповъ, сусѣдняя Польша доведена была до совершенного
безладу, где уже ничего не важили ни король ни законы, а тѳлько
самоволя буйной ляцкои шляхты. Шляхта тая, розмноженная до над-
мѣрно великого числа, захватила въ свои руки всю управу въ державѣ,
забрала пѳдъ ноги весь простой нарѳдъ не тѳлько въ Польшѣ, но еще
бѳльше на Литвѣ и въ земляхъ мало-русскихъ, та стѣснила королев-
скую власть до такого степени, що король Польщи — якъ самы ляц-
кїи лѣтописць кажутъ — значилъ уже хибань ино стѳлько, що дере-
вянная ляка, служащая дѣтямъ на забавку. А що еще найсумнѣйше
было въ оной Польшѣ, то се, що вельможи и шляхта, проводячи все
время лише на сойшованью и роскопныхъ банкетахъ, или же роскида-
ючи маетки на волокитствѣ за границую, передавали газдѳвство и управ-
ленье своихъ дѳбръ арендаторамъ-жидамъ, которы вже и такъ
держачи всю промышленность и торговлю въ своихъ рукахъ, были по-
слѣ шляхты вторыми владѣтелями ляцкои державы. Оныи-то жида-арен-
даторы, поставленныи Ляхами въ великомъ множествѣ особливѳ по се-
лахъ русского Воляня, Подѳлья и Украины, не тѳлько обдерали и при-
тѣсняли нарѳдъ безмилосердно, но еще маючи ѳтъ панѳвъ своихъ на-
даны всѣ права, якїи прислужали дѣдичамъ, вязнили, катовали и на-
вѣтъ смертію казнили пѳдданныхъ селянъ, якъ скоро тїи въ чѣмъ най-
меньшомъ оказались имъ противными. Очевидно, нарѳдъ простой, кото-
рому пѳсля ляцкихъ законѳвъ не свободно было жаловатись на своего
пана яко и на его полновластного заступника-арендатора не то передъ
королемъ, але навѣтъ передъ земскими властями, кидался неразъ на сво-
ихъ томителей, и вымѣрлялъ на нихъ страшную кару; но тогда вель-
можными паны, уймаючись за кровь жидѳвску, насылали на селянъ стро-
гую екзекуцію войскову, ѳтъ которой приходилось страдати еще бѳльше,
чѣмъ ѳтъ крайной злобы нехристѣвъ. — Такъ отже бѣда пѳдъ Польщемо
для народа была невыносима.

Смотрячи на страданья простолодія, король Владиславъ IV, яко
человѣкъ добраго сердца, тяженько жалѣлъ и журился тѣмъ, що ніякъ не

могъ улегчити бѣдственную долю своихъ подданныхъ. А хотя онъ по-мимо опоры и противъ воли шляхты выдалъ не одинъ хорошій указъ въ оборонѣ страдающаго люду, но такого рода указы, какъ за-давня, такъ и теперь не мали въ Польшу ни наименьшой силы, ба еще больше роздражали несворныхъ вельможъ противъ короля, которому всякое право выдаванья указовъ безъ шляхотского сенату было заперечено. Съ дуже болью и огорчало короля Владислава, — и такъ онъ, видячи соромъ свѣи и свое безсиліе, совершенно было заунуль, палъ на духу, та предавшись скучному бездѣйствию, предоставилъ всѣ хлопоты своей короны найстаршому достойнику державы, канцлеру князю Оссолинскому. На счастье однакожь, той канцлеръ Оссолинскій былъ мужъ достойный своего званія, прозорливый и замысловатый, и онъ, сочувствуя опечаленному королеви, придумалъ остроумный способъ: какъ бы можъ зъ одной стороны надмѣрное буйство шляхты обезсилити, а зъ другой власть королевску, такъ страшно въ Польшу подтятую, розширити и до нового блеску поднести. Для той цѣли умный канцлеръ радилъ своему владельцу, щобы на всякій случай найти причину до великой войны съ якимъ сусѣдомъ — наилучше съ Туркомъ, и туда бы обернути все вниманіе и всю силу розгульной шляхты ляцкой. Мае бо тая шляхта — такъ твердилъ Оссолинскій — розбивати власный народъ, лучше найде на Турка; съ Туркомъ же не такъ легка справа, какъ съ безоружными подданными: прійдется многимъ панамъ наложить голову, число ихъ въ краю уменьшится, а тогда легче буде простому народу, та свободнѣйше и самому королеви, не згадуячи еще и о корыслахъ, якіи за покореніемъ бисурманъ выйти могутъ для польской державы. А щобы при слабыхъ силахъ одной Польши въ той войнѣ съ Турками забезпечити себе отъ крайного погрому, канцлеръ Оссолинскій совѣтовалъ королеви щиросердно примиритись съ украинскими козаками а до того еще заключити дружескій союзъ противу Крымскихъ Татаръ съ новымъ Царемъ Москвы, Алексѣемъ Михайловичемъ, который власне бажалъ тогожь самого: покоренія бисурманства.

Мысль тая канцлера Оссолинского чрезмѣрно подобалась Владиславу IV, и онъ какъ-стой принялся вводити ю въ сущое дѣло. А поступалъ-же онъ въ той справѣ такъ оглядно и осторожно, що хотя всякій въ Польшу видѣлъ, яко готовится война на Турковъ, однакожь кромъ Оссолинского никто изъ шляхты не зналъ навѣрно укритыхъ побудокъ военного предпринятія. Пдежде всего король Владиславъ въ г. 1646 пересталъ посылати 20.000 червонцевъ Крымскому хану, который Польша яко щорочный гарачъ платити ему обовязалась; за тіи гроши и за вѣно своей молодой жены, королевы Маріи, Владиславъ нанялъ 14.000 мужа нѣмецкого войска, которое навѣтъ и помимо воли

шляхты ляцкой имѣло было на самъ розказъ короля до бою ступати. Въ тожь время выслалъ король русско-православного воеводу Адама Киселя въ Москву для заключенья союза съ Царемъ Алексѣемъ противу Крымцѣвъ, а канцлера Оссолинского, найважнѣйшого дѣятеля въ той справѣ, выправилъ до козакѣвъ на Украину, повѣряя ему тамъ-же наиблыну и найголовнѣйшую задачу: примирити козакѣвъ и втягнути ихъ въ заговоръ противъ розузданной шляхты ляцкой. Воевода Кисель исполнилъ въ Москвѣ свое посольство удачно, а зарѣвно и Оссолинскій удѣлялъ на Украинѣ свое дѣло недурно. Именно сей послѣдній поступилъ собѣ съ козаками такимъ ого способомъ:

Прибывши на Украину подѣ предложомъ, щобы будто розсмотривати козацкіи крѣпости, канцлеръ Оссолинскій увѣрился тутъ наочно, що реестровыи козаки уже по-правдѣ доведены были до крайного розоренія и майже до совершенного упадку. Ихъ было всего-на-всего тѣлько 6000 мужа, а послѣдній ихъ Гетманъ Николай Зацвилюховскій, поставленный передѣ годомъ Ляхами, низверженъ былъ що-ино недавно и отвезенъ до Варшавы тѣми-же Ляхами за се одно, що безъ ихъ вѣдома важился послати дружеское письмо къ новому Царю Московскому. Надѣ реестровыми козаками стоялъ теперъ головнымъ начальникомъ коронный Гетманъ Николай Потоцкій, а Старшинами во всѣхъ полкахъ самыи Ляхи-паны или-же перекинчики-недоляшки. Двохъ-лише было тутъ настоящихъ Украинцѣвъ, которы, хотя не-ляцкогѣ роду, таки достигнули были знакомитшого достоинства въ козацкомъ войску; се были именно: полковникъ и генеральный Асаулъ Иванъ Барабашъ, и генеральный писарь Зиновій-Богданъ Хмельницкій. Однакожь навѣтъ изъ сихъ двохъ достойникѣвъ русско-козацкихъ былъ первый — приверженецъ шляхты, а тѣлько второй — одинъ-однѣсенкій правый Русинъ, сердечный другъ козацкого простолюдія.

Оныхъ-то двохъ Старшинъ, Барабаша и Хмельницкого, та еще кѣлькохъ низшого чина козакѣвъ, имѣющихъ повагу и вліаніе въ народѣ Украины, канцлеръ Оссолинскій запросилъ до себе въ той цѣли, абы съ ними отъ имени короля переговорити. Прежде всего онъ заявилъ имъ щиродушно, що за всѣ страданія и кривды, якіи Украина отъ Польщи поносить, король не имѣе ни найменьшой вины, понеже — якъ то всему свѣту извѣстно — въ Польщѣ всяма дѣлами своевольно управле шляхта, а король зневоленъ тому ей газдѣвству съ болящимъ сердцемъ лише придивлятися. „Король Владиславъ — такъ козакамъ говорилъ Оссолинскій — смотрѣлъ власными очами на страшныи мученія трехъ вашихъ Гетманѣвъ въ Варшавѣ, а не возмогши ніякъ спасти ихъ отъ смерти, онъ препоручилъ высказати вамъ свѣй глубокой

жаль надъ тѣмъ: що вы, будучи воинами и носячи при боку остры козацкіи саблѣ, даєте себе розбивати панамъ-шляхтѣ!.. Лучше бы вамъ ужити меча на тоє, щобы черезъ задуманную войну съ Турками помогчи королеви притупити роги шляхетного панства, — то тогда ожила-бъ ваша слава и воля козацка, та не были-бъ рабами-пѣдожками гордыхъ панѣвъ, которыхъ вѣдай меньше въ вашомъ краю, чѣмъ православныхъ душъ козацкого люду... На доказъ того, що король Владиславъ має для васъ щирую думку, — ото вамъ ѓтъ него королевская грамота, даръ найцѣннѣйшій его милости для славного войска козацкого.“

Изрекши тіи слова, канцлеръ Оссолинскій доручилъ королевскую грамоту полковнику Барабашу, яко найстаршому въкомъ и чиномъ достойнику, и просилъ его сохранять се важное для Украины письмо до той поры, доки справа цѣковито не дозрѣе. — А въ той-то королевской грамотѣ содержались всѣ тіи великіи права, якіи козацкое войско получило еще за часѣвъ короля Стефана Баторія, а якіи потомъ мало-помалу всѣ уничтожены были сойномъ Варшавскимъ и короною. Именно надалъ Владиславъ IV своею грамотою реестровымъ козакамъ: прежнее ихъ военное устройство, особый козацкій судъ, право избранья Гетмана и всѣхъ Старшинъ, до тогожь убѣльшилъ число козацкого войска тѣмчасово до 12.000 мужа, дозволилъ козакамъ свободно плавати по Днѣпру и по Чорному морю, и на тую цѣль препоручилъ построити сейчасъ 600 чаекъ (козацкихъ лодѣй); за всю же милость сію король требовалъ ѓтъ козаковъ лишь того одного, щобы они безъ проволочки здѣлали нападъ на земли турецкого султана. Таке было содержание королевской грамоты, котору канцлеръ Оссолинскій вразѣ съ привезенною ѓтъ короля гетманскою булавою передалъ Ивану Барабашу для хранения въ тайнѣ до того часу, якъ условленный знакъ до начатія дѣла даный буде изъ Варшавы.

Такъ грамоту якъ и гетманскую булаву принялъ полковникъ Барабашъ ѓтъ рукъ канцлера съ великою вдячностію, а Богданъ Хмельницкій и другіи козаки, бывшіи на ономъ тайномъ собраніи у Оссолинского, поклялись честнымъ словомъ: що будутъ весьма силами всперати добрыи замѣры короля, стремящіи до усмиренія розбуявшой ляцкою шляхты. Особенно же Богданъ Хмельницкій, на которого умный канцлеръ возложилъ въ томъ предпріятіи наибѣльшіи надѣи, оказался надѣ всѣхъ прочихъ готовымъ хотѣбы и сейчасъ приступити до спасительного для Руси дѣла, и таки просто радилъ безъ околичной войны на Турка, а едино съ помощію сусѣднихъ Запорожцѣвъ принятись за совершенное истребленье шляхты во всѣхъ предѣлахъ державы. Очевидно, канцлеръ Оссолинскій уже изъ взгляду на свое становище не мѣгъ

згодитись съ грозною радю Хмельницкого, однакожь бнѣ, яко непримиримый ворогъ своевольства шляхты, радовался въ душѣ, що не во вѣкъ прійдется пановати той шляхтѣ, коли находятся въ краю люде такой завзятой мысли, яко былъ Богданъ Хмельницкій.

Позыскавши оттакъ для своего замыслу вліятельныхъ мужей козацкой Украины, канцлеръ Оссолинскій повернулъ до Варшавы съ тѣмъ увѣренемъ, що задуманное нимъ дѣло удачно поведется. — Однакожь якъ и умный былъ бнѣ человекъ, якъ и осторожно провадилъ бнѣ замѣренную справу, а всежь таки въ Польшу и на Украинѣ вскорѣ повстала межи шляхтою тревожная вѣсть, що будто король въ-купъ съ Оссолинскимъ готовится до вѣйны на Турка тѣлько для позору, а въ самомъ дѣлѣ хотять завести самодержавіе въ Польшу, абы уничтожити соймъ и обернути „шляхту въ хлопѣвъ, а хлопѣвъ въ шляхту.“ Заворушились паны въ цѣлой Польшѣ, и король для успокоенья умѣвъ созвалъ до Варшавы державный соймъ на день 25. Новембрія 1646 г. На тѣмъ соймѣ шляхта пѣднѣла такой крикъ и ропотъ противъ короля, що сей небога, до крайности напуганный, велѣлъ не тѣлько распустити сейчасъ всѣ наемны войска, заготовленны до вѣйны на Турка, но еще поклялся за себе и за своихъ наследникѣвъ во вѣкъ не начицати ніякихъ предпріятыи супротивъ чужихъ державъ безъ воли сойма. — Такъ и розбились смѣлы омы замыслы, придуманны Оссолинскимъ для скривленья королевской власти, и король пѣдвергся теперъ еще бѣльше пѣдъ ноги буйной шляхты, чѣмъ коли-будъ прежде.

Тогда — то вся злоба Ляшнѣ обернулась на украинскихъ козакоѣвъ, въ которыхъ ляцкая шляхта видѣла самыхъ небезпечныхъ ворогоѣвъ своихъ, могущихъ при какой-будъ способности вступити въ новыя заговоры противъ еи привилеѣвъ. Зѣ препорученья сойма розставдено теперъ по Украинѣ коронного войска такъ велике множество, що по выраженью народного преданія было тамъ „по два Ляха на одного козака“; а по всѣхъ городахъ и селахъ земли козацкой польскіи жолнѣры безкарно газдуючи, забѣрали скотину, земныя плоды и всякіи пожитки. Паны же дѣдичи, а еще бѣльше ихъ арендаторы-жиды, замѣчая безпокойный духъ въ селянахъ, тиранили ихъ и казнили мучительною смертію. — Настала отже знову чорная година для украинского люду, яко не бывало навѣтъ за усмиренемъ прежнихъ козацкихъ бунтоѣвъ.

Въ то время Асаулъ Барабашъ, увидѣвши, чѣмъ кѣнчилась задуманная недавно справа короля, передался знову на сторону шляхты, а королевскую грамоту скрылъ бнѣ у себе старанно и нікому еи не показовалъ. Помимо того носились въ народѣ глухіи вѣсти такъ о самой грамотѣ якъ и о намѣренномъ выгубленіи ненавистного панства.

козакн, хотя тяжко пригнетены, чуяли мовь-бы духомъ въцимъ, що встане изъ-середь нихъ великій вождъ народный, который силу козацку пдниме на ноги и зруйнуе Польшу. А понеже Асаулъ Барабашъ старался зацткати сіи грозныи толки и препоручалъ козакамъ оставати вѣрно на службѣ Польши, то всѣхъ сердца отвернулися отъ него, а прилягли къ Богдану Хмельницкому, на которого вся Украина смотрѣла съ довѣріемъ и любовію, яко на своего природного начальника.

Былъ же той Богданъ Хмельницкій мужъ великого духа, съ широко-козацкимъ сердцемъ, а на-скрѣзь сотворенъ отъ Бога такъ, абы яко вторый Мойсей вести погибающій народъ до обѣтованной свободы. — Онъ родился на Украинѣ въ мѣстечку Лисянцѣ (въ Кіевской области) зъ батька Михаила, служившого въ козацкой службѣ Сотникомъ. Зъ ранней юности Богданъ учился въ Кіевской школѣ, потомъ продолжалъ науки въ высшомъ училищи езуитовъ въ Галицкомъ Ярославѣ, где отлично выучился языкѣмъ: польского, французского, греческого и латинского. Окончивши учебѣ и достигши высшего образованія, яко рѣдкѣ тогда было межъ козаками, онъ служилъ конюшимъ у пана Потоцкого, где одного разу за острую помовку противъ Ляшнъ мало было не поплатился головою. Панъ Потоцкій вже и велѣлъ укарати его постыдною смертію, но Хмельницкій еще въ самъ часъ убѣждалъ на Съчъ, где — якъ кажутъ наши лѣтописцы — не жалѣлъ своего лба ни на супи, ни на морю, и былъ въ великой чести у Запорожской братіи. По кѣлькохъ лѣтахъ онъ повернулъ зновѣ на Украину (въ Кіевскую область), оженился тутъ съ русскою дѣвицею, Анною Сомковою, и сталъ служить въ реестровыхъ козакахъ. Достигши чину Сотника, онъ занялъ мѣсце межъ войсковыми Старшинами, и яко Сотникъ участвовалъ въ битвѣ пѣдъ Цецорою (въ г. 1620), где лишился своего отца и былъ взятъ въ турецкую неволю, изъ которой по двохъ лѣтахъ выкупили его добрыи товариши. На той неволѣ у Туркѣвъ онъ такъ ловко выучился говорити по турецки и по татарски, що бесѣдовалъ тѣми языками, якъ-бы родовитый бисурманецъ. Потомъ онъ затягался до всѣхъ военныхъ походѣвъ, якіи предпринимались реестровыми козаками за справу Польши, и въ нагороду за изрядныи свои подвиги отличенъ былъ достоинствомъ генерального писаря въ козацкомъ войску. Самъ коронный Гетманъ, панъ Конецпольскій, заклятый ворогъ всего козачества, почиталъ высоко дарованія и заслуги Хмельницкого, хотя и смотрѣлъ на него съ подозрѣніемъ. Но ни милость короля, ни ласки панѣвъ не передѣляли его въ Поляка, якъ то случалось со многими знакомитыми людьми нашей Руси. — Отъ езуитѣвъ, учившихъ его въ юности, онъ получилъ тѣлько одно свойство, именно тую скрытность, съ якою умѣлъ хоронити до часу повзятую думку, поверховно усмѣха-

тись та показовати видъ веселости и прїязни, коли въ душѣ кипѣла грозная мысль и вражда противъ всего, що не прїяло Руси и козацеству. По сему дивному свойству онъ зналъ искусно дѣлати два дѣла въ одно и тожь время, а вразъ-же съ тѣмъ дѣлалъ еще и третье, ни для кого непроницаемое. Не было бунту въ Украинѣ, чтобы Хмельницкій въ немъ не участвовалъ: онъ былъ сподвижникомъ Тараса, Павлюка, Острияницъ, возбуждалъ радю и ободрительными бесѣдами братію - козаковъ противу Польщи; однакожь самъ онъ не ставалъ на чель возстанія, уступалъ другимъ первенство, и коли начальники бунтовъ платили за смѣлость своими головами, на Хмельницкого никто не мѣгъ вины доказати. Ловкость и проворность, съ якою чудный мужъ той умѣлъ закрыти слѣды своего дѣйствованія, войшла въ поговорку народаую, и затѣмъ не безъ-причины воспѣвалось въ пѣсняхъ козацкихъ: „Богъ одинъ хибань вѣдае знае, що Хмельницкій думаетъ-гадаетъ.“ Одинъ же историкъ лядкій, панъ Коховскій, знавшій лично нашего Хмельницкого, такъ о немъ въ короткости далъ описаніе: „Его лице, сіяющее милымъ и прїазнымъ выразомъ, скрывало духъ на-скрѣзь безпокойный, до бунту склонный, и было подобне свѣтло-блестящому леду, пѣдъ которымъ струится вода каламутная.“ — Такій былъ нашъ Богданъ Хмельницкій именно до той поры, доки оставалъ на службѣ лядкою короны, доки затѣмъ уважалъ за потребне въ дѣлахъ преосторожно поступати.

Въ осени 1646 г., коли то послѣ неудачи королевскихъ замысловъ Украина подверглась на-ново ужаснымъ страстямъ, а лядкіи паны и съ ними Барабашъ казнили козаковъ смертію за наименьшій ропотъ: Богданъ Хмельницкій, понявши тогда, що изъ того выйде окончательная погибель руссого народа, постановилъ завести грозное свое дѣло противу Польщи съ бѣольшю смѣлостію, съ истиннымъ козацкимъ завязтіемъ. Абы своему подвигу тѣмъ бѣольше надати поваги передъ свѣтомъ, онъ прежде всего задумалъ добыти изъ рукъ Барабаша королевскую грамоту, переданную ему на храненіе канцлеромъ Осоелинскимъ. А добылъ же Хмельницкій сію грамоту такою штукаю, що запросивши Барабаша до себе на почетный обѣдъ, спойлъ его до-пьяна, потомъ у спящого взялъ ключи ѳтъ его скрынѣ, и погнавши въ его дѣмъ въ Черкасы, уговорилъ паню Барабашиху выдати всѣ тайныя паперы, якіи въ скрынѣ сохранилися. Такъ захвативши королевскую грамоту, Хмельницкій поднесъ голову бодрѣйше и началъ дѣйствовати межъ товаришами на смѣлую руку, не залишая однакъ при тѣмъ супротивъ Ляхѣвъ звыклою своею предосторожности.

Зъ той поры цѣле простомодіе Украины смотрѣло уже на Хмельницкого яко на своего великого вожда, который въ недалекой будучности имѣлъ освободити матеръ святую Русь ѳтъ лядкою неволь. Не дивно

затѣмъ, що Барабашъ и паны Ляхи стали теперъ постоянно думати о томъ, якъ бы Хмельницкого погубити. Мъркючи злую думку панѣвъ, нашъ Хмельницкій цѣлкомъ усторонился отъ ихъ товариства, а жилъ на хуторѣ въ селѣ своемъ Суботовѣ, недалеко Чигирина, где въ судствѣ находился подстароста панъ Чаплинскій, запека-Ляхъ и личный ворогъ Хмельницкого. Той панъ Чаплинскій уже изъ-давна бажалъ прилучити село Суботѣвъ до обширныхъ своихъ маєткѣвъ, и въ той цѣли имался онъ самыхъ лукавыхъ способѣвъ. Еще за коронного Гетмана Конецпольского онъ одного разу выслалъ Хмельницкого противу Татаръ, и коли дѣльный нашъ Богданъ вступилъ въ борьбу съ поганцами, то ѣхавшій по-при немъ чура, подкупленный Чаплинскимъ, нанесъ ему сильный ударъ въ голову, который едино отъ твердой его шапки-мисюрки не здѣлался смертельнымъ. Сего не довольно: послѣ битвы Чаплинскій оклеветалъ Хмельницкого передъ короннымъ Гетманомъ такъ, що Хмельницкій безъ ніякой вины зневоленъ былъ просидѣти кѣлька мѣсяцѣвъ въ арештѣ. Теперъ же въ концѣ г. 1646, коли значеніе Хмельницкого становилось чѣмъ-разъ для Ляхѣвъ грознѣйшимъ, Чаплинскій тайно и безправно выєдналъ у самого Чигиринского старосты для себе дозволенье завладѣти селомъ Суботовомъ, яко-бы своею власностію.

Якъ и отбивался Хмельницкій отъ напастей пана Чаплинского, а таки прійшло ему въ-конецъ пострадати свою батькѣвшину, прекрасное село Суботѣвъ, вразъ и съ хуторомъ и цѣлымъ родиннымъ маєткомъ. Случилось бо весною 1647 г. таке, що Хмельницкій, яко войсковый пасаръ козацкій, приневолень былъ выѣхати до Черкасъ по дѣламъ своей службы. На хуторѣ въ Суботовѣ осталась лишь молода газдыня, невѣста Хмельницкого (бачишь, по смерти первой жены Хмельницкій задумалъ женитись съ ось-тою своею газдынею, козачкою), а также молодшій сынъ его, 10-лѣтній мальчикъ. Лишь-що выѣхалъ Хмельницкій изъ своего хутора, якъ-разъ напалъ панъ Чаплинскій съ шайкою дяцкихъ чурѣвъ на Суботѣвъ, подпалилъ село, зруйновалъ будынки своего недруга, перебилъ его малолѣтного сына такъ страшно, що той-же на другій день умеръ, та еще-жь на тѣмъ-большую пакѣсть Хмельницкому похитилъ его невѣсту, и на третій день вельзь своему ксендзу обвинчати себе съ нею по римско-латинскому обряду.

Насиліе то, здѣланное ляцкимъ шляхтичемъ на маєтку и родинѣ Богдана Хмельницкого, не было вовсе дивною новостію на Украинѣ, где подобны безчинства по селахъ и городахъ производились Ляхами таки майже щоденно. Однакъ въ онѣмъ случаю была для Ляхѣвъ власне бѣда ось-тая, що насиліе учинилось Богдану Хмельницкому, челоуѣкови, который именно тогда въ козацкомъ народѣ доберался до найвысшого значенія, и который цѣле пекло местныхъ

чувствъ за кривды Руси носилъ въ своемъ сердцѣ. Тожь якъ лише Хмельницкій увѣдалъ о событіи въ Суботовѣ, сейчасъ погналъ съ жалобою на Чаплинского до пана старосты въ Чигиринь; а коли панъ староста въ Чигиринь, умывая ѓтъ всего руки, ѓтослалъ его въ Кіевъ до высшего судилища, то Хмельницкій поѣхалъ и до Кіева; а коли и тутъ яцкіи судіи не нашли вины на Чаплинского, то Хмельницкій вызвалъ своего врага на поединокъ. Чаплинскій явился на поединокъ, однакъ не самъ, якъ то было условлено, а съ трема узброеными пахолками, и то въ такой мысли, щобы въ-четырохъ напасти на одного. На счастье, Хмельницкій, предвидячи коварство врага, надѣлъ подъ платье желзный панцирь, затѣмъ выдержалъ безвредно борьбу съ четырьма, и еще такъ хоробро ударилъ на нихъ, що розѓгналъ ихъ на четыре вѣтры въ степь. При тѣмъ-же громогласно ѓтъ кричалъ за ними: „Маю саблю въ руцѣ, — а доки въ мене сабля, еще не умерла козацкая мати!“

Посоромленный Чаплинскій послѣ поединка поскакалъ къ Чигиринскому старостѣ, передалъ ему слова Хмельницкого, и старался указать въ нихъ бунтовничю думу. Хмельницкого схватили и посадили подъ стражу. Въ довершеніе поруганій, еще и старшого его сына Тимоша высѣкли палками посередъ мѣста Чигирина. — Но недолго Хмельницкій сидѣлъ у Ляхѓвъ въ темницѣ: бывшая невѣста его, тогда уже паня Чаплинска, жѣночю хитростію спасла его ѓтъ заключенья и предстоящей смерти. Тогда Хмельницкій, еще тѣмъ-бѓльше розъяренный, поѣхалъ ажъ въ Варшаву, глядати для себе и для бѣдной Украины еще и въ найвысшомъ судилищѣ державы — если не строгой справедливости, такъ хоть милосердія.

Въ мѣсяци Маѣ 1647 г. Богданъ Хмельницкій прибылъ до Варшавы; за нимъ прискакалъ туда также панъ Чаплинскій. Оба они предложили свое дѣло сенатови, который во всѣхъ справахъ, такъ законодательныхъ якъ и судебныхъ, уважался въ державѣ найвысшою властію. Паны сенаторы, самы яцкіи вельможи, на которыхъ чель стѣялъ завзятый ворогъ православія, Куявскій бискупъ Гиввошъ, розсмотрѣвши тяжбу Хмельницкого съ Чаплинскимъ, змѣрковали сейчасъ, що тутъ ведеться не то особистый споръ за власность, а паче межинародная борьба козацкою Руси со шляхетною Польщею, та очевидно, яко Ляхи, приняли сторону Чаплинского. А Хмельницкому отповѣли коротко такє: що село Суботовъ належить до староства Чигиринского, и хотя прежній староста подарилъ оноє на власнѓсть еще отцу Хмельницкого, но тепершній староста панъ Конецпольскій вельмъ тоєжъ пану Чаплинскому назадъ до староства ѓтобрати. Що до 10-лѣтнего сына Хмельницкого, отвѣтили паны сенаторы: що Чаплинскій убилъ его не зъ умыслу, а припадкомъ, затѣмъ и безвинно; а що до невѣсты Хмель-

ницкого, то она теперь уже слобная жена Чаплинского, и Хмельницкій вмѣсто ней одной може найти собѣ хотьбы цѣлу сотню красавиць, якіи — слава Богу — на Украинѣ пребогато выводятся.

Одержавши такую ругательную ѳповѣдь, Хмельницкій отправился съ жалобою еще и до самого короля, съ которымъ давно уже былъ лично знакомый. Случилось же таке, що власне пѳдъ той часъ король Владиславъ страшно огорченъ былъ на вельможь-сенаторѳвъ за то, що они не тѳлько отвергнули просьбу козакоѳвъ о увольненіе Украины ѳтъ постоа ляцкихъ войскъ и умножили податки на Руси въ корысть тѣхъ-же войскъ, но еще бискупъ Куявскій Гнѣвоніъ ѳтъ имени сената рѣзко укорялъ короля за его „переговоры съ козаками и за ненависть ко шляхтѣ.“ Дерзкая бесѣда Гнѣвоша такъ доткливо поразила короля, що той со слезами всталъ и выйшолъ изъ собранія сенату. — Якъ на тое въ онуюжъ пору явился къ нему Хмельницкій. Выслухавши жалобу Хмельницкого о его личныхъ бѣдствіяхъ и еще бѳльшихъ надъ тѣи всенародныхъ кривдахъ Украины, король Владиславъ сказалъ ему пріязно и съ сочувствіемъ: „Я увѣренъ, що твое дѣло праведно, и що Чаплинскій здѣлалъ тобѣ великое насиліе. Но такъ якъ ты не выиграешь sprawy судовымъ порядкомъ, то не остае тобѣ ничего иного, якъ силъ противъ-поставити силу. Если Чаплинскій мѳгъ найти собѣ другѳвъ и товаришей, то и тобѣ найти бы ихъ не трудно. Знаю я и о утѣсненіяхъ козакоѳвъ, но помогчи вамъ не въ силахъ. Пора бы, здається, всѣмъ вамъ згадати на то, що вы есьте воины, що у васъ суть саблѣ: кто вамъ запрещае постоати за себе? Я же изъ своей стороны всегда буду вашимъ благодѣтелемъ.“

Кромѣ сихъ ободрительныхъ словъ король Владиславъ далъ Хмельницкому еще и власноручне свое письмо до тѣхъ добрыхъ козакоѳвъ, его товаришей, которы минувшего лѣта были на переговорахъ съ канцлеромъ Оссолинскимъ. Въ томъ-же письмѣ король заявилъ торжественно, що пересланную козакамъ черезъ своего канцлера грамоту о свободахъ Украины ѳнѣ не касуе и не перемѣняе, „а претожъ — такъ дословно писалъ въ заключеніи король Владиславъ — еслибы Поляки на Украинѣ господствующіи своимъ ходячи упоромъ, не слухали нашего королевского заказа и не повстягнулися ѳтъ чиненія русскому народу и вамъ козакамъ кривдѣ и прикростей: то яко военныи есьте люде, такъ маючи саблю при боку своемъ а въ рукахъ самопалъ, можете своихъ давныхъ вольностей тѣмъ оружіемъ у Полякоѳвъ доходити.“

Попрацавшись съ королемъ и скрывши его письмо старанно при собѣ за нѣдромъ, Хмельницкій уѣхалъ изъ Варшавы, на-скрѳвъ переполненный мятежною мыслію противу Польщи. Прѳвжая на-

задъ въ Украину, бнъ по дорозъ пыльно всмотрялся въ состоеніе крѣпостей, розглядалъ мѣстоположенъе городѣвъ, и слѣдилъ уважно за всѣмъ, що ему въ цѣляхъ военныхъ на будущность здавалося потребнымъ. Повольно вѣхалъ онъ черезъ русскіи земли, останавливался майже въ каждомъ селѣ, заводилъ розговоры съ народомъ, а находячи всюду справедливую вражду и сильно тѣлющій запаль противу Польщи, ободрялъ всѣхъ надѣєю скорои мести. Особливо открывалъ бнъ свои замыслы русскимъ Духовнымъ, знаючи, якъ легко имъ пѣдготовити нарѣдъ и якъ нарѣдъ хотѣбы въ огонь пѣйде за ними. „Знайте Отцы духовны!“ говорилъ до нихъ Хмельницкій: „я рѣшился мстити панамъ Ляхамъ вѣйною, та не за свою лише кривду, но за поруганіе вѣры русской и за притѣсненіе всего русского народа! Я безсиленъ, но вы, Братья, менѣ помогъте! Собретъся та пришлѣтъ менѣ по два-три хлопа зъ каждого села, а Польщи у насъ по вѣки вѣчны и слѣду не буде.“ — Ему же отвѣчали съ восторгомъ: „Всякою години молимъ мы Бога, щобы Онъ послалъ намъ вожда для отмщенія нашихъ несчастій. Принимай-же начальство, Богдане, а мы всѣ станемъ за тобою: пѣдниметъ русская земля, якъ николи еще не пѣднималась!“

Такимъ способомъ заготовивши собѣ добрыхъ другѣвъ въ русскихъ городахъ и селахъ ѳгъ границъ Польщи ажъ до побережій Днѣпра, Хмельницкій прибылъ въ рѣднюю Украину съ тѣмъ увѣренъемъ, що задуманное нимъ дѣло противу Польщи нелихо поведетъся. А щобы для великой справы, яка черезъ него на Руси подвигалась, позыскати еще и вышійе освященіе, то онъ удался и до самого Первосвятителя нанѣй Церкви, до Кіевского Митрополита Петра Могилы, который сейже-часъ все здѣлалъ такъ, якъ то Архипастырю русского народа здѣлати подобало. Ото бо славный той Митрополитъ Петро Могила не тѣлько благословилъ Хмельницкого власною архіерейскою рукою на великій его подвигъ, але еще далъ ему пастырское свое письмо, въ которомъ прямо заявилъ такъ: „що всякого постыгне клятва Бога, кто изъ православныхъ Русинѣвъ не схоче участвovati въ святомъ дѣлѣ спасенія Отчины ѳгъ ярма ляцкого.“

Одержавши такое высшее закрѣпленіе для своего предпринятія, Богданъ Хмельницкій объявилъ тое все найблизшимъ своимъ другамъ, и приказалъ тѣмъ-же, щобы они привели лучшихъ а надежныхъ козакѣвъ въ условленное мѣстце на чорную раду. А звалась же „чорною радѣю“ у козакѣвъ така рада, котора отбывалась въ тайномъ мѣстци и до того безъ Гетмана и безъ Старшинъ, а тѣлько при участіи простого козацтва, т. е. именно такъ званной чернявы. Чорная рада, созванная Хмельницкимъ, происходила ночью середъ низовья въ одной густой дубровѣ, У горвющой ватры передъ толпою самыхъ доборныхъ козакѣвъ

стоялъ Хмельницкій, держачи въ рукахъ грамоту короля Владислава и архіерейское письмо Петра Могилы; подлѣ него находились вѣрные товарищи, бывшіи на переговорахъ съ Оссолицскимъ. Заводячи бесѣду о своей повѣздѣ въ Варшаву, Хмельницкій такъ межъ прочими говорилъ козакамъ: „Братья! нема правды въ Польшѣ. Въмѣсто того, щобъ по справедливости розсмотрѣти дѣло, мене на соймъ осмѣли, а вашу просьбу о увольненіи Украины отъ постоя лѣцкихъ войскъ отвергнули съ поруганіемъ. Прійдется намъ еще бѣльшее поносити притѣсненіе, бо въ Варшавѣ всѣ Ляхи, съ изытіемъ одного безсильного короля, забераются уничтожити наше козацтво до послѣднаго накорѣнка. Уже постановлено сенатомъ, щобы податки зъ земель русскихъ убѣльшити, а данину за крещеніе православныхъ дѣтей, выдуманную на погибель нашего рода, подвоити. Настане время для насъ еще гѣрше, нѣжъ яке бывало тогда, коли нашихъ Гетманѣвъ и Старшинъ козацкихъ живцемъ палили, вбивали на палѣ, мучили всякими муками, не давая имъ ни протитися со свѣтомъ Божиимъ по христіянски. То чижъ мѣемъ далѣй еще терпѣти рабство наше и оковы, Ляхами на насъ чѣмъ-разъ тяжше налагаемы? Чижъ дамо мы, козаки-рыцари русского роду, до конца погубати братьямъ нашимъ, православнымъ людямъ русскимъ во всѣхъ сторонахъ Украины, Воляня, Подѣбля и Галича? Вѣдай самъ я, проѣзжая черезъ тѣи земли нашою святою Руси, всюду наочно видѣлъ страшныи утѣсненія и тиранства отъ Ляхѣвъ; несчастный народъ воіе о помочи; всѣ готовы взяти за оружіе, всѣ заприсягли возстати съ нами противу ненавистной Польщи.“

По тѣхъ словахъ Хмельницкого поднялся великій ропотъ въ собранію: одни начали розказовати о бѣдствіяхъ всего народа, другіи о своихъ власныхъ; инныи згадовали о невыносимыхъ притѣсненіяхъ святой русской вѣры, о утратѣ всѣхъ козацкихъ вольностей и загаломѣ о томъ всѣмъ, що отъ Ляхѣвъ терпѣла тогда такъ Украина якъ и другіи земли русскіи. — „Не въ-моготу намъ терпѣти долше! Пора взятися за саблѣ; пора скинути изъ себе ярмо лѣцкое!“ Такъ воскликнули старыи козаки, жившіи по границѣ русской земли, поближе къ степамъ, подальше отъ панѣвъ Ляхѣвъ, и затѣмъ смѣльщійши. — Однакожь тѣи, которы служили въ реестровой службѣ, и которы оттакъ безпрестанно поносячи оскорбленія отъ старостъ и своихъ начальникѣвъ-шляхтичѣй, правыкли боятись кнута лѣцкого, тѣи не такъ горячо приступали до отчаяннаго предпріятія. „Взятися за оружіе!“ говорили они: „а где же оно? Наши пушки забрала Ляшня; съ одними стрѣльбами ничего не докажемъ польскому войоку, которе возитя съ великими пушками. Ляхи въ-передъ были добрыи вояки, а теперъ еще бѣльше заправились въ военныхъ штукахъ, Шляхта лѣцка теперъ не

дерется межъ собою, и на нашу сторону не можъ никого затагнути.“

„Правда ваша!“ сказалъ на то Хмельницкій: „однакожь коли треба разъ начати дѣло, такъ не даромъ-же собрались мы на раду.“ — „То и порады-же намъ первый ты, Батьку Хмельницкій Богдате, якъ удѣяти дѣлю, щобъ оно у насъ повелѣся!“ воскликнули въ одинъ голосъ собрании козаки. — Затѣмъ Хмельницкій отчиталъ передъ събраннымъ грамоту и письмо короля Владислава, привезенное нимъ изъ Варшавы, вотьомъ-же и клятву Митрополита, zagrożенную всякому, кто бы не хотѣлъ участвовати въ дѣлѣ спасенія Руси отъ ляхкой неволи. А послѣ того Хмельницкій говорилъ знову: „За оружіе взятись треба, о тѣмъ нема що и спорити. Ходить лишь о то: придумати способы, якъ преодолѣти ворага. Ясная рѣчь, що противъ Ляховъ мы самы собою ничего не здѣлаемъ, особливо теперъ, коли во всехъ замкахъ со многими пушками сидятъ польскіи комисары и зорко глядять за каждымъ нашимъ поступкомъ, а до того еще и ляхское жолнѣрство зимуе въ нашомъ краю. Скоро лишь замѣтятъ наше задвиганье, сейчасъ и подаютъ насъ; для тогожь-то и не можно намъ обойтиса безъ чужои помощи. Я думаю, ни у кого намъ не просити помощи, кромѣ Москвы и Татаръ; всѣ другіи сусѣды слабы или скорше вступятся за Подляковъ, чѣмъ за насъ. Сказалъ бы я, просити Москалей: они православны и русскіи такъ, яко мы, та уже для того могли бы за насъ вступитиса; но они-же самы недавно стратили до Польщи Смоленскъ и другіи города, еще-жь и въ силу не прийняли; такъ и гдѣ буде ихъ упросити. Затѣмъ моя думка отъ-така: наилучше на Ляховъ запросити бы Татаръ! Правда, Ляхи — вѣра христіянска, однакожь сердца у нихъ противъ насъ гѣрши отъ поганскихъ. Достойны они за кривды наши самой найлютейшой кары отъ рукъ бисурманскихъ. — Се тава, братья и товариши, моя грозная противу Польщи рада!“

„Ты, Батьку Хмельницкій, — сказали козаки: покажи намъ дине способъ, якъ поладити съ Татарями, а коли узнаемъ, що се може статиса, тогда и напустимъ бисурманское племя на Польшу.“ — „Коли вамъ о тое ходить, отповѣлъ Хмельницкій: то воть вамъ въ сей королевской грамотѣ есть и способъ добрый подняти Татаръ на Польшу. Звѣстне дѣло, що Польша уже вторе лѣто не посылае умовленный ггарачъ Крымскому хану, а тутъ еще и король жадае намъ привилею строити чайки и плавати по Чорному морю подъ тѣмъ условіемъ, щобы мы шли войною на турецкого султана. Отъ се вамъ и достаточная причина такъ для хана якъ и для султана до войны противу Польщи. Тожъ я думаю, братья и товариши, деки сія грамота королевска у насъ въ рукахъ, такъ выбрати послѣвъ къ Татарамъ и объявити, що

замышляе король, та и поради́ти имъ: най намъ помагають, если хотятъ спокою, а якъ не схотятъ, такъ мы имъ войну объявимъ.“

„Добре кажешь, Батьку!“ закричали всь козаки въ одинъ голосъ: „Коли самъ Богъ подае намъ случай ѓгомстити наши кривды и поруганія надъ вѣрою нашою, такъ ничего намъ долше и ждати. Поляки уважають насъ гѣршыми ѓтъ собакъ, такъ най-же и ѓтъ насъ узнають такую самую честь! Батько Хмельницкій радить намъ, що здѣлати най-лучше а вразъ и наилегче. Поможи ему, Господи Боже! Давно мы почитали тебе нашимъ первымъ Старшиною, а ѓтъ теперъ всь мы признаемъ тебе нашимъ Гетманомъ и хочемъ служити тобѣ радою, покорностію и кровію. Просимъ тебе, чтобы ты самъ уговорился съ Татарами особисто, не черезъ послѣвъ: способнѣйшого надъ тебе мы никого не знаемъ.“

Хмельницкій поблагодарилъ за довѣріе, однакъ не принялъ гетманства, а оставилъ то до будущаго времени, коли ѓнъ покаже на дѣль, що начальствовати козакамъ достоинъ. „Соединѣмся, братья!“ сказалъ ѓнъ товарищамъ на росходъ: „возстанѣмъ за церковь и вѣру православную, истребѣмъ унію и всь ляцкіи напасти, возстановѣмъ золотую свободу и будѣмо якъ одна родина — одинъ за всѣхъ, всь за одного! Призывайте козакѣвъ и всѣхъ землякѣвъ нашихъ; я буду вашимъ начальникомъ, коли уже сего такъ желаете. Знаю и уповаю, що где лише на Руси якій козакъ, каждый до насъ пристане. А тогда уже Господь Богъ поможетъ намъ!“ — „Господь Богъ поможетъ намъ!“ воскликнули одушевленные козаки, и уже надъ самымъ досвѣткомъ розѣйшлися изъ черной рады каждый въ свою сторону.

Но тѣлько-що Хмельницкій въ первый разъ переговорилъ о своемъ замыслѣ съ козаками, уже одна околичность мало-было не разрушила всего предпріятія. Найшолся бо въ числѣ козакѣвъ, бывшихъ на черной радѣ, одинъ Юда-предатель, именемъ Романъ Пешта (бачишь, мадарского роду), который цѣле ночное событіе въ дубровѣ открылъ панамъ Ляхамъ, за що и дѣсталъ ѓтъ нихъ мошонку залота. Тогда коронный Гетманъ Потоцкій далъ приказъ Переяславскому полковнику, пану Кречовскому, чтобы той чѣмъ-скорше зымалъ Хмельницкого и посадилъ бы его пѣдъ стражу. Кречовскій выполнилъ приказъ пана Потоцкого еще въ пору: ѓнъ схватилъ Хмельницкого на ярмарку въ селѣ Бужинѣ, коли той продавалъ послѣднаго коня своего наилучшой породы, абы задобыти грѣшъ на дорогу до Крыму. На счастье однакъ полковникъ Кречовскій, хотя ближайшій другъ и родня съ панами, а сердце имѣлъ таки русске и для козацтва не враждебное. Знаючи, що Хмельницкого въ тюрьмѣ ожидаетъ, ѓнъ постановилъ освободити его такимъ способомъ, чтобы и самъ въ бѣду не попался. Напив-

шись отже съ панами до пьяна, онъ оставилъ Хмельницкого подъ стражею самыхъ простыхъ козаковъ, а тии ужежъ и не думались здѣлать то, що козакамъ здѣлать належало: росковали Батька Хмельницкого зъ желѣзныхъ оковъ, та вразъ-же съ нимъ и самы убъжали въ степь безслѣдно. — Коли на другій день прійшомъ наказъ отъ коронного Гетмана, щобы казнити Хмельницкого смертію, уже и не было кого казнити.

Межи тѣмъ Богданъ Хмельницкій, спасенный Провидѣньемъ Божиимъ уже въ третій разъ отъ очевидной смерти, взявши съ собою сына своего Тимоша и 30 найвѣрнѣйшихъ товаришей, убъжалъ въ Запорожскую Сѣчь, куда и прибылъ дня 11. Студня 1647 г. — А въ Сѣчи тогда было всего лишь 300 мужа Запорожцѣвъ, которы составляли на островахъ Днѣпра звычайну козацкую стражу; прочіи были розсыяны въ различныхъ сторонахъ: одни въ своихъ степовыхъ хуторахъ, другіи въ походахъ на Дону, на Волзъ и на Черномъ моръ, глядючи тамъ добычи и козацкой славы. Запорожць ти — самы сѣромахи, бѣжавшіи изъ-подъ лядского яриа за Днѣпровыи пороги, лише и ждали случая, щобы обновити завѣтную борьбу съ Ляхами. Тожъ коли явился у нихъ Хмельницкій и роскрылъ имъ въ огнистой бесѣдѣ бѣдствія Украины и свои грозныи противъ Ляховъ замыслы, сейчасъ они роспустили громкій кликъ по всѣмъ степамъ, созывая братьей „для важнаго дѣла.“ Якъ-стѣй собралоса въ Сѣчи 3000 евѣжихъ силъ, и Кошевий Атаманъ Запорожья, объявивши всѣмъ радостную вѣсть о предстоящей вѣйнѣ съ Польщею, велѣлъ поединокимъ сотнямъ розъѣзжати скрѣзь по берегамъ Днѣпра для ловленья лядскихъ шпигунѣвъ и стражей.

Вѣсть о счастливомъ бѣгствѣ Хмельницкого на Сѣчь и о начатомъ взоруженьюся славного Запорожья вскорѣ рознеслася по всѣхъ окрестностяхъ Украины. Изъ лѣсовъ и береговыхъ ушелій прибгали въ Сѣчь бѣглии хлопцы, которы подъ названіемъ лугарей, степовиковъ и гайдамакъ жили по берегамъ Днѣпра, Буга, Самары, Конки въ черныхъ землянкахъ, одѣты въ звѣринныи кожи, кормящиса найскуднѣйшою стравою, но за то вольныи, якъ втеръ въ степь буйномъ. Также изъ другихъ сторонъ Руси, стогнающихъ подъ владычествомъ лядской шляхты, яко изъ Воляны, Подѣлья и навѣтъ зъ Галича, пробирались тайкомъ русскіи селяне ко Днѣпру, устремлясь туда къ Запорожской Сѣчи. мовьбы то-тѣ побожныи християнскіи путники къ священнымъ стѣнамъ Брусалима.

Страхъ великій пѣйшомъ на Ляхѣвъ; однакожъ они не рѣшались начинати зимою военныхъ дѣйствій противъ Сѣчи, а то наибольше зъ той причины, що зима тогда была дуже непостоянна и дороги всюда до крайности испортились. Все, що коронный Гетманъ Цо-

тощкій могъ учинити тогда для своей предосторожности, было то, що выдать къ русскому народу строгій указъ такого содержанія: „Оповѣщаемъ всѣмъ и приказуемъ, чтобы тѣ, которы убѣжали съ Хмельницкимъ, а зарвнио и тѣ, которы ушли до него петомъ, вернули назадъ въ свояси, за що могутъ надѣяться прощенія своей вины; а если кто осмѣлится бѣжати въ Запорожье, той за свѣй проступокъ отвѣчае маеткомъ и житьемъ жены и дѣтей.“ А хотя паны-дѣдичи и жиды-арендаторы въ самомъ дѣль начали исполняти таке жестокое постановленье Потоцкаго, но все то уже не помогло имъ ничего: простой народъ отъ всѣхъ сторонъ Руси цѣлыми толпами пробирался за Днѣпръ въ степи, и такъ полки Запорожскаго войска убѣльнялись щоденно евѣжими сотнями. Суровыи мѣры Ляховъ ровдражали вже и безъ того разъяренный народъ до такой крайности, що все только и выжидали Хмельницкаго, чтобы безпощадно начать дѣло истребленія всего панства. Надаремно паны запрещали простолудю ходити толпами по улицяхъ и собиратися въ хатахъ навѣтъ для справъ родинныхъ; надаремно забѣрали у мужиковъ и увозили изъ всѣхъ замковъ стрельбы и всякое яке-ни-было оружіе: сподвижники Хмельницкаго, переодѣтыи то за жebraковъ, то за бродящихъ торговцевъ, хѣдили изъ села въ село и уговоряли жителей то отверати Запорожцямъ ворота крѣпости, то насыпати пѣску въ ящкѣи пушки. Паны увидѣли теперъ, що не смотря ни на якѣи зъ ихъ стороны мѣры, не было села на Украинѣ, гдѣ бы не тайлся огонь возстанія, готовый выбухнуть пламенемъ при первомъ явленіи подковъ Хмельницкаго.

А Хмельницкій межи тѣмъ, препоручивши Запорожскому Кошевому Атаману заготовляти дальше военное дѣло въ Сѣчи, отправился съ сыномъ Тимошемъ и колькама старшими козаками до татарскаго хана въ Крымъ. Въ мѣсяци Мартѣ 1648 г. прибылъ бивъ въ Бахчисарай, столицю Крымскаго ханства, и яко полновластный высланикъ отъ Запорожья допущенъ былъ сейчасъ въ палату хана. — А былъ тогда ханомъ въ Крымѣ Исламъ-Гирей, человекъ осторожный и недовѣрчивый, но заклятый ворогъ Польщи. Онъ негодовалъ теперъ на Ляховъ тѣмъ бѣльше, що они перестали платити ему рочный гарачъ въ 20.000 червонцевъ, и уже ждалъ только приказу отъ султана зъ Цареграду, чтобы съ ними войну распочати. Въ саму отже пору явился къ нему Хмельницкій съ просьбою о помѣчь противу Польщи. И справдѣ, Исламъ-Гирей уволил сей просьбу тѣмъ охотнѣйше, пенезе Запорожцѣ, хотя и якъ были враждебны татарскому племени, но за двохъ послѣднихъ своихъ Гетмановъ, Полтора-Кожуха и Гулака, таки помагали Татарамъ въ борьбу ихъ съ азійскими врагами хана. Затѣмъ переговоры Хмельницкаго съ Исламъ-Гиреемъ тягнулись не долго и заклю-

чились тѣмъ: що Хмельницкій оставилъ заложниковъ въ Крымъ своего сына Тимоша на знакъ, що не замышляе противу Татаръ ніякой зрады, а Исламъ-Гирей за то выдалъ приказъ Перекопскому кагану (т. е. второму, будто меньшому, подрядному хану), чтобы той безъ проволони иномъ помагати Запорожцямъ на войнѣ ихъ съ Польщею. До тогожъ Исламъ-Гирей далъ еще приреченье Хмельницкому, що и самъ онъ лично прійде помагати козакамъ, якъ скоро на се дѣстама указъ отъ верховного владѣтеля своего, отъ турецкого султана.

Такъ зладивши дѣло съ Крымскимъ ханомъ и одержавши къ тому отъ него въ знакъ заключенной дружбы цѣнными подарки, Хмельницкій выхалъ изъ Бахчисарая, и въ первыхъ дняхъ Цвѣтня прибылъ въ Перекопъ. А въ Перекопѣ каганъ татарскій, именовъ Тугай-Бей, ажъ пѣдскочилъ въ дикой радости, коли Хмельницкій доручилъ ему приказъ ханскій къ военному походу на Польшу. Былъ бо той кападъ Тугай-Бей человекъ на-скрѣзь воинственный, который звыкло зимою на Перекопѣ заправлялъ своихъ Татаръ до военныхъ хитростей, а зъ весны до пѣзной осени жилъ грабежами и разбоями, та вже изъ-дѣвна страшный былъ король польской. Власне-же тогда, коли Хмельницкій надѣлхалъ съ письмомъ хана, Тугай-Бей съ 4000 мужа Татаръ кочевалъ въ степу, готовячись леда-день на свою руку здылати нападъ въ области польскіи. Тожъ якъ-стой двинулся онъ теперь изъ своего кочевисна, и въ-купъ съ Хмельницкимъ на чель бисурманской орды гнался ко Днѣпру, чтобы помогчи кованамъ руйновати катовницю русского міра, шляхетную Польшу.

Неслась отже отъ степѣвъ у Чорного моря ужасная греза на корону польску, зановѣдающая погибель той державы, котѣра тагъ страшно грѣшила противъ закона правды и чедовѣчества. Наклиналъ же оную грозу великій мужъ русской Украины, Богданъ Хмельницкій, который дѣйствующи цѣлкомъ въ духу и по мысли своего народа, для руйнованья Польщи ужилъ навѣтъ и татарскихъ силъ съ тою просто цѣлю, абы записано было въ исторіи: що Русь православна, коли вже доведена была на край надежія, скорше едналась съ поганцами Татарами, чѣмъ бы перемести мала свое перетвореньесе въ Польшу. А такъ оно и сталося, що отчаянный подвигъ сей Хмельницкого не толькѣ избавилъ Русь нашу отъ крайного ополѣненья, но еще задалъ и смертельный ударъ могущой тогда державѣ лнжой.

ПЕРВЫИ ПОБѢДЫ ГЕТМАНА ХМЕЛЬНИЦКОГО у ЖОЛТЫХЪ-ВОДЪ и ПОДЪ КОРСУНЕМЪ.

Дня 18. Цвѣтня 1648 г. Богданъ Хмельницкій повернулъ изъ Крыма на Сѣчь, а Тугай-Бей съ своею ордою пріосталъ у протѣковъ

Днѣпра близъ Сѣчи, съ тою цѣлю, абы ожидати тамъ условленнаго знака къ дальшому походу на Польшу. — Оживилась Запорожская Сѣчь за прибытіемъ Хмельницкого: пушкаръ ударили три разы изъ пушокъ, а добоши загремѣли въ котлы, созывая Запорожцѣвъ на великую раду. На майданъ у Сѣчевой крѣпости собралось около 15.000 козацкаго народа, абы яко члены-товарищи учасовати въ Запорожской радѣ. Середъ нихъ на возвышенномъ мѣстци стануль Кошевый Атаманъ вразъ съ Богданомъ Хмельницкимъ, изложилъ народу всѣ кривды, терпимыи Украинцами отъ Полякѣвъ, и объявилъ, що Хмельницкій ѣдилъ въ Крымъ, що ханъ обѣтовалъ помагати козанамъ, и що орда Тугай-Бей стоитъ на-готовѣ близъ Сѣчи. — „Слава и честь Хмельницкому!“ воскликнуло собраніе: „Мы яко стадо безъ пастуха; най Хмельницкій буде нашимъ головою, а мы всѣ, скѣлько насъ тутъ есть, всѣ готовы иди на Ляхѣвъ и помагати Хмельницкому до послѣднаго издыханія!“

Тогда Кошевый Атаманъ велѣлъ принести гетманскіи знамена: хоругвь съ серебрянымъ Архангеломъ Михаиломъ въ синѣмъ поли, бунчукъ съ золоченою головкою, позолоченную булаву съ дорогими каменями и серебрянну войсковую печать. Старшины войска Запорожскаго въ присутствіи всего козацкаго товариства вручили Хмельницкому ти знамена, и оголосили его Гетманомъ всея Украины по обохъ сторонахъ Днѣпра. Хмельницкій принялъ знаки начальства, и такимъ образомъ сталъ законно выбраннымъ Гетманомъ козацкаго войска цѣлой Украины. — Послѣ рады Старшины Запорожя поѣшли въ церковь; тамъ полковыи священники соборно отправили Службу Богу и благодарственный молебень, по чемъ данный былъ у Кошевого Атамана почестный обѣдъ во славу новаго Гетмана.

Вечеромъ тогожь дня добоши зновъ ударили въ котлы на раду. „Паны-молодцы!“ говорилъ собранію Кошевый: „урадили мы съ Гетманомъ Хмельницкимъ, що всѣмъ вамъ на войну иди не для-чого; вѣдай будутъ у насъ Татары, а реестровыи козежи зъ украинскихъ городѣвъ также до насъ вристануть. Такъ и постановили мы, щобы ишло съ Хмельницкимъ только 8000 мужа, а прочіи най оस्ताютъ въ-запасъ на часъ будущій, всегда готовы до походу.“ Козаки признали тако постановленье справедливымъ, а Хмельницкій началъ сейчасъ устроить своихъ 8000 мужа Запорожцѣвъ. — На другій день Татары, стоявшіи у протокѣвъ Днѣпра, привели до Хмельницкаго 9 пойманныхъ людей, которы всѣмъ показались подозрѣнными. Люде ти сказали на допросъ, що коронный Гетманъ Потоцкій послалъ дорогою къ Сѣчи противъ Хмельницкаго два отряды свого войска: одинъ водою, другій сухонутьемъ. На тую вѣсть Хмельницкій двинулся въ походъ, повелъ за собою и пльнникѣвъ, приковаанныхъ до пушокъ, понеже уважалъ ихъ ляцкими шпигунами.

А оно-жь и по-правдѣ такѣ было, якъ говорили пойманныи Татарами люде. Коронный бо Гетманъ панъ Николай Потоцкій еще въ началѣ Цвѣтня тогожь 1648 года созвалъ панѡвъ-шляхту до Черкасѣ на военную раду, и тутъ-то старшии Ляхи постановили такѣ: абы головную силу ляцкогѡ войска, состоящую зъ 30.000 мужа, собрати въ Корсуню, а противъ Хмельницкого на Сѣчь выслати два отряды — каждый по 6000 мужа: одинъ на лодяхъ Днѣпромъ, другій сухимъ путемъ вдоль береговъ Днѣпра. Первый изъ сихъ отрядѡвъ складался зъ самыхъ реестровыхъ козаковъ, и начальство надъ нимъ поручили Ляхи полковнику Барабану, которого за его вѣрность для Польщи нарекли уже навѣтъ Гетманомъ. Другій отрядъ состоялъ изъ 4000 мужа доброй ляцкой конницы и зъ 2000 такъ званыхъ нѣмецкихъ драгунѡвъ, которы однакожь лише платье имѣли нѣмецке, а по роду и вѣрѣ всѣ были люде русскіи. Начальство надъ тѣмъ вторымъ отрядомъ повѣрилъ панъ коронный Гетманъ улюбленному сыну своему, Стефану Потоцкому, говоря къ нему при той способности съ панскою гордостью слѣдующія слова: „Пройди степы и львы, зруйную бунтовную Сѣчь до-гла и приведи начальникѡвъ русского хлопства на праведную казнь!“ — Передъ выправленьемъ обоихъ отрядѡвъ въ походъ Ляхи, недѡвѣря людемъ русскимъ, приказали такъ реестровымъ козакамъ яко и драгунамъ — всѣмъ по-особно — складати присягу на вѣрность коронѣ польской, хотя такую присягу каждый изъ тѣхъ воиновъ складалъ уже разъ при вступленіи въ коронную службу. Кроме того во всѣхъ русскихъ полкахъ поставлены были Старшинами самыи Ляхи шляхетного роду, на которыхъ можъ было спуститися, що справы не здрадать, а найвысшу военную власть надъ обома отрядами передано сойшовому комисарю, пѣну Ше и бергу, досвѣдченному воину съ нѣмецкимъ именемъ, но на-скрѡзъ съ душою ляцкою. Въ польскомъ отрядѣ находилось къ тому богато панѡвъ зъ найзнакомѣтшихъ родинъ державы, яко межъ прочими князь Янъ Сапѣга и молодой Стефанъ Чернецкій, которыхъ уважано нѣяко будущими Гетманами и головными начальниками короны польской. Для захорони такъ именитого панства отъ возможной бѣды и недостатка отправлено съ польскимъ отрядомъ 12 наибольшихъ пушокъ и множество огромныхъ возѡвъ, наладованныхъ всякими роскошными стравами, запасами военными и пышными одѣжями, служащими такъ для выгоды якъ и для украсы панского тѣла.

Противъ оныхъ-то двохъ войсковыхъ отрядѡвъ, высланныхъ паномъ короннымъ Гетманомъ на зруйнованье Сѣчи, поднялся Богданъ Хмельницкій изъ тойже Сѣчи съ 8000 мужа на дню 22. Цвѣтня. Знаючи уже отъ перехваченныхъ воиновъ ляцкихъ о силахъ и подвойномъ шляху неприятеля, онъ обѣишолъ крѣпость Кудакъ въ такій способъ,

що не далъ польскимъ отрядамъ соединитись съ залогою Кудачкою, а загородилъ имъ дорогу туда при потоку Жолты-Воды, такъ названномъ отъ гнилыхъ земли и текущомъ съ рѣкою Тясминомъ къ Днѣпру. За Хмельницкимъ слѣдоваль повольно Тугай-Бей съ своею 4-тысячною ордою. Козаки станули при Жолтыхъ-Водахъ таборомъ и укрѣпились на козацкій ладъ четырма стѣнами изъ возѡвъ.

Въ первыхъ дняхъ мѣсяца Мая прибылъ польскій отрядъ сухопутьемъ къ Жолтымъ-Водамъ. Перешедши потокъ, панъ Потоцкій велѣлъ остановитись своимъ полкамъ въ такомъ мѣстци, що враждебныи войска могли видѣти одно другое. Ляшя ожидала, що козаци сейчасъ-же кинутся въ битву; но не кинулись они съ дикимъ крикомъ на вороговъ, якъ думали паны; стройно и тихо стояли они въ четырехъ-угольнику, готовыи торжественно принять недобрыхъ гостей; никто не вызывалъ на борьбу ни выстрѣломъ, ни насмѣшкою, якъ то звычайно дѣлала Запорожцѣ. Таке спокойствіе возбудило въ Ляхахъ тѣмъ бѡльшій пострахъ. „Чейже Хмельницкого нѣтъ въ таборъ; чейже готовитъ онъ где-нибудь засаду или собирае сильнѣйшее войско!“ говорили Польшки, и съ нетерпѣньемъ выглядали отъ Днѣпра отрядъ Барабаша.

А Хмельницкого таки справдъ не было тогда въ таборъ; онъ не наступалъ на панѡвъ для того, що дѣйствовалъ противъ нихъ иначе. Еше до прибытія своего къ Жолтымъ-Водамъ онъ розоставилъ по-надъ Днѣпромъ на стражъ Запорожцѣвъ и Татаръ, и приказалъ имъ войти въ переговоры съ тѣми козаками, которые будутъ плыти съ Барабашемъ. Случилось же таке, що одинъ байдакъ (велика козацкая лодъ) опередилъ прочіи, и на томъ байдаку власне сидѣлъ съ своимъ козацкимъ пріятель Хмельницкого, полковникъ Кречовскій. Онъ урадовался, коли узналъ, що Хмельницкій недалеко. Козаки, бывшіи съ нимъ, показовали охоту пристати до Запорожцѣвъ, однако жѣлали конечно повидатись съ самимъ Хмельницкимъ. Хмельницкій, якъ скоро ему донесли о томъ, оставилъ свѣй таборъ, и поспѣшилъ къ Днѣпровому берегу. Кречовскій и его козаки привитали Хмельницкого радостными воскликками: „Даетъ тебѣ козацкое слово: все пойдемъ войною на Польшковъ, та еще наклонимъ всѣхъ за нами плывущихъ козаковъ, щобъ соединилися съ тобою; а присяга Польшъ намъ — не присяга, бо до ней насильно принудилъ насъ коронный Гетманъ.“

Вскорѣ потомъ стали доплывати къ берегу и другіи козацкіи сотнѣ. Хмельницкій встремилъ на березѣ Днѣпра бѣлую хоругвь съ надписію: „Миръ христіянству!“ и выступивши на-встрѣчу братимъ въ-передъ, промовилъ громкимъ голосомъ: „Братія, рыцари-молодцѣ! да буде вамъ вѣдомо, що мы взяли за саблѣ не для одной славы ни для добычи, а идемъ на Ляхѡвъ за вѣру, за козацество и за весь

народъ русскій. Вдаиь всь народы обороняють жизнь свою и свободу противъ лукавыхъ гонителей; звары и птиць тоежь саме дьлають, яко яа то Богъ далъ имъ зубы и когти. То якъ-же? вы будете проливати кровь ваиной рѣдной братіи? Вы схочете оставатись невѣльниками во власной своей земли? Лахи отняли у насъ честь, свободу, вѣру — а все то нѣ нагороду за се, що мы проливали кровь свою русскую, обороная и розширяя польское ихъ королевство! Чей не васъ то они называють хлопами? Чей не они замучили Гетманѡвъ нашихъ и Старшинъ козацкихъ, которы посмѣли стояти за права рѣдной Украины? Несчастныи сїи мученики: нашъ Наливайко, Лобода, Павлюкъ, Сурмило, Острианиця — они просяють васъ отмстити за себе и за всю русскую землю! Таже одна мати Украина всѣхъ насъ породила — зачьмъ чи лучше вамъ стояти за костѣлами, чи за церквами Божими? ча будете помагати польской королю, що заплатила вамъ неволю, чи скорше матери своей Украина? "...

Не дали козаки докѣбичити рѣчь Хмельницкому, а всь въ одинъ голюсь воскликнули: „Не дожїемъ того сорому, щобы стали мы помагати клатымъ ворогамъ противъ своей братіи!“ И въ тойже хвилѣ на всѣхъ байдакахъ выбухнулъ огонь ярости и гнѣва, и у всѣхъ 6000 мужа реестровыхъ козаковъ сталъ одинъ умъ, одно сердце. Одѣтый во мѣсецки одинъ полкъ русскомъ пѣхоты первый кинулъ въ Днѣперъ лянцїи прапору; нѣ-слѣдъ за нимъ реестровыи козаки рвали, доптали свои хоругви съ польскими гербами, яко знаки рабства своего и малодунїя. Вразъ-же съ тѣмъ на всѣхъ байдакахъ загремѣлъ окликъ: „Бити измѣнниковъ! кидати въ Днѣперъ Ляхѡвъ и недолашкѡвъ!“ И за симъ окликомъ восторженныи козаки кинулись на своихъ Старшинъ, рубали шляхтичей и кидали ихъ въ воду. — А Барабашъ въ то время спалъ нѣдѣ камышемъ (наметомъ изъ тростинны) на лодцѣ; громкїи крики пробудили его; бѣтъ увидѣлъ около себе грозныи лица и сабли, и спокватилъ за мечъ. „Отъ-се бѣтъ, предатель! отъ-се бѣтъ, врагъ церкви русской!“ кричали козаки. Мечъ выпалъ изъ рукъ Барабаша; бѣтъ началъ просити пощады; но розъяренныи козаки не слухали его колений, напоминали ему о зрадѣ, о жестокихъ казняхъ, пополненныхъ въ угодуость Ляхамъ надъ ихъ собратїями, и наконецъ одинъ козакъ, крещенный Татаринъ Пилипъ Джебаликъ, прокололъ его списомъ и кинулъ въ воду. Тогда воскликнули козаки: „Погибъ нечестивецъ, да погибне и память его съ шумомъ!“

Се радостное событіе случилось вечеромъ 3. русскаго Мая, а на другїй день рано всь реестровыи подки съ торжественными восклицанїями проѣзжали отъ Днѣпра въ таборъ Занорожцѡвъ къ Жолтымъ-Водамъ. Перевѣздъ той совершался въ виду Поляковъ, которыи узрѣв-

ши изъ далека облаки пыли и догадуючись, що се ѣде къ нимъ съ реестровыми козаками другъ ихъ Барабанъ, подняли радостный крикъ, говоря промежь собою: „Теперь уже ничего не стоитъ намъ победа! Враги будутъ розбиты, и мы приведемъ къ пану Гетману коронному самого Хмельницкого!“ — Но въ одну хвилию все измѣнилось: Барабанѣвцъ завернули въ таборъ братнихъ Запорожцѣвъ, а тогда Поляки — одни ледви вѣрили очамъ своимъ, другіи сыпали проклятія, третій унали духомъ. Лише драгуны, бывшіи въ отрядѣ Потоцкаго, ніякъ не омазевали затревоженья, а напротивъ, весело поговоривали другъ съ другомъ, що и они люде русскіи.

Видячи себе въ великомъ небезпеченствѣ, Ляхи постановили чѣмъ скорѣйше окопатись у Жолтыхъ-Водъ укрѣпленнымъ таборомъ, и якъ-стѣй выслали гонця въ Черкасы до коронного Гетмана съ возваньемъ о помѣчъ. А межъ тѣмъ самы они распочали пальбу на козацкій таборъ, желая показати тѣмъ, що будто у нихъ сила еше велика и що ніякъ они не стратили духа. — Однакомъ Хмельницкій зналъ уже докладно отчаянное положеніе Ляхѣвъ, и былъ бы онъ сейже-часъ розгромилъ ихъ на голову, а тѣлько ишло ему еше о 2000 русскихъ драгунѣвъ, которыхъ радъ былъ конечно безвредными спасти для себе. Зѣ той причины велѣлъ онъ на пальбу Ляхѣвъ отповѣдати дуже слабо, но за то препоручилъ Татарамъ и кѣлькомъ полкамъ Запорожцѣвъ потайными дорогами окружити таборъ лицкій докольсенька такъ, щобы и душа зѣ него не ускользнула. Слабая перестрѣлка отъ козацкого табора ободрила панѣвъ-Ляхѣвъ; имъ здавалось, що козаки бѣются ихъ, и затѣмъ опять возродилась у нихъ надѣя на побѣду и на уничтоженне „хлопѣвъ-бунтовникѣвъ.“

Въ слѣдующій день (5. Мая) Поляки бодро и смѣло распочали нападати на козацкій таборъ. Потоцкій приказалъ выходить короннымъ войскамъ и драгунамъ въ поле, препоручая имъ не щадити никого зѣ козацѣвъ, а тѣлько одного Хмельницкаго зловити живѣемъ въ руки. — Но въ козацкомъ таборѣ уже не сидѣли тихо, якъ вчера; играли на трубахъ, били въ котлы, волны строились въ ряды, а Хмельницкій, выхавши на бѣломъ кони передъ войско, говорилъ имъ такъ: „Рыцари-молодцъ, славный козаки Запорожцы! Прійшлоъ теперь часъ за вѣру русску и за Украину постояти грудю. Самъ Богъ важъ депо-може! Стойте смѣло противъ гордой лицкой силы; бо чогожъ вамъ бѣяться? Чи може тѣхъ курячихъ пѣръ на шапкахъ панскихъ, або тигровыхъ шкуръ на грудяхъ лицкихъ? Та вѣдай батьки наши били ихъ на голову, а вы сыны тѣхъ-же могущихъ предкѣвъ нашихъ, у которыхъ груди и лобы были тверды русскіи. Покажѣть-же свое завѣтяе, добудьте славы и рыцарства вѣчнаго: Кто за Бога, за того Богъ!“ —

Послѣ той промовы Хмельницкого козаки огнисто вырвались изъ табора, перейшли воду и кинулись на Ляховъ съ оглушающимъ крикомъ. Потоцкій двинулъ на нихъ и коронныя полки и драгунѣвъ, надъячусь однимъ смелымъ ударомъ разбити переважную силу Запорожцевъ. Уже пушки его загремятъ, — но на-разъ раздается изъ-заду крикъ татарскій: „Алла!“ и являються изъ-далека бисурмане.

Не успѣли Ляхи опамататись отъ татарскаго крику, коли на-разъ поражаетъ ихъ новая бѣда: драгуны, выведенныя противъ своихъ братьевъ, отдѣляются отъ коронныхъ полковъ, и съ торжественнымъ восклицаньемъ: „Урра! до Бацька Хмельницкого!“ вырываются въ поле и луются съ Запорожцами. Тогда перенолохъ Ляховъ достигъ высшей крайности. Опущенныя отъ своихъ рабовъ, крѣпкихъ русскихъ воиновъ, на которыхъ силу они въ своей изнѣженности наибольша полагали, окруженныя до того непріятелемъ, котораго полки въ теченіи двухъ дней на самомъ-же боювищи таки подвоилися, сараки-Ляхи, числомъ всего лишь 4000 мужа, почали въ первой хвилѣ мовь-бы въ отчаянное одурѣніе: стояли зъ-перва въ мертвой тишинѣ на мѣстци якъ-бы вкопаны, а потонъ съ воплемъ бышняго перестраха кинулись бѣжати на вломи-голову. Лишь съ великимъ трудомъ удалось наконецъ молодымъ полководцамъ, хороброму Чернецкому и Потоцкому, возстановити ляхъ-такій мадъ въ члѣковито розстроеныхъ рядахъ коронныхъ, та они-жъ ю и привели еще братію-мляхту на-стѣлько до опаматанья, що въ мостамовиди погнати съ оружіемъ въ рукахъ на поли битвы.

И въ самомъ дѣль на другій день (6. Мая) битва рѣшительно началась. Козаки отъ всѣхъ сторонъ ударили на ляхскій таборъ, и безъ труда врываясь въ середину, ковали Ляховъ списами, рзали саблями. Мляхта и коронныя жолѣтры боролись отчаянно до 5. години пополудни; но негодъ подалъ дождь; порохъ отсырѣлъ; изнуренныя отъ безпрестанной работы жолѣтры едва могли дѣйствовать руками. Еще была надья на помочь отъ коронного Гетмана, но вскоре и тая изчезла. Козаки, обступивши докольсенька таборъ, показовали Ляхамъ писмѣ, перехваченное у ихъ гошца, потынались мадъ врагами, дразнили ихъ въ дикой радости и приглашамъ бѣдѣтиса „на ласку хлопамъ.“ Таки выходни придавали Полякамъ еще больше отчаянія; имъ уже представлялась голодовая смерть въ пустынь, — но къ удивленію всѣхъ выважко пдѣть польскій еконо самъ Хмельницкій, безстрашно приближается къ нимъ и кричитъ голосомъ, гремучимъ на всю окрестность: „Не губать себе надармо, пацове! Нобѣда въ моихъ рукахъ, но я не жажду вашей крови, — менъ потреба лише вашихъ пушокъ. Отдайте намъ всѣ пуцки, лишъ съ собою маєте, а мы позволимъ вамъ ити спокойно въ ванку Польшу. Роздумайте надъ моимъ условіемъ; и дайте менѣ отвѣтъ завтра до полудня.“

Послѣ той короткой, но въ такую пору многозначительной промовы Гетмана Хмельницкого въ Ляхѣвъ вступилъ снова духъ и возродилась надѣя на спасеніе отъ неминуемой погнѣбеліи. Утѣрившись, що имъ легко приходило откупити свою дорогую жизнь 12-ми пушками, они на другіи день еще раненько послали тѣже пушки въ таборъ Хмельницкого, и въ сей-же часъ одержали дозволеніе свободно выйти изъ своего табора. Тогда они еще не предвидѣли, що Хмельницкій рѣшилъ ужити на нихъ власнаго ихъ оружія, т. е. поставилъ за зраду ящукъ отплатити тоже зрадою. — Затѣмъ Ляхи, освобождены отъ козацкой осады, двинулись отъ Жолтыхъ-Водъ, и поспѣшнымъ ходомъ ушли тогожъ дня 3 миль, а въ само полудне остановились у крутого яра, покрытого лѣсомъ и называемаго Княжихъ Байраками. Шо-ино расположились они на томъ мѣстѣ, коли на-разъ затѣмнѣла небосклонъ хмарами пылу, а вскоре воздухъ наполнился дикимъ крикомъ; се былъ Тугай-Бей съ своею ордою. Не уважая на договоръ Ляхѣвъ съ козаками, Татары кинулись на поискій обозъ; стрѣлы ихъ тучами полетѣли въ лице шляхтъ, пробивали на-скрѣзь и калачили людей и коней. Ляхи стали бѣжать, однакожъ попали въ крутой яръ и не могли здѣлати ни кроку. Дорога яшла черезъ байраки, покрытыя густымъ лѣсомъ; тутъ козаки, забѣжавши въ-передъ, порыли землю, накидали деревъ и камѣнь, и такъ здѣлали байракъ непроходимымъ. Звернути въ сторону было невозможно: конь падали, возы погружались въ илистой земли и весь паискій пожитки изъ нихъ сыпались въ болото. Тугай-Бей побралъ у козаковъ пушки, и тогда начали Татары палити въ Ляхѣвъ изъ власныхъ ихъ-же орудій.

Тутъ-то прийшлося Аминь сказати душамъ лядкинь! Около 4000 мужа, загнаны въ такую засаду, где не могли они боронитись саблями, покладаи головы на Княжихъ Байракахъ, а только малое число панѣвъ спасло грѣшную жизнь на то одно, чтобы попасти въ сорожнѣшую надъ все татарскую неволю. Молодой Стефанъ Потоцкій, полумертвый, весь обліяный кровію, воднятый былъ изъ болота Запорожцями, которыя жививаючи его плахтами, поговоривали жартомъ: „Бѣднѣй пане Стефане! не попалъ шебоже — на Запорожскѣ, а поховалъ свою шляхту — на болотахъ въ плахту!“ Небога-Ляхъ той скончался на другіи день отъ ранъ середъ тяжкихъ стонѣвъ. — Кроивъ пана Потоцкаго еще живыми въ неволю достались панове Сапѣга, Чернецкій, Шембергъ и Иванъ Выговскій, который одинъ изъ-середъ прочихъ возыскалъ потомъ довѣріе Хмельницкого и сталъ писаремъ въ козацкомъ войску.

Всѣхъ оныхъ пѣвничковъ зъ-пѣдъ Княжихъ Байраковъ отиравлено въ Чигиринъ, который тогда-же пѣдался и былъ занятъ козанами.

Хмельницкій приказалъ содержать ихъ подъ присмотромъ до дальняго рѣшенія рады, а впрочемъ велѣлъ обходиться съ ними по людски и лѣтити раненыхъ. Проводячи тѣхъ пѣвничковъ въ Чигиринъ, козаки подтрунили надъ ними: „Огъ-се вамъ, панове, за тое, що не хотѣли съ козаками-молодцами у миръ жити! Лучши вамъ были жида-збойць, нежь Запорожцъ-моледецъ, а темерь за се покуштуйте татарской юшки.“ — А про Жолто-Водскую битву народъ козацкій зложаль славную пѣсню, котора на Украинѣ еще и до-нынѣ живцемъ доховалася и въ которой нежь прочими такъ спѣвается: „Огъ Жолтыхъ-Водъ до Княжихъ Байраковъ зеленое поле зарбилося не веселными цвѣтами, а панскими тѣлами; лежали паны, выщеривши зубы, и ѣли ихъ собаки та сарыи волки. Не по одному Ляху осталася вдовица, не по одному заплакала дѣти-сироты. Высыпался хмѣль изъ мѣшка, надѣлалъ бѣды панамъ Мамонькамъ; напались они жолтой водиць, та видно, хмѣлю много было направлено: не устояли паны на ногахъ, коли бѣгъ тон водиць бѣжати пустилися. Слава най буде Хмѣлеви-Хмельницкому, що помстивъ на Ляхахъ кривды русского народа и освободилъ рѣдну матеръ-Украину бѣгъ тяжкого ярма, бѣгъ неволя люцкой!“ — Такъ прославилъ русскій народъ первую побѣду Гетмана Хмельницкого надъ Поляками.

Въ то время, коли подъ Жолтыми-Водами и у Княжихъ Байраковъ козаки одержали славную побѣду, коронный Гетманъ Потоцкій съ гелощною силою люцкой войска стоялъ обозомъ близъ города Черкасъ. Съ нимъ было около 25.000 коронныхъ Ляховъ а 4800 мужа драгуновъ, природныхъ Украинцевъ. Стоячи подъ Черкасами, паны пировали, угощались, не зная ничего о грозѣ, яка до нихъ приближалася. Еще въ послѣднихъ дняхъ мѣсяца Цвѣтня панъ Гетманъ Потоцкій одержалъ изъ Варшавы королевское письмо, которымъ препоручалось обходиться съ раздраженными козаками дагдое и поблажно, а никакъ строгимъ поступаньемъ не доводити ихъ до тѣхъ большого бунту. Въ томъ-же письмѣ король упрекалъ особливо Чигиринского старосту пана Концепольского, що въ его то вилы Богданъ Хмельницкій ворохобить Украину, котора за посредствомъ канцлера Оссолинского съ короною уже туй-туй была бы принялася. Наконецъ король заявлялъ, що „незадолго самъ вѣдетъ на Русь, где надѣется безъ кровопролитія успокоити недовольныхъ козаковъ, которыхъ предводитель Хмельницкій помирится со своимъ Монархомъ и благодѣтель.“ — Но паны Ляхи въ Черкасахъ осмѣляли се письмо своего короля, та ани не припускали мысли мириться съ козаками, тѣмъ-меньше же со своими „збуктовавшимися хлопами“.

Въ колька дней послѣ Жолто-Водской битвы прибѣжалъ въ таборъ люцкій подъ Черкасы одинъ драгунъ, который случайно ухажуль зъ-подъ Жолтыхъ-Водъ; онъ оповѣстилъ про измѣну реестровыхъ ко-

вако́въ и драгуно́въ, а также про небезпеченство, въ якомъ находился отрядъ молодого Потоцкаго. Се извѣстiю показалося такъ дивнымъ и невѣроятнымъ для Ляхо́въ, що они осудили драгуна козацкимъ шпiономъ и кивули его въ темницу. „Не може то быти,“ говорилъ панъ Гетманъ Потоцкiй: „щобы мой сынъ допустилъ козако́въ до таковой дерзости! Вѣдай, еслибы угрожало ему небезпеченство, то прислалъ бы онъ якого пана-шляхтича на добромъ коми, а не те простого драгуна, а до того Русина. Се больше ничего, якъ хитрость враго́въ: драгунъ видко передася къ нимъ, и они его прислали, щобы насъ пострахати и принудити до опущенья нашего становища.“ — Однакъ, въ тоежь время собрались въ таборъ конными сотиъ, которыми отправлялъ Потоцкiй по околицяхъ для узнанья, що дѣлается въ народъ; они доносили, що пройшли кѣлька миль, а всюду Украина пустье, въ нѣкоторыхъ же мѣстцахъ заготовлены военными припасы и стоятъ узброенными люди, — однимъ словомъ, що на Руси повсюду настоящiй бунтъ.

Тѣи вѣсти зневолили Ляхо́въ задуматися; собрали раду и постановили на ней, що належитъ по-правдѣ двигнутися въ-передъ для того, абы въ случаю конечной потребности подати помощь молодому Потоцкому. Панювъ начало безпокоити то, що въ посланномъ отрядѣ бѣльшая часть была Русино́въ. — Такъ и поднялися Ляхи зъ-пѣдъ Черкасъ, и стали идти дорогою вздолжь Днѣпра. Два дни пройшли они, никого не встрѣчая, и думали было уже вернутися. Потоцкiй говорилъ, що не хоче „соромити себе такимъ походомъ противъ хлюбо́въ.“ — Но на-разъ иде нимъ на встрѣчу нѣкий панъ Марко Гдешинскiй, польскiй шляхтичъ; онъ уйшовъ изъ разнъ отъ Княжихъ Байрако́въ, и раненый тащился съ вѣрною вѣстiю. Жолитры привели его къ Гетману коронному. „Пане!“ сказалъ онъ: „все погибло! Козаки и драгуны безстыдно здрадили насъ; цѣлый обозъ забранъ; Сапѣга, Шембергъ, Чернецкiй въ неволѣ; сынъ твоѣй также взятъ ледеа живый, и теперь чайже розстался со свѣтомъ.“ — Ледеи не уналъ Гетманъ отъ такой вѣсти; ужаснулись всѣ лицкии полководцѣ, а „все войска (каже льтописецъ) стало такъ блѣде, якъ блѣда бывае трава, прибитая морозомъ, коли по холодной ночи возсияе солнце.“ Гетманъ же Потоцкiй воскликнулъ мнѣ тѣи слова: „О сыну мой! на тожь я далъ тобѣ начальство, щобы ты вмѣсто булавы одержалъ надгробный камень!“

Вѣсть о поражении при Княжихъ Байракахъ произвела загальный страхъ межъ Ляхами, особливо коли панъ Гдешинскiй увѣрялъ, що Хмельницкiй уже недалеко съ безчисленнымъ войскомъ. Паны собрали знова раду, и рѣшили тако: ще понеже въ открытомъ полю противъ Хмельницкаго годъ буде устояти, то належитъ уступати назадъ ажъ до первой лучшей крѣпости, щобы якъ-нибудь отую же опер-

тися. Затымъ дня 11. Мая войско ляцке двинулось назадъ, и на третій день достигло Корсуня на рѣцѣ Роси. Потоцкій хотѣлъ уступить еще дальше на западъ, но на-разъ принесли ему вѣсть, що Хмельницкій и Тугай-Бей уже въ мѣстечку Смѣломъ и передовыи ихъ стражи забѣгаютъ ажъ подъ Корсунь. Тогда Ляхи остановились у старыхъ окопѣвъ подъ Корсунѣмъ, рынаясь ожидати тутъ непріятеля. Потоцкій приказалъ сналити городъ Корсунь для того, чтобы непріятель не мѣгъ имѣти пристанища ни яковой подмоги отъ русскихъ жителей. Тая-же доля постигла и города Стеблѣвъ и Черкасы, та и весь доокрестны селенія. Во время тѣхъ пожарѣвъ Ляхи мучили и убивали старикѣвъ и молодцѣвъ, женщинъ и дѣтей, старались такимъ способомъ кинути пострахъ межи народѣмъ а вразъ-же и собѣ самымъ додати духа до борьбы съ козаками.

Такимъ мѣрамъ противился другій начальникъ польского войска, панъ Калиновскій, представляя, що Поляки самы себе лишаютъ вспоможенія и припасѣвъ. Но чѣмъ усильнѣйше противился сему панъ Калиновскій, тѣмъ доразнѣйше поступалъ на-перекоръ ему панъ Потоцкій, личный его недругъ и соперникъ. Онъ и слухати не хотѣлъ, коли представляли ему, що се оставилъ онъ по-заду себе яры, а въ-переду край гористый. „Нигде правды дѣти,“ — такъ каже одинъ польскій льтописецъ изъ сихъ часѣвъ: „у насъ тогда была страшная неурядица и безначальство; сварились наши полководцѣ межъ собою саме тогда, коли непріятель стоялъ надъ каркомъ, коли зо всѣхъ сторонъ козацкая саранча собиралась до Хмельницкого, а русскіи хлопы мимо паяскій таборъ провозили вѣтныи припасы въ обозъ Хмельницкого, и розголосоно величали его спасителемъ своего народа и защитникомъ своєї вѣры.“

А межи тѣмъ Хмельницкій приближался. Тревога въ ляцкомъ обозѣ поднялась еще бѣльша, коли отъ окопѣвъ Корсунскихъ увидѣли скачущихъ по полю наѣздникѣвъ зъ орды Тугай-Бей. Потоцкій въ своей розсѣянности выслалъ противъ Хмельницкого на передовую стражу 3000 мужа драгунѣвъ, природныхъ Украинцѣвъ, и они то, ажъ лишь выѣхали въ поле, всѣ до одного добровольно передались Запорожцямъ. Слуги-же и оруженосцѣ въ панскомъ таборѣ подъ Корсунѣмъ, навѣтъ природныи Ляхи, въ страху говорили межъ собою: „Хмельницкій насъ побѣе, коли будемъ стояти за янѣвъ!“ До того и самыхъ инляхтичей пугали розличныи явленія, якіи недавно передъ тѣмъ случайно были зайшла въ природѣ. Такъ еще въ страстную Пятницю польску приключилось велике затымнѣе сѣлиця, а зъ послѣднихъ дней Цвѣтая черезъ двѣ недѣли стояла на небѣ мѣтло-образная комета незвычайной величины, хвостомъ звернена къ сторонѣ Польци. Отъ сихъ явленій

новсталъ еще тѣмъ бѣльшій пострахъ не лишь межъ простымъ людемъ воинствомъ, но паче всего межъ старшинами шляхотного рода, у которыхъ, якъ извѣстно, душа и совѣсть за пригнетенія Руси была наскрѣзь грѣшна и нечиста.

Въ такомъ положеніи было войско польске, коли на поляхъ пѣдъ Корсунѣмъ явился Хмельницкій днѣ 15. Мая 1648 г. Хмары вылу отъ идущаго козацкаго войска закрыли весь небосклонъ, и Поляки думали, що того войска есть до 100.000 мужа, коли межъ тѣмъ козацкѣвъ тогда еще было не бѣльше, якъ 20.000. Тугай-Бей со своимъ Татарани занялъ лѣвое крыло, Хмельницкій же расположилъ свои полки на нагоркахъ противъ Корсуни, и показовалъ видъ, будто хоче атаковать обозъ польскій всѣми силами, а на-правду задумалъ инымъ способомъ уничтожити ворогѣвъ. Хотя бо силъ у него набралось вже на стѣлько, що мѣгъ бнѣ навѣтъ въ открытомъ бою поковати головную армію Польщи, но всежъ таки якъ добрый Батько Украины бнѣ радъ былъ пощадити кровь козацкую, и затѣмъ при всякой способности уживалъ такой хитрой штуки, абы безъ великаго напряженія и розстраты своихъ людей губити Ляхѣвъ якъ наибѣльше. Для той цѣли онъ выбралъ теперь росторопнаго и умнаго козака Микиту Галагана, научилъ его, що мае дѣлати и говорити, та послалъ прокрадаться къ польскому табору такъ, чтобы его примѣтили. Предвидачи, що замысль его удастся, Хмельницкій въ тую-же пору послалъ одинъ отрядъ козацкѣвъ вразъ съ Татарани пѣдъ начальствомъ полковника Кривоноса за близъ-лежащую гору, и приказалъ, чтобы они зайшли въ березовый лѣсъ пѣдъ урочище, которое нарѣдъ называлъ Крутою - Балкою. Тамъ Татары на скорости ишли по приказу Хмельницкаго перековать греблю черезъ ставъ, а козаки нарубати деревь, перерыти дорогу, навалити камешей и засѣсти въ гущавинахъ и ровахъ съ оружіемъ, ожидая тамъ-же прибитія Ляхѣвъ.

Межъ тѣмъ Микита Галаганъ сталъ пробираться по-пѣдъ польскімъ окопн; его вѣймали и привели къ Потокку. После осамѣннѣ въ огни, звычайнаго тогда у Полякѣвъ катовскаго обряда, козацкъ началъ такъ говорити на допросы о числѣ своего войска: „Нашимъ счету я не знаю, та и знати годъ, бо съ каждымъ часомъ ихъ все бѣльше и бѣльше; а Татаръ съ Тугай-Беемъ 50.000, та еще самъ ханъ Крымскій стоитъ недалеко съ цѣлою ордою, и вскорѣ буде тутъ.“ — Коли услышали паны Поляки тую вѣсть (говоритъ русскій летописецъ), то тѣмъ страхъ напалъ на нихъ, що и самы они умили, и руки у нихъ опустились, и весь розмуть отъ нихъ отступилъ. Затѣмъ собравши на раду, они съ великимъ востѣхомъ постановили такъ: абы бѣжали съ-пѣдъ Корсуни чѣмъ-скорше, доки еще не надтягнулъ ханъ съ своєю

ордою. Одинъ только панъ Калиновскій, надъ всѣхъ отважнѣйшій Ляхъ, протѣялся на радъ такому постыдному рѣшенію, однакожь бнъ еще приаужденъ былъ выслухати за то тяжкія укору отъ пана Гетмана Потоцкого, у которого душа цѣлкомъ уже была въ пятахъ.

Постановивши уткати, Ляхи по приказу короннаго Гетмана двинулися на другій день до-свѣта въ дорогу; возы съ запасами и панскія рыдваны, важко наладованныи всякимъ добромъ, потягнулися подвѣйнымъ четыреугольникомъ въ 8 рядбъ; серединою того четыреугольника шли пушки и пѣхота, а по сторонамъ кѣниция; на лѣвой сторонѣ провадилъ кѣницію панъ Калиновскій, на правой самъ Потоцкій. Абы избѣгнути нападу козаковъ, коронный Гетманъ приказалъ идти не головнымъ гвстинцемъ, но боковыми дорогами. Для указанья такихъ дорогъ Микита Галаганъ предложилъ себѣ за проводатора, и паны Ляхи съ удивительнымъ легновѣріемъ положилися на проводарство сего козака, уповаючи на то, що бнъ наилучше знае доокрѣстную мѣстцевость. Такъ пройшли Ляхи полтора миль, не дознавши ніякой пакости отъ непріятеля. Ажь коли зближались до урочища Крутой-Балки, на-разъ полѣтъли на нихъ густою хмарою татарскія стрѣлы, отъ которыхъ Ляхи стратили таке множество коней, що рѣшились оборонятися пѣхотою, щобы сохранили конь для перевозу табора; однакожь слуги, которымъ препоручили держати коней, шли на нихъ и спасалися бѣгствомъ въ рѣзныя стороны. Тогда паны, позбавленныи своихъ коней, злеободели были двигатися въ лѣтній жаръ въ тяжелыхъ панциряхъ. Обороняючись якъ-мога на ходу, они дойшли ажъ на саму Крутую-Балку; но тутъ великая бѣда, яка ихъ зъ-разу встрѣтила; была та, що и послѣдній Украинъ, бывшій при нихъ на службѣ драгунокой, числомъ 1800 мужа, понохались съ Запорожцями, и вмѣсто щобы оборонити, стали колоти Ляхбъ-товарищѣй, та черезъ то якъ наибольшее розстроили ряды движущагося польскаго табора въ самое его внутрїи.

Дальше настала еще новая бѣда: Ляхи поышли въ мѣсь, и Галаганъ завелъ ихъ въ тущобы, ровы и болотныя яры Крутой-Балки; тутъ же вода была спущена и погрузила всю долину; на дорогахъ лежали зрубанныя деревья и камѣня, — и въ тожь время, коли Хмельницкій съ головою силою своего войска напиралъ на польскій обозъ изъ-заду, отрядъ козаковъ, посланный туда днемъ на-передъ съ Кривоносомъ, кинулся на враговъ въ самое лице. Цѣлый обозъ останбвился; часть возбвъ застрѣла въ болотъ и загородила дорогу заднимъ; другїи возы каракались на гору и не могли въ-поспѣху туда изобратись, падали въ яры, убивая своимъ бременемъ коней и воиновъ мѣсткихъ. Въ той тѣснотѣ предводители польской арміи ледви не бились сами межъ собою: Калиновскій всю бѣду складалъ на Потоцкого, а Потоц-

кій на Калиновского; и той и сей давалъ противорѣчащіи приказы; другіи коменданты не знали, кого слухати, и въ семь заштателствъ также все сварились межъ собою. Словомъ, настала тутъ непорядная година панамъ Ляшенькамъ!

Тогда одинъ изъ полковникѣвъ, князь Корецкій, посѣдатель Корца и богатыхъ маєткѣвъ на Волюню, собралъ своихъ 2000 жолнѣрѣвъ, которымъ приказано было стояти въ четырехугольнику, и закричалъ: „Дарма уже бѣгати за рыдванами; не часъ теперь думати о спасеніи возвѣ! Сядьмо лучше на коней, та пробьемъ собѣ дорогу скрѣзь неприятеля! Гей! кому охота спасти свое житѣ, той ступай за мною! Теперь я буду вашимъ Гетманомъ!“ — Паны начали были удерживати его, напоминаячи, що треба слухати коменды. „Пусте, слухати коменды!“ кричалъ Корецкій: „моя коменда: на коней!“ — Вслѣдъ за нимъ повторили и другіи: „на коней!“ и 2000 жолнѣрѣвъ покинули обозъ. — Козаки корыстали изъ того случая, бо занявши оставленное жолнѣрами мѣстце, ворвались въ саму сѣредину четырехугольника и начали на всѣхъ мѣстцахъ рѣзати Ляхѣвъ, нещадно прикладаючи свои козацкіи самопалы на шляхетныи головы. Тогда-то ляцкое войско въ наибольшомъ неладѣ розметалось во все стороны: Калиновскій на-лѣво, Потоцкій на-право; одни въ лѣсъ, другіи въ болото; а тутъ изъ кожного рова, изъ-за каждой кучи зрубанныхъ деревъ выскакивали козаки; другіи гнали ворога зъ бокѣвъ и зъ-заду, — и отъ-всюда стрѣляли, рубали, кололи. Полякѣвъ, та „якъ-будто снопы на поли (говорить летопись) подбирали падающихъ панѣвъ и вытаскивали ихъ зъ ровѣвъ и трясавиць.“ Калиновскій метался, горячился, и наконецъ дѣставши двѣ раны въ шею и въ локоть, смирился, та козаки завязали его якъ барана. Потоцкій же, видячи, що нѣтъ спасенія, предался на волю судьбы и сѣлъ въ свою коляску; его примѣру послѣдовали и другіи паны, та вохъ ихъ вразъ съ повозками притаскали въ козацкій таборъ. Селяне изъ сусѣднихъ деревень памагали ловити прочихъ ляцкихъ уцѣкинерѣвъ. Спасся лише князь Корецкій, но и той, закѣмъ вырвался изъ осады, стратилъ 900 своихъ жолнѣрѣвъ, а съ остальными прибѣжалъ въ Кіевъ, осмѣянный за свое соромное бѣгство цѣлымъ народомъ.

Отнесши такъ легкимъ способомъ великую побѣду въ окрестности Корсуня, козаки собрались тутъ около своихъ пльщикѣвъ, та якъ звычайно дражили ихъ еще и насмѣшками. „Що-же?“ говорили они: „не будете, панове, ходити Запорожя добывати? Бѣдныи панята! они все позабл! Дай имъ, Батько Хмельницкій, кожухѣвъ!“ — А Хмельницкій заговорилъ до короного Гетмана, высѣдающего изъ коляски: „Видишь, Потоцкій, якъ те. Богъ здѣлалъ: ти, которы шли брати мене

въ неволю, сами въ ню попалися.“ — „Хлопе!“ сказалъ Потоцкій съ гордостію: „чѣмъ заплатишь славному рыцарству татарскому? Оно побѣдило мене, а не ты съ своею разбійничою шайкою!“ — „Тобою,“ отрубалъ Хмельницкій: „заплачу тобою и тобѣ подобными за кровь и недолю моей Украины!“ — А козаки додали: „Бачишь, якій стройный рыцарь панъ Потоцкій! Якъ блестить оубъ въ своемъ блаватномъ контушѣ! Зняти зъ него убранство! Надѣти на него серягу!“ — И Потоцкого одѣли въ серягу. Ешежь Хмельницкій для потѣхи козацтву посадилъ его верхомъ на пушку, а тогда козаки, везучи его на пунці, призывали ему слѣдующую пѣсенку: „Ой, Потоцкій, Потоцкій! въ тебе розумъ жѣноцкій! Не годишся ты гетмановати, за се треба было тебе Батькови Хмельницкому отдати! Пойдешъ небоже, ажъ за Запорожье, у Татаръ сырой кобылины жовати!“

А що панъ Потоцкій справедливо заслужилъ собѣ на тѣхъ насмѣшки и дорѣканья козаковъ, доказуютъ то и самыя ляцкіи лѣтописцы, зъ которыхъ одинъ, коренный шляхтичъ панъ Ерличъ, таке о немъ расповѣдае: „Гетманъ Потоцкій бѣльше думалъ о стаканахъ и шклянкахъ, чѣмъ о благу и цѣлости Польщи, та хотя былъ уже старый лѣтами, однакъ заедно возился съ розмазливими жѣнками. Онъ не слухалъ рады товарища своего Калиновского, не совѣтовался съ полковниками и ротмистрами, и преданный постоянно пѣнству и распустѣ, погубилъ войско, нанѣсъ неславу и соромъ коронѣ, стратилъ наилучшихъ сыновъ Польщи, старыхъ воинѣвъ и множество слугъ, Нѣмцѣвъ та богато другихъ чужеземцѣвъ; не слухалъ представленій короля ни тыхъ умныхъ панѣвъ воеводъ, которы до него писали и радили не роздражати козаковъ и хлопѣвъ.“

Въ другій день послѣ Корсунской битвы Хмельницкій отправилъ благодарственный молебень за побѣду — якъ самъ онъ говорилъ — „надъ клятвопреступниками-Ляхами.“ Три разы козаки стрѣлили изъ пушокъ и самопалѣвъ на знакъ всенародного торжества. Потомъ данный былъ почетный пиръ. Хмельницкій пировалъ со старшинами и мурзами, а до обѣду запросилъ также нѣкоторыхъ знатнѣйшихъ панѣвъ-пльнниковъ. Кромѣ того велѣлъ онъ роздати по чарцѣ герьлки навѣтъ ляцкимъ воинамъ, пойманымъ на Крутой-Балцѣ, показуючи тѣмъ способомъ Ляхамъ, що „хлопскій Гетманъ“ благороднѣе поступаетъ съ ними, яко пльнними, чѣмъ якъ звычайно поступалъ Варшавскій сенатъ и коронный Гетманъ съ пльнными козаками.

Послѣ того Хмельницкій черезъ 10 дней простоялъ на мѣстцѣ битвы пѣдъ Корсунѣмъ, не обавляючись ни-откуда напасти ни супротивленія; вѣдай бо ляцкого войска на Украинѣ уже не было. Въ часъ того отпочинку оубъ приказалъ розставити на побоевищи бо-

гаты панскіи шатры, и созвалъ сюда козацкую раду. На радѣ запыталъ онъ козаковъ: „Що менѣ дѣлати теперь съ такимъ великимъ числомъ невѣдльничковъ? Скажете, прому, рыцари-товарицц!“ — Рада проговорила такъ: „Гетманѣвъ и другихъ, самыхъ найзнатнѣйшихъ панѣвъ ѡтдати непременно Татарамъ за то, що они были головными непріятелями Украины; а простымъ жолнѣрамъ предложити: если хотять избавитися ѡтъ прохода въ Крымъ, то най заццатать за себе окупу, а если не заццатать, то всѣ пойдуть въ неводю.“ — Хмельницкій одобрилъ тую раду, и послалъ также въ Чигиринъ предложити тое само онымъ пльничкамъ, которы вьзаты были на Жолтыхъ-Водахъ. Потомъ радѣмено пльничковъ: 8060 мужа ихъ досталось Тугай-Бей, а 520 простыхъ воиновъ и 60 меньшихъ начальниковъ дали окупу и остались тмчасово на Украинѣ. Паны же Гетманы, Потоцкій и Калиновскій, хотя и давали за себе по 24.000 таларѣвъ окупу, но Хмельницкій свато сохранилъ препорученье козацкою рады, не принялъ окупу, а высалъ всѣхъ найзнатнѣйшихъ старшинъ въ неводю къ Татарамъ. „И похвали (каже украинская пѣсня) панскіи рыцари въ Крымъ пыщю и велелѣпно: то были два польскіи Гетманы съ ихъ полковниками и ротмистрами, а возы ихъ со всякимъ добромъ остались Запорожцямъ, щобъ полатати козацкую худорбу.“

Въ тоежь время Хмельницкій послалъ и на Запорожье вѣсть о своей побѣдѣ, а также и подарки для Сѣчи. Онъ звернулъ всѣ гетманскіи клейноты, вьзаты на Сѣчи, такъ, що за одинъ бунчукъ послалъ два, за одну булаву — двѣ, побравши ихъ у Поляновъ; кромъ того отправилъ онъ богатыи дары на Сѣчевую церковь. Добыча бо козаковъ, занята на поли битвы, была чрезмѣрно велика. Самъ Хмельницкій одержалъ на свою часть 13 возѣвъ, наладованныхъ панскими скербами; всякій послѣдній козакъ такъ обогатился тогда, що войско, передъ тмъ бѣдное, коли двинулось дальше въ Украину, было убране такъ красно, що „смотрячи на него зъ высоты (говорить летописецъ), можна было уважати его за ниву, усьянную червонымъ макомъ.“

Послѣ Корсунского пораженія Тугай-Бей вышолъ изъ Украины, а Хмельницкій прибылъ въ Бѣлую-Церковь и расположился тамъ обозомъ. Уже вся Украина была зворушилась: мятежь обнял русскую землю ѡтъ рѣки Ворсклы до Днѣстра; толпы селянъ приходили въ Бѣлую-Церковь и поголовно записовались въ козаци. — Силъ у Хмельницкого набралось такъ богато, що якъ-разъ можъ было съ ними иди хотъ на цѣлу Польшу. Но Хмельницкій первоначально не думалъ о походахъ ажъ въ предѣлы Польщи, а тѣлько радъ былъ попристати на самомъ зручнованью польского владычества въ земляхъ Украины. Тожъ достигнувши теперь своей первобытной цѣли, онъ самъ на-разъ не мѣгъ зивр-

ковати, ша тутъ дальше чинити съ такъ великою громадою козацкаго войска, яна крутомъ него у Белои-Церкви зъ цілою Русію собралася.

Посередъ той неспевности, середъ нарадъ надъ тѣмъ, що дальше дѣлати, надѣйшла изъ Польщи нечаянная вѣсть, що король Владиславъ IV розеталася съ тѣмъ свѣтомъ. Сія околнчність розвизала руки Хмельницкому; совѣсть его успокоилася тѣмъ, що бнть теперь не буде воевати противъ короля, своего друга и благодѣтеля, на той случай, еслибы король принядъ сторону панѣвъ въ сей борбѣ русскаго народа съ ляхкою шляхтою. А зналъ же Хмельницкій, що по смерти короля управление державы перейде цѣлковито на шляхту, претѣвъ которой бнть поднядъ оружіе. Затѣмъ бнть и не разбивалон уже бдльце надъ тѣмъ, що тутѣ дальше дѣлати, но поставовилъ коротко такъ: продолжати завязтую войну противу шляхетной Польщи.

ИСТРЕБЛЕНІЕ ЛЯХѠВЪ въ ЗЕМЛЯХЪ РУССКИХЪ ЛѢТОМЪ 1648 г.

Страшное то было для Польщи все лѣто 1648 г. Еше въ первой половинѣ Мая Ляхи свратили нечаянно въ двохъ битвахъ съ Хмельницкімъ (пѣдъ Жолтыми-Водами и пѣдъ Корсунемъ) цѣлу силу свою военну, що держала въ рабствѣ Украйну а съ тою-же и всѣ русскіи земли; въ другой же половинѣ (дня 20.) Мая Ѡтъужеръ ихъ король Владиславъ, который еше яко-такю любленнѣй былъ козаками и мѣгъ былъ возникшии огонь бунта хоть по части примирити. Но погибелъ ляхкой арміи и смерть короля не были еше наибблыпимъ несчастьемъ въ ноябрь съ тѣмъ, яке сейчасъ потомъ; въ мѣсяци Червню тогожъ года, гостило панѣвъ ЛяхѠвъ не лишь на Украйну, но и во всѣхъ другихъ земляхъ русскихъ, завоеванныхъ Польщю. Гетманъ бо Хмельницкій, рѣшившиисъ по смерти короля Владислава вести дальне войну съ Ляхами на-забой, разоодалъ изъ Белои-Церкви во всѣ стороны Руси свои военныи грамоты, въ которыхъ сповѣщая народу о своихъ первыхъ двохъ побѣдахъ надъ войсками пана Потоцкаго, препоручалъ всякому Русину, кто лишь оружіе двигнути може, абы ставалъ до борбѣ противу Польщи, а всѣхъ способныхъ до козацкой службы запрашалъ прибывати въ полною уброеши, на добрыхъ коняхъ пѣдъ Белою-Церковю.

Военныи грамоты Гетмана Хмельницкаго произвели пожадаемое дѣйствіе. Русь наша Ѡтъ Карпатъ ажъ до границъ московскихъ вся нарядилася по военному, и принялася потреблати ляхкое насашье, где лишь оно заснвилосъ по землямъ русской. Селане забирали свои хаты, перековывали орала и серпы на мечи и списы та ставали воинами. Изъ всѣхъ сель и мѣстечокъ молодецъ и старыи люди собирались въ уброенныи шайки, которы назывались „загонами“, и ставались пѣдъ Белою-Церковю, где Хмельницкій записовалъ ихъ въ пойки,

давали на сотнѣ и назначали имъ начальниковъ, а то: звычайно такихъ, якихъ самы-же загоны изъ-середъ себе за наилучшихъ „ляхорьзовъ“ ему представляли. Потому такіа загоны, одержавши благословенство отъ полковыхъ священниковъ и особенныя препорученія отъ Батька-Гетмана, отправлялись „очищать русскую землю.“ Иными загоны составлялись по краю на власную руку, и тѣ въ горячковой завязности своей сей-часъ прійимались за истребленіе Ляховъ во всѣхъ окрестностяхъ, даючи лише: знати Батькови Хмельницкому, що дѣло мести народной уже исполняется. Такія загоны называно „гайдамаками“, и число ихъ умножалось надъ-звычай поспышно, такъ, що въ-скорь они могли розорати не только ляцкія дворы и усадьбы, но и укрѣпленныя замки та города. Звычайно якъ лишь гайдамацкій загонъ появлялся въ панскомъ селѣ чи мѣстечку, пѣдданныи хлопы принимали гостей якъ избавителей, соединялись съ ними та шли на палацъ или двѣръ своего ляцкого дѣдича. Тогда не было пощады ни старцамъ, ни жѣнкамъ, ни груднымъ дѣтямъ: все, що жило въ панскомъ дворѣ, навѣтъ и домашніи слуги, если они были католики или недоляшки-уніаты и за-вчасу не приставали до загона, были въ пень вырваны, двѣрскіи же будынки шли съ дымомъ, а забранныи Ляхами маетки русскіи, яко поля, лѣсы и пасовиска отдавались громадѣ до рѣвного подѣлу, въ вынагороду за долготню панщину и всякіи кривды отъ двора. А хотя гдѣкуда осторожнѣйшіи шляхтичи, якъ лишь зачули новину о Корсунскомъ пораженіи, складали поспышно на возы свои добытки и пускались бѣжати съ одними грывищами душами изъ Руси въ Польшу, то однако весьма рѣдко удавалось имъ таке бѣгство, помеже, якъ повѣдае одинъ ляцкій историкъ зъ тѣхъ часѣвъ: „кождый хлопъ — Ляхамъ непріятель, а кожде русское село чи мѣстечко — гнѣздо вороговъ Польщи.“ Неразъ же толпы ляцкихъ панѣвъ, не находячи выхода ни спасенія, укрывались въ укрѣпленномъ замку якого знатного магната, имѣвшого свое надворное войско, и поглядая оттуда на луны горывниихъ докола ихъ двѣрѣвъ, готовились, въ виду жѣнокъ и дочерей, стояти за нихъ до послѣдней капли крови. Но все было надаремно. Если бо гайдамаки самы не провадали добычи, то панскіи слуги, звычайно люде русскіи, въ самъ-часъ наведуть ихъ на ляцкій замокъ, и закѣмъ паны обнажать свои кривыи сабли, баяя показати старо-польское мужество, уже самыи слуги вяжутъ ихъ и передають истителямъ земли русской на страшныи муки. Послѣ кровопродитной съ Ляхами работы гайдамаки обычно выкатчали изъ панскихъ пивницъ бочки съ винами, пили, гуляли и спѣвали грозныи пѣсни середъ пепелищъ и трупѣвъ.

Съ такимъ-же розъяреніемъ и завязтѣемъ гайдамаки поступали и въ тѣхъ городахъ на Русь, где жили католики и недоляшки-

уніаты. Рѣдко якій католикъ или перекинчикъ русскій спасалъ вражую душу отъ свистъ и топоровъ гайдамацкихъ. Ненависть русского хлопча до всего ляцкого простиралась такъ далеко, що гибли навѣтъ некоторые православныи мѣщане за то едино, що слѣдуючи тогдашнему звичаю, носили польское убранство или закидали на польскій ладъ въ босыдъ. — А въ тожь время и русское духовенство, ставуяни по сторонѣ народа, откликнулося громкимъ кликомъ по Руси; призывая всѣхъ вѣрныхъ на борьбу противу Польщи. „Приспѣтъ часъ; пожаданній часъ!“ голосили наши священники: „пора назадъ добыти свободу и честь нашей вѣры! Вѣки проходили, и православная вѣра терпѣла постыдное униженіе. Вся наша приходы, церкви, монастыри, епархїи — въ рукахъ латинянь и уніятѣвъ. Латинникамъ даютъ доходныи мѣстца, а бѣдны православныи Русины страдаютъ въ нищеть. Жида для панѣвъ лучши отъ насъ; жида управляютъ ихъ добрами и безмялосердно кричатъ бѣдныхъ христїанъ. Пора, пора! Ставайте до бою за свою жизнь, за свое отечество! Богъ благословить васъ и поможе вамъ!“

Тогда-то наши гайдамаки, пригадавши собѣ, що колись-то доказовалъ на русскихъ святыхъ напешникъ-загорѣлецъ Архіепископъ Іосафатъ Кунцевичъ, кинулися идти за его примѣромъ, та съ подобнымъ ему ожесточеніемъ творили насилїя католицкимъ костеламъ. Сїи-то костелы предавали они поруганїю, грабили ихъ и палили; образы и статуи римскихъ святыхъ прострѣлювали, рубали и кидали на смѣть; польскихъ ксендзѣвъ и мнїхѣвъ били, топили, вѣшали та всякими муками мучили безъ милосердія и безъ исключенїя. — Памятникомъ тѣхъ событїй осталось въ народѣ преданїе, що одинъ гайдамакъ повѣсилъ надъ головницю старецъ въ костелъ католицкого ксендза, жида и собаку, и написалъ надъ ними слѣдующїи слова: „ксендзь, жидъ та собака — все вѣра еднака.“ Ба народная месть преслѣдовала навѣтъ и мертвыхъ: розбѣшенныи гайдамаки по примѣру Іосафата Кунцевича арывались въ гробницю, извлекали тѣла и кости ворогѣвъ, и роскидывали ихъ на четыре вѣтры.

Найжесточайше одноюжъ поступали гайдамаки съ жидами. Звѣство бо, що передъ возстанїемъ русского народа жида, будучи арендаторами и управителями панскихъ дѣбръ, довели народъ до крайняго отчаянїя своимъ адирствомъ, тиранствами и бѣльше всего поруганїемъ надъ православными церквами, находившимися въ ихъ арендѣ. Тож коли народъ на Ляхѣвъ повсталъ, росылатился битъ страшно и съ жидѣвствомъ, которе загодомъ уважалось головнымъ орудїемъ владычества Польщи въ земляхъ русскихъ. Звычайно по мѣстахъ и мѣстечкахъ гайдамаки въ-кунѣ съ возставшимъ народомъ ввадали въ жидѣвскїи бож-

ницъ, куда передъ ними хоронилось перемолощенное юдейское племя, и тутъ безпощадно рзали и истребляли всѣхъ, не принимая никого окупу. По увѣренью одного рабина, который случайно спасся былъ отъ рзани и за границу описалъ смутную исторію своихъ единоверцевъ, погмбло тогда до 100.000 жидовъ илдь топорами гайдамаковъ, не вчисляя еще и тѣхъ, которыя эгнули отъ голода и жажды, или потонули въ рѣкахъ во время безплоднаго бѣгства. „Не осталось тогда — нише оны рабинъ — въ русской земли ни одного жидъ; всюду, по поляхъ, по ровахъ, въ потокахъ лежали тѣла нашихъ братьевъ, ибо гонители ихъ были быстрѣе отъ орловъ небесныхъ.“ Украинскіи же лѣтописцы говорятъ, що многіи изъ жидовъ за-длѣя страха приняли тогда христіанство и были пощажены со своими наотками; но тѣи перекресты потомъ знову повертали на жидовство, коли минала тревога або коли устывали они уйти изъ Украины.

А быложъ гайдамацкихъ загонѣвъ въ земляхъ русскихъ „не сто, не тысячь, а безъ-лячь,“ по выраженью лѣтописей. И кошеже гайдамаки держалися правила: кто не за нихъ, той противъ нихъ, такъ отъ того многіи должны были и пожемо своей воли братись за оружіе и приставати до загонѣвъ. Загоны же тѣи носили звычайно названіе своихъ предводителей, въ числѣ которыхъ найстрашнѣйшии были Атаманы: Вовгура, Ганжа, Кривоносъ, Шолудивый-Бунякъ, Небаба и Гаркуша.

Загонъ Вовгуры или такъ званы Вовгуревцъ бушевали вокругъ Кіева и другихъ украинскихъ городѣвъ. Ихъ было зъ-начала 150 мужа, но потомъ стекалось до нихъ таке множество народа, що Атаманъ Вовгура, не успѣвая всѣхъ прокорнито, принималъ до своего загона самыя выпробованныхъ силачей и отчайдуховъ, зъ которыхъ каждый стоялъ за 10 хлопа. Не было случая, каже лѣтописецъ, щобы кто-нибудь изъ нихъ живцомъ отдался въ плѣнъ, а врагамъ отъ нихъ тяжко было, найпаче же жидамъ. Поляки такъ ихъ боялись, що если бывало скажутъ: „Вовгуревцъ идуть,“ то се было страшнѣйше; нѣмъ бы ишло цѣле козацке войско. Зъ-начала они выязали себе въ Сѣверской земли, а потомъ соединившись съ Кіевскими загономъ Харченка, напали на Каневъ, где Ляховъ вырвали, а илдь всѣхъ жидовъ поздирали зъ живыхъ кожи. „Такой ихъ былъ козацкій обычай,“ говоритъ лѣтописецъ.

По Подолью носилися загоны Ганжи, Остапа Павлюка, Моловьяна, Морозенка и другихъ. Но изъ всѣхъ наибольше доказовалъ загонъ Ганжи. Той бо Ганжа, поставленъ зъ руки Хмельницкого полковникомъ Уманьскимъ, якъ скоро очистилъ отъ Ляховъ свою Уманьскую область, ворвался въ Подольскую землю, где началъ истребляти все, що было враждебно козакамъ; селняннѣ и рускою вѣръ. Хлопы

притавали до него толпами, а мѣщане отверали ему городскіи ворота и понагали рѣзати жидовъ и шляхту. Въ случаяхъ, где справа была труднѣйша, Атаманъ Ганжа уживалъ подобно Батькови Хмельницкому хитрой штуки. Такъ подъ Немировъ, где-то много шляхты съ жидами заперлося, Ганжа выслалъ 50 гайдамакъ, одѣтыхъ по польски, которыя, подѣжавши къ воротамъ, затрубили въ трубы и ударили въ литавры, якъ то звычайю дѣлали польскіи панцерники. Поляки думали, що се прибываютъ къ нимъ на помощь узброеннии братья-шляхтичи, и отворили ворота. Тогда переодѣтти гайдамаки въ соединеніи съ православными мѣщанами перемогли ляцкую стражу у воротъ, и впустили въ городъ весь загонъ, притаившійся недалеко Немирова. Занявши городъ, гайдамаки цѣлыми сотнями водили топоти Ляховъ и жидовъ, которыхъ послѣднихъ погибло тогда до 6000 душъ. — Съ подобною хитростію занялъ Ганжа и укрѣпленный замокъ въ Нестеровъ, маестности князя Януша Четвертинского; тутъ онъ прирекъ Ляхамъ за дорогій окупъ ихъ пощадити, однакожь требовалъ при томъ, чтобы они выдали гайдамакамъ на рѣзю всѣхъ жидовъ, якіи съ ними въ-купъ въ замку были заперлися. Ляхи выдали жидовъ, однакожь вскорѣ потомъ и сами понесли потибель отъ другой гайдамацкой шайки, Остапа Павлюка, котора въ слѣдъ за Ганжею въ добрахъ Четвертинского явилася. Останъ Павлюкъ не только перерезалъ всѣхъ Ляховъ, но еще на наибольшую досаду ляцкого панства обвѣнчался съ княгинею Четвертинскою, женою Януша, котора, абы спасти жизнь свою, безъ опоры поѣшла подъ вѣнецъ съ „простылъ гайдамакомъ.“ — Изъ числа многихъ загонбъ, бушевавшихъ по Подолью, славны были еще два загоны: Половьяна и Морозенка. О первомъ осталось преданіе, що коли ему случалось поймати ляцкую панну или жидовку, то онъ здиралъ у ней зъ шеи полосу кожи и говорилъ, що се ой козаки подарили „червону стрѣчку.“ Морозенко же былъ такъ страшный, що о немъ говорили, будто Ляхи боятся его больше мороза.

Но больше изъ всѣхъ прославился своими дѣйствіями на Волыню загонъ Максима Кривоноса, предводителя „мрачного и жестваго,“ якъ выражаются польскіи историки. Народная повесть голоситъ, що Кривоносъ былъ характерникъ, т. е. такіи козаки-чародѣи, котораго не брада никакая куля, хибанъ бы она была изъ самороднаго серебра и освѣщенна чудотворною Іорданскою водою. Зъ-начала Кривоносъ выказалъ себе въ Переяславль: подъ начальствомъ его составилъ загонъ изъ православныхъ жителей города и околлицъ, перебилъ жидовъ и Поляковъ та отправился за Днѣперъ до Хмельницкого. Людей въ томъ загонъ было до 10.000. Хмельницкій, почитая высоко хобробсть Кривоноса, вызначилъ ему одну зъ найтруднѣйшихъ задачъ,

выслалъ бо его на Волны розорити маестности князя Іереміи Вишневецкого, который не только заявилъ себе отъ давна кайбольшимъ врагомъ Руси и козачества, но къ тому еще надъ воухъ Дяховъ отличался мужествомъ и твердымъ военнымъ характеромъ. — Былъ же той князь Іереміи Вишневецкій потомокъ изъ славнаго роду Корыбута Ольгердовича; и весь его предки смыли защитниками святаго православія. Правда его быль Гетманомъ козаковъ и потерпѣлъ мученическую смерть въ Цареградѣ за русскую вѣру. Отець Іереміи, Михаилъ, до конца жизни исповѣдывалъ православіе; самъ же Іереміа былъ съ начала также православнымъ; но буданъ для воспитанія въ Львовску езуитску академію, перемѣнилъ вѣру и здѣлался на всю жизнь запеккою католикомъ; злобывалъ врагомъ русскаго имени и русскіи черкви. Пусьдючи огромны добра въ Галиччынѣ, на Волны и на Украинѣ, былъ съ фанатичною ревностію заводилъ тамъ католичество иулію, а съ крайнимъ ожесточеніемъ гонилъ православныхъ; разбивалъ русскіихъ людей жю мужъ; такий фанатикъ любилъ являть Долякамъ; и они толпани стоналися до него на придворную службу, такъ, що назберадось у него порядочне свое надворне войско. Онъ былъ искусный полководець, и неуломимый къ врагамъ. Во время войны съ Велико-Русами онъ такъ ужасно розорилъ югдиль Московскіи пограничныя города и села; що Велико-Русы прозвали его Палюмъ. Еще, большу же жестокость оказывалъ онъ надъ козаками послъ умиротворенія ихъ бунтавъ. Тутъ онъ выдумывалъ самыи найстрашнѣйшыи муки, и черезъ то прійшоль въ крайное омерзаніе у Руснавъ; особенно ненавидѣли его духовныи, возстановляли противъ него народъ; указывалъ на него яко на отцебенца и измѣнника. Неразь жизнь его была въ небезпеченствѣ; но всегда, якъ только удалось ему освободитися отъ бѣды, онъ не думилъ, подобно другимъ магнатамъ, умиротити недовольныхъ ласкою, а ставалъ еще тѣмъ строжайшимъ мучителемъ своихъ противниковъ.

Въ то время, коли Хмельницкій подыалъ войну противу Польщи, князь Іереміа жилъ въ своемъ маєтчку Дубна хъ на Украинѣ, и не смотря на загальный переполохъ шляхты, онъ одинъ илвалъ отвѣту ставити челю бунтованному народу. Собравши около 8000 мужа своего придворнаго войска, онъ гонялся за гайдамаками и воухъ ропавшихся въ руки казилъ жестокою смертію. Разгояя такимъ способомъ хюпскіи шайки, Вишневецкій дойшоль майже до Переяслава и нахрялъ уже перейти на другую сторону Дняпра, чтобы успѣшнѣе на похочъ Потенкому, но узнавши по доровъ, що Переяславъ возмутился и Кривоносъ съ 10.000 мужа готовился поразити князя, вернулъ назадъ, и тутъ на поворотномъ пути, недалеко села Березани, явились къ нему 6 козаковъ съ письмомъ Хмельницкаго, въ которомъ Гетманъ

Уириины извѣстили князя о пораженіи лядскихъ Гетмановъ подъ Корсунемъ, просили его не оскорбляться тѣмъ и не начинать вражескихъ дѣйствій противъ Руси. Вишневецкій вѣсто ольгѣ приказалъ вѣдти на пѣль посланниковъ Хмельницкаго, при чемъ побрякивая саблею въ гитарѣ восклицалъ: „Отъ-такъ належить усмирятъ козаковъ!“ — Помимо тѣмъ неустрашимости Вишневецкаго, дозрѣніе его въ обунтованномъ докода краю ставалось чѣмъ-разъ небезленивише; подъ Дубны собирались все больше и больше загоны, а изъ власной дружины князя Іеремія осталось уже только 3000 мужа. Затѣмъ собравшись наскоро, Вишневецкій вразъ съ родиною выѣхалъ изъ Дубенъ, на-вѣки попрощавшись съ мими и заплакавши о утраченныхъ тамъ маеткахъ. Кодо Дубенъ переправился онъ черезъ Дняперъ и скорымъ ходомъ поскакалъ мимо Житомиръ до своихъ добрѣ на Волинь. По дорожъ онъ еще зруйновалъ мѣстечко Погребище, где составилса свѣжий загонъ изъ селянъ и мѣщанства, а потомъ ударилъ на свой власный городъ Немировъ, котораго жители, соединившись съ гайдаками, признали надъ собою власть Хмельницкаго. Въ Немировѣ тогда уже гайдакъ не было, а остались сами мѣщане съ своими священниками. Не трудно пришлось Вишневецкому, назалъ здобыти свой городъ, по чѣмъ следовала страшная мѣсть князя на Немировицѣхъ. Мѣщанамъ и священникамъ вырывали очи, распинали ихъ на крестъ, разрывали на доловину, сажали на колъ, обдидали кияткою, и кроме того, уживами тащили мужи, говорить латописецъ, якихъ и дикіи народы немогли выдумати. Вишневецкій присуствовалъ при тѣхъ казняхъ и въ быщенствѣ ободралъ катлабъ, словами: „Мучте ихъ такъ, щобъ они чувствовали, що умирають!“ — На другой день князь Іеремія уѣхалъ изъ Немирова, оставивши въ городѣ 200 своихъ драгунѣвъ на стражи. Изъ дѣдв Немировицъ, которы еще спаслися въ живыхъ, услыши оплакати замученныхъ, братьей и другѣвъ, якъ знаюу, стали зноситися съ гайдаками, направили до мѣста новый загонъ, и съ помощію тогожъ передубали лядскихъ драгунѣвъ всѣхъ до одного, та и въ другой разъ признали надъ собою власть Хмельницкаго.

На пора уже была князю Вишневецкому иди вторично усмирятъ Немировъ, бо въ другижъ его маетностяхъ грабидъ и палилъ все его добытки грозный характерникъ Кривоносъ, который мовъ громовая туча дѣлится на Волиню, метая докода цострахъ и знищенье на лядкѣхъ дворища. Съ Кривоносомъ справа была не такъ легка, якъ съ Немировскими мѣщукамъ, и хотя князь Іеремія успѣлъ до своей дружины прилучити еще около 5000 мужа Волиньскои шляхты, горнувшойся въ крайній роспуца до него, якъ до рѣдного батька, но все тое дѣдв выстринило ему, обы бѣгствомъ могъ спасти животь свой передъ Криво-

носомъ. Два разы потолкался онъ съ загономъ того характерника: разъ пѣдъ Старымъ-Константиновомъ, а другій разъ ажъ при Россоловицахъ за рѣкою Случемъ пѣдъ границями Польщи. Въ обѣхъ тѣхъ битвахъ мужественный князь якъ и боролся хоробро, яки и доказывалъ чуда военной вправы и искусства, а таки въ-конецъ стративши своей шляхты до 4000 мужа, принужденъ былъ якъ-непышный уступить до Збаража, оставая Кривоносу вольное полѣ до руйнованья ляцкихъ добръ по всему Волюню.

Управниши съ Вишневецкимъ, Атаманъ Кривоносъ по приказу самого Гетмана Хмельницкого пѣйноль на городъ Баръ (также на Волюню), въ которомъ держалась еще польская залога, поставленная княземъ Вишневецкимъ. Начальникомъ той залоги былъ панъ Андрей Потоцкій, сынъ коронного Гетмана, находившогося тогда въ татарской неволи. Онъ то Андрей Потоцкій, бажая помстити на русскомъ народъ соромъ и нужду своего батька, творилъ православнымъ жителямъ города Бара всякіи притѣсненія и пакости, въ чѣмъ съ наибольшимъ усердіемъ помагали ему нехристы-жиды, которыхъ въ Баръ набралось тогда надзвычайне множество, бо сверхъ 15.000 душъ. Православныи мѣщане Барскіи, страдаючи пѣдъ гнетомъ ляцкомъ залоги и жидовы, выслали по-тайно послѣвъ своихъ до Гетмана Хмельницкого съ прошеніемъ о помочъ и избавленье отъ ворорѣвъ. Въ слѣдствіе того въ началъ мѣсяца Августа 1648 явился пѣдъ Баромъ Атаманъ Кривоносъ съ своимъ загономъ, та и справилъ тамъ странную лазню жидамъ и Полякамъ. Гайдамаки его, завладѣвши при помочи русскихъ мѣщанъ городомъ и укрѣпленнымъ замкомъ Барскимъ, перерѣзали, перетовали и перемучили неслыханнымъ способомъ всѣхъ шляхтичей, католиковъ и ляцкихъ ксендзѣвъ, особенно езуитѣвъ, а изъ жидѣвъ, якии лишь были въ городъ, числомъ 15.000 душъ, поздирали изъ живыхъ кожу. Польску же залогу гайдамаки выбили всю до ноги, а пощадили тѣльно пана Андрея Потоцкого и кѣлькохъ найзнатнѣйшихъ панѣвъ, которыхъ Атаманъ Кривоносъ живцемъ приставилъ Батькови Хмельницкому въ городъ Чигиринъ. — Гетманъ Хмельницкій, дѣставши такимъ способомъ уже третого Потоцкого въ свои руки, возрадовался такъ сердечно симъ половомъ, що подарилъ за то дѣльному Кривоносу дорогѣнную саблю и принялъ его къ собѣ на-всегда въ великую милость.

Въ тоежь время на Волюню бушевали еще и другіи гайдамацкіи загоны, якъ именно около города Луцка загонъ Атамана Колодки, который безпощадно руйновалъ панскіи маетки и розбивалъ Ляхѣвъ та жидѣвъ до послѣднаго накорѣнка. Загоны тіи заняли пѣдъ власть Хмельницкого всѣ важнѣйшіи города Волюня, якъ то: Кременецъ, Олыкъ, Ровно, Клеванъ, Тайкуры, Острогъ, Владимиръ, Кобринъ, Заславъ, Гуцу

и други, а все земли панскіи въ тѣхъ сторонахъ, въ лѣсы и пасовиска, забранни безправно Ляхами, роздали гайдамаки братьямъ своимъ, русскимъ селянамъ, препоручая тѣмъ-же, абы они по вѣки вѣчны не отдавали ихъ панамъ Полякамъ. Така бо утвердилась тогда крѣпкая мысль въ нашомъ простонародіи: що паны Поляки, насылаемыи на нашу Русь, приходятъ сюда звыкло яко голыни, а лановъ и мѣсбв и пасовискъ не приносятъ съ собою изъ Польши, но забираютъ ихъ у русскихъ громадъ, просвояючи собъ насиліемъ все тое, що имъ покажется найкорыстнѣйшимъ и наилучшимъ. Тожь теперь, коли нарбдъ по всей Руси громадно поднялся, абы зничити владнѣе Польши, уважалось рѣчию справедливою, чтобы отобрати отъ Ляховъ всякіи земныи добытки, якіи они на Руси безправно посѣдали, и затѣмъ панскіи ланы, лѣсы и пасовиска роздѣляно межи громаду, до которой они зъ-поконвѣка передъ нашествіемъ Ляховъ яко исконно-русская власность належали.

Въ сторонахъ межи Кременцемъ и Дубномъ (тоже на Волнню) лютился страшнымъ способомъ гайдамацкіи загоны, которого начальникомъ былъ человекъ якіи безыменный, названный по преданію народа Шелудивый Бунякъ. О семъ Шелудивомъ Буняку было такое повѣріе у русскихъ селянъ, що онъ еще за часбв старинныхъ князей Руси былъ ханомъ Половецкой орды, а имѣлъ такіи дикийи норовъ, що въ мясо мертвецѣвъ и пилъ вмѣсто воды людскую кровь. Колижъ онъ умеръ, земля не хотѣла принять его трупъ, и оттакъ онъ яко мертвецъ долго блукался по всехъ краяхъ, ажъ наконецъ явился на Волнню, и тутъ сталъ начальникомъ гайдамацкого загона. Онъ имѣлъ человѣческое лице, изъ виду казался живымъ существомъ, но внутренность его была наполнена гнилыми кбетьми, и се было видно, коли онъ роздѣгался. А роздѣгался онъ только разъ кождого мѣсяца; разъ бо шо-мѣсяца ходилъ онъ купатися въ баню и бралъ съ собою козака, которого потомъ убивалъ, чтобы той не росповѣлъ, кто онъ такіи. Прійшляжъ разъ черга идти одному козаку, которого мати была вѣдьма: тая дала сынови пирбгъ, испеченный на молоку груди своей. Сынъ предложилъ мертвецю Буняку на купели той пирбгъ, и Бунякъ досмотрѣлъ зраду не скорше, ажъ зѣлъ зачарованныи пирбгъ. Тогда сказалъ онъ сыну вѣдьмы: „Ты уйшоль отъ смерти: я теперь твбй братъ, понеже мы оба кормились отъ груди одной матери; однакъ черезъ то я сталъ знову живымъ существомъ, и погибну отъ вражихъ рукъ.“ А такъ оно и сталося: названный братъ перебѣжалъ къ Полякамъ, открылъ имъ, що слышалъ, и Шелудивый Бунякъ погибъ на первой стыцѣ отъ кульки ляцкой. Межи Кременцемъ и Дубномъ коло мѣстечка Вербы еще и нынѣ показуютъ курганъ, где будто лежитъ погребенъ Бунякъ. Черныи духи гвздытятся тамъ, и пугаютъ всякого, кто ночью туда проходитъ. —

Таке преданіе жиє въ народѣ о Шелудиницѣ Буцаку, и оно, хотя перебраше строити выдуманной сказки, но показуе, якъ страшно было се возстаніе на Русь, коли въ немъ по народному понятію брали участь и навѣть мертвечи.

Въ тойже самъ часъ, коли Волынь, Подолье и право-бочная Украина кипѣли всегальнымъ бунтомъ противъ Польщи, на лѣвой сторонѣ Днѣпра такожь дѣялось не иначе. Изъ тамошнихъ загонѣвъ наибольше Ляхамъ дался въ знаки загонѣ Атамана Шумейка, который сперва появился около Чижина, а потомъ возросши на кѣлька добре устроенныхъ полковѣвъ, явился ажъ подъ крѣпость Кудакъ, Ляхамъ противъ Запорожья востроенную. Крѣпость таа еще въ мѣсяци Юнію 1648 г. находилась въ рукахъ Поляковъ, и Хмельницкій вовсе не думалъ здобывати ю правильными козацкими силами, но предоставилъ тую роботу первому лучшему гайдамацкому загону, якій случайно въ оныхъ сторонахъ собирается. Такииъ загонѣвъ былъ власно загонѣ Атамана Шумейка, который ажъ скоро явился подъ Кудакомъ, сейчасъ приступилъ къ осадѣ той крѣпости, призвавъ Поляковъ, щобъ они поддались ему добровольно. Начальникъ крѣпости, панъ Гродзицкій, сперва аще не гадалъ о подданьеса, будучи увѣремъ, що простыми хлопцями гайдамаки цѣякъ не здолають проишвести правильну осаду крѣпости; коли однакожь вскорѣ потомъ увидѣлъ, що гайдамаки подрыли землю подъ крѣпостію такъ искусно, якъ-бы того годъ ожидать, и отъ найлучшихъ инженеровъ, и що они уже забираются найважнѣйшую часть крѣпости, высадити порохомъ въ воздухъ: тогда повбавленный всякой надѣи на свое спасеніе онъ постановилъ поддаться. Уговорившись съ Атаманомъ Шумейкомъ о условіяхъ подданьеса, панъ Гродзицкій съ цѣлою лядкою залогою вышолъ изъ крѣпости, и гайдамаки, честно исполняя обычай военный, не тронули никого изъ поддавшихся, а отставили всахъ живцеи въ Чигиринъ, где Гетманъ Хмельницкій поступилъ съ планиками въ таиий способъ, що простыхъ жолнѣровъ велѣлъ задержати въ своемъ таборѣ, а начальника Гродзицкаго отпустилъ свободно въ Польшу. — Такъ могучая крѣпость Кудакъ досталась безъ кровопролитія во власть Хмельницкаго.

Въ то время набралось въ Чигиринъ такъ богато лядкихъ плѣнникѣвъ, що Гетманъ Хмельницкій принужденъ былъ одну часть изъ нихъ выслати до Кіева, где ихъ мыщено въ тамошнихъ православныхъ монастыряхъ. Была бо съ теми цойманскими Ляхами беда така, що ихъ годъ было где укрыти верелъ розъяремнымъ народомъ, та единимъ мѣстцеиъ для ихъ спасенія были монастыри и храмы православныи, въ которыхъ по увѣренію народа вороговъ хотѣли и найбѣришихъ, если они туда скрылися, не вольно было оскорбляти.

Тожъ и сталося иттенно въ Кіевѣ таке, що коли въ кілька дней послѣ Корсунской битвы русскіи горожане возстали на Поляковъ, много людей изъ шляхты, католическій ксендзы а навѣтъ и жида, спасаясь отъ очевидной смерти, убѣгали въ Печерскій и другіи русскіи монастыри города; та уже и бѣгли тутъ отъ всякаго преслѣдованья безпечны: Русскіи монахи изъ милосердія и по духу истинно-христіанской набожности дозволяли имъ жити у себе, кормили ихъ своимъ хлѣбомъ, а толькы перестерѣгали ихъ, абы не важились выходити за стѣны монастыря, бо тогда всякому воля Ляха чи жида въ землі русской убити. Шляхта и жида та и присланныи зъ Чигирина лятскіи пѣвинники долго скрывались въ Кіевскихъ монастыряхъ, не будучи никыжь преслѣдованы; однакыжь съ часомъ жютиа зъ нихъ, ободренныи тыниною города, осмѣлялись выходити на улицы, ба дальше и начали показовати такий гордый видъ, будто они знову стали панями въ Кіевѣ. Тогда то нерозважны оны люди дорого заплатили за свою смѣлость: чернь бо городская кинулась на нихъ съ лютымъ огорченіемъ, и перерезала всѣхъ, кого лишь изъ нихъ встрѣтила на улицахъ или въ частныхъ домахъ въ городѣ. Остались въ живыхъ мало ти немощніи Ляхи, которы не показовали нова изъ-за стѣны монастырскихъ.

Возстаніе русско-народное отозвалось и въ Бѣлой Руси и на Литвѣ. Первый человекъ, который принѣсъ туда призывъ къ народному бунту, былъ русскій помѣщикъ Головацкій, и бытъ же составилъ перву гайдамацкую шайку въ сторонахъ около Стародуба. А хотя шайка Головацкого воноръ розбита была польско-литовскимъ войскомъ, то однакыжь подомя, отъ ней роздугое, выбухло сейжечасъ въ другіихъ сторонахъ Бѣлой Руси и Литвы. Межь селянами въ тѣхъ земляхъ появилась военная грамота Гетмана Хмельницкого, и въ свѣдѣніе того сельскій народъ возставалъ громадно противу Польщи, убивалъ панѣвъ, палилъ ихъ дворища, а панскую землю забиралъ всюду на владѣность громадску. Возстаніе по всей Литвѣ розширилось съ неслыханною быстротою. Селяне соединились въ гайдамацкіи загоны такъ само, якъ се было и въ другіихъ земляхъ Руси, та ходили по всему краю, истребляя огнемъ и желѣзомъ все, що лишь было польское. Изъ было-русскихъ загонѣвъ найстрашнѣйшии были для Ляхѣвъ загоны Небабы и Гаркуши, которы въ мѣстечкахъ и селаяхъ около Гомеля, Пинска и Лѣова поруйновали всѣ панскіи дворища и польскіи костелы, та истребили якихъ 20.000 душъ польской шляхты и жидовства. Противъ тѣхъ-то загонѣвъ высылали Ляхи численными войска, стоявши на Литвѣ, однакыжь долго держались загоны и побивали армію лятку, где лишь съ нею сойшлись. Ажъ наконецъ найсилнѣйшого Атамана Небабу подужали Ляхи подъ городомъ Пинскомъ, вырзали и Пинскихъ

православныхъ мѣщанъ, которыя всѣ держали съ Небабою, та послѣ сего уже и другія блго-русскія загоны усмирились и розбѣжились. Лишь около города Могилева бушевалъ еще долѣе время сильный загоны Атамана Кривошапки, который вславился именно тѣмъ, що въ Могилевѣ перебилъ всѣхъ жидовъ и католикввъ, разбурилъ всѣ лаяцкія костелы и огородилъ въ семь городѣ владѣтелемъ литовской Руси: Богдана Хмельницкого.

И по-правдѣ, Богданъ Хмельницкій сталъ владѣтелемъ скрбѣзшироко по всѣхъ земляхъ, где лишь жидо русское хлѣбство, где держалась русская вѣра. Хотя бо самъ онъ не здобывалъ теперь ни крѣпостей ни городввъ, бо послѣ Корсувской битвы цѣлыя лѣты 1648 г. просидѣлъ онъ въ своемъ Чигиринѣ, устроивъ тутъ великое войско козацке, но за то вмѣсто него и для него подвигалось и дѣйствовало теперь русское простолудіе, которое само собою устроившись въ страшнаго рода войско, вело по всѣхъ русскіихъ земляхъ завязую войну противу Польши, забравъ тѣи земли всюду вразѣ съ городами и крѣпостями и замками подъ властью Батька Хмельницкого. Стадъ отже Гетманъ Хмельницкій до-правдѣ владѣтелемъ просторонныхъ земель, бо отъ предѣловъ Московского царства ажъ по-за Случь и по Карпаты, якъ далеко сягала русская Церковь, всѣ села и города русскіи уважались теперь належаними уже не до Польши, но до великаго того Батька-Гетмана, що зруйвовалъ военную силу Польши въ степяхъ при Жолтыхъ-Водахъ и на бодотахъ подъ Корсувемъ.

Такъ то черезъ цѣлыя лѣты 1648 г. производилось дѣло очищенія земель русскіихъ отъ лаяцкого наплада, вырывалось съ корнѣемъ лаяцкое насѣнне, где лишь оно засязалось по Руси, — и подъ осѣнь тогожь года вся просторонъ земли отъ за-Днѣпрянскихъ степввъ ажъ до границъ Польши стала снова на-чисто русскою.

НЕПОРАДНАЯ ГОДИНА въ ПОЛЬЩѢ; — ПЕРЕКИНЧИКИ КИСЕЛЬ И ВИШНЕВЕЦКІЙ.

Всенародное возстанье въ земляхъ русскіихъ произвело по цѣлой Польщѣ, особливо же въ Варшавѣ таку незмѣрный пополохъ, що панове Ляхи якъ-будто ожидаючи суднаго дня, уже имъ снади ни тѣи, а толькы всѣ дни и ночи проводили на молитвахъ и постахъ, каючись за свои смертельныя грѣхи, якихъ допускалися они наипаче супротивъ народа Руси. И справдѣ, цѣлыя лѣты 1648 г. было мовь-бы однимъ суднымъ днемъ для шляхты польской, а то не лише для того, що тысячи изъ родинъ шляхоцкихъ гибли подъ ножами гайдамацкихъ, заронввъ въ областяхъ русскіихъ, но вразѣ и для того, що навѣтъ въ земляхъ чисто-польскіихъ, яко именно въ областяхъ Польши

надъ рѣкою Вислою носилась въ простонародіи мазурскомъ страшная тая мысль, абы вырзати всю шляхту ляцку, загаломъ, всѣхъ панѣвъ, которыхъ уважано причиною всего злого на свѣтъ. Така бо погана была она шляхта ляцка за тѣхъ часѣвъ, що ю ненавидѣлъ не лише цѣлый народъ русскій, но въ рѣвной мѣрѣ мерзился нею даже и польскіи селяне, которыхъ звычайно для розличія ѳгъ панѣвъ-Ляхѣвъ называно зъ-проста Мазурами. Омы то Мазуры, хотя и не знали ближе ни Хмельницкого, ни властивои причины, для которой сей Хмельницкій противъ Ляхѣвъ збутовался, но все таки ѳгъ щирого сердца просили Господа Бога, абы Гетману Украины повелось розбити Ляшню сперва въ земляхъ русскихъ, а потомъ зруйновати туюже шляхоцкую Ляшню такожь и надъ Вислою. Изъ того выходило, що мазурскіи селяне лише и ждали той хвилѣ, коли также для нихъ ударить година всенародного бунту, до которого вже и цѣлый привислянскій край по гайдамацки былъ заготовленный.

Посередѣ такъ непріязного настроенія мазурскихъ селянъ шляхта и магнаты въ самой навѣтъ Польщѣ непокоились о свое житѣе и свои маетки, тѣмъ бѣльше, що въ часъ наставшого тогда безкорольвѣя владѣлъ въ краю загальный неладъ а постоянного войска нигде въ областяхъ польскихъ не было. Тревога панѣвъ Ляхѣвъ возросла до найвысшей степени именно въ мѣсяци Червню, коли то одинъ гайдамацкій загонъ пѣдъ начальствомъ козацкого полковника Тыши вторгнулъ ажъ въ глубину Польщу, и тутъ уже пѣдъ самую Варшавою сталъ розоряти панскіи дворы и ляцкіи костелы, присоединяя до себе селянъ-Мазурѣвъ, которы цѣлыми толпами въ тѣхъ сторонахъ къ нему горнулися. Тогда то многіи Ляхи съ цѣлыми родинами взяли выноситись за предѣлы своей отчины, та утѣнаючи передѣ власнымъ своимъ народомъ, глядали убѣжища на далекой чужинѣ межи Нѣвциами и Французами. А не тѣлько паны шляхта и магнаты, але и знатнѣйшее мѣщанство въ Варшавѣ та въ другихъ бѣльшихъ городахъ Польщи зазнали тогда страху шо-немѣра, бо простый народъ ѳггрожался такожь и на мѣщанъ, которы въ Польщѣ звычайно держали съ шляхтою, а хлопами презирали. Въ такой непорадной годинѣ, коли Ляхи въ Варшавѣ вже и головы потратили, не зная, якъ бы свою Польщу ѳгъ крайной грозы спасати, явились имъ мовъ-бы послѣдніи лучи надѣи два русскіи перекинчики: Адамъ Кисель и Іеремія Вишневецкій, которы одни рѣшительно и тверезо подвизались за справу погибающей Ляшнѣ, уживая до того — первый хитрости и способѣвъ примирительныхъ, вторый стального оружія. Така бо то дивна доля была назначена для Польщи, що погибель а вразъ и спасеніе той Польщи мали выходити ѳгъ нашей Малой Руси, а мали выходити такъ долго, доки наша Русь не звязалась бы

вѣчнымъ крѣпкимъ союзомъ съ братною Москвою. Тоже и сталося въ онъ часъ за славныхъ дней Хмельницкого, що коли русскій народъ повсемѣстно руйноваль ненавистную Польшу, два сыны тогоже народа, потомки знакомитыхъ родинъ Руси, ставши перекличиками-недоляшниками, вередили той роботъ своего народа, та за всю Польшу думали-промышляли лишь о ей спасеніи. Именно князь Іеремія Вишневецкій, хотя выпертый Атаманомъ Кривоносомъ за предѣлы Волиня, но держался еще грозно въ земли Галицкой, где и собиралъ онъ къ собѣ съвѣжніи силы изъ шляхты и недоляшкѣвъ, готовячись къ новому походу на збунтованный Волинь.

Второй дѣятель за Польшу, Брацлавскій воевода Адамъ Кисель, проводилъ свою рѣчь не оружіемъ, но яко человекъ, занимающійся больше мирскою политикою, старался выкрутити справу ляцку мирными переговорами. Онъ то Кисель былъ еще и Русинъ по бесѣдѣ и вѣрѣ, любилъ свою православную Церковь якъ рѣдную мать, а яко вельможа русскій, посѣдающій великіи маєтки на Украинѣ и на Волиню, любилъ также и землю русску хотѣбы вже для того, що имѣлъ въ ней свои великіи маєтки. Но помимо того всего онъ Кисель, яко сенаторъ Варшавскаго сойма, зжившися съ ляцкою шляхтою, на-скрѣзь сердцемъ тягнулъ до мачихи-Польшы и за-для неи готовъ былъ отречися навѣтъ и славы и любви своего русскаго народа. Тоже сей народъ отъ-давни недолюблялъ пана Киселя, въ часъ загальнаго возстанья за Хмельницкого розорялъ его дворища зарбно съ дяцкими, а самъ Хмельницкій складалъ про него такую пословицу, що — каже: „у Киселя русскіи кости, но заросли докола ляцкимъ мясомъ.“

Еще въ началѣ козацкаго повстанья Адамъ Кисель усилуовался задобрити Хмельницкого всякими обѣщанками на ласки Польшы, а послѣ Корсунской битвы послалъ онъ черезъ нарочнаго гонца въ Бѣлую-Церковь дружеское письмо, въ которомъ на-чѣмъ-свѣтъ просилъ и заклиналъ Батька-Гетмана, чтобы той отсталъ отъ дальшой вѣины а выправилъ бы до Варшавы своихъ посланникѣвъ за-для мирныхъ переговоровъ съ сенатомъ. Въ томъ-же письмѣ воевода Кисель завѣрялъ Хмельницкого, що Поляки, сильно укорененныи пораженіемъ въ двохъ битвахъ и затревоженныи всенароднымъ бунтомъ Руси, уже на-всегда готовы покаятися за свои грѣхи и стануть разъ также для русскаго народа по-правдѣ справедливыми. — Письмо Киселя, яко походящее отъ сенатора, единаго заступника русской вѣры въ Варшавскомъ соймѣ, уважалъ Хмельницкій на-стѣльо важнымъ, що приказалъ оное огчитати на козацкой Радѣ. А на Радѣ козацкой въ Бѣлой-Церкви собираволось тогда не меньше якъ 70.000 козакѣвъ, зъ которыхъ каждый управнень былъ до голосу. Коли на той Радѣ прочитано письмо Киселя,

розъяренное козачество зашумѣло троико противъ всякихъ переговоровъ съ Ляхами, и не хотѣло о ніякомъ примиреніи ничого anzi слухати; однакожь Хмельницкій, поважаая Киселя все таки въ какойсь части русскимъ человекомъ, а до того полагаючи, що переговоры не повредятъ козацкому дѣлу, но тѣмъ больше позыскается черезъ нихъ времени для подлаго приготовления къ дальней войнѣ, далъ такую раду: абы для переговоровъ призвати на Украину самого-же Киселя. Старщины козацкіи одобрили тую мысль Хмельницкого, и затѣмъ выслано до Варшавы четырехъ козаковъ-посланиковъ, которы мѣли заявити сенаторв, що Гетманъ Хмельницкій не ѡтъ того, абы лично уговоритись съ Киселемъ. Тогда-то писалъ Хмельницкій до Киселя: „Послухали мы рады Вашей Милости, намного старого пріятеля, а самы поудержались и орды приказали вернутца, щобы не проливалась бѣльше кровь христіанская. На понеже мы осиротѣли по смерти короля Владислава, то просимъ Вашу Милость, щобы Вы самы съ нами повидалися; най бы мы узнали, кого Ляхи хотять имати королемъ, а вразъ и перадижся, що намъ дальше дѣлати.“

Козацкіи посланики прибыли до Варшавы въ мѣсяци Юлію, и воевода Кисель принявши ихъ тутъ у себе съ наибольшимъ радушіемъ, кинулся чѣмъ-скорше межи найзнатнѣйшихъ Ляховъ, абы уговорити ихъ на примиреніе. Имѣлъ бо той Кисель найцѣннѣе волю и положилъ собѣ головою задачею своей жизни: примирити Ляховъ съ Русію и тѣмъ способомъ возстановити прежнее въ Польшѣ опокойствіе. Тожь одержавши теперь дружеское письмо Хмельницкого, ѡнъ удался съ нимъ до Гизненскаго Арцибискупа, который яко найстаршій достойникъ Польши (примаетъ королевства), въ часъ безкоролевья заступалъ мѣсце самого короля и держалъ найвысшую власть короны до того часу, пока новыи король избранъ не буде. Арцибискупъ Польши завозвалъ сейчасъ сенаторовъ королевства на надзвычайный соймъ, который то соймъ и собрался въ Варшавѣ на дни 9. Юлія 1648 г.

Первое дѣло надзвычайнаго сойма касалось мятежа козацкаго. Сенаторы лиціи ухвалили: щобы противъ козаковъ выставити 36.000 мужа войска, и то щобы до сего войска ніякъ не брати хлопвѣвъ, хоть бы и мазурскихъ, а самыхъ тѣлько людей зъ шляхоцкаго роду или чужеземцѣвъ. А понеже не было тогда въ Польшѣ Гетмановъ (бачите, оба Гетманы: Потоцкій и Каляновскій, захвачены были Хмельницкимъ въ неволю), то соймъ Варшавскій постановилъ vybrати трехъ новыхъ военачальникѣвъ съ властію гетманскою. Начальниками такими по долгихъ и завзятыхъ суперечкахъ vybrано трехъ знаменитыхъ панѣвъ, однакожь самыхъ невоенныхъ: первымъ былъ князь Доминикъ Заславскій, потомокъ православно-русского дома Острожскихъ, человекъ на-

скрбъ извѣженный, збавльи и вѣины николи не видавшій; второй былъ панъ Конецпольскій, молодикъ що-ино съ засвѣвшимъ усикомъ; третій же панъ Николай Остророгъ, славный лише тѣмъ однимъ, що зналъ добре по латинѣ читати. Начильникѣвъ тѣхъ ляцкого войска Хмельницкій называлъ не иначе, якъ первого — перина, второго — дитина, третьего — латина, и сїи имена наилучше изображали оныхъ людей-панягъ, которымъ Ляхи въ часъ крайного небезпеченства повѣрили надъ собою найвысше военное начальство.

Друге дѣло, якимъ соймъ Варшавскій послѣ того занялся, было внесеніе Адама Киселя: щобы съ козаками помиритися. А въ томъ взглядъ ляцкій сенаторы поступили собъ такъ, що написали до Хмельницкого и Старшинъ козацкихъ укорительное писъмо, въ которомъ съ надменною гордостію заявили они: що ото „вы, бунтовники козаки, можете надѣяться отъ Польщи прощенія вашихъ провинъ, однакожь подъ тѣми лише условіями: 1) маєте сейчасъ освободити всѣхъ занятыхъ въ неволю польскихъ панѣвъ и жолнерѣвъ; 2) маєте ѳтстати отъ Татаръ и на-ново присягнути на вѣрность Польщѣ; 3) всѣхъ виновникѣвъ бунту сейже часъ приставити на судъ въ Варшаву; 4) звернути грамоту короля Владислава, выданную на имя Барабаша, а крѣпость Кудакъ привести назалъ въ такѣ состоянъе, въ якомъ она передъ тѣмъ находилася.“ Сїи условія, списанныи Ляхами въ таку пору, коли Хмельницкій имѣлъ подъ своею властію всѣ земли русскіи и около 100.000 мужа войска; коли его козаки бушевали въ ляцкихъ дворищахъ таки подъ самою Варшавою, — сїи условія наилучше доказовали, що прїйшла на Ляхѣвъ уже крайня непорадная година, въ которой, якъ то на грѣшныхъ людяхъ бывае, хваталось ихъ совершенное безуміе. Они то сараки, стоявшіи съ своею Польщею уже надъ самымъ краемъ пропасти, въ непонятной гордынѣ духа засльпились такъ, що грозящего небезпеченства не змогли и бачити. А хотя и были межѣ ними люде, якъ канцлеръ Оссолинскій и воевода Кисель, которы радили соймующимъ, щобы такъ дерзкими условіями козаковъ тѣмъ бѣльше не дражнити, но бѣльшость ляцкихъ сенаторѣвъ поставила таки на своемъ, и препоручила самому-же пану Киселю условія тїи особисто перевезти до Гетмана Хмельницкого.

ПОХОДЪ ХМЕЛЬНИЦКОГО НА ВОЛЫНЬ; БИТВА ПОДЪ ПОЛЯВЮЮ.

Якъ и хитры были панове Ляхи, высылая воеводу Киселя на Украину за-для переговоровъ съ козаками, таки не перехитрили они нашего Батька Хмельницкого, который, якъ сказано, за молодыхъ лѣтъ не надармо побералъ науки въ ихъ ляцко-езуитской школь. Вѣдай Батько Хмельницкій, поднявши всенародный бунтъ

противу Польши, зналъ о томъ добре, що Польша въ то время все еще не была такъ совсемъ подъупала, абы не змогла противъ гайдамацкихъ загоновъ якъ-такъ боронитися; тожь и самъ онъ бажалъ собою завязати переговоры съ Варшавскими „королеятами“ (такъ называлъ онъ яцкихъ вельможъ и сенаторовъ Варшавскихъ), чтобы такимъ способомъ черезъ той часъ; якъ переговоры тягнулись, тымъ лучше себе заготовити до бою. Тожь онъ великій Гетманъ нашъ народный, якъ лише довьдался, що воевода Кисельъ ѣде до него для переговоровъ, приказалъ своимъ козакамъ здержовати того посла-недоляшка въ дорожъ та увлекати его обѣтницами на примиреніе, а самъ жежи тымъ устроаялъ у себе въ Бѣлой-Церкви все до войны потребное и лагодился къ походу на Волюнь.

Такъ и сталося оно, що воевода Кисельъ, выбравшися съ численнимъ почетомъ шляхты на посольство до Хмельницкого, льгомъ 1648 г. цѣлыми два мѣсяцы ѣхалъ черезъ русскіи земли, а не захвалъ дальше, якъ прѣдъ городъ Острогъ на Волюню. Всягда бо по дорожъ гайдамацкіи загоны, исполняя приказъ Батька Хмельницкого, не творили ему вправдѣ ніякихъ чинныхъ пакостей, ба таки признавали ему честь державного посланника и мирителя, однакожь на кождѣмъ постою задержовали его такъ долго, що ѣхалъ онъ ледви по 3 милѣ на тыждень. — А якъ и торжественно запевнялъ той панъ Кисельъ нашихъ русскихъ людей, що имѣе онъ для нихъ якъ наилучше сердце, но таки негдѣнникъ учинилъ въ тоежь время таке дѣло, которое якъ наибольше враждебно было противъ Руси. Ото бо изъ дороги онъ выправилъ черезъ одного по козацки переодѣтого Ляха тайное письмо въ Москву, написанное по препорученью Варшавского сената до русского Царя, а содержащее саму чорную клевету на весь нарѣдъ нашъ русско-козацкій. Въ онѣмъ-то письмѣ панъ воевода Кисельъ доносилъ Московскому Царю таке: будьто Хмельницкій, поднявши бунтъ противъ своего короля, запродавъ душу бисурманамъ и въ-купъ съ тымже бисурманами проливае кровь христіянскую; що козаки ведуть войну не для обороны краю и святого православія, а просто за-для грабежей и для забору чужого добра; що козацкіи бунты стануть небезпечны и для Московского царства; що — словомъ, належитъ Москвѣ якъ и Польшѣ за-для власного спокойствія подумати вразъ о томъ, якимъ бы способомъ поскропити буйный нарѣдъ козацкій, абы онъ не надѣлалъ бѣды обоимъ тымъ державамъ. Таке то коварное письмо свисалъ недоляшокъ Кисельъ власне въ тую пору, коли ѣхалъ будьто миритисъ съ честнымъ Батькомъ Хмельницкимъ и коли на весь свѣтъ голосилъ, що мае для Руси нашою и для козацкого ей народа якъ найщирше сердце. На счастье, Богъ не допустилъ, абы таке письмо досталося до рукъ царскихъ, бо

козаки наши підъ Острогомъ перехвативши оное у жеребранного Ляцка, сейчасъ переслали тоєжь Гетману Хмельницкому въ Бѣлую-Церковъ.

А Батько Хмельницкій, одержавши перехваченное письмо и позавши въ немъ руку пана Киселя, увѣрился теперь еще тѣмъ основнѣйше, яка то ложна дружба человека, который уже на-скрѣбъ сталъ перекинчикомъ. — О тойже парѣ Хмельницкій уздалъ также о условіяхъ перемирія, якіи воєвода Кисель вѣвъ для него наъ Варшавы. Тѣмъ-же условія очевидно были для Руси нашої такъ невыгодны, що лучше было намъ тогда погибнути, нѣжъ на такую соромну угоду съ Польщею подписатися. Вѣдай Польща она, на-чисто розбита и вырзана въ земляхъ рускихъ, въ неслыханной безчельности своей требовала тогда отъ нашего Гетмана Хмельницкого: щобы онъ не только препокорно отдавъ Ляхамъ все здобытое на нихъ оружье и всѣхъ ляцкихъ вѣдмичковъ, але еще абы приставилъ до Варшавы всѣхъ начальниковъ козацкихъ, которы съ нимъ разомъ удѣли бунтъ противу Польци; — то знанить, Поляки требовали отъ насъ тогда, щобы мы не ино зложили имъ подъ ноги всякое оружье, якимъ бы намъ противъ ихъ насилія оборонятися, но еще щобы мы сами добровольно подложили нани головы подъ ихъ катѣвскіи топоры! Таке непомерно злобное вымаганье Ляхѣвъ розсердило до крайности не лише всѣхъ козаковъ, но и самого Батька Хмельницкого, который черезъ якійсь часъ таки на-правду старался былъ повздержати лютый огонь гайдамацкихъ законѣвъ и туй-туй готовъ былъ оговорити прощенье тѣмъ Ляхамъ, якіи еще въ земляхъ рускихъ случайно при жизни остались. Онъ затѣмъ постановилъ теперь тѣмъ доразнѣйше Ляхѣвъ розуму учити, прогнавъ отъ себе польскихъ комисарѣвъ, которы отъ имени пана Киселя до Бѣлой-Церкви уже были захвали, а самому-жъ пану Киселю далъ знати въ доревъ: що се онъ безпотребно ѣде миритись ажъ въ далекий край козацкій, понеже козаки сами вѣдутъ въ той цѣли до него за рѣку Случъ подъ городъ Константиновъ. А за той городъ Константиновъ згадавъ Хмельницкій пану Киселю въ такѣмъ ото змыслѣ: що тамъ зѣзды буде уже не для мирныхъ переговоровъ, а для военной справы, — понеже власне подъ Константиновомъ на Волюню собирались свѣжіи силы ляцкіи, назначенныи для покоренія збуноватой Руси.

Въ конци мѣсяца Августа 1648 г. Гетманъ Хмельницкій съ цѣлымъ своимъ таборомъ поднялся отъ Бѣлой-Церкви и ступалъ скорымъ походомъ къ рѣцѣ Случи. Хотя войско его было весьма численне, бо самыхъ конныхъ козаковъ набралось у него до 80.000 мужа, но всежь таки онъ, яко прозорливый полководецъ, послалъ еще и до Крымского хана просити о новомъ подкрѣпленіи, поручая Татарамъ,

абы они поспѣшали за нимъ просто подъ Волынскій Константиновъ. Самъ же бѣгъ подвигался на Волынь съ такою скоростію, що убѣгающихъ изъ Украины мировыи комисари пана Киселя не успѣли еще завѣрнути до рѣки Случа, а вже цѣла страшная сила украинского возстанія явилась за ихъ плечима. Такъ то проворною итудою наша Хмельницкій выгралъ тогда дуже много: завязавши будьто мирныи переговоры, бѣгъ убоюкалъ Ляховъ, що они не шли воевати противъ него на Украину, а межи тѣмъ самъ бѣгъ уже дойшовъ до рѣки Случа, властивою границѣ козацкихъ земель, и тутъ-то станивши у береговъ Случа, бѣгъ съ гордостію воскликнулъ тѣи слова: „Знай Ляше, по Случъ наше!“ Оттакъ переговоры съ Киселемъ принесли нашому козачеству еще больше выгоды, чѣмъ побѣдоносныи битвы: безъ пролитія бо власной крови казаки за се время истребили въ русской земли всѣхъ враговъ своей народности и стояли на границѣ своего края вѣлканейшимъ омолоченіемъ.

Межи тѣмъ на Волыню собралось и польское войско, выставленное по приказу Варшавского сената противъ козаковъ. Войско тое цѣле состояло изъ людей самыхъ ново-набранныхъ, понеже стареяцкое войско еще весною того года было на Украинѣ до-чиста истреблено. Таборъ для сего войска назначенъ былъ первоначально на поляхъ подъ Глинянами, куда явились также три верховныи коменданты, именованныи сенатомъ: князь Доминикъ Заславскій (перина), молодой панъ Коцецпольскій (датина) и ученый панъ Остророгъ (литина). Войско тое собралось дуже повольно и лѣниво, та ажъ въ другой половинѣ мѣсяца Августа стягнулось подъ Глиняны якихъ 36.000 мужа, болышею частію паны-шляхта изъ земель польскихъ, кѣлька полковъ нанятыхъ Нѣмцевъ, а до того хоть въ два разы столько люда панскихъ чурбовъ, кучеровъ а слугъ всякого рода, которы за панами вѣлбались съ богатими запасами зброи, цѣнного одѣнья и съ прирдами для препышной панской кухни. Было бо бѣгъ давна въ Польшѣ тако заведеніе, що паны шляхта, выправляючись на вѣйну, брали съ собою всякіи приборы роскошного житья, до якого привыкли на своихъ дворахъ, а зъ той-то причины военный таборъ ихъ походилъ скорше на яте сборище весельное, въ которомъ все, що жило, кипѣло буйствомъ и пьянымъ разгулемъ.

Кромъ сего табора подъ Глинянами собрался о томъ-же часѣ еще другій люцкій таборъ подъ городомъ Константиновомъ, и то собрался бѣгъ не зъ препорученья сенату, но просто за стараньемъ князи Гереміи Вишневецкого. Онъ бо князь Вишневецкій, незмѣрно гордый вельможа, не могъ перенести того встыду, що Варшавскіи сенаторы, не уважая заслугъ его для короны и мало важучи его славу та и справдъ велике военное искусство, выбрали въ начальники корон-

ного войска не его, но трехъ бездарныхъ вельможъ, зъ которыхъ одинъ, князь Заславскій, былъ таки особистымъ недругомъ дому Вишневецкихъ. По той-то причинъ князь Іеремія съ своими численными приверженцами не только не явился въ таборъ подъ Глиняны, но еще постановилъ собъ закнпнті изъ Варшавскаго сената, та поставивши на власную руку таборъ военный подъ Константиновомъ, оголосилъ себе головнымъ ляцкой арміи начальникомъ. Въ таборъ его было вправдѣ не больше якъ 12.000 мужа, однакожъ тіи, складаючись изъ самыхъ доборныхъ людей Волинско-польской шляхты, уважали себе мовь-бы головною силою Польщи, и оголосили Глинянское сборище „бабокамъ войскомъ“, а князя Заславскаго назвали такъ само, якъ его называлъ Хмельницкій: периною.

Такъ и выйшла тогда недоля для Польщи, що составились на оборону ем два враждебныи собъ военныи таборы: одинъ подъ Глинянами съ головнымъ начальникомъ княземъ Заславскимъ, другій подъ Константиновомъ съ княземъ Вишневецкимъ. Оба тіи таборы враждовали межъ собою такъ долго, доки не было чути о движеніи войскъ козацкихъ отъ Бьлой-Цериви; однакожъ якъ только донослася первая чутка, що Гетманъ Хмельницкій съ цѣлою силою Украины поднялся въ походъ на землю Волинску, тогда значная часть Глинянскаго табора, не уважая на заказъ князя Заславскаго, перебралась шѣдъ Константиновъ, полагаючи на тоѣ, що въ случаю бѣды все таки лучше оставати подъ комендою дальнаго полководца, якимъ по-правдѣ былъ князь Іеремія, нѣжъ погибати подъ лихимъ начальствомъ князя Доминика Заславскаго. Ба и самъ навѣтъ князь Заславскій, видячи наглядно, якъ таборъ его черезъ переходы въ Константиновъ що-дня уменьшается, усмирилъ до часу зависть и гордость своего сердца, та якъ непышный перѣхалъ въ половинѣ Септембрія съ остальными полками своего табора до князя Вишневецкаго. — Такъ отже вспѣльное небезпеченство соединило два таборы и двоухъ начальниковъ подъ одинъ праперъ, на которомъ стояло записано: боронитись всема силами противъ збунтованной Руси.

А въ то время нашъ Хмельницкій отъ козаками уже приближился подъ Константиновъ. На возваніе его собирались туда и гайдамацкіи загоны, которые до-теперъ роздѣлены на поменьшіи шайки гонялись по всѣхъ русскихъ областяхъ Сюда отже прибыли: Кривонось изъ-подъ Каменца, могущій Гаужа зъ-надъ рѣки Буга, Колода изъ-подъ Слуцка, Лисенко съ своими Вовгуревцами, Гайчура съ своими Дзвпровскими степовниками, и Ничай и Морозенко отъ рѣки Припети и Роси, также и Тыша зъ глубины Польщи, и Ночась зъ Галичины, та и много другихъ предводителей возставшаго русского

народа нагромоздилось до Хмельницкого со всѣхъ сторонъ. Отъ береговъ Самары и отъ далекаго Дону зѣйшлись туда дикіи лугари и лѣсныи гайдамаки, и сыны буйныхъ степовъ Черноморскихъ злетѣли въ козацкій таборъ; были у Хмельницкаго и Молдаване, и Волохи, и Сербы, и Донскіи козаки, и навѣтъ бѣглыи Мазуры-селяне зъ-надъ Вислы. А Хмельницкій принималъ всѣхъ якъ батько широко-русскимъ сердцемъ, та и набралось у него подъ Константиновъ — якъ кажутъ летописца тѣхъ часовъ — войска на 150.000 мужа.

Коли тое многочисленне козацкое войско стануло супротивъ лаяцкаго табора подъ Константиновомъ, уже князь Заславскій соединился былъ съ Вишневецкимъ; однакожь оба ти начальники, пошимо позорной съ собою згоды, имѣли свои особныи таборы, и такъ одинъ якъ другій присводилъ собъ найвысшу головну коменду. Розличіе, яке межи обома таборами и обома начальниками заходило, было именно таке, що въ таборъ Вишневецкаго все шло строгимъ военнымъ ладомъ, и що самъ Вишневецкій, смотрячи на рѣчи тверезо, уважалъ борьбу съ Хмельницкимъ весьма небезпечною; напротивъ же того, въ таборъ Заславскаго все кипѣло шаленымъ буйствомъ, и самъ же Заславскій ставилъ собъ военну росправу съ козаками просто дурничкою.

Щобы однакожь дати вѣрное понятіе о томъ, якъ выглядало тогда въ лаяцкомъ таборѣ подъ Константиновомъ, наводимъ тутъ слова самыхъ-же польскихъ историковъ того времени, которы о дѣлѣ ономъ таке ото розказуютъ: „Въ половинѣ мѣсяца Септембрія таборъ Заславскаго перенесенъ былъ изъ Глинянъ на Волинь подъ Константиновъ. О тойже порѣ явился недалеко сего города также и Гетманъ Хмельницкій съ своимъ хлопскимъ войскомъ. Самъ князь Заславскій, абы увѣритись, яка его сила, здѣдалъ тогда осмотръ своего войска, и переконался бытъ, що въ его таборѣ было 36.000 добре узброенныхъ войновъ, а мало не два разы стѣлько простыхъ слугъ и подслужковъ. Войско его отзначалось неслыханно пышнымъ убранствомъ. Польскіи гусары одинъ въ другого имѣли чудно-красныи конь; луки на сѣдлахъ были изъ серебра, чапраки дорого вышиваны, стремена позолочены, саблѣ съ серебряною окладкою, контуши бархатныи, подбиты и опушены многоцѣнными мѣхами (футрами); на шеяхъ блестяли золотыи ланцухи; изъ шапокъ, наложенныхъ на-бакеръ, спадали пышныи кутасы, усяяныи дорогими каменями; за поясомъ торчали богатыи кинжалы; чоботы украшались серебрянными и золотыми острогами. Такъ само красиво была одѣта и польская пѣхота, блестящая вся отъ золота и шолку. Но наибольшая роскошь выказовалась въ столѣ, особенно въ часѣ обѣдовъ и подвечерковъ: на столахъ, заставленныхъ въ пребогатыхъ обо-

захъ панскихъ, красовались здѣланныи изъ самого цукру львы, козы, лань, цвѣты и дерева; начинье было все будь изъ чистого фаянсу, будь изъ серебра; чарки и кубки золотыи и серебрянны, навѣтъ уживальницѣ и тацы у богатыхъ магнатѣвъ были изъ серебра, — словомъ, въ томъ таборъ было больше серебра, чѣмъ желѣза и олова. За каждымъ паномъ шли огромныи рыдваны и возы съ безчисленными богатствами: тамъ лежали шолковыи и шерстянныи ткань, собольи шубы, мѣды, вина, вкусныи варенья и цукры; за каждымъ паномъ ѣхала цѣлая толпа слугъ и кухарѣвъ; везли навѣтъ и ванны и богатую постѣль и лѣжка. Пированья съ музикою отправлялись въ таборъ отъ рани до вечера, такъ, що посмотрѣвши на тое войско, можъ было думати, що оно зѣхалосѣ на свадьбу. А помимо всего того храбрѣсть на словахъ у оногo войска была непомѣрная. Паны хвастаючись говорили такѣ: „Противъ такой голоды, якъ козаки, не вартъ навѣтъ куль тратити; мы ихъ канчугами розгонимъ по полю, якъ только дастъ знакъ нашъ комендантъ.“ Други до такой степени были зарозумѣлы, що уложили собѣ и отмовляли таку ото молитву: „Господи Боже! не помагай ни намъ, ни козакамъ, а только зѣ-далека придивляйся, якъ мы на-прахъ разбьемъ всю тую хлопскую череду.“

Зытковная жизнь въ таборъ Заславского чрезвычайно не подобалася князю Вишневецкому, и днѣ за днѣмъ не только що самъ залившиль бывати у своего соперника, але еще запретилъ и своимъ войнамъ ходити на гостину до панѣвъ Заславцѣвъ. Такъ отже не любовь и соперничество межѣ комендантами двоухъ таборѣвъ ляцкихъ не переставали навѣтъ и тогда, коли уже Хмельницкiй съ грозною своею силою смотрѣль иль око въ око.

А Хмельницкому то и на руку было такѣ рздвоенье ляцкихъ таборѣвъ, и днѣ якъ-стой придумалъ еще одинъ способъ, якъ бы до огня свѣжой оливы долѣяти. Ото бо днѣ, прибывши съ своимъ таборомъ подѣ Константиновъ, послалъ отъ себе до польскихъ комендантѣвъ такѣ оповѣщенье: „що се мы козаки зовсѣмъ не желаемъ вести межиусобной войны съ братьями-Поляками, но яко простыи люде готовы панамъ повиноватися, и просимъ покорно князя Доминика розсудити и уладити нашу незгоду, а що днѣ розсудитъ въ нашей справѣ, того мы приймемся добровольно.“ Такое предложенье здѣлано было во порвухъ для того, щобъ знову возбудити еще тѣмъ больше несогласие межѣ панами, а во вторыхъ, щобъ продолжити часъ, доки не надѣдутъ Татарѣ. И Хмельницкiй допнялъ своего якъ наилучше. Князю бо Доминику Заславскому, честилюбному а вовсе не военному челоуку, дуже подобалася такая честь и довѣренность къ нему народа русского. Онъ за днѣмъ яко зовсѣмъ склонный до переговоровъ съ козаками, со-

звать въ своемъ таборъ военную раду, на котору запросилъ и князя Вишневецкого.

Военна рада у князя Доминика по-сравнѣ отбывалась такъ, якъ того можь было ожидать: сварливо, галасливо и бурливо. Пацы бо раздылились на двѣ враждебныя себѣ стороны, зъ которыхъ каждая громкимъ крикомъ и стуномъ сабель башала пересадити свою рацію. За примиреніемъ съ козаками стояли не лише князь Доминикъ и воевода Кисель, шо-нино тогда изъ безплоднаго посольства своего повернувшій, но и всѣ тѣи паны, которы прогнаны были зъ своихъ украинскихъ маетковъ и боялись утратити ихъ на-всегда, если война съ козаками не устане. Противъ же всякого примиренія съ козацтвомъ подызался якъ найупорнѣйше князь Іеремія Вишневецкій, а за щемъ и всѣ таши-же рубаки, якъ бытъ, такіи-же ненавистники и гонцтели племени русского. Сварня межъ обома тьми партіями продолжалась цѣлый день и до побаной ночи, ажъ въ конецъ себѣ стороны раздылились съ наибольшимъ на себѣ гавномъ, и каждая постановила уперто держатись своей раціи. — Такъ и возникъ межъ панами Ляхами по-причинѣ хитрыхъ замысловъ Хмельницкого роздоръ еще далеко ббльній, нѣмъ якій былъ въ-передъ по поводу старшинства въ комендѣ.

Оттакъ князь Заславскій цѣлыи двѣ недѣли переговаривался съ козаками, то посылалъ до нихъ условія, то отбералъ отъ нихъ обѣтницъ; а межи тымъ войско козацке съ каждымъ днемъ все бльше умножалоса, и полковникъ Ничай таки въ виду польского войска палилъ панскій дворцища въ околциъ Константинова. Вишневецкій же зъ той поры зорвалъ всякую связь съ княземъ Заславскимъ, удалился въ свбій таборъ, и дѣйствовалъ на свою руку цѣлкомъ отдѣльно. Онъ завязовалъ иногда перестрѣлки съ козаками, и за каждымъ разомъ по такихъ перестрѣлкахъ чрезвычайно злобился за то, що самъ своими силами противъ козаковъ ничего не мѣгъ удѣяти.

А межи тымъ Гетманъ Хмельницкій, переговарясь съ княземъ Доминикомъ, занялъ Пилявскій замокъ недалеко Константинова. Гайдамацкіи загоны спокойно проходили мимо латцкій таборъ, и соединились съ головнымъ козацкимъ войскомъ, которое стояло въ укрѣпленномъ становищи близъ рѣки Пилявки. У козаковъ владѣлъ крепкій военный духъ и религіиное одушевленіе. Православныи священники служили въ таборъ щоденно молебны; самъ Хмельницкій, прозвая промежъ ряды своихъ молодцевъ, говорилъ до нихъ не долги бесѣды, а коротко напсиналъ имъ, що они воюють за Русь и святу православную вѣру. Готовы каждой хвилѣ на борьбу съ Ляхами козаки наши вовсе не оказовали того буйства и самоувѣренности, яко

величались ихъ вороги, но держались спокойно, твердо и поважно, якобы идти мали на яке церковное празденство.

Дня 19. Септембрѣя 1648 г. Гетманъ Хмельницкій достасть вѣрную вѣсть, що Татарѣ уже на походы къ нему приближаются. Того лише и ждалъ Хмельницкій, щобъ надѣйши Татарѣ, бо хотя и было у него козацкого войска больше надъ достатокъ, но хотѣлъ бытъ такъ своихъ людей пощадити, а Ляховъ поконати самымъ найстрашнѣйшимъ для нихъ страхомъ — вѣдомъ полчищъ татарскихъ. Тоже якъ ино прѣйшла первая вѣсть о приближеніи Татаръ, сейчасъ Батько Хмельницкій перервалъ всякіи переговоры съ княземъ Заславскимъ и ладился уже на-правду до начатія битвы. Въ той цѣли бытъ отправилъ неустрашимого Кривоноса по-за Константиновъ на засаду, и Кривоносъ, перебравшись съ кѣлькома тысячами козаковъ за рѣку Пилявку, занялъ по-за лѣвими таборами такое становище, що Ляхи на случай ѳтступленья находились межѣ двома огнями.

Маленькая рѣчка Пилявка роздѣляла таборъ Хмельницкого ѳтъ лѣвскихъ полчищъ; ѳтъ ней на обѣ стороны тагнулся болотистый лугъ, дуже топкій, особливо въ тогдашню осенню дождливую пору. По козацкой сторонѣ былъ середъ луга еще и невеликій ставъ, за которымъ уставился въ шанцахъ отрядъ козаковъ, чтобы не позволили Ляхамъ пройти черезъ Пилявку. Козаки нарочно розгрузили тутъ болото кѣнями, порыли ровы и засѣки, та приняли такой видъ, якъ-бы не думали нападати, а только боронитися.

Дня 20. Септембрѣя — се было въ Понедѣлокъ — козаки начали борьбу разомъ на трехъ точкахъ. Тогда Ляхи, пускаючись въ перестрѣлку съ передовыми козацкими стражами, стали загонячись за рѣку, та хотя много ихъ лягло на болотахъ ѳтъ козацкихъ стрѣлъ, но таки одинъ отрядъ подъ начальствомъ шляхтича Іордана перейшоуль Пилявку и стануль супротивъ Пилявского замка, головной кватиры Хмельницкого. Здавалось, въ той первый день битвы счастье было по сторонѣ панѣвъ. Поляки такъ тогда ободрились, що уже кричали: „Ударити штурмомъ! добывати курятникъ!“ — такъ называли они именно Пилявскій замокъ, по-правдѣ невеличкій и непышный, но догодный на тотъ-часъ для козацтва яко захорона ѳтъ дождю. Подъ вечеръ обѣ стороны розбѣйшился. — На другій день, въ Второкъ, продолжалась борьба уже съ бѣльшою удачею для козаковъ. Они овладѣли бродомъ, черезъ который пройшоуль вчера Іорданъ, и укрѣпили валомъ небезпечный мѣстця. Но тогда козачество потеряло дѣльного Уманского полковника Гавжу. Онъ бо то, напившись горьлки и не помолившись Богу, якъ подобало козакови передъ битвою, выѣхаль на болота, убилъ кѣлькохъ шляхтичѣвъ, хотѣвшихъ показати свое рыцарское удалство, и

самъ былъ убитъ якимъ-то Волохомъ, подкупленнымъ Ляхами. Козаки вчасно того дня закончили перестрѣлку и будто уклонялись отъ дальнейшей борьбы. Се еще тѣмъ больше пугало Ляховъ, которыхъ уже и такъ сильно тревожила вѣсть о зближающихся Татарахъ.

Вечеромъ тогоже дня (21. Септ.) раздался на-разъ въ козацкомъ обозѣ громкій шумъ, долетавшій отгомонамъ въ таборъ шляхоцкій; били въ бубны, трубили въ трубы, палили изъ пушокъ, а тысячи голосовъ крикнули наразъ: „Алла! Алла!“ — Що се значить? въ страху допытывали паны одинъ другого, и задавали собѣ розличныя объясненія. — Може то, говорили одни, хлопы утѣкають, настрашившись нашихъ подвиговъ. — Пѣтъ, толковали другіи, то певно козаки недовольны Хмельницкимъ и выбираютъ нового Гетмана. — Третьи въ боязни догадавались, що се чейже прийшла орда татарская. Цѣлу ночь панове Ляхи пробыли въ тяжелой тревозѣ; ажъ до-свѣта на другій день одинъ жолнѣръ привелъ въ таборъ якогось пѣвника въ священническомъ однѣю, о которомъ никто зъ Ляховъ ани не догадался, що се былъ передѣтый козакъ, нарочно подосланный Хмельницкимъ. Польскіи коменданты стали мнимого попа выпытовати, и онъ подъ муками открылъ имъ будто всю тайну. „Хмельницкій, сказалъ онъ: такъ настрашилъ вашей силы, що хотѣлъ было бѣжати; но вчера вечеромъ прийшло 40.000 Татаръ, та еще и самъ ханъ прибуде вскорѣ.“ Извѣстіе то было вымышлено, понеже на помѣчь козакамъ по-правдѣ пришло о полночи татарскій отрядъ, однакожь всего лишь 4.000 мужа съ Карачей-Мурзою и сыномъ Хмельницкого.

Въ колька годинъ по досвѣткахъ Хмельницкій, домърковавшись, що Поляки уже узнали отъ попа, що потреба имъ было узнати, пустилъ всѣхъ прибывшихъ Татаръ въ-передъ и одѣлъ еще колька тысячъ козаквъ въ татарске однѣе. Они кинулись къ рѣцъ и закричали дикимъ голосомъ: „Алла! Алла!“ Се еще тѣмъ больше увѣрило Ляховъ въ истинѣ того, що имъ розказалъ пойманный попъ, и привело всѣхъ въ чрезвычайное смущеніе. Всѣ спохватились за оружіе, однакожь въ страшномъ безпорядку всякій комендовалъ и никто не слушалъ коменды. Всякій то ставалъ, куда хотѣлъ, то бѣгалъ по таборъ або убѣгалъ зъ табора. А тутъ еще на домъръ бѣды межи начальниками повстала сварня для того, що всѣ видѣли безпорядокъ, та приписовали его причину одинъ другому и черезъ то одинъ другого оскорбляли.

Козаки межи тѣмъ перейшли черезъ ставъ и здѣлали нападѣ на польскіи шанцы. Ляхи, хотя и были розстроены, но таки вступили съ ними въ борьбу. Первый изъ польскихъ полковъ, що станулъ до бою, былъ полкъ Сандомирскій подъ комендою шляхтича Витовского;

за нимъ подвинулся и полкъ Вольныйскій. Козаки нарочно добъжали назадъ за ставъ, стараючись тѣмъ способомъ заманити Ляховъ на болота. Тогда панове шляхта, думаючи, що наши пускаются въ бѣгство, перейшли черезъ ставъ та уже уважали себе мовъ настоящими побѣдителями; однакожь тутъ не видячи ничего за туманомъ, они наткнулись на цѣлый отрядъ козацкій и учули голосъ Хмельницкого, который громко кричалъ на своихъ воиновъ: „За вѣру, молодцѣ, за вѣру!“ Новыи отдѣлы ляцкого войска кинулись за перенедшими черезъ рѣку, и коли столпились они межъ ставомъ а рѣкою, козаки ударили на нихъ, змяли, потопили, потомъ зайшли въ тылъ отрѣзанному отъ рѣки Витовскому, и „тогда Поляки — якъ каже льтописецъ — орали землю копіями и устеляли все болото прапорами.“ Два полки, Сандомирскій и Вольныйскій, погибли совершенно, а много знатныхъ пановъ и зъ другихъ полковъ лягло на полю битвы. Панове Витовскій и Оссолинскій, братанецъ кенцлера, вытащенные изъ рѣки, на-скрѣзь пораненныи, дедви успѣли прискакати до головного своего обозу. Козаки били вороговъ на-повадъ, такъ, що весь болота зъ обохъ сторонъ Пилявки вымостились ляцкими трупами. Страхъ и трепеть — якъ говорятъ самы польскіи историки — роспространились въ цѣломъ таборѣ князя Заславского, и уже никто зъ пановъ не думалъ прогнати хлоцтво плетями и канчуками.

Въ то-же время занепокоилъ Ляховъ зъ другой стороны дальный начальникъ козацкій Кривоносъ, который съ цѣлымъ своимъ отрядомъ ударилъ на таборъ Заславского отъ стороны Константинова и здѣлалъ въ немъ еще большее замѣшательство. Тогда то ляцкіи коменданты и знатнѣйшіи паны, видячи отъ всѣхъ сторонъ грозное небезпеченство, выбралися тихцемъ изъ своего табора и подальше отъ него въ открытомъ поли держали военную раду. Всѣ они каляся дуже того, що выйшли изъ-подъ Глинянь, нарѣкали на недогодное становище середъ болотъ и ярвѣ Пилявскихъ, а одинъ изъ нихъ, славный на всю Польшу богатырь, доказовалъ всякими способами, що саме наилучше, на що потреба рѣшитися, есть то одно: утѣкати зъ-подъ Пилявы. На его раду пристали многіи другіи паны, присталъ и самъ головный начальникъ князь Заславскій. Постановили затѣмъ отдати начальство Вишневецкому, а самымъ убѣгати дорогою на Львовъ до Варшавы, спасаая при томъ изъ запасовъ и пожитковъ своихъ, що лишъ спасти возможно. Послѣ того съ наступленіемъ вечера уже ни самого князя Заславского ни другихъ знатныхъ пановъ въ таборѣ не было. Ночію зъ 22 на 23 Сентября рознеслась по всему таборѣ тревожная вѣсть, що начальники уже утѣкли, и тогда все многочисленное польске войско въ наибольшомъ страху и безпорядку, повергнуши всѣ запасы и по-

житки, кинулося також въ бѣгство. — На другій день рано козаки выѣхали къ рѣцѣ, чтобы знову вызывати Ляховъ до бою, однакожь вызвати уже не было кого: таборъ сталъ пустой, а только собаки въ немъ свутно лаяли!

Тогда Хмельницкій со всѣма сплами кинулся въ погоню, а Ляхи утѣкаячи въ наибольшомъ безпорядку, отъ страха кидали оружіе и всяке добро, яке имъ теперъ на бѣгу лише докучало. Никто изъ нихъ не понималъ, кто причиною бѣгства, и каждый кричалъ: „стойте!“ а самъ „только бы кони допался, летѣлъ безъ очей, абы не зостался,“ каже современный летописецъ. Збитыи въ тѣсной толпѣ, паны Ляхи падали по дорожѣ отъ духоты якъ мухи, и попадались въ нѣволю, коли ино останавливались на хвилию, чтобы отерти потъ изъ лица и приложити платокъ до бьющогося сердца. Они покидали раненыхъ и недужныхъ, звергали изъ себе многоцѣнныи одежи, выпорожняли навѣтъ свои кишени, отрекаясь и послѣднаго червонца, абы лише тѣмъ легче утѣкати. По извѣстію летописцевъ того часу, козакамъ побѣдителямъ досталось тогда подъ Константиновомъ до 100,000 возовъ съ кбнями, валадованныхъ военными припасами и всякими достатками, къ тому 80 пушокъ и на 10 миліонѣвъ польскихъ злотыхъ всякого добра и дорогоценностей. До тогожь еще деревця съ прапорами, узды, щиты, шелома, серебрянныи начинья, сабли, собольи шубы, блаватный сукна, перзійскіи шаль, золоченныи кубки, ванны, где богатый панъ только-що купался, всякіи стравы, варенья и ласощи отъ перерваннаго стола — все то лежало въ безпорядку, валялось по полю скрѣзь на кблька миль якъ-бы густо набитымъ складомъ. Козацкіи начальники надарешно удержовали своихъ людей, подозрѣвая, що паны умышленно роскинули тѣи скарбы по полю, абы хлопѣвъ соблазнити; но хлопѣвъ съ жаждою подбирали оныи дорогоценности и лакомства, которыхъ было такъ много, же они и не знали, що имъ брати а що оставити. Никто изъ козаковъ и селянъ не остался необдѣленнымъ; за квартиру горьлки козакъ отдавалъ своему базарнику (обозному шиняреви) бархатную шубу или серебрянный кубокъ. Такъ четыре дни пробывали козаки въ роскошномъ таборѣ; пива, медѣвъ, винъ было такъ богато, що при звычайномъ ужитку выстало бы имъ на мѣсяць. На бѣду, при паянскихъ пожиткахъ въ таборѣ пріостало также много слугъ а чурѣвъ дѣбрскихъ, и тѣхъ убивали уже не козаки, которы мали надъ ними милосердіе, но Татарѣ, присланныи съ Карабей - Мурзою на помѣчь Хмельницкому.

Такова то кара отъ Бога была на Ляховъ за ихъ гордость и высокоцѣріе, що они выбрались на войну якъ-бы на яке веселье, а повертали зъ выправы, ледви владючи ногами. Много грѣ-

пидныхъ душъ ихъ застигло тутъ подъ саблями козацкими; много знатныхъ пановъ потопилося въ рѣцѣ Случи, особливо коли на бѣду обломилася подъ ними мѣсть на той рѣцѣ; но правду сказавши, ледви чи кто изъ нихъ успѣлъ бы спасти лукавый животъ свой, если бы не та околнучность, що наши козаки, добравшись до панскихъ пожитковъ въ занятомъ таборѣ, занедбали преслѣдовати ворога съ такимъ завязаньемъ, якъ се на той часъ подобало. — Но помимо всего того, справа подъ Пилявою, докѣнченая въ теченью двохъ дней, показала свѣту, що се гордая Польша въ порѣвнанью до могущихъ силъ нашей Руси пустый надутый пухирь, который однимъ толчкомъ нашей руки разбити бы возможно. Подъ Пилявою бо не только набили мы пановъ Ляховъ въ скру, що ся вѣзло, но еще принудили ихъ поневолю отречися значной части тыхъ добытковъ, які оци за долги лѣта на Руси нашей нарабовали.

Межи тѣмъ, коли така бѣда приключилась съ таборомъ головного начальника Ляховъ, князя Заславского, второй комендантъ польскій, князь Іеремія Вишневецкій, сидѣвшій отдѣльно въ своемъ обозѣ подъ Константиновомъ, якъ лишь увѣдалъ о соромномъ бѣгствѣ своей братии, сейчасъ и самъ пустился на-утѣчача, та якъ непышный прямовалъ найкоротшою дорогою до Львова. Тожъ и сталося, що такъ разбитки арміи Заславского, якъ и полчища Вишневецкого утѣкали до Львова съ такою быстротою и съ такимъ доспѣхомъ, що достигли того города за три дни, хотя въ часъ спокою и мира польскій панъ вхалъ туда звичайно цѣлый полъ-года. Бѣольшая часть пановъ не задержавдась однако во Львовѣ, но спѣшила чѣмъ-скорѣйше ажъ за Краковъ въ глубину Польши; а только Вишневецкій и гдѣкїи смѣльщїи зъ Ляховъ прїостали въ семъ городѣ цѣлый тыждень, та выдержи отъ Львоваичъ для себе военную запомогу или такъ звану контрибуцію, повхали потомъ до Варшавы на соймъ елекційный, т. е. именно на такой соймъ, который имѣлъ занятися выборомъ нового короля для Польши.

ХМЕЛЬНИЦКІЙ въ ГАЛИЧИНѢ; ОСАДА ЛЬВОВА и ЗАМОСТЬЯ.

Гетманъ Хмельницкій, преслѣдуючи вороговъ, вѣйшоль въ Константиновъ и взялъ его безъ наименьшого супротивленїя. Оттуда бнѣ двинулся на городъ Збаражъ, що лежитъ въ нашей Галичинѣ. По дорогѣ прилучалмсь до него всюда наши русскїи люде, которы витали его яко рѣдного Батька и избавителя своего отъ неволи ляцкой. Тутъ-же недалеко Збаража присталъ до него съ многими людьми своими знакомый вельможа Юрій Немиричъ, потомокъ чисто-русского боярского роду, славный въ краю мужъ такъ своимъ маеткомъ якъ и родовою повагою. А тойже панъ Немиричъ хотя уже не былъ православной

вѣры (еще батько его перейшовъ на католичество), но не былъ уже ни католикъ, а принадлежалъ до людей такъ званого Арианскаго духа, которы не вѣрили въ папу римскаго и всякимъ обрядамъ католическимъ были якъ наибольше противны. Люде того рода ненавидѣли Польшу, и въ случаю якои заверухи въ краю, звычайно ввязались съ ворогами Ляховъ. Такъ здѣлалъ теперъ и сей панъ Немиричь, приставши до козакѣвъ Хмельницкаго, а за его примѣромъ послѣдовали еще и другіи паны зъ Подбля и Галичины — одни щобы спасти себе ѳтъ гайдамацкихъ нападѣвъ, другіи въ надѣи и съ вѣрою въ будущее владычество Руси. Хмельницкій принималъ такихъ людей въ свои полки тѣмъ охотнѣйше, що многіи зъ нихъ были добре обучены въ военномъ искусствѣ и до того имѣли своихъ сродникѣвъ и приверженцѣвъ въ краю.

Въ первыхъ дняхъ мѣсяца Октобрія 1648 г. козаки вступили въ Збаражъ, который то городъ хотя былъ хорошо укрѣпленъ, но не имѣючи ніякой войсковой залогі, пѣддался безъ наименьшого опоры. Козаки нашли тутъ 50 пушокъ, множество пороху и другихъ запасѣвъ, та забравши все тое съ собою и разметавши въ мѣсть гробы родины Вишневецкихъ, двинулися ѳтуда въ дальшую дорогу. — Выступивши изъ Збаража, Хмельницкій якісь часъ задержался въ дорозъ, будучи въ недоумѣніи, що дальше начати и куда ийти. Стало бо ся таке въ ову пору, що Хмельницкій подружился дуже съ паномъ Иваномъ Выговскимъ, ляцкимъ шляхтичемъ, который взятый въ полонъ еще при Жолтыхъ-Водахъ, ѳтъ-тогда постоянно оставалъ въ головномъ козацкомъ обозѣ и своимъ краснорѣчіемъ та принаднымъ поведеніемъ успѣлъ задобити собъ великую довѣренность Хмельницкаго. Онъ то панъ Выговскій, въ душъ таки на-скрѣзь Ляхъ-запека, видячи поражение Польци подъ Пилявою и убоявшись розмогающей силы русскаго козачества, сталъ хитроумно пѣдмавляти Хмельницкаго, щобы ѳнъ уже ѳтсталъ ѳтъ дальшого походу на Польшу, а удоволяясь покреніемъ Ляховъ въ земли Волинской, верталъ бы на Украину утѣшатись плодами своей побѣды. Пѣдмовы Выговскаго добралися якось до сердца нашего Батька Гетмана, та ѳттакъ ѳнъ, якъ-бы наскучивши собъ неустанныи битки съ Ляхами, созвалъ на поляхъ пѣдъ Збаражемъ военную раду, абы посовѣтоватись: чи не лучше бы вернути уже на выпочинокъ въ Украину?

Такъ и собралась военная рада козакѣвъ пѣдъ Збаражемъ, въ которой кромѣ всѣхъ Старшинъ яко радныи участвовали также простыи козаки, числомъ до 100.000 мужа. А межи Старшинами козацкими яко головныи представители русско-народнаго духа уважались и найважнѣйшій голосъ въ радѣ имѣли тогда передъ всѣма: Иванъ Чорнота, полковникъ Тыша (опустошитель Польци), Неряславскій пол-

ковникъ Лобода, Гадячскій полковникъ Бурлай, также нечальники козацкихъ полковъ: Ничай, Калина, Воронченко, Полкожуха, Небаба — всь мужи самыи рыцари славны а заклятыи враги всего панства и Польщи. Коли рада военна вся на поли згромадилась, первое слово забралъ Батько Хмельницкій. „Що скаже честная рада? заговорилъ онъ доноснымъ голосомъ: Много поживились мы отъ враговъ нашихъ; но теперь роздумайте: чи пойдеть въ глубину Польщи кѣнчати нашихъ недруговъ, чи вернемся въ свою Украину съ гостинцями для нашихъ родинъ и выпочнемъ отъ трудовъ военныхъ?“ Послъ того Хмельницкій заявилъ свое мнѣніе такъ: що наилучше вернути бы на Украину, оттамъ же послати на сойвъ до Варшавы депутатовъ и дожидатись выбору нового короля. Въ тую бо пору нашъ Хмельницкій, заприязнившись съ паномъ Выговскимъ, якось еще надѣялся, що канцлеръ Оссолинскій, давній другъ козацтва, успѣе примирити будущего короля Польщи съ Украинюю и съ цѣлою Русію, та по той причинѣ онъ Гетманъ нашой козачины не хотѣлъ ити на Варшаву и опустошати дальй Польшу, котору за-для связи съ особою короля все еще почиталъ вспѣлымъ съ Русію отечествомъ. Однакожь всь Старшины козацкіи, а еще больше простыи козаки, ледви выслушали бесѣду Хмельницкого, всь съ негодованіемъ отвергли его раду, а особливо полковникъ Иванъ Чорнота на-крѣпко обругалъ за то нашого Гетмана, заявляя ему просто въ очи: що говорить зъ него не то русская душа Хмельницкого, а Ляхомъ подшитое сердце пана Выговского. Затѣмъ всь козаки одноголосно постановили таке: щобы ити на Варшаву и до-кѣнця розбурити всю Польшу. „Батько Хмельницкій! кричало козацтво по всему полю подъ Збаражемъ: веди насъ на Ляховъ, кѣнчай Ляховъ, щобы и духу зъ нихъ на свѣтъ нестало!“

Тогда Хмельницкій, признавши свое погрѣшеніе, объявилъ козакамъ, що поведе ихъ на Польшу. Однако въ тую-же пору онъ задумалъ поступати такъ, щобы и козаковъ задоволити, и по возможности пощадити Польшу. Абы затѣмъ не допустити до вторженія въ глубину земель ляцкихъ и до большихъ тамъ-же опустошеній, онъ предложилъ козакамъ, що потреба на-передъ очистити всю русскую землю отъ Ляховъ, и для той цѣли розослалъ своихъ полковниковъ отрядами на Волинь и на Польсье. Такий родъ войны подобался козакамъ, и они поединокими полками отравились къ Дубну, Крещенцу, Острогу, Луцку и дальше, щобы розоряти костелы, замки, дворища, та „кѣнчати инѣяхту и жидовъ.“ Самъ же Хмельницкій двигнулся на Львовъ подъ тѣмъ предлогомъ, щобы преслѣдовати розбгнане ляцкое войско, покорити своей власти старинный сей русскій городъ, а потомъ вже ити и на Польшу. О томъ-же часъ нашъ Хмельницкій,

попавшися въ сѣти Выговского, окружилъ себе шляхтичами, занятымъ въ неволю або приставшими добровольно до козаковъ, та зносячись съ ними по дружески, потыпалъ ихъ надъею, що наступить еще койсь примиренье Руси съ Польщею. А хотя простыи козаки и полковыи Старшины вскорѣ досмотрѣли тонкую связь Хмельницкого съ людьми такого рода, якъ былъ паяъ Выговскій, то однакожь они, любячи сердечно своего Батька - Гетмана и знаючи на - скрѣзь его твердо - русского духа, стояли при немъ всегда съ неизмѣннымъ довѣремъ. Все бо козацтво наше якъ и цѣлый нарѣдъ русскій имѣлъ тую одну святу думку: що дѣло съ Ляхами — хоче чи не хоче самъ Хмельницкій — скѣнчится ничѣмъ иннымъ, якъ совершеннымъ освобоженіемъ Руси отъ польского владычества. Такъ думалъ русскій нарѣдъ, и его думка, за волю чи противъ воли самого навѣтъ Батька Хмельницкого, должна была конечно разъ по-правдѣ осуществитися.

Проходячи черезъ Броды, Хмельницкій оставилъ тамъ часть козаковъ для осады укрѣпленного замка, а самъ съ головою силою пустился въ дальшій походъ на Львѣвъ. По дорогѣ витали его всюду русскіи селяне доокрестныхъ селъ, и прилучались до его полковъ яко охотники, узброенныи въ косы, списы и топоры, а жаждуніи идти хотьбы на край свѣта, щобъ руйновати ненавистную Польшу. Тутъ-же подъ Бродами встрѣтили Хмельницкого также и депутаты отъ православныхъ мѣщанъ города Львова, которы недостережены отъ Ляхѣвъ пробрались ажъ туда до братьей-козаковъ, чтобы просити ихъ о помѣчь и спасенъе отъ ляцкого насилия. Хмельницкій принялъ Львѣвскихъ мѣщанъ съ шире-русскою любовію, и прирекалъ имъ наложити силъ своихъ на тое, абы вражихъ Ляхѣвъ не лише изъ Львова, но и зъ цѣлой Галичины на-всегда за Вислу прогнати та и ихъ панованъе въ земляхъ русскихъ на вѣки знівечити.

Изъ-подъ Бродѣвъ Батько Хмельницкій выслалъ до Львова съ невеликимъ отрядомъ козаковъ полковника Головацкого, чтобы тойже розсмотрѣлъ, якъ стоять дѣла во Львѣвъ: чи поддасться сей городъ добровольно, чи треба буде его силою здобывати. Черезъ одного полковника Головацкого переслалъ нашъ Гетманъ свое письмо до жителей города Львѣва, въ которомъ-то письмѣ извѣщалъ онъ слѣдующее: „Прихожу до васъ, Львовяне, яко освободитель русского народа; прихожу къ столичному городу земли червоно-русской, чтобы избавити васъ отъ неволи ляцкой; прихожу по вашому власному желанію, для того, що многіи изъ мѣщанъ вашихъ самы запрашали мене въ той цѣли до себе. У мене 200.000 мужа войска, не считая до того многочисленной орды; но то войско иде не на васъ, а на вашихъ вороговъ Поляковъ. Тожъ вы наилучше изъ всего здѣлаете, если получите съ

единовѣрными вамъ козаками и выдасте панѣвъ, розбѣжавшихся изъ-подъ Пилявы. Мы утвердимо взаимную нашу любовь взаимными присягами. Если же пренебрежете нашою дружбою, то наживете собѣ бѣду. Вскорѣ побачимся!

Письмо сіе гетманске доставилъ подковникъ Головацкій мѣщанской Радѣ города Львова власне тогда, коли Хмельницкій съ головою своею силою занялъ мѣсто Золочѣвъ, поддавшоеся безъ наименьшого опоры. Городская Рада во Львовѣ заклопоталась немало тѣмъ, що бы на сіе письмо Хмельницкому отповѣсти. Страхъ великій палъ на католикѣвъ-мѣщанъ, особливо на богатыхъ купцѣвъ Львовскихъ, коли увѣрились они, що козацкои облоги уже имъ ніякъ не минути. Однакожь былъ тогда у Львовѣ одинъ хоробрый Ляхъ, старый полководецъ панъ Криштофъ Артишевскій, который затревоженнымъ мѣщанамъ не только поддавалъ духа и бодрости, но еще устроилъ войсковыи дѣла въ мѣстѣ такъ, що по-правдѣ городъ Львовъ здавался быти неприступною крѣпостію. Оно бо въ то время кругомъ мѣста Львова были обведены глубокии ровы и валы, а докольсенька стояли подвойныи муры и каменныи башты, цѣлкомъ такъ, якъ то бывае въ могущихъ крѣпостяхъ. До тогожь городъ Львовъ, попавши подъ власть Польщи далеко прежде, чѣмъ Украина и другіи русскіи земли, былъ тогда уже сильно зляшений, и затѣмъ на бѣльшую часть мѣщанъ мѣгъ панъ Артишевскій полагати яко на преданныхъ справъ лицкой. Въдай во Львовъ то имѣли езуиты свое головное пристанище; въ ніякомъ другомъ городѣ Руси не было такъ много католицкихъ костелѣвъ а кляшторѣвъ; богато мѣщанъ приняло унию, при тѣмъ значная часть Львовского жительствова состояла изъ Ормянъ и жидѣвъ, дуже непріязныхъ Русинамъ; для того и не дивно, що польскіи паны могли уважати городъ Львовъ вѣрнымъ для себе убѣжищемъ. А набералось-же тѣхъ панѣвъ во Львовъ отъ всѣхъ околиць Галичины зверхъ 5.000 мужа, которы вразъ съ войсковою залогою, оставленною княземъ Вишневецкимъ, составили весьма поважне, для обороны мѣста достаточное войско подъ головою комендою пана Криштофа Артишевского. Кромъ того войска и зляшенныхъ мѣщанъ ставули на оборону мѣста еще и католицкіи мнихи Бернардины, которыхъ тогда во Львовѣ было зверхъ 300 добре утученыхъ мужа, и которыхъ пребогатый кляшторъ былъ якъ найтвердѣйше укрѣпленъ мурами та высокими баштами. — Посередъ такъ численнои глоты Ляхѣвъ и недоляшкѣвъ находилось подъ той часъ во Львовѣ еще немало мѣщанъ та предмѣщанъ русско-православныхъ, которы якъ найсердечѣйше спріяли Батькови Хмельницкому: однакожь тіи, яко зовсѣмъ выключены отъ всякой власти въ городѣ, не смѣли ани голо-су поднести въ справѣ народно-русской.

Въ кілька дней по дорученню гетманского письма одержать полковникъ Головацкій отъ имени города Львова таку-ото отповѣдь: „Городъ Львѣвъ не може поняти, для чого въ тойже часъ, коли панъ Хмельницкій посилае до насъ дружелюбныя письма, его козаки поступаютъ въ околицяхъ по неприязельски. Мы не отвергаемъ вашей дружбы, если она щира, но не можемъ входить въ союзъ съ войскомъ Запорожскимъ, поки не скѣнчится выборъ короля и всѣ недовольства войска Запорожского не устануть. Надѣмся, що войско Запорожске, которому мы не здытали ничего злого, останется для насъ въ добромъ росположенъю. Паны изъ-подъ Пилавы хотя и прїѣздили до насъ, но уже отправились на соймъ; въ городъ заперлись мѣщане и предмѣщане; въ замку стоитъ залога польской короны, а надъ городомъ и замкомъ начальствуетъ королевскій губернаторъ.“

Батько Хмельницкій, одержавши такой крутой отвѣтъ отъ Львовянъ, двинулся на военну облогу города. Передовыи его отряды стали подъ Львовомъ дня 6 Октября (1648 г.). На другой день явился подъ городомъ самъ Гетманъ и приказалъ ударити изъ пушокъ; начался перестрѣлки по розличныхъ кѣнцяхъ Львова. Одинъ отрядъ козаковъ рылъ валы у Гончарской улицъ близъ кляштора босыхъ-Кармелитѣвъ; другой напиралъ на Галицкую браму; третій нападалъ на Бернардинскій кляшторъ. Ляцкая залога оборонялась отчайдушно, а надъ всѣхъ наибольше въ борьбѣ доказовали мнихи Бернардины. Тогда въ часъ перестрѣлокъ подъ самымъ Хмельницкимъ былъ убитъ бѣлый конь, примѣтный изъ-далека по своей свѣтлой масти. Вечеромъ закончилась перепалка; неприятели размѣнялись взаимно пѣвинками, и все на часъ будто успокоилось.

А справдѣ то — якъ пишутъ историки оныхъ часѣвъ — Хмельницкому не трудно было взяти Львѣвъ; однако онъ самъ не хотѣлъ надаренно проливати тутъ людскую кровь и предавати богатое мѣсто на росхищенъе простыхъ гайдамакъ и Татаръ. За-для тои-то причины онъ, задовольаясь лишь острѣлюванъемъ города, розставилъ докола него свое войско, а самъ засѣлъ въ поблизкомъ селѣ Лисеницахъ, и послалъ оттуда трубача съ новымъ письмомъ до жителей Львова, предлагая имъ миръ и згду на томъ одномъ условіи, чтобы они дали 200.000 червоныхъ злотыхъ окупы для заплаты Татарамъ. Городскій паны райцы (радныи) мѣрковали се добре, що противъ такъ великой козацкой силы мѣсто ихъ ніякъ не зможе удержатися; тожь и сейчасъ постановили они вступити съ Хмельницкимъ въ переговоры. Они увѣряли и себе и другихъ, що рѣшаются просити пощады у козацкого Гетмана не то изъ боязни, а будто едино для того, чтобы „спасти католическіи святинъ отъ поруганія.“

На желаніе Львовскихъ радныхъ Хмельницкій послалъ до нихъ для переговоровъ полковника Головацкого. Мѣщане во Львовѣ приняли Головацкого дружелюбно, та вже навіть паны радныи, самы зляшенныи католяки, рады были миритись съ козаками, а тѣлько просили, абы Хмельницкій змягчилъ свои условія. „Окупъ — говорили они — мы на всякій випадокъ готовы козакамъ дати; однакожь такъ великую суму, яку треуе зъ насъ Гетманъ Хмельницкій, мы ніякъ не въ станѣ у себе назбирати.“ Напротивъ того паны шляхтичи, а особливо мнѣхи-Бернардины отвергали всякое примиреніе съ Хмельницкими, и съ гордостію заявляли Головацкому, що не дадутъ ему ніякого окупа, но будуть обороняти городъ до послѣднаго. Такъ и вернулъ Головацкій въ таборъ козацій съ подвійнымъ отвѣтомъ — отъ мѣщанъ и отъ Бернардиновъ, а оба тіи отвѣты побудили Хмельницкого вести осаду Львова далше.

Пройшли двѣ недѣль. Хмельницкій стоялъ пѣдъ Львовомъ, а хотя черезъ той часъ застановилъ перестрѣлку, но держалъ городъ въ заключенію, ожидая поры, доки не скѣнчится въ Варшавѣ елекційный соймъ. Межи тѣмъ козаки и численныи полки приставшихъ къ нимъ галицко-русскихъ селянъ, наскучивши собѣ осадомъ Львова, отправились во все околлицъ загонами розоряти костелы и панскіи дворища. Скрѣзь на кѣльканадцать миль докола Львова они безъ милосердія истребляли все панское, и въ тѣмъ-то дѣль истребленія участвовали не лишь русскіи, но и мазурскіи хлопы, которы изъ-за Сяна та ажъ зъ пѣдъ Кракова приходили въ таборъ Хмельницкого, щобы помагати нявечити ненавистную для нихъ Польшу. А Хмельницкій, видячи таке завзяте галицкихъ селянъ противу ляцкого панства, потакалъ ихъ гайдамацкимъ подвигамъ и розслалъ навіть по цѣлой Галичинѣ свою гетманскую грамоту, въ которой оповѣщаль народу: що се поднялъ онъ войну противъ шляхты, желая освободити селянъ и весь бѣдный народъ отъ пановъ-душегубцевъ.

А межи тѣмъ въ городъ Львовъ нагромадилося множество селянъ православной вѣры, настоящихъ Русинѣвъ. Съ селянами тѣми стали чѣмъ-разъ смѣльйше зноситись Львовскіи предмѣщане, которы тогда еще такожь были русско-православной вѣры и сильно тягнули за Хмельницкимъ. Ляцкіи начамъники въ мѣсть змѣрковали небезпенство, и самъ-же губернаторъ Львова старался всеусильно о то, щобы истребити передмѣстья. Нашли людей, которы за грошевую нагороду въ рѣжныхъ мѣстцяхъ подложили огонь, и тогда хаты бѣдныхъ предмѣщанъ, ихъ обыстья та и церкви русскіи и костелы стали добычею пламеня. Предмѣщане, выкуреныи зъ своихъ загородъ, скитались безъ куска хлѣба съ жѣнками и дѣтьми; многіи пристали до козаковъ,

другихъ Ляхи загнали въ городъ, прирекая ихъ кормити во время осады. Оттакъ населеніе Львова значно умножилось; отъ тѣсноты и лихой стравы, которою кормились бѣдняки, открылись заразливыи недуги, и помѣръ въ городъ сталъ великій. „Всѣ улицы, — каже одинъ очевидецъ: всѣ рынки и кляшторныи подвѣрья перетворились въ настоящу больницу; кута не было въ мѣсть, где бы не встрѣтити недужныхъ, где бы не почути душливой зловонь.“

Горше еще, нѣжь голодъ и болѣзни, страшили Ляхѡвъ та жидѡвъ численныи толпы православныхъ селянъ и предмѣщанъ, межъ которыми находились дуже подозрѣлыи для нихъ лица; слышно было, що у православныхъ мѣщанъ въ самѡмъ городѣ бывають нѣчныи сходбища. Донесли губернатору, що у одного богатога мѣщанина, Юрія Коваля, робѣтники выливають куль и куютъ всяке оружіе. Окружили подозрительный дѡмъ, и по - правдѣ нашли тамъ богато желѣза и олова. А хотя Юрій Коваль выговорялся, що се его склады, назначенныи на продажъ, но Ляхи таки дослѣдили, що изъ того желѣза готовилося оружіе для православныхъ Русинѡвъ, нагромадившихся въ мѣсть съ тою цѣлю, абы помогчи козакамъ добратись до города. Тогда лядцкій комендантъ панъ Артиневскій приказалъ Юрія Коваля казнити мучительскою смертію, а всѣмъ православнымъ мѣщанамъ и предмѣщанамъ велѣлъ собратись для смотрѣнія на его муки, абы такимъ способомъ страхъ жежи нихъ посяяти. Однакожь помимо того постраху православныи жители Львова не переставали сходитись по скрытыхъ мѣстцяхъ на тайныи нарады, и хотя брамы города были щельно заперты, они таки постоянно зносились съ козаками. О тойже цѣрь рознесся слухъ по мѣсть, що навѣть православный Архіерей Львѡвскій, Арсеній Желиборскій, вступилъ въ споненіе съ Гетманомъ Хмельницкимъ та написалъ до него тайное письмо, упрашая его, щобы поснѣшилъ съ занятіемъ Львова. Губернаторъ вскорѣ перевѣдалъ о томъ письмѣ, однакожь не бралъ Владыку подѣ судъ, обавляючись тѣмъ-бѡльшого роздражненья православныхъ не лишъ въ городѣ, но и по цѣломъ краю.

Въ виду такихъ событій католики - Ляхи часъ отъ часу все бѡльше страхалися православныхъ; ажъ наконецъ мнѣхи Бернардины выдумали способъ — справдѣ пекельный способъ, абы уменьшити число того небезпечного для нихъ народа. Было бо тогда тако во Львовѣ, що русскіи селяне и предмѣщане, не маючи въ городѣ власного пріюта, проживали бѡльшою частію въ просторонныхъ польскихъ кляшторахъ. Особливо Бернардинскій кляшторъ, якъ наибѡльше во все засобный, былъ народомъ на - скрѡзь переполненный, словно биткомъ набитый. Мнѣхи Бернардины давали каждой Суботы обѣдъ для мѣщанъ и заставляли тогда два великіи столы: одинъ съ маслинами

стравами, другій съ постными. А понеже католики заховують пѣсть въ Суботу, то мнихи, запрошая людей, говорили: „Ходѣть, кто изъ васъ Русинъ, най съдае до мясного стола, а кто Полякъ, то для него стѣлъ съ рыбою и масломъ.“ Православныи Русины, не подозрѣвая зрады, съли за особый оубъ католикѣвъ стѣлъ. Тогда мнихи стали вызывати ихъ по одному, буцѣмъ для того, що хотять имъ где-що сказати, и выводили на свое подвѣрье. Тамъ-же на ономъ подвѣрью находилась студня, называема „бердышъ.“ Коло сѣи студнѣ стоялъ ляцкій катъ, переодѣтый въ Бернардина. Мнихъ изъ кляштора подводилъ Русина одного за другимъ отдѣльно до студнѣ и говорилъ: „Посмотри туда, якое тамъ чудо!“ Русинъ наклонилъ голову, а въ той хвилѣ стоящій у студнѣ катъ рубалъ его по шеѣ, и сейчасъ кидалъ трупа въ бердышъ. Такимъ способомъ уже нѣкоторое число людей поѣшло изъ вдальной комнаты въ-слѣдъ за мнихомъ, а никто не зналъ, що здѣлалось съ тѣмъ, который прежде него вышолъ; всякій добровольно наклонялъ голову подъ топоръ. Наконецъ прочи Русины, объдавшии въ кляшторѣ, стали безпокоитись, що братья ихъ не вертають; нѣкоторые встали и нечаяно подсмотрѣли, що на подвѣрью мнихи дѣлають. Тогда всѣ, скѣлько ихъ было при мясномъ столѣ, подняли отчаянный крикъ, и выбѣгши изъ кляштора, кинулися черезъ муры та и безъ оглядки полетѣли въ козацкій таборъ, где своимъ розказомъ о Бернардинскомъ оубѣ и о бердышѣ произвели ужасное розъяреніе. Хмельницкій въ первомъ порывѣ гнѣва грозилъ спалити цѣлый городъ; но послалъ тѣлько сказати Львовянамъ, щобы прежде всякого договора ему сейчасъ выдали Вишневецкого и всѣхъ розбѣжавшихся зъ-подъ Пилявы панѣвъ, кромѣ тогожъ и всѣхъ жидѣвъ, а иначе онъ якъ-стѣй приступитъ до шуруму. Вразъ съ тѣмъ перестерегалъ онъ всѣхъ жителей Львова русскои вѣры, щобы они для своего безпеченства скрылись въ церквахъ во время взятія города.

Бѣда съ кождымъ днемъ бѣльша угрожала злященному Львову. Хотя бо весь городъ обведенъ былъ двома стѣнами и глубокимъ ровомъ, во стѣны уже где-куда попукали отъ арматныхъ выстрѣлѣвъ, а вода въ ровѣ цѣлкомъ уже высохла. Жители города, видячи такіи хибы въ укрѣпленіяхъ и сстрадаючи много отъ голоду та и всякихъ болзней, желали уже якою-будъ цѣною избавитись отъ грозной осады козацкой. Одинъ тѣлько Артишевскій, загорѣлый старикъ-воинъ, показовалъ отчайдушную готовость оборонятись до послѣднего, и съ жаромъ говорилъ мыщанамъ: „Я уже старый, довольно пожилъ на свѣтѣ; дождѣчу вѣка во Львовѣ, лучше най мене задавать его розвалины, чѣмъ менѣ спасати житѣе соромнымъ окупомъ. Якъ бо и можна довертѣтся Хмельницкому, коли онъ запятновалъ себе всякого рода вѣро-

ложствомъ. Вѣдай для челоуѣка розумного и хороброто далеко ббльше пожадана смерть, чѣмъ неволя: со смертію кбчнется, съ неволею рождается вся нужда и горе.“ А таки городска Рада не слухала старика, но отвѣчала Хмельницкому, що панбвъ въ мѣсть нема, а Львбвъ просить пощады. Тогда Хмельницкій далъ знати Львовянамъ, що изъ взгляду и зъ любви своей къ православнымъ Русинамъ, яки жіють межъ ними, бнъ постановилъ не брати ихъ городъ штурмомъ, и навѣтъ отназуется отъ жидбвъ, а тблько требуетъ окупу въ золотъ для Татаръ.

Послѣ того начались уже на — правду переговоры о мирѣ. Львовяне хотѣли що-нибудь выторговати у козацкаго Гетмана, коли на-разъ новыи успѣхи козаковъ побудили мѣщанъ не прекословити ббльше милосердію Хмельницкаго. Власне бо тогда случилось, що козаки заняли Львбвскій замокъ, найважнѣйшу для города опору. Былъ же той замокъ на горѣ, такъ званой Лысой-Горѣ зъ сѣверной стороны города; его построилъ еще русскій князь Левъ, сынъ Данила. Въ мирное время замокъ сей оставалъ незанятымъ, но въ часъ войны положеніе его было весьма важное. Онъ стоялъ на мѣстци, отъ-куда можно было видѣти, що дѣлается въ городѣ, и при томъ бттуда можно было удобно стрѣляти въ городъ. Артишевскій поставилъ тамъ залогъ подѣ начальствомъ шляхтича пана Братковскаго. Залогъ та складалась зъ лицикхъ воинбвъ и охотникбвъ-мѣщанъ; но въ часъ самой облоги насходилось туда богато предмѣщанъ и селянъ, не имѣвшихъ приюта въ мѣсть. Козаки напали на той замокъ вскорѣ послѣ прибытія подѣ Львбвъ, однакомъ неудачно. Замокъ бо сильный былъ не такъ укрепленіями, якъ ббльше своимъ положеніемъ на крутой горѣ. Здавалось, устоитъ онъ противъ непріятеля далеко долше, чѣмъ городъ въ-низу; однакомъ случилась и замкови бѣда таяжъ сама, що была въ городѣ: завладѣлъ въ неиъ голодъ. Панъ Братковскій и его залогъ, изнеможенным до крайности голодомъ, ушли одного дня зъ высокаго замку, оставляя его безъ ніякой обороны. Тогда голодными мѣщуки и предмѣщане, пріоставшии на горѣ, стали роптати на Польшу, що ихъ такъ безстыдно здрадила, та закричали въ одинъ голосъ: „Чогожъ намъ еще ждати? Маемъ погібати отъ голоду съ дѣтьми, такъ лучше бѣдатися на ласку козакамъ. Вадай козаки христіане, та и Татаре не зєври, а люде. Не завдять насъ, а яко несчастныхъ чей помилуютъ. Ну, такъ съ Богомъ побѣдимся!“ Множество голосбвъ зо стѣнъ замка закричали, що они здаются на ласку Хмельницкому. — Случилось же таке несчастье для тѣхъ замковихъ людей, що ихъ голосъ доули первыи не козаки, но галицкіи хлопы, стоявшіи у подножїи горы добровольною стражею. Ти то хлопы, названныи кїяками черезъ то, що за недостаткомъ стрѣльбъ узброены были лишъ костурами и кїями, сейчасъ

ворвались въ замокъ, и тамъ безнащадно перерезали всѣхъ Львовцевъ отъ старого до малого. Коли бѣгачъ козаки присягли на гору, уже стѣны замка облиты были кровью, а башты завалены людскими трунами.

Занявши замокъ, козаки на другій день перервали весь водный источникъ и такимъ образомъ отняли у горожанъ воду; потому безпрестанно врывались въ городъ, и чтобы лучше долгали въ него кулъ, поставилъ пушки на даху замкового костела. Одна бомба изъ козацкой пушки завалила жидовскую божницу; пожаръ схватилъ дома широко; люди не смѣли гасить, понеже картечи и бомбы убивали ихъ на улицахъ. Тогда мѣщане, видячи неизбежную гибель, постановили здатись на волю побѣдителя, выставили бѣлую хоругвь и послали знакомого Хмельницкому ксендза Гумеля-Мокрського просити помилованья. Хмельницкій, якъ лишь одержалъ то извѣстие, пригналъ лично подъ стѣны города, вложилъ на пажу свою шапку, и показывая себѣ знакъ козакамъ, кричалъ: „Згода!“

Пальба и напады козаковъ сейчасъ остановились. Въ снѣдъ за тѣмъ выехали изъ Львова четыре депутаты: отъ Русинѣвъ, отъ Поляковъ, Орлякъ и отъ Львовскаго всеучилища. Въ сопровожденіи козацкаго полковника Остапа они прибыли до села Лисениць, гдѣ была тогда квартира гетманска. Хмельницкій принималъ депутатовъ ласково, по частовалъ виномъ и увѣрялъ ихъ, що нікъ не радъ былъ руйновати городъ Львовъ, яко столицю Галицкой Руси. Депутатъ Поляковъ, пать Вахлювичъ, рыдючи въ голосъ и павши на колѣна, красноречивымъ словомъ молилъ Гетмана пощадити ихъ и уменьшити цѣну окупа. „Помилуйте насъ — говорилъ онъ: ахъ, помилуйте за-для пантой крайной бѣдности! Паны до-чиста насъ ограбили. Подлевское войско обобрало насъ и пониную; мы въ самомъ горестномъ положеніи; не дай намъ погибнути зъ нужды и голоду!“

Посль того депутатъ отъ Русинѣвъ, членъ славнаго Старопитійскаго Братства, именована Лаврисежчъ, промовилъ шире-русскимъ словомъ до Хмельницкаго, представляя ему истинно смутный станъ города, который шо-ино недавно Ляхами былъ ограбленъ, а теперь таки двѣи выставленъ на голодовую смерть, если милость великаго Гетмана Руса являе ему не-поверие. Слушаючи ти бесѣды, самъ Хмельницкій заплакалъ надъ недугомъ Львова, перестрадавшо такъ много не такъ по своей винѣ, а за грѣхи панѣвъ Поляковъ. Тотъ и сказалъ оубъ депутатамъ Львова въ отвѣтъ слѣдующее: „Я не могу скрыти отъ васъ, що мене дуже огорчаютъ ти несчастная происшествія. Дай Боже, чтобы и духъ человеческое о подобныхъ не слышало! Всему причиною Вишневецкій и Комшцельскій, польскими враги русскаго народа. Нестало силъ переносити намъ тяжкіи гоненія; у насъ насильно отня-

мали все наше достояніе, и намъ ничего бѣльше не оставалось, якъ взяти оружіе. Вы просите милосердія, но и я самъ просилъ его, а не былъ такъ счастливъ, щобъ его дѣстати. Помню того я окажу вамъ милосердіе. Я не хочу поднимати меча на ваши головы, дарую вамъ жизнь, а то уже великое милосердіе; лише панове, безъ всякихъ ѣтго-вродкъ вылатать моимъ пріятелямъ Татарамъ двѣста-тысячъ червонныхъ злотыхъ. На додатокъ я оставляю при васъ и жидовъ, тѣхъ негодныхъ мерзавцѣвъ, що здерають русекій народъ, якъ здедали и нашихъ козаковъ на Уукраинѣ. Требуите зъ нихъ, щобъ они вылатали бѣольшую часть той сумы. Ничого надъ се ѣтъ мене не выдагайте.“ — Надаремно панове депутаты умодали еще разъ Хмельницкого о зменьшеніе окуда; Хмельницкій еще разъ выразилъ свой жалъ надъ ихъ сумнымъ положеніемъ, но не уменьшалъ требуемой сумы ни однимъ злотымъ. Такъ и приеволены были депутаты города Львова всепокорно согласи-лись на все условіа.

На другій день выслалъ Хмельницкій за грошми до Львова отъ своей стороны полковника Головацкого, а союзникъ его Тугай-Бей отъ стороны Крымцѣвъ Татарина Цигъ-Агу. Готовыхъ грошей набралось только на 16.000 злотыхъ. Сего было надто мало, и городъ Львовъ откупался товарами и рѣзными рѣчами; костеды и кляшторы давали свои украшения и сокровища; мѣщане добывали изъ своихъ оклеповъ штуки богатыхъ матерій; жида со вздохомъ эссиди серебро, золото и различныи дороговизности, добытыи лихою ѣтъ убогихъ христіанъ; бѣдныи зарѣбники принуждены были выносить последнее подотно или серебряную вещь изъ скромного дома. Возами отправляли тѣ сокровища въ таборъ побѣдителей, где Тугай-Бей старанно все тое оцѣнялъ и важиалъ, не даючи въ ничѣмъ уступки.

Такъ и зложилъ городъ Львовъ въ грѣнахъ и цѣнныхъ рѣчахъ цѣлу суму окуду, яку требовалъ Гетманъ Хмельницкій, въ цѣнь 200.000 червонныхъ злотыхъ. Однакожъ тѣмъ еще не ограничился окупъ; городъ бо Львовъ, кромя тѣго подарилъ добровольно самому Хмельницкому богатыхъ одній и зброи на 20.000 злотыхъ; до тогожъ все полковники, войсковыи Асаули, суди, писари, Атаманы козацкіи дѣстали въ подарокъ по колька сотъ таліровъ, а навѣтъ простыи козаки надѣлены были то саблями, то стрѣлами, которы самы Львовяне ѣтъдавали имъ на дарунокъ, уважая всякую зброю тенерь уже для себе бѣзпотребною. А ещежъ мѣщане должны были по русскому обычаю угостити „на примиреньѣ“ козаковъ всякими напитками такъ въ са-момъ городѣ якъ и въ таборѣ.

Одержавши окупъ, Гетманъ Хмельницкій для успокоенья горожанъ оставилъ во Львовѣ стрѣчного брата своего Захарія Хмельниц-

кого съ 10 мужа козаковъ, которымъ и передалъ онъ гетманску свою грамоту, обезпечаящу се мѣсто отъ всякаго дальшаго нападу козацкихъ шаекъ. Потомъ на дню 24. Октября Хмельницкій велѣлъ на пращанье торжественно выстрѣлити зъ пушокъ, и тогожь дня страшное войско его отступило зъ-подъ Львова. Поляки уважали особеннымъ чудомъ неба свое избавленье за гроши. — Одни только мниси Бернардины не хотѣли участвовать въ платежъ окупа, говоря тое, що они оружіемъ охоронили свой кляшторъ, и гордо указовали на купу труповъ въ студнѣ Бердышу и докола муровъ своего кляштора. Тѣже мниси Бернардины по отступленію Хмельницкаго выдумали и записали въ своихъ кляшторныхъ книгахъ такую на-скрѣзь ложную сказку, що будто „чусленные полки козаковъ-шизматиковъ и Татаръ за вданьемся свентого Яна зъ Дукль при осадѣ Львова такъ цѣломъ пославили, що ани стрѣляти не могли, и зневолены были со стыдомъ отъ города уткати.“ И она безчельная выдумка до нынѣ сохраняется въ книгахъ кляштора Бернардинскаго у Львовѣ, служачи доказомъ для всего свѣта, що латино-польскіи мниси не соромились въ обманъ втягати навѣтъ и небесныи силы, коли ишло о тое, абы Русь нану обезславити и понижити.

Отступивши отъ Львова, Хмельницкій еще разъ желалъ было залишити дальшую войну съ Польщею а хотѣлъ дожидатись кѣнца Варшавскаго сойма; однакомъ козаки, побуждаемы наибльше полковникомъ Чорнотомъ, подяли ропотъ и кричали единогласно: „Пане Гетмане, веди насъ на Польшу!“ Тогда Хмельницкій, удоволяя желанію козаковъ, двинулся съ цѣлою силою на ляцкую крѣпость Замость.

А была-жь тая крѣпость Замость по-правдѣ найсильнѣйшая твердыня ляцка, построенная въ Холмско-русской земли родиною Замойскихъ для обороны польскихъ границъ отъ нападковъ татарскихъ. Крѣпость сія обведена была докола ставомъ; ровами и высокими мурами, на стражи которыхъ стояло есмъ дуже сильно укрѣпленныхъ башень. Муры той крѣпости были такъ грубы и широки объемомъ, що по-верху ихъ могла свободно вздти наредга, запряжена чворкомъ. Самъ Іеремія Вишневецкій, вертаючи зъ-подъ Пялавы, занялся устроениемъ военныхъ дѣлъ въ Замостію съ такою старанностію, що крѣпость могла хотѣбы кѣлька мѣсяцевъ противъ 50-тысячнаго войска держатися. Онъ то собралъ туда зверхъ 10.000 мужа порядочнаго войска а около 5.000 охогниковъ шляхты изъ Белзскаго, Холмскаго и Волинскаго воеводства; онъ заосмотрѣлъ сіе войско всякимъ оружіемъ и богатыми запасами пороху, а для избѣжанія голоду далъ онъ такий наказъ, щобы кождый житель въ крѣпости постарался о прокор-

млене для себе и для стоящего у него на квартиру жолнера на целый поль-года. Устроивши наилучшимъ порядкомъ все дѣла въ Замостью и оставивши главнымъ начальникомъ крѣпости князя Владислава Мышковскаго, князь Герелія Вишлевецкій съ 400 людьми шляхты уѣхалъ до Варшавы, чтобы тамъ-же на соймѣ участвовать въ выборѣ нового короля Польши.

Хмельницкій, приближаясь къ Замостью, имѣлъ, по сказанію Поляковъ, до 80.000 войска, хотя по-правдѣ не имѣлъ онъ больше якъ 60.000, понеже большая часть его ополченія вела гайдамацкую борьбу въ земляхъ Холмской, Галицкой и Волынской Руси. Проходячи отъ Львова къ Замостью, Хмельницкій былъ всюду сопровождаемый радостнымъ восторгомъ русскаго народа. Православныи Русины такъ сторонѣ збѣгались къ нему на встречу, величая его своимъ освободителемъ; одни приставали яко охотники до козаковъ, другіи знесли имъ всякіи запасы, — а все кланисъ поборити Ляховъ-католиковъ на каждомъ мѣстци, где лишь тѣи загнѣздились. Мѣстечка, заселенныи католиками, униатами и жидами, были безъ милосердія истребляемы огнемъ и мечемъ. Города Сокаль и Томашевъ, изъ которыхъ успѣли убѣжати все Поляки и жидаы, приняли козаковъ съ наибольшою радостію и съ торжествомъ. Католическіи костелы, въ которыхъ находились награбленныи скарбы изъ русскихъ земель, мысли выдати тѣи скарбы назадъ русскимъ людямъ, а навѣтъ кости умершихъ Ляховъ выкинены были изъ гробовъ на поруганье.

Подоходячи подѣ Замосць, Хмельницкій послалъ на-передъ полковника Небабу, чтобы развѣдати, якъ стоятъ дѣла въ крѣпости. Небаба, приближившись къ Замосцью, встрѣтилъ подѣ городомъ русскихъ предмѣщанъ, котеры съ охотою прирекли подати козакамъ всякую помощь. Однакожь Ляхи въ Замостью поспынили здѣлати предмѣщанамъ такую-же пакость, яку Львовяне сотворили своимъ предмѣщанамъ, т. е. они спалили все передмѣстья и черезъ то позбились небезпечнымъ сусѣдъ, якими были для нихъ все русскіи люде докрестъ Замосстья.

Дня 5. Новембрія, въ самъ развалъ пожара, явились козакки подѣ Замосцьемъ. Несчастныи предмѣщане, убѣгая изъ згарницъ, один хоронились подѣ мурами крѣпости, другіи приставали до козаковъ, умолая ихъ о отпущеніи за здѣланную Ляхами злобу. Хмельницкій остановился въ сусѣдножъ селѣ Лабуняхъ, и задумалъ стѣснати Поляковъ повольнымъ обложеніемъ. Хотя бо не трудно ему было навѣтъ и тую могущую крѣпость на-разъ взяти насильнымъ штурмомъ, особливо еслибъ онъ призывалъ былъ къ собѣ еще и козацкіи загоны, находившіися на грабежахъ въ околицъ; но диво ягесь сталося съ

нашимъ Батькомъ Хмельницкимъ, що бнѣ еще бнѣ Пилавской битвы прилично усмирить свое завзятѣе противъ Польщи, и такъ подѣ Львовомъ янѣ и подѣ Замостьемъ провадилъ дѣло военне зимово. Вистото того отже, щобы сейчасъ на крѣпость всею силою ударити, бнѣ тольکو розставилъ свое войско докола неѣ, а самъ засѣлъ на квартиру въ поблизкомъ селѣ, и оттуда посылалъ гонцѣвъ своихъ то до Замостья, то до Варшавы, за-дѣя мирныхъ переговоровъ съ лѣцкими начальниками. Именно требовалъ бнѣ отъ панѣвъ Ляхѣвъ, щобы тѣмъ непремѣнно избрали королевѣ одного зъ молодшихъ братьѣвъ небожика Владыслава IV, а то королевича Іоанна Казимира, до которого козаки еще яке-такѣ имѣли доваріе. Дуналъ бо Хмельницкій, що если настане королевѣ Іоаннъ Казимиръ, прїятель канцлера Осолднскога, то тогда уже здѣлана буде справедливостъ такожъ нашоѣ Руси, и бнѣ такъ вражда международная на-всегда закончится. Тожъ и ставилъ бнѣ единимъ условіемъ для своего бнѣступленія зъ-подѣ Замостья и для оконечного примиренія съ Ляхами — выборъ королевича Казимира на короля Польщи.

Но переговоры Хмельницкого съ Ляхами, веденныя зъ-подѣ Замостья, на-скрѣзь не подобалися козакамъ, которы ни о яномъ каролѣ, ни о якомъ примиреніи съ Польщею ничего и чути не хотѣли, а бажали ино ео-верщеннаго освобоженія зъ-подѣ опьки и власти лѣцкой. Зъ той причинѣ пѣдѣнялся въ козацкомъ таборѣ подѣ Замостьемъ сильный рѣкотъ противъ Батька Хмельницкого, и уже составлялась тажъ такъ зваца чорная Рада, т. е. Рада козаковъ безъ участія Гетмана и прогивъ Гетмана. На юной-то Радѣ завзятый козакъ Иванъ Чорнота поднесъ грозное слово противъ Хмельницкого, и говорилъ козакамъ: „Нашъ Гетманъ братитъ часъ на зювинахъ съ Ляхами, и такъ уже рѣшился, що о ничѣмъ не думаетъ, лишь янѣ-бы ускакати на мягкое кѣтъе до Кіева. Страхъ лѣцкій очевидно овладѣлъ нимъ. А янѣ-же то! мы небрали: въ неводу Гетманѣвъ Польщи, розсылали все ихъ войско, взяли окупъ изъ Львова, а теперъ Замость, оцрѣмѣшиа крѣпость одного Поляка (графа Замойского), не могла бы выдержати такоѣ силы! Бѣда наша тольکو въ томъ: що нашъ Гетманъ началъ поблажати Ляхамъ, веде съ ними тайныя переговоры, а козаковъ обмануе!“ — Грозное то слово довелося до самого Хмельницкого, и бнѣ сейже-часъ приказалъ готовитися до штурму.

Хмельницкій распечалъ нападѣ на крѣпость тѣмъ, що пустилъ ядра (великія кули) и огненныя бомбы въ городъ; однакожъ одни не долетали, другіи перелѣтали, а третьи кося падали на дахи, но не причинили великой шкоды. Дожидаяся рѣшителнаго штурма, Поляки, при звуку всѣхъ костельныхъ звѣнѣвъ, ободрѣмыя своими ксѣндзами, выстроились до бою на мурахъ крѣпости; но козаки по ве-

лялю Хмельницкого целый день лишь играли на трубахъ, какъ будто для того, чтобы изнурить враговъ безпрестаннымъ ожиданіемъ. — Межи тѣмъ наломали хворосту для закиданья рововъ, надылали соломянныхъ пукотъ для подпалюванья, приготовили изъ грубыхъ бревенъ осадную машину на колесахъ, называемую по козацки „гуляй-городина“, съ отворами для пушокъ и съ ящиками, набитыми землею, для закрытія отъ неприятельскихъ пострѣловъ. Подъ вечеръ на северной и на восточной сторонѣ крѣпости появились густыя толпы козаковъ, жаждущихъ идти на приступъ.

Когда такъ уже все заготовлено было до головного штурму, Гетманъ Хмельницкій, огорченъ на козаковъ за ихъ черную Ряду, допустился супротивъ нихъ великаго грѣха, который темнѣе вѣщюкъ осорожилъ его славное имя. Это бо онъ выбралъ въ-посередѣ козацтва таиныхъ молодцевъ, которыя еще не знали, какъ обходиться со стрѣльнымъ оружіемъ, понеже они до сихъ норъ обряцались ино съ носами и сернами, но за то больше другихъ шумѣли противъ Гетмана; тѣхъ молодцевъ опослъ онъ въ-перва на-добре горькою, а потомъ загналъ всѣхъ въ „гуляй-городину“ и заперъ ю заставами, а изъ-заду поставилъ старыхъ мастодитныхъ козаковъ и приказалъ имъ подгоняти льняныхъ и трусливыхъ та навѣтъ колоти, если они подадутся на-задъ. Тѣмъ-то молодецъ съ „гуляй-городиною“ мали здѣлати нападъ на восточной сторонѣ крѣпости; на другу же сторону (отъ свѣра) Хмельницкій выправилъ полковника Черноту, давши ему всего лишь 1000 козаковъ, а приказавши взяти тамъ-же найтвердѣйшую башту Замостья. Очевидно, за такими распорядженіями Гетмана головной штурмъ на крѣпость не могъ счастливо повестися. Оножъ такъ и оправдъ вышло: коли бо подсунулась подъ муръ „гуляй-городина“, то по первыхъ выстрѣлкѣ ей бревна, зложенныя на-скоро, розсыпались, а наши хлопы, не умѣючи добре стрѣлати, палили въ стѣны или на воздухъ; при томъ на Полякахъ были желѣзные панцири, а на хлопкахъ свитки та кожухи; не дивно загнѣтъ, що не устояли саракъ наши супротивъ ляцкого огня, та покинувши свое оружіе, попялились на заднихъ козаковъ, прервали ихъ ряды и привела всѣхъ въ безпорядкѣ.

Въ тожъ время, коли наше хлопство выставлено было на истную бойню подъ „гуляй-городиною“, неустрашенный Чернота съ козаками зайшолъ отъ северной стороны черезъ болота, где стѣна была немого нижша и где Поляки не ждали нападу козацкого. Въ-початку отъ той стороны двѣ козаковъ шло удачно: они вѣчно перейшли глубокой ровъ и приставили до стѣны такіа огромныя драбяны, що 50 мужа ледви могли нести одну; однакъ Дьяки еще на часъ поспѣшили туда, где нападаль Чернота, и стѣбили его. Самъ Чернота лѣзъ „какъ серви-

голова" (каже льтописецъ польскій), но былъ раненъ въ лядвію, ужалъ зъ драбми, и не получая въ пору ни подкрѣпленія ни помощи отъ Хмельницкого, оставилъ приступъ. Тогда паны въ крѣпости такъ розхрабрились, що 2000 ихъ здѣлали вылазку на передистье, где стоялъ полковникъ Головацкій съ 12.000 козаковъ; они напали нежданно, захватили 300 обозовыхъ коней и взяли въ полонъ одного козака, сотника Метлу.

Зъ тѣхъ поръ козаки, хѣтя стояли три недѣли подъ Замостьемъ, но уже не ладились идти на другій приступъ. Хитрость Батка Хмельницкого стала имъ очевидною; а таки помимо того они перестали роптати на него, особенно коли рознеслась въ таборъ така дивная ворожба: що сила козацка не удѣе ничего подъ Замостьемъ, пенеже крѣпость тая записалась подъ покровъ злого духа. Ворожбу тую открыва козакамъ знаменитая чаровница ихъ, именемъ Маруня, которой каждое сказанье у повѣрчивого народа козачого уважалось мовъ-бы евангельскимъ пророчествомъ. Оттакъ то вже и найотважнѣйши зъ нихъ, заложивши за поясъ руни, стояли подъ Замостьемъ зовсѣмъ бездѣльно.

Начальникъ Замостья, панъ Мышковскій, корыстаючи зъ бездѣльности козаковъ, завязалъ на-ново переговоры о миръ съ Гетманомъ Хмельницкимъ. Прежде всего просилъ бнѣ, щобы Гетманъ не руйновалъ замка пана Замойского, который то замокъ стоялъ особнякомъ по-за мурами крѣпости и былъ уже занятъ козаками. Хмельницкій отвовѣлъ на то: що готовъ пощадити не лишь одинъ замокъ, но и цѣлу крѣпость, якъ скоро Ляхи выплатятъ его Татарамъ 20.000 злотыхъ окупы. — На се Мышковскій отписалъ Гетману такъ: „Мы охотно дамо пану Хмельницкому 20.000 злотыхъ окупы, если выполните слѣдующіи условія: во первыхъ, оставите въ цѣлости замокъ пана Замойского; во вторыхъ, запретите козакамъ розорати костелы, замки и дворища сусѣдной шляхты — все, що осталось еще незруйнованымъ; въ третьихъ, если по отобранью окупа повернете назадъ въ свою Украину.“

Хмельницкій согласился на все, однакомъ одержавши всѣ требуемыя гроши, написалъ пану Мышковскому: „Я не могу повертати въ Украину, доки не прійдуть въ мой таборъ козацкіи отряды, розосланныи по околицямъ; но за то я дозволяю вамъ заходити въ мой таборъ безъоружно и куповати у козаковъ всякіи припасы, яки для васъ нужны; зъ своей стороны я рѣчаюсь словомъ чести, що никому зъ васъ и волосъ зъ головы не спаде.“ — Начальникъ крѣпости присталъ на то предложенье, и тогда въ козацкомъ обозѣ завелся на-стоящій ярмарокъ: козаки продавали своимъ непріятелямъ скотину

и рѣзныи дороговѣнности, якъ то: серебрянныи кубки, чаши, платья, шубы и пр.; а такъ все, що было ѳтнято Ляхамъ подѣ Пилявою, то и продавалось теперѣ также Ляхамъ за невеликии гроши.

Межи тѣмъ приспѣла изъ Варшавы въ таборъ Хмельницкого потѣшная вѣсть, що паны сенаторы, удовлетворяючи желанію Гетмана Украины, единогласно выбрали королемъ Польщи королевича Іоанна Казимира. Вѣсть тую привѣзъ изъ Варшавы польскій ксендзъ Анзельмъ, нарочный посланникъ ѳтъ сенату и ѳтъ нового короля, имѣющій препорученіе задобрити Хмельницкого всякими обѣтницами на будущее благоденствіе Руси. И справдѣ Гетманъ Хмельницкій, выслушавши посла ксендза Анзельма, дуже былъ довольный. „Того только и ждалъ я, сказалъ онъ, чтобы настала разѣ добрый король въ Польшу, якимъ чейже на-печно буде Иванъ-Казимиръ. Вѣдай настоящая бѣда не зъ моей причины сталась, а все зъ дурныхъ староствъ и ѳтъ ляцкой старшины, котора намъ великіи кривды творила, тай все то лихо удѣла.. Я не на польскій народъ войною иду, а только ѳтъ настающихъ на мене и на Украину войскомъ боронюся.“ — Послѣ того Хмельницкій далъ знати о выборѣ нового короля также панамъ Ляхамъ въ Замостью, и заявилъ имъ такъ: що понеже сенатъ въ Варшавѣ таковымъ выборомъ уволилъ его волю, то козаки Украины уже не пойдуть далѣй на Польшу, но повернуть заспокоены въ свое отечество. Ляхи въ Замостью, учувши такъ слово ѳтъ Хмельницкого, хотя и не довольны были особою нового короля, которого выбрали въ Варшавѣ едино за-для страха передѣ козаками, но переслали въ таборъ козацкій четьре бочокъ наилучшого вина и вразѣ съ тѣмъ всякого рода подарки для Старшинъ козацкихъ, желая такимъ способомъ по-доброму козаковъ позбытися.

Дня 24. Ноембрія Хмельницкій съ цѣлымъ своимъ войскомъ ѳтступилъ зъ-подѣ Замостья, приказавши на ѳтходне выстрѣлити торжественно изъ всѣхъ пушокъ. Паны Ляхи по уступленію козаковъ освободившись ѳтъ страшной осады, вышли смотрѣти на мѣстце козацкого обоза и всеяли тамъ по своему: „Тебе Бога хвалимъ.“ Они удивлялись, що помимо такъ великой козацкой силы остави спасенными. „Тогда“ — каже историкъ ляцкій зъ оныхъ часѳвъ: — „Поляки межъ собою говорили, що на-вѣрно самъ Богъ послалъ на Хмельницкого слѣпоту, коли съ такими силами онъ не только не взялъ Замостья и Варшавы та не зруйновалъ всеи Польщи, но навѣтъ цѣлкомъ залишилъ непріятельскіи дѣйствія.“ И въ самой-же рѣчи, все поступки Хмельницкого ѳтъ дня Пилявской битвы ажъ до-теперѣ оказывались яко-бы вымырнены на примиреніе съ Польщею.

КОРОЛЬ ЯНЪ-КАЗИМІРЪ — и ПЕРЕГОВОРЫ съ ХМЕЛЬНИЦКИМЪ въ ПЕРЕЯСЛАВЛѢ.

Выборъ королевича Яна-Казимира королемъ Польши задоволил нашего Батюка Хмельницкого наибольше для того, що Янъ-Казимиръ былъ изъ-давна сердечнымъ другомъ канцлера Оссолинского, того самого Оссолинского, который одинъ зъ - помежи всѣхъ ляцкихъ пановъ почиталъ русско-козацкій народъ и на-широ бажалъ добра нашей Руси. А тойже канцлеръ Оссолинскій власне и наибольше причинился до того, що паны въ Варшавѣ не выбрали кого инного, только Яна-Казимира. Было бо властиво трехъ такихъ принцовъ, которы домагались о польскую корону и зъ которыхъ каждый малъ своихъ сторонниковъ межи ляцкими вельможами; ти принцы были: два сыны короля Жигмонта (братья умершого Владислава IV.) Кароль и Янъ-Казимиръ, а третій Стефанъ Ракочій, князь мадарско-семиградскій, за которымъ стояли Іеремія Виншевецкій и ббольшая часть ляцкихъ сенаторовъ. Князь Ракочій былъ бы на-певно избранъ королемъ, однакожь саме тогда, коли приступали до выбору, надѣйшла изъ Семиграду нежданная вѣсть, що той кн. Ракочій умеръ. Тогда другая сторона взяла верхъ, але и тая подѣлилась на два таборы, бо одни стояли за королевича Кароля, другіи за Яна-Казимира. Въ томъ роздвоеніи канцлеръ Оссолинскій ужилъ такой штуки, що побудилъ королевича Кароля добровольно отказатьсь отъ убѣгательства о корону, представивши ему, що Польша окончателно погибне, если Хмельницкій приймется воевати за Казимира. Королевичъ Кароль отказался, а Казимиръ одноголосно былъ избранъ королемъ, не смотря на то, що бывши принцомъ, онъ вступилъ до езуитовъ и одержалъ отъ папы римского чинъ и титулъ кардинала, та не смотря навѣтъ и на се, що польскіи паны его изъ-давна не любили и королемъ видѣти его не желали. „Но у Ляховъ, — каже одинъ льтонисецъ рускій: хотя ихъ богато нагромадилось тогда въ Варшавѣ, были зайчии уши, и такой страхъ овладалъ ними, що якъ лишь почувють леда трескъ сухого дерева, то готовы безъ памяти бѣжати ажъ до Гданьска, та скрѣзь сонъ не одинъ тогда кричалъ: Хмельницкій иде!“ Отъ того они всѣ только и думали, якъ бы примиритись съ грознымъ козацкимъ Гетманомъ, и уже чѣмъ скорше згодились на избраніе Казимира, щобы угодити козакамъ, которы особенно страшны стали тогда, коли изъ Воли (пѣдъ Варшавою), где отбывался соймъ, видѣвались що-вечера огненныи луны отъ горящихъ польскихъ дворищъ и костеловъ.

Новый король Янъ-Казимиръ распочалъ свое владѣніе тѣмъ, що сейже — часъ послалъ пѣдъ Замошь до Гетмана Хмельницкого коронныхъ послѣвъ съ оповѣщеньемъ о своемъ выборѣ, а вразъ и

съ дуже ласкавою королевскою грамотою, въ которой писалъ слѣдующее: „Начиная счастливо наше владѣніе, мы по примѣру предковъ нашихъ, пошлемъ вамъ, яко Старшому въ Запорожскомъ войску, гетманскую булаву и хоругвь, и прирекаемъ вамъ назадъ привернути всѣ давныи ваши рыцарскіи права. Що касается междуособной войны, которая, къ сожалѣнію, продолжалась до сей поры, то мы сами теперь видимъ и соглашаемся съ вами, що причины ея лежатъ на польскихъ панахъ, а Запорожское войско не виновато. Вы желаете, чтобы Запорожское войско стояло подъ вашою властію, независимо отъ коронныхъ старостъ; мы того-же хотимъ, и желаемъ, абы то все залагодилось якъ наилучше черезъ нашихъ комисаровъ, которыхъ до васъ пришлемъ. Що до уни, мы также хотимъ, абы удоволити вашему желанію (т. е. абы уни на Руси не было). А васъ просимъ, чтобы вы, видячи наше милостивое къ вамъ расположеніе, повернули въ вашъ край и ропустили узброенную чернь, отпустили Татаръ, дабы не было опустошенія нашему королевству, и ожидали у себе нашихъ комисаровъ.“ — Хмельницкій принялъ письмо отъ ново-избранного короля дуже радо, а короннымъ послаемъ сказалъ такъ: „Добре, що вы, паны Ляхи, выбрали Яна-Казимира, а елибъ выбрали другого, такъ я поійшолъ бы ажъ въ Краковъ и далъ корону тому, кому бы захотѣлъ.“

Отступивши зъ-подъ Замостья, Гетманъ Хмельницкій по дорожъ въ Украину задержался въ городъ Острозъ. Тутъ онъ выдалъ наказъ козацкиивъ загонамъ, чтобы напады свои залишили, а до пановъ шляхты, якіи еще въ земляхъ русскихъ приосталися, розслалъ гетманское письмо такого содержания: „Желаю, чтобы, сообразно волѣ и приказанію короля, вы не замышляли ничего злого противъ нашей греческой религии и противъ вашихъ подданныхъ, но жили бы съ ними въ миръ и держали ихъ въ своей милости. А если, сохрани Боже! кто-нибудь упрямый и злобивый задумаетъ проливати христіанскую кровь и мучити бѣдныхъ людей, то якъ скоро вѣсть о томъ дойде до насъ, такой виновный нарушитель возстановленнаго днесъ мира и спокойствія доведе Польшу до крайной погибели.“

Но помимо всѣхъ такихъ приказовъ гетманскихъ, ни Поляки ни Русины не оставляли непріятельскихъ дѣйствій. По уступленіи Хмельницкого изъ-подъ Замостья якийсь панъ Якубъ Роговскій, взявши съ собою много Ляховъ изъ Замойской крѣпости, кинулся на полковника Калины Воронченка и провадилъ съ нимъ завзятую борьбу. За то инный загонъ русскихъ гайдамакъ напалъ на дворы пана Замойского, и зруйновавши ихъ до основанія, истребилъ всю дврскую службу до послѣднаго ляцкого наковънка. И таки по всей Руси не переставало кровопролитіе, не смотря на очевидное ми-

ролюбіє самого Батька Гетмана, который, якъ здавалось, на теперъ спокойно хотѣлъ ожидать рѣшенія своей судьбы отъ воли королевской.

Межи тѣмъ въ первыхъ дняхъ мѣсяца Сѣчня 1649 г. Гетманъ Хмельницкій прибылъ до Кіева. При звуку всѣхъ звонѣвъ, при радостныхъ восклицахъ многочисленнаго народа, Гетманъ нашъ со всѣма Старшинами вѣхалъ торжественно въ стародавнюю столицю святой Руси. У золотыхъ воротъ, пѣдъ стѣнами храма св. Софіи привиталъ его Митроподить на чель всего мѣстнаго и доокрестнаго духовенства; бурсаки академіи и ученики другихъ Кіевскихъ школъ пѣли ему похвальныи пѣсни. Гетманъ и его козаки заплакали отъ радости, учувши чудныи спѣвы дѣтей русскихъ, увидѣвши красоту церквей Божихъ, тогда що-ино свѣжо оновленыхъ и величаво украшенныхъ по низверженіи ляцкаго насилія.

Радость въ Кіевѣ межи всѣмъ жительствомъ настала тогда велика: день и нѣчь Кіевляне щедро угощали братей козаковъ, военною славою увѣнчанныхъ, а все, що жило въ городѣ, отжило мовь-бы новымъ житємъ, обходячи великій праздникъ освобоженія отъ неволи ляцкой. Одинъ тѣлько Гетманъ Батько нашъ якось былъ тогда невесе лый, и посередъ загальнаго ликованія вѣрныхъ дѣтей Украины вмѣсто слезъ радости проливалъ слезы душевнаго сокрушенія и горести. И справдѣ, щось мовь-то дивнаго явилось въ цѣломъ его существѣ: онъ то постилъ сурово, то молился ревно и съ глубокимъ роскаянїемъ; по кѣлька годинъ лежалъ нищъ передъ образами въ церквѣ, то знову якъ-бы желая избѣгнути сердечной скуки, пилъ до пьяна и спѣвалъ думы свого власнаго укладу. Тоска страшенна, томительне роскаянье мучили бѣднаго Гетмана особливо тогда, коли смотрѣлъ онъ на веселыи торжества козачого народа. Тогда то вырывались зъ устъ его злорѣчїя на себе самого, и каляся онъ за той великій грѣхъ свой, що загнавшися было ажъ пѣдъ Львѣвъ и Замость, не зруйновалъ до конца ненавистную Польшу, а напротивъ еще згубилъ немало своихъ людей пѣдъ Замостьемъ, давая польгу панамъ Лященькамъ. — Козаки съ сожаленьемъ глядѣли на се дикое розстроєнїе духа у свого Гетмана, однакѣжь они такъ на-скрѣзь сердечно любили его, що простили ему все не тѣлько прошлыи, но и тепершныи и будущи прегрѣшенія.

Проживши такимъ роскаянїемъ кѣлька недѣль въ Кіевѣ, Хмельницкій переѣхалъ потомъ въ Переяславль, который то городъ уважался тогда войсковою столицею гетманства. Въ Переяславль ожидалъ его греч. Митрополить Іосифъ изъ Коринѣа, носившій имя Патріарха въ Украинѣ. Сей то мужъ высокоповажный принесъ нашему Гетману отъ лица всего православнаго міра на востоцъ братерское поздравленїе и побужалъ его на новую вѣйну прогивъ католицкой Поль-

щи. Зъ благословенія того Архіерея Хмельницькій вступилъ знову въ супружескій союзъ съ прежнюю своєю женою, похищеною Чаплинськимъ, и зъ той поры, ободряемый святиТЕЛЬскими словами Патріарха Іосифа, возмужался ѳнъ, сталъ знову спокойный и веселый, яко былъ до Пилавской битвы.

Благословеніе архіерейское въ Переяславль удостоилось видно изрядной благодати Божой, понеже зъ того времени зновь засіяла слава Хмельницкого свѣтлымъ блескомъ. Сусъдныи царства, до вѣдавшися о великихъ подвигахъ нашего Гетмана, якіи совершилъ ѳнъ въ теченію несполна одного года на Полякахъ, стали присылати къ нему своихъ посланникѳвъ державныхъ съ заявленіемъ дружбы и мира, яко-бы признавая его самостоятельнымъ Руси владѣтелемъ.

Первый такіи посланникъ явился въ Переяславль отъ турецкого Султана, который усильно бажалъ заключити съ Хмельницкимъ договоръ вѣчной пріязни и тѣснои взаимности на всякіи случаи. Посланникъ турецкій, именованъ Ага-Османъ, заявилъ нашему Гетману, що не лишь орда Крымска, но и самъ великій Султанъ съ цѣлымъ своимъ войскомъ выступить на помѳчь козакамъ, если они ма-ново яведуть войну съ Польщею для цѣлковитого еи разрушенія. Хмельницкій вѣлвъ подяковати Султанови за его добрую волю, а ѳтъ своей стороны препоручилъ освѣдчити, що готовъ уступити Туркамъ значную часть польского королевства ѳтъ Дуная до Люблина, но за то желалъ бы ѳнъ, щобы Украина была особною самостоятельною державою (республикою). Гетманъ нашъ не боялся ласкати Туркѳвъ обѣтницами, понеже зналъ ѳнъ, що на будущность безъ помочи ихъ уже обойдѣся. Въ ознаменованіе вѣчной згоды и дружбы Туркѳвъ съ козаками посланникъ Ага-Османъ заключилъ съ Хмельницкимъ такіи договоръ: що Султанъ позвалѣе козакамъ свободно плавати по Черному морю, предоставляя имъ право безоплатной торговли на сто лѣтъ, и що въ Царѣградѣ установится козацкій посланникъ, которому надана буде особенная честь у Туркѳвъ. Запорѣжцѣ обовязались за то изъ своей стороны обороняти турецкіи города и помагати Туркамъ противъ розбоевъ, наносимыхъ чужими моряками.

Дальше приѣдали до Хмельницкого послѳвъ своихъ Господари Молдавы и Волощинны. Тѣ двѣ державы, положенныи межѣ Польщею и Турцією, дознавали зъ давень-давно всякіи напасти то ѳтъ Полякѳвъ, то ѳтъ Туркѳвъ, бо такъ одни якъ и другіи присвоили собѣ ничьивъ не основанное право владѣти надъ молдаво-волоцкими краями. Нарѳдъ же въ тѣхъ краяхъ, такъ Молдавяне якъ и Волохи, были все вѣры православной, та уважая затѣмъ русско-православныхъ козакѳвъ

за братей своихъ по вѣроисповѣданію, глядали теперь у нихъ помочи и дружбы въ справѣ своей народной независимости. Въ то время, коли Хмельницкій поднялъ войну противу Польщи, Господаремъ молдавскимъ былъ Василій Липула, который переносилъ всякіи нездогоды не лишь отъ стороны Туркѣвъ, але и отъ своего таки боярства, отъ молдавской шляхты. Оттакъ то Господарь Липула еще тѣмъ болѣе нуждался въ помочи козаковъ. Колижь посоль его явился въ Переяславль, то Хмельницкій не только принялъ его ласкаво, но выслухавши просьбу Василя Липулы, отправилъ въ Молдавію отрядъ козаковъ подъ начальствомъ своего сына Тимоша для несенія помочи сродному по вѣрѣ народу. А изъ той помочи надѣялся самъ-же Хмельницкій немалой корысти для своего дому. Зналъ бы, що у молдавского Господаря были двѣ дочери: старшая была за-мужемъ за литовскимъ княземъ Радивиломъ, а молодша, Дина-Розанда, оставалась еще въ дѣвцахъ и славилась по свѣту необычайною красою. Хмельницкій изъявилъ послу желаніе посватати для сына Тимоша молдавскую княжву.

О томъ-же часѣ союза съ козаками глядалъ и Семиградскій князь Юрій Ракочій, сынъ упокоившогося недавно Стефана, убѣгавшогося о корону польску. Сей-то князь Юрій Ракочій, остаючи въ зависимости у Габсбургскихъ монарховъ, забажалъ подобно нашему Хмельницкому статись независимымъ своего края владѣтелемъ. Такъ якъ наша Украина значно освободилась отъ Польщи, такъ хотѣлъ онъ Ракочій свою Семиградчину увѣльнити зъ-подъ власти Ракусъ (Австріи). Абы для той цѣли найти собѣ надежного союзника, князь Юрій Семиградскій прислалъ своего посланника въ Переяславль, предлагая Гетману Хмельницкому свою искреннѣйшую дружбу. Посланникъ Ракочія побужалъ нашего Гетмана до обновленія войны съ Польщею, абы тамъ уже рязъ окончательно зживетити панованье шляхты. По плану князя Ракочія имѣлъ бы Хмельницкій двинутиь весной на Варшаву, а въ тоежь время венгерско-семиградскіи полки нападутъ на Краковъ, и такимъ опособомъ обѣ столицѣ Польщи могутъ быти покорены въ одинъ часъ союзниками. „Если мой князь — говорилъ посоль Хмельницкому — здѣлается независимымъ владѣтелемъ Семиграда и до того еще съ помочию козаковъ одержитъ корону польску, то бытъ отвдячится вамъ за то наибольшими въ свѣтъ ласками. Въ его царствование русская вѣра буде рвно поставлена и рвно управлена съ католическою, а Гетманъ буде удѣльнымъ княземъ Украины и независимымъ владѣтелемъ Кіева.“ Хмельницкій выслухалъ пріязно тѣи рчи Семиградского посланника, однакожь не показалъ великой охоты вступати въ союзъ такого рода съ княземъ, который теперь еще ничего не значилъ, а малъ бы статися колись могущимъ владѣтелемъ едино трудомъ и потомъ козац-

кого народа. Къ тому-же мѣрковалъ Хмельницкій, що мало могло бы выйти добраго для Украины изъ союза съ Мадырами, которыхъ въдай русскій народъ за ихъ буйство и гордый норовъ отъ-давня не долюблялъ такъ само, якъ и Полякѣвъ.

Паконецъ явились въ Переяславль и послы русскаго Царя Алексѣя Михайловича, Государя Московскаго. Причина ихъ прибытія была ось-такая: Еще при началъ украинскаго возстанія Хмельницкій одержалъ извѣстіе, що на границѣ московскаго царства собирается войско. Занепокоенный тѣмъ Гетманъ послалъ извѣдати у воеводы царскаго, що значить такое вооруженіе. Воевода отповѣлъ, що войско выслано для стереженія границъ отъ Крымскихъ Татаръ, о которыхъ было чути въ Москвѣ, будто готовятся къ новому нападу. Обавляючись, чтобы сила царская не обернулась на него, яко союзника Крымцѣвъ, Хмельницкій отправилъ въ Москву посольство съ увѣреніемъ вѣчной дружбы для русскаго царства. При тѣмъ случаю онъ переслалъ къ Царю перехваченное козаками письмо Киселя, затѣвавшее Великую Русь съ Україною порѣзнити, также пригадалъ онъ все несправедливости, якіи въ недавнее время терпѣла Русь московска отъ Полякѣвъ, указывалъ на то, що Поляки владѣютъ Сѣверщиною и Смоленщиною, исконными царскими землями, и просилъ Царя Алексѣя, чтобы онъ корыстаючи изъ бѣдственнаго положенія Польщи; отобралъ собѣ наслѣдіе отецъ своихъ. На то посольство Хмельницкаго присланы были изъ Москвы въ Переяславль два царскіи бояре, которы привезли Гетману въ подарокъ дорогіи собольи шубы и ласкавое слово отъ Его царскаго Величества. Царь Алексѣй велѣлъ при тѣмъ сказати Гетману, що жае всякаго наилучшаго успѣха козакамъ, если они въ самомъ дѣлѣ борются за святу православную вѣру; що же до своихъ наслѣдственныхъ земель Царь заявилъ, яко на-теперь еще не намѣряе отберати ихъ у Польщи, але прійде колісь часъ, то русскіи полки займутъ у Ляхѣвъ еще бѣльше земли, нѣжъ яка есть въ Сѣверщинѣ и Смоленщинѣ.

Принявши подарокъ и ласкавое слово русскаго Царя съ наибольшою радостію, Хмельницкій увѣрился теперъ, якую то дивну перемену за короткій часъ здѣлала съ нимъ судьба, коли будучи передъ кѣлька мѣсяцами бѣднымъ изгнанникомъ, увидѣлъ себе окруженнымъ послами владѣтелей всѣхъ доокрестныхъ могущихъ державъ. А помимо такъ высокои чести, якои теперъ дожилъ, Хмельницкій ни наименьше не увлекался духомъ гордости, но былъ всегда единако для всѣхъ низходчивый и ласкавый. Онъ зналъ, що всю тую славу свою завдячае русскому народу, и для того — то середъ блеску величія онъ показывалъ себе человекомъ чисто-народнымъ. Въ пожитію съ козаками, онъ, окруженъ своими полковниками, сохранялъ всю прѣстоту сте-

повои козацкои жизни. Братей — козаковъ подчивалъ бнъ изъ золотыхъ чарокъ простою горьлкою, самъ набивалъ для нихъ люльки, а жена его, одѣта въ дорогіи убранства, сама розтерала табакъ въ черепку для своего мужа. Послы сусѣднихъ державъ, самыя вельможныя панята, удивлялись такой простотѣ житья козацкого, и чудовалися, що у козаковъ всь однако собъ ровны та навѣть и Гетманъ не показуе ніякого надъ ними старшинства.

Недоставало еще въ Переяславль лише польскихъ комисаровъ, которыхъ Хмельницкій нетерпливо дожидался ббльше мѣсяца. Хотьлось бо ему показати передъ чужеземными послами, якъ державныи посланники Польщи, недавно еще презиравшіи козаковъ, мовь — то рабовъ своихъ, будутъ просити у нихъ пощады. Ажъ въ конціи мѣсяца Сѣчня 1649 года довѣдался Хмельницкій, що паны комисары уже выѣхали изъ Варшавы, и що тѣми комисарами назначены: сенаторъ Кисель, братанецъ Киселя, молодой человекъ русскои вѣры, къ тому князь Четвертынскій, ксендзь мнихъ Лентковскій и еще кѣлька другихъ знатныхъ пановъ. Послы тѣи отправились изъ Варшавы по панскому обычаю съ великою громадою прислуги, но доѣхавши до рѣки Случи, приневолены были остановитися, и оттуда просили Хмельницкого о проводаторевъ въ дорогъ для того, що боялись вѣхати черезъ бунтованну землю русскую. Хмельницкій выслалъ до нихъ полковника Тышу съ козацкимъ отрядомъ, и они вѣхали въ Украину, встрѣчая всюду слѣды опустошеній. Тутъ то по дорогъ попадались имъ на встрѣчу будъ розоренныи костелы, будъ обгорѣлыи пни панскихъ дворцищъ; а неразъ надьбывали они цѣлыи стосы пляхотскихъ и жидѣвскихъ труповъ. Колижъ провѣжали они черезъ русскіи села, то напротивъ нихъ выходили толпы народа, ругали ихъ, свѣялись надъ ними, и тѣлько съ бѣдою ровгоняли буйную чернь узброенными проводатори-козаки.

Дня 9. Лютого польскіи комисары прибыли наконецъ въ Переяславль. Хмельницкій выѣхалъ противъ нихъ на встрѣчу съ полковниками и сотниками; передъ нимъ несли бунчуки и червоный прапоръ войска Запорожского, якъ будъто на доказъ панамъ комисарамъ, которы привозили такіи — же гетманскіи знаки бѣгъ короля, що бнъ уже и безъ королевского дозволенія носить гетманское достоинство по избранію народа. Привитанныи со всякими почестями паны комисары сейчасъ запрошены были на обѣдъ до Гетмана, где застали всѣхъ чужеземныхъ послбовъ. Молодая жена Хмельницкого угощала достойныхъ гостей. Все носило видъ щирого радушія и смирного сѣжитія. „Нашъ споръ родинный — говоритъ за обѣдомъ Хмельницкій: Богъ дастъ, все скѣачитя хорошо; мы помиримся, а жѣнка зварить намъ борщу, и мы заѣмо та запьемъ прежніи невгоды.“

На другій день комисары запытали Хмельницкого, где буде ему угодно назначити мѣсце для торжественныхъ договорѣвъ, при которыхъ хотѣли они доручити ему знаки гетманского достоинства. — „На площади, отвѣчалъ Хмельницкій: понеже тутъ нема такого дома, где бы могли помѣститись полковники и козаки.“ — Комисары оскорбились тѣмъ, не знали бо еще той установы, що у Хмельницкого всякіи sprawy, дотычащій Украины, пересправлялись всенародно. Лише съ бѣдою воевода Кисель успокоилъ гордыхъ панѣвъ, представляя имъ, що они теперь цѣлкомъ во власти и на ласцѣ козаковъ, та должны роспоряженью Гетмана козацкого повиноватися.

День 10 Лютого назначенъ былъ для торжественного послуханья лядскихъ комисарѣвъ. Въ полудне тогожь дня комисары вышли на велику городскую площадь, где звычайно собиралась гетманская рада. Хмельницкій стоялъ тутъ въ богатой собольей шубѣ, подаренной ему шо-ино недавно Царемъ Великой Руси. Гетманъ былъ прикрытый бунчуками. Вокругъ него стояли полковники, каждый съ своею булавою, и всѣ старшины. Нарѣдъ и простые козаки толпились на улицѣ и на дахахъ домовъ. Были тутъ и всѣ чужеземныи послы. Коли комисары появились, загремѣли бубны и трубы; Кисель пѣдойшолъ къ Хмельницкому, несучи въ одной руцѣ королевскую грамоту, а въ другой булаву, осыпанную дорогими камнями. „Его величество король Польши — такъ началъ онъ говорити: посылае ясневельможному Гетману и всему войску Запорожскому свою королевскую милость“ ... Се былъ приступъ приготовленной долгой бесѣды. Одинъ изъ полковниковъ козацкихъ перебылъ его словами: „Король, якъ король, але вы, короленята, бруйте много, и наброилисьте, — и ты, Кисель, кѣсть отъ костей нашихъ, отщепился и присталъ до Ляхѣвъ!“

Хмельницкій приказалъ полковнику замолчати, и полковникъ, помахивая булавою, ѣтступилъ на бѣкъ съ негодованіемъ. Тогда воевода Кисель подалъ Хмельницкому грамоту на гетманство и булаву, а молодой Кисель поднесъ червонный прапоръ съ изображеніемъ бѣлого орла и съ надписію: „Johannes Kasimirus Rex“ (Юаннъ Казиміръ король). Хмельницкій принялъ то все, и подяковалъ. Грамота была прочитана всенародно. Но на-разъ въ толпѣ козаковъ роздались голоса: „На що вы, Ляхи, принесли намъ сіи цяцька? Знаемъ мы васъ! Хотите опять насъ у неволю забрати!“ — А старшина Джеджаликъ выступилъ на середину площади и закричалъ на весь голосъ: „Хочутъ насъ уловити, щобъ мы ярмо лядкѣ зъ себе скинувши, опять его надѣли! Нехай счезнуть ваши солодки дары: уже теперь насъ не зануздаете; не словами, а саблюю росправляйтесь, коли хотите! Майте вы собъ свою Польшу, а Украина намъ, козакамъ, нехай зостається.“

Тогда Хмельницькій, видаючи, що при роздражені козацкого народа годъ съ комисарами переговорятися на площади, самъ перервалъ дальшую церемонію послуханія, и запросилъ комисаровъ вразъ съ чужеземными послами и старшинами козацкими до себе на объѣдъ. Передъ объѣдомъ воевода Кисель докѣничилъ свою торжественну бесѣду, которую перервали было козаки на площади; въ часъ же объѣда Хмельницькій въ отвѣтъ Киселю говорилъ слѣдующее: „Хочете съ нами уговорятися; но то трудно теперь, бо войско не собрано, многихъ полковникѣвъ и старшинъ нѣтъ въ Переяславѣ, а безъ нихъ я не могу и не смѣю ничего здѣлати. Найважѣйша рѣчь иде ту о Чаплинского и Вишневецкого; треба непременно, чтобы одинъ былъ намъ выданъ, а другій укаранъ строго; ѳтъ нихъ вся причина кровопролитія и бунтовъ. Виноваты и другіи паны ваши за то, що они заслуженныхъ коронъ молодцѣвъ-козакѣвъ подѣлали хлопами-прислужками, грабили ихъ, вырывали имъ бороды, запрягали въ плуги. Тожь изъ всѣхъ переговоровъ вашихъ ничего не выйде, если Вишневецкого не укарають, а Чаплинского менъ сюда не пришлютъ: иначе або менъ съ войскомъ Запорожскимъ пропасти, або землѣ ляцкой, всѣмъ сенаторамъ, дукамъ, королькамъ и шляхтѣ загинути...“

Хмельницькій горячился все больше и больше, и надаремно краснорѣчивый Кисель хотѣлъ змягчити его нѣжными словами и комплиментами. Ещежь больше, чѣмъ самъ Хмельницькій, дорѣкали панамъ комисарамъ козацкіи полковники, которы гролко говорили тутъ о своихъ кривдахъ, якіи претерпѣли ѳтъ шляхты, пригадовали, якъ паны запрягали ихъ до найпростѣйшихъ работъ при дворахъ и въ поли, та якъ казнили мучительною смертію. Выслухавши множество оскорбительныхъ выраженій, комисары розѣхались. — На другій день воевода Кисель запросилъ Хмельницького и старшинъ козацкихъ на объѣдъ до себе. И тамъ знову повторились тіиже самы дорѣканія и придирки въ часъ объѣда; ажъ на ѳтходѣмъ Хмельницькій звернулся къ женѣ Киселя и весело закричалъ: „Отречѣтесь-но вы, добрыи православныи панята, ѳтъ Ляхѣвъ и останѣтесь съ нами козаками, то згине земля ляцка, згине, а Русь буде еще въ тѣмъ року пановати!“

На слѣдующій день воевода Кисель выслалъ къ Гетману своего братаиця и князя Четвертынского, чтобы упросити дозволенья для начатія переговоровъ. Они застали Гетмана за бесѣдою со старшинами и полковниками. На столѣ стояла горьлка, и козаки честовались, ѳтправляючи власне тогда посла Ракоczego. — Хмельницькій, узрѣвши ляцкихъ панѣвъ, закричалъ сердито: „Завтра буде справа и росправа, завтра; бо я теперь пьяный, посла венгерского отправую, та коротко

кажу: зъ той комисіи вашой ничего не буде! Война муситъ въ тѣхъ трехъ або четырехъ недѣляхъ начатися! Выверну васъ всѣхъ, Ляхѣвъ, до горы ногами и подопчу такъ, що будете подъ моими пятами, а на-послѣдокъ васъ турецкому султану въ неволю отдамъ. Я хоть собѣ малый человекъ, але менѣ такъ Богъ далъ, що я теперь единовластный Самодержецъ русскій. Скажѣтъ се пану воеводу и комисарамъ! Страхаєте мене Шведами — но хочъ бы ихъ было и пять-сотъ тысячъ, не подужаютъ они русской Запорожской силы. Съ тѣмъ и идѣтъ собѣ, а бѣльше шкода говорити!“ — Такъ паны Ляхи отойшли съ ничѣмъ.

Дня 23 Лютого воевода зловъ удался до Хмельницкого съ комисарамы. Медви завелъ онъ рѣчь о переговорахъ, Хмельницкій закричалъ свое: „Шкода говорити! Былъ часъ траговати со мною, коли мене Потоцкіи гоняли за Днѣпромъ, и на Днѣпрѣ былъ часъ, и пѣсля Жолтоводской; и пѣсля Корсунской играшки, и пѣсля Пилявецъ. и на-остатокъ подъ Замостьемъ, — а теперь уже часу нема: теперь уже я доконалъ те, о чѣмъ и не мыслить, докажу еще и то, що умыслилъ. Выбью зъ ляцкой неволи нарѣдъ русскій весь! Сперва я воювалъ за свою школу та кривду, теперь воевати буду за вѣру православу нашу. Допоможе менѣ вся чернь по Люблинѣ и по Краковѣ, и я отъ неи не отступлю, бо то перва порука и сила наша. Двѣста-триста тысячъ мужа своихъ имѣти буду. За границу войною не пѣду; на Турковъ и Татаръ саблю не пѣдниму; буде зъ мене и Украины, Подбля, Воляня; досеть достатка въ княжествѣ нашомъ по Холмѣ, по Львовѣ и Галичѣ. А ставши надъ Вислою, скажу дальнѣйшимъ Ляхамъ: Сидѣтъ, Ляхи! молчѣтъ, Ляхи! Дукѣвъ, князѣвъ туда зажену, а якъ будутъ за Вислою кричати, я ихъ певне и тамъ найду. Не позостанется ни одного князя, ни шляхтюка на Украинѣ, а хоче ли который съ нами хлѣба ѣсти, нехай же войску Запорожскому послушный буде, а на короля не брыкае.“

Говорячи тѣи слова, Гетманъ вскокивалъ зъ мѣстца, тупалъ ногами, рвалъ на собѣ волосье. „Такъ розъярился онъ (оповѣдали потомъ комисары), съ такимъ гнѣвомъ кричалъ, що мы, слушаючи его, на-скрѣзь подеревѣли“. — Также и полковники, бывшіи тутъ при Хмельницкомъ, докучали панамъ комисарамъ що-немѣра, договарюючи имъ: „Уже минули тѣи часы, коли насъ сѣдлали Ляхи нашими же людьми, были намъ страшны своими драгунами. Теперь ихъ не боимся: познали мы подъ Пилявцами, що то вже не тѣ Ляхи, що были колись; се уже не Жолкевски, не Ходкевичи, но се Тхуржески та Заѣнчковски — дѣти у железо поубираны, що померли отъ страху, скоро насъ узрѣли!“

„Мене—говорить дальше Хмельницкій: самъ святой Патріархъ у Кіевѣ на ту войну благословилъ; онъ менѣ велитъ кончати

Ляхѡвъ, и я его, святого Владыку, голову нашего, послухаю. Уже я полки обслалъ, щобъ коней кормили, у дорогу готовы были безъ возѡвъ, безъ пушокъ; найду я то у Ляхѡвъ. А кто бы зъ козакѡвъ взялъ хоть одинъ вѡзъ на вѡйну, кажу ему голову зняти; не возьму и самъ я нѡякой колясы съ собою, хйба юки та саквы съ броней.

Послъ такой грозной бесѡды комисары со смущенѡмъ роздѡйшися. — Пройшолъ еще день, другѡй; комисары стали боятисъ вже и за себе самыхъ. Мужики и простыи козаки толпами волочилися по-пѡдъ ѡкнами ихъ кватиры, та метаючи оскорбленѡя и угрозы, поговоривали въ-голосъ: „Треба бы намъ сихъ панкѡвъ облупити, та и въ Кудакъ ѡтослати!“ — Комисары еще разъ удалися къ Гетману; однакожь тутъ сказали имъ, що Гетманъ не велѡлъ ихъ бѡльше допускати до себе. Тогда они зайшли еще до Выговского, и той съ тяжкою бѡдою выхлопоталъ для нихъ доступъ до Гетмана.

Коли паны прѡйшли знову въ гетманскѡй дворець, Хмельницкѡй вынялъ изъ-пѡдъ килима, которымъ былъ покрытый стѡлъ, записанный листъ и подалъ его воеводу. Се была грамота перемирѡя, содержащая такѡя ото условѡя: „1) Имя и память и слѡдъ унѡя, котору на Руси широко видимъ, нехай на вѡки счезае; 2) римскимъ костеламъ до часу, а унѡятскимъ не быти николи; 3) Митрополитъ Кѡевскѡй по примасъ польскѡмъ первое мѡстце нехай имѡе; 4) на Руси воеводы, каштеляны и иныи чины отъ благочестивыхъ Русины нехай будутъ; 5) войско Запорожское по всей Украинѡй при своихъ вольностяхъ давныхъ да будетъ; 6) Гетманъ козацкѡй до самого маестату королевского нехай належить; 7) жида изъ цѡлой Украинѡй заразъ нехай уступають; 8) Иеремѡя Вишневецкѡй начальства надъ войскомъ польскимъ нехай не имѡе николи.“

Прочитавши тѡя условѡя, паны комисары стали сильно противитисъ имъ, особенно же воевода Кисель выступилъ рѡзко противъ всѡхъ точокъ условныхъ, заявляя Гетману, що король и сенаторы николи ихъ не прѡймуть. Но Хмельницкѡй сказалъ имъ рѡшително: „Якъ не схочете прѡняти, то не здержимся мы отъ меча, поки стане житѡя и поки не добѡеся полной свободы; лучше бо намъ голову положить, чѡмъ въ неволю вернутися. Тожъ и далѡй съ вами—школа говорити!... Короля мы почитаемъ, но шляхту и панѡвъ ненавидимъ до смерти, и не будемъ имъ прѡятелями николи! Если они перестануть намъ дѡлати лихо, то не трудно заключити миръ, най лишь утвердятъ наши условѡя. Если же начнуть хитрити, — то вѡйна неизбѡжна, а о всякихъ перемирѡяхъ школа и говорити!“

Паны комисары рады-нерады згодились на условѡя Хмельницкого, пѡдписали его грамоту, на которой самъ-же ѡнъ поставилъ той до-

датоць, що перемиріє съ Польщею обовязує тѣлько до зеленыхъ Святокъ, коли трава зазеленѣе и буде чѣмъ попасти коней, абы въ походъ на-ново выступити.

Зладивши таке недогодное для Польщи перемиріє, паны комисары уѣхали изъ Переяславля, где на свою грызоту еще и потеряли немало людей изъ своей прислуги, бо тѣи люде, полюбивши житьє козацке, передались Запорожцямъ, та ніякъ не хотѣли до Польщи вертатися. Лишь съ великою бѣдою, и то ино при помочи гетманской стражи проѣхали паны комисары Украину и Волюнь, та станувши на-конецъ у границъ Галичины, даковали Господу Богу, що спасли цѣло грѣшныи свои души.

ОБНОВЛЕНІЕ ВОЙНЫ: ОСАДА ЗВАРАЖА и БИТВА ПѢДЪ ЗБОРОВОМЪ.

Хотя Батько нашъ Гетманъ Хмельницкій заключилъ съ комисарами короны польской перемиріє на три мѣсяцы, т. е. до зеленыхъ Святокъ 1649 г., но всежь таки борьба русского народа съ Ляхами не уставала и въ часъ того перемирія, а велася завзято особливо въ тѣхъ сторонахъ святой Руси, где польская шляхта изъ-давна дуже густо была закоренилась и затѣмъ до сеи поры еще не была до-чиста истреблена. Такіи стѣроны были именно: земля литовско-русска, Польсьє и Волюнь, где зъ давнѣйшихъ часѣвъ такъ богато заснѣтилось ляцкого насѣнья, що русскому народу вже и тяжко приходилось его до-чиста выкоренити. Найбѣльша же трудность для такового истребленія зайшла особенно тогда, коли заключене было помянутое перемиріє Хмельницкого съ Ляхами въ Переяславль, понеже о той порѣ зъ наказу Гетмана козаки украинскіи не смѣли нигде противъ Польщи явной войны провадити, и затѣмъ гайдамацкіи загоны, состоящіи зъ самыхъ лише селянъ и простолюдинѣвъ, приневолены были о власныхъ силахъ Ляшню поборяти.

Борьба простолюдинныхъ загонѣвъ противу Польщи закипѣла съ надзвычайною яростію особливо на Волюню, а то якъ наибѣльше зъ мѣсяца Марта 1649 г., коли то по приказу короля и Варшавского сойма вступило на Волюнь ляцкое войско, свѣжо собранное для покоренья збунтованной Руси. За онымъ то войскомъ, состоящимъ изъ около 30.000 мужа, наволоклись на Волюнскую землю численныи толпы польскихъ панѣвъ и недоляшкѣвъ, которыи забераючи тутъ пѣдъ свою руку города и села, стали на-ново нарѣдъ русскій кривдити и гнобити, вымѣщая на немъ жестокою мѣсть за дознанныи въ попередномъ лѣтъ пораженья. Войско тое, а съ нимъ и ляцкіи паны должны были по велѣнію сойма стояти въ одной тѣлько землѣ Волюнской, а вѣссе не заходити въ предѣлы Украины и не начинати битѣвъ съ козаками, съ

которыи тогда еще надвигалась Польша учинити миръ и постоянную згоду. Однако не смотря на то, що Ляхи остерегались въ то время Украину якъ-нибудь оскорбляти, а таки заворушилась противо нихъ крѣпко вся Волинска земля, завязавши съ ними борьбу на власную руку, безъ подпомоги Хмельницкого. Заступы ляхежныхъ хлопѣвъ подвигались тутъ отъ каждого села, вязались въ численныи загоны, та не только истребляли ляхскихъ панѣвъ въ ихъ ново-роскладенныхъ гнѣздахъ, но нападали и на цѣлыи отряды польскихъ войскъ, здобывали мѣста и крѣпости — словомъ, провадили войну яко-бы устроенное войско. Межи тѣми хлопскими загонами отзначался особливо загонъ Атамана Гараська, который на дню 5. Марта здобылъ городъ Острогъ и укрепленный замокъ князей Острожскихъ, где сидѣла Анна-Алойза, дѣвка православного князя Константина, отступница отъ вѣры славныхъ своихъ предковъ, загорѣлая католичка, котора до Острога напровадила езуитѣвъ; а церковь православному злобиво притѣсняла и гонила. Тую-то княгиню Анну-Алойзу прогналъ Атаманъ Гарасько зъ ей замку, а ей католицкую прислугу, езуитѣвъ, недоляшкѣвъ и жидѣвъ перерѣзалъ въ Острогъ до послѣднаго накорынка. — Другій гайдамацкій загонъ напалъ на мѣстки злышненного князя Самуила Корецкого, здобылъ мѣсто Корець, розграбилъ княжескiи дворища, а шляхту и жидѣвъ истребилъ до ноги. Изъ прѣчихъ тогдашнихъ загонѣвъ страшны были для Польщи еще два загоны: Степана Морозенка и Атамана Донца. Морозенко лютился на Ляхахъ по всему Польсью, и Донець, въ которого численною загонъ находились навѣтъ узброенныи женщины, гонялся широко по земли Волинской, занялъ городъ Заславъ и оттуда творилъ ужасныи пакости стоявшому въ тѣхъ сторонахъ ляхцкому войску. — А хотя такъ сей загонъ якъ и другiи шайки збунтованныхъ селянъ неразъ и бывали поражаемы въ битвахъ съ правильнымъ войскомъ ляхскимъ, но возстанiе народне росло тутъ зъ дня на день, а ожесточенiе русекого простолюдiя противо Ляхѣвъ вмагалось чѣмъ-разъ больше отъ того, що и Ляхи подвергали хлопѣвъ нашихъ найстрашнѣйшимъ казнямъ.

Коли такимъ способомъ на Волянню селянскiи загоны боролись съ польскими панами, въ Украинѣ происходилъ сборъ цѣлого народа на войну. Гетманъ Хмельницкiй еще съ весною розослалъ грамоты по всей Украинѣ, призывая русскихъ людей на оборону отечества. Онъ не ошибнулся, коли одного разу, розгоряченный виномъ, говорилъ, що у него буде двѣста-триста тысячъ своего войска. Городъ Чигиринъ, тогда столица Гетмана, закипѣлъ безчисленными толпами всякого рода и званiя. Селяннѣ не уважалъ на дорогое время весны: покинувши свѣй плугъ, онъ перековывалъ серпы и орала на оружiе,

и вовсе не журился тѣмъ, що ему ѣсти и пити; бо надѣялся жити на счетъ Польщи. Пустыли хуторы, села, города; руководьники покидали свои ремесла, купецъ свои склепы, промышленники свои торговьи занятія, и все поспѣвало въ Чигиринъ записоватись въ козаки. Во всей Украинѣ трудно было наняти робѣтника; не можъ было найти навѣтъ гробаря, который бы выкопалъ могилу для якого умершого каляки или старого дѣда. Навѣтъ въ тѣхъ городахъ, где было Магдебургское право, почетный бурмистры, райцы, вѣйты и канцеляристы покидали свои уряды и поѣшли въ козаки, остригши бороды (бачите бо, мѣщане тѣхъ часѣвъ, которы не служили въ войску, носили бороды). Лише одни старики, каляки и женщины оставались дома, но и то по большоѣ части каляка или старикъ бездѣтный, встыдаясь не участвовати въ дѣлѣ освобоженія отчины, ставилъ вмѣсто себе наемщика (надытого воина).

Батько Хмельницкій, радуясь такъ численнѣмъ участіемъ народа, роздѣлил свое войско на полки, а то въ такій способъ, що поединокій полкъ заключалъ въ собѣ по кѣлька повѣтѣвъ земли русской и назывался по имени головного въ тѣхъ повѣтахъ города. Подки роздѣлялись на сотни, а сотня заключала въ собѣ цѣлыи села и хуторы, и также носила названіе по имени якого-нибудь значного мѣстечка. Сотни дѣлились знову на курени, въ которыхъ было по кѣлька десятѣвъ. Старшину полка составляли: полковникъ, сотники, куренныи и десятники; до тогожъ въ каждомъ полку якъ и въ каждой сотнѣ былъ и обозный (начальникъ пушкарства и обозовой пострѣйки), судія, писарь и хорунжій (що носилъ полковую хуругѣвъ). Вся тѣи Старщины были выбираны вольными голосами козаковъ на военныхъ радахъ, а затвержались самымъ Гетманомъ. Такій порядокъ велся издавна въ козацкомъ войску, но въ оный годъ 1649 бѣтъ распространился на цѣлый нарѣдъ. Тогда-то слово „козакъ“ перѣстало имѣти значеніе особного военного сословія, а перенеслось на всю много-миліонную громаду возставшого мало-русского народа. — Просторъ земли, якій заняли ново-устроенны козацкіи подки въ г. 1649, сягаль ѣтъ Стародуба и при-Донскихъ степѣвъ ажъ до нѣдъ-карпатского города Надвѣрны въ Галичинѣ. Каждѣ мѣсто, каждѣ село на томъ широкѣмъ просторѣ русской земли записано было въ козацкіи полки Батька-Гетмана Хмельницкого. Тожъ и говорили люде за тѣхъ часѣвъ: „на Руси що село, то сотникъ, а сотня каждого числитъ мужей не сотку, но тысячу.“ А одинъ русскій лѣтописецъ оноѣи времени, згадуючи о великомъ числѣ козацкого войска, повѣдае въ своей книжцѣ, яко того войска такъ было много, „що въ полѣ не помѣщалося и на картѣ написати его было трудно.“

Въ мѣсяци Маю, коли се великое войско еще стояло подъ Чигириномъ, ожидая гетманского слова къ походу на Польшу, случился въ городъ Кіевъ кровавый бунтъ противъ Поляковъ, которы зайшли было туда знову на житье въ часъ перемирія. Очевидно, Ляшки тѣи въ часъ перемирія, т. е. отъ конца Сѣчня до зеленыхъ Святокъ свободно гуляли собѣ по городъ, та никто зъ русскихъ мѣщанъ не трогалъ ихъ тогда, бо всякій Русинъ зналъ почитати святое слово перемирія. Коли однакожь минули зелены Свята, а Ляхи ани не думали выноситься изъ Кіева, но въ своей бутной гордости еще и показовали видъ, яко-бы они знову стали панами Руси: тогда Кіевляне не стерпѣли сорому, та одного разу справили вѣчную память всѣмъ Ляшенъкамъ, якихъ найшли въ городъ. На крикъ одного столяра, Кіевского мѣщанина Полегенького, который гукнулъ на улицъ: „Братья православны! а-нуге докѣнчати вороженькѣвъ!“ толпа горожанъ и доокрестныхъ селянъ окружила мѣсто зо всѣхъ сторонъ, щобъ не дати ни одной душѣ ляцкой убѣгнути; другіи съ яростію погнались по улицяхъ, хватали Ляшкѣвъ, та однихъ убивали на мѣстци, инныхъ топили въ Днѣпръ, низвергая ихъ изъ лодокъ для забавы. Не было пощады ни жѣнкамъ ихъ, ни груднымъ дѣточкамъ; спаслися съ житьемъ лише тѣи, которы успѣли вѣзжати въ рускіи монастыри. У порога православныхъ святынъ Кіева угасала неутолимая завзятость ожесточенного народа. За то однако въ онъ-же часъ не спасала ихъ святыня католицкая: Кіевляне ограбили и поруйновали оставшіися римскіи костелы и кляшторы, а польскихъ мнихѣвъ перерѣзали всѣхъ до послѣднего. Такая рѣзня продолжалась черезъ три дни, и зъ тѣхъ-то кровавыхъ дней — каже одинъ лѣтописецъ — нашъ Кіевъ на-всегда освободился отъ власти католичества надъ святымъ русскимъ православіемъ.

Межъ тѣмъ Хмельницкій выступилъ со своимъ войскомъ зъ Чигирина, и ступалъ на Волинь по такъ званному Чорному Шляху. Онъ ишолъ туда повольно, бо ожидалъ въ дорозъ еще и союзника своего, Крымского хана. Въ мѣсяци Юнію ханъ Крымскій Исламъ-Гирей, одержавши ѳтъ самого Султана приказъ ийти на Польшу, явился съ войскомъ своимъ на Украинъ, и власне на Чорномъ Шляху соединился съ Хмельницкимъ. Въ его войску, состоявшемъ изъ около 80.000 мужа, находились степовыи люде отъ всѣхъ кончинъ бисурманского міра: Крымскіи гѣрняки, дикіи Ногаи, пласконосыи Буджацкіи Татаре, та самыи воинственны Пятигорскіи Черкесы зъ предѣловъ Ази. Гость то новыи навѣтъ для Украинцѣвъ, невиданныи еще николи передъ тѣмъ въ областяхъ короны польской. — О тойже поръ къ Чорному Шляху явились такожь и Донскіи козаки, запрошенныи Бать-

комъ Хмельницкимъ на кровавый съ Ляхами пиръ, — люде то на-скрбзь русскіи, звязанныи съ козаками украинскими не тѣлько единствомъ вѣры и племени, но и еднакимъ способомъ жизни. Вся степовая удаля южной Руси грянула на Украину, почувавши, що польской державѣ угрожае погибель и для всѣхъ буде пожива.

Войско оно, собравшоеся у Чорного Шляха пѣдъ прапоръ Гетмана Хмельницкого, было такъ велике, що по выраженію одного польского историка, Европа подобного не видала еще со времянь страшного монгольского Хана Тамерлана. Никто въ тѣмъ войску не просилъ платнѣ для себе на-впередъ, но каждый безъ торга ишолъ глядати счастья и поживы съ мечемъ въ рукахъ. Правда, мало было въ тѣмъ войску порядка и устройства, но за то сильная охота къ битвамъ. — Коли Поляки услышали, що на нихъ иде такая армія и уже приближается къ Волиню, то — якъ каже льтопись русска — такій страхъ напалъ на нихъ, що они вже тогда думали о убѣгствѣ, та навѣтъ рубаки межъ ними найзавзятѣйшии, которыи, сидячи за виномъ въ корчмахъ, розбивали хотьбы самыхъ великолюдовъ Александрѣвъ Македонскихъ, поблѣднѣли и опустили руки отъ переполоху. Загаломъ въ цѣлой Польщѣ страхъ булъ такій, яко-бы приближался судный день.

Въ то время, коли Хмельницкій съ превеликою силою козакѣвъ и Татаръ подвигался Чорнымъ Шляхомъ отъ Днѣпра, польское войско стояло на Волиню пѣдъ городомъ Константиновомъ, не рѣшавсь черезъ якійсь часъ ступати впередъ въ край на-скрбзь збунтованный. Головнымъ начальникомъ того войска былъ старый шляхтичъ лаяцкій, каштелянъ Фирлей, которого самъ король избралъ на то достоинство, пренебрегши князя Іеремію Вишневецкого, яко особистого своего противника. За то Вишневецкій, военачальникъ справдѣ таки наилучшій на всю Польшу, еще тѣмъ бѣльше нагнѣвался на короля и на цѣлу его державу, та засѣвши въ маестностяхъ своихъ около Збаража, жилъ въ кругу родины спокойно, а до дѣлъ военныхъ нѣякъ уже не хотѣлъ мѣшатися. Се немало болѣло старого Фирлея, который, яко человекъ зовсѣмъ не честилюбивый, чувствовалъ свою неудольность, та ничего такъ не бѣжалъ, якъ лишъ того, щобы хороброго князя Вишневецкого доконче на военныи дѣла поднѣяти. И достигнуль же памѣ Фирлей своей цѣли такимъ именно способомъ, що зъ-пѣдъ Константинова бѣгъ перенѣсъ цѣлый свѣй таборъ пѣдъ городъ Збаражъ, и тутъ-же пѣдъ самымъ бокомъ Вишневецкого постановилъ ожидать неприятеля. Затѣмъ Вишневецкій, видячи теперъ, що вѣйна уже непремѣнно вестися буде такъ пѣдъ его хатою, кинуль свое мирное логовище и собравши на-скоро добранную дружину, прилучился пѣдъ Збаражомъ до полчищъ Фирлея.

За прибытіемъ Вишневецкого пѣдъ Збаражъ ожилъ духъ въ войску ляхѣмъ, которое хотя и состояло изъ около 20.000 мужа шляхты а зъ якихъ 50.000 хлопа слугъ и локаѣвъ панскихъ, все таки было еще надто слабе, абы мѣрится могло съ больше чѣмъ нѣтрѣйною силою Хмельницкого. Привитанный всѣми полками съ наибольшимъ восторгомъ, князь Вишневецкій сталъ сейже-часъ устроить дѣла военныи пѣдъ Збаражемъ съ такимъ искусствомъ, що черезъ то успѣлъ задержать въ таборѣ навѣтъ тѣхъ трусливыхъ воинѣвъ, которыи пѣдъ начальствомъ такъ званныхъ Заѣняковскихъ и Тхуржевскихъ уже туй-туй готовы были назадъ въ Польшу убѣгати. Наибавяньше же устройство Вишневецкого состояло въ томъ, що бнѣ расположившии военный таборъ въ удобномъ мѣстци близъ города и замку Збаражского, велѣлъ тойже таборѣ окопывати высокимъ землянымъ валомъ, перетворяя тѣмъ способомъ цѣлый таборъ нѣзко въ твердую крѣпость. Оттакъ распорядилъ бнѣ, чтобы за приближеніемъ непріятеля не запускаться съ нимъ въ борьбу на ѣткрытомъ поли, но вести войну оборонительну до той поры, поки не надтягне съ бѣльшими силами самъ король Янъ-Казиміръ, который власне тогда собиралъ зъ польскихъ земель такъ назване посполитое рушенѣе и готовился иди Фирлею на помѣчь.

Якъ и усердно взялись Ляхи пѣдъ Збаражемъ до работы около сыпанья валѣвъ, но всежь таки до половины мѣсяца Юнія, коли уже шо-хвиля ожидаю появления заступѣвъ Хмельницкого, окопы еще не были готовы. — Въ Пятницу, дня 29. Юнія, Вишневецкій и Фирлей выслали одинъ отрядъ своего войска пѣдъ начальствомъ пана Стрakovского, абы розвѣдати въ околицѣ, чи приближается непріятель; но толькѣ-шо Стрakovскій упустилъ изъ ѣчей свой таборъ, якъ на-разъ увидѣлъ огромную силу Татаръ. Поляки, не вступая въ борьбу, за-вѣрнули чѣмъ-скорѣй назадъ; однакъ Татарѣ кинулись въ слѣдъ за ними и разбиди ихъ на голову. Панъ Стрakovскій едва здужалъ спастися самъ и побѣжалъ въ таборъ съ вѣстію, що може завтра до-свѣта вся непріятельская сила явится пѣдъ Збаражемъ. Стражъ у Ляхѣвъ повсталъ великій, а тутъ, на бѣду, еще и окопы ихъ не были готовы.

Наразъ, таки тогожь самого дня — въ Пятницу пѣдъ вечеръ, Ляхи увидѣли густыи пылъ отъ восточной стороны; потомъ показались Татарѣ, загудѣли дикіи ихъ крики и тутъ-же пѣдъ самъ обозъ ляхскій нагналось передовое ихъ полчище. Татарѣ деслися съ великимъ жаромъ: усѣхъ бо или неуспѣхъ первого напада уважался у нихъ вѣрнымъ предзнаменованьемъ ѣтчастливаго или несчастливаго законченія войны. Поляки въ обозѣ струхѣли; но Вишневецкій съ найдальнѣйшими людьми своей дружины кинулся на непріятеля, и послѣ уперной

стычки Татары уступили. — Тогда все въ обозъ принялись чѣмъ-скорше кончить окопы. Гроза была надто близка; паны забыли въ той хвили свой шляхетный родъ; засучивши бархатныя рукавы своихъ контушей, они взяли въ руки рыскаль та лопаты, и показовали примѣръ простымъ слугамъ. Роботали цѣлую нѣчь, но все таки не скончили дѣла. На одной сторонѣ, где находился ставъ, окопѣвъ еще не было, та и въ другихъ мѣстцахъ оставались прогалины.

Дня 30. Юнія зъ до-свѣта начали появляться вже и козаки. Они на быстрыхъ коняхъ развѣзжая надъ окопами, вызывали Ляхѣвъ острыми поговорками помѣряться съ ними силою и удалствомъ. Цѣлый день въ-переду окопѣвъ происходили такіи пакостныи вызывы и перепалки. Подъ вечеръ згустыли ряды козацко-татарского войска, и наконецъ при заходѣ солнца, на просторони, скѣлько окомъ засягнути могли Поляки, достигнулось передъ ними неизчисленное войско. Прибыль туда и самъ Канъ Крымскій съ пышностію азіатского владѣтеля, котора рѣзко отбивала отъ простоты его союзника, козацкого Гетмана. Еще тогоже дня станувши подъ Збаражемъ, Хмельницкій со знатными Татарами объѣздивъ ряды своихъ войнѣвъ, и поглядая на польскіи недоконченныи окопы, гордо покрикивалъ: „Справимо теперь бенкетъ Ляшенькамъ!“

Крики, насмѣшки и поговорки козацкіи грозно отзывались въ ушахъ затревоженныхъ шляхтичей. Они бо сараки, якъ и заправлены были до войны на открытомъ просторѣ, но страшно не умѣли выдерживати нападѣвъ въ тѣсномъ мѣстци за окопами. Звычайно въ такихъ случаяхъ они убѣгали зъ осадного мѣстца; но теперь не можъ было и подумать о бѣгствѣ куда-нибудь дальше, понеже все дороги были заняты козаками и Татарами. Самы ихъ начальники въ сей тѣснотѣ стратили духа, а толькы одинъ князь Іеремія ободрялъ еще унывающихъ: онъ безпрестанно провѣзжался по обозъ и розсылалъ своихъ адъютантѣвъ уговоряти жолнѣровъ. „Чѣмъ въ бѣльшой мы опасности — такъ говорилъ онъ воинамъ: тѣмъ бѣльше для насъ славы. Много чести побѣдити въ отвертомъ поли, но еще бѣльша честь хоробримъ рыцарямъ оборонитись въ окопахъ. Отци нани въ стѣнахъ Москвы два лѣта бились и не поддалися; тожъ и намъ подобае докзати такъ для вѣчной славы народу нашому за спасеніе ойчизны!“ Такими и подобными бесѣдами князь Іеремія Вишневецкій крѣпилъ и воскрешалъ на-ново замирающего духа въ войску лядкомъ. До тогожъ и ксендзы польскіи отъ рана до вечера обходили обозъ со святыми дарами, а жолнѣры всю нѣчь проводили на молитвахъ.

На другій день, въ Недѣлю (1. Юлія), Хмельницкій пустилъ Татаръ и козаковъ на головную армію Фирлея; онъ направилъ ихъ на

ти мѣстця польского обоза, где не были еще выведены окопы. Борьба происходила зъ полудня до зморюку. Зъ-початку Поляки отбили первый нападъ; но коли Хмельницкій приказалъ ударити изъ 30 пушокъ, которыхъ у него было 70, а Татаре пустили въ обозъ тучу стрѣлъ, то Поляки зновъ начали молитися и ободряли себе религійными процесіями. — Въ Понедѣлокъ (2. Юлія) Хмельницкій послалъ на ляцкій таборъ вайдльнѣйшого своего полковника Бурлая, славного изъ военныхъ выправъ по Черному морю, который завоевалъ Синопу и задавалъ страхъ самому Цареграду. Сперва то Бурлай со своимъ полкомъ вдерся въ саму середину табора, и надѣлалъ Ляхамъ незмѣрно много вреда; однакожъ вскорѣ настигъ на него съ цѣлою силою самъ князь Іеремія, выгналъ козакѣвъ зъ обозу и потомъ притиснулъ ажъ до ставу за окопами. Тутъ то потонуло въ ставъ много козакѣвъ; погибъ и добрый Бурлай. Увидѣвши неудачу своихъ, полковникъ Морозенко кинулся на помѣчь Бурлаю, однакъ и его зняли, та онъ-же самъ, поткнувшись на кони, ледви было не попался въ неволю. — Послѣ такогo неудачного нападу татарскій Ханъ сталъ недоволенъ Хмельницкимъ, который передъ тѣмъ говорилъ ему, що якъ-стѣй завладе польскимъ обозомъ.

Зъ той поры Хмельницкій постановилъ обложить Ляхѣвъ, томити безпрерывною пальбою, морити голодомъ и довести до крайного положенія. — Настала оттакъ судная година для Полякѣвъ. Прежде всего Хмельницкій приказалъ насыпати вокругъ польского обоза валъ высій отъ лацкого вала, и поставити на него пушки; все то было готово въ одну нѣчь, понеже было тутъ кому роботати. На другій день рано ударили на Полакѣвъ изъ пушокъ отъ всѣхъ сторонъ новаго вала, и „розъяренное хлопство. — каже льтописецъ польскій — лѣзло на окопы якъ смола, а татарскіи стрѣлы, лѣтая кривыми луками по воздуху, затѣмъвали солнечное свѣтло.“ — Подъ вечеръ пальба устала. Поляки увидѣли, що окопы ихъ протягнуты надто широко; они затѣмъ взялись рыти другіи окопы, тѣснѣйшіи, внутри прежнихъ. На другій день стануль новый ляцкій валъ, но ледви-що Поляки вступили на него, козаки кинулись за ними, насыпали знову свѣжій окопы, еще высій отъ польскихъ, и знову начали налити въ обозъ. Поляки, желая закрытисъ отъ козацкихъ стрѣлѣвъ, безпрестанно повышали свои окопы; однакожъ въ-слѣдъ за тѣмъ и у козакѣвъ передъ самымъ обозомъ ляцкимъ подвигался все новый и новый валъ, каждый о много высій отъ ляцкихъ валѣвъ. Такимъ способомъ козаки днемъ и ночью не давали покоя неприятелю: одни изъ нихъ повышали свѣій валъ, другіи палили въ польскій обозъ, въ которомъ видныи были всѣ движенія. Куль летѣли на Ляхѣвъ якъ градъ, и весь

таборъ былъ ими мовь-бы засыпаний. Тогда паны шляхта розѣбрали свои пышныя шатры (чаметы), та принялись окопывати себе и коней своихъ землю; кождый выкопывалъ собѣ нору и сидѣлъ въ ней якъ кротъ, не показывая на свѣтъ носа; а коли, наскучивши собѣ мучительнымъ сидѣньемъ въ норахъ, они высококивали изъ своихъ леговищъ на борьбу, то посередѣ дыму и густой тучи стрѣль вмѣсто непріятели били одинъ другого. Въ тѣи то дни Поляки, по приказу Виннивецкого, начали рыти въ серединѣ своего обоза еще тѣснѣйшія окопы, уже пѣдъ городомъ, ба и въ самомъ городѣ коло Збаражского замка; однакъ ледви-що успѣвали они вскочити въ свои новыя окопы, вже и у козаковъ появилася свѣжій, еще высшій валъ, и знову начиналася страшная пальба зъ пушокъ козацкихъ.

Потомъ Хмельницкій ужьвалъ еще нового способу: онъ приказалъ копати пѣдземныя мины (пѣдкопы), щобы тою скрытою дорогою провести козаковъ въ середину вражого табора. Однакожь той способъ Хмельницкому не удался. Польскій инженеръ вскорѣ открыли хитрость: замѣтивши бо, що на-разъ перестали напады отъ вала, они догадались про пѣдземную роботу козаковъ, и ставили на землю мисы съ водою и клали бубны. Догадка инженеровъ оправдалася: вода въ мисахъ волновалася а бубны выдавали звукъ на тѣхъ мѣстцахъ, пѣдъ которыми провадились пѣдкопы. Тогда Поляки въ свою очередь начали рыти противъ-мины (пѣдкопы противъ пѣдкоповъ) и достигнули до козаковъ. — „Така то страшна жестокость челоувѣческа (восклицае одинъ польскій историкъ, згадуючи о тѣхъ пѣдземныхъ борьбахъ пѣдъ Збаражемъ): мало мѣстца имъ было на земли воевати, стали еще и пѣдъ землею! Надаремно мудрець глядають пекла въ осередку земли: въ Украинѣ на Руси — тамъ настоящее пекло для Польщи.“

Дня 27. Юлія козаки закопали Ляховъ зо всѣхъ сторонъ; валъ козацкій былъ такой высокій, що кто тѣлько изъ ляцкого табора. высунулъ голову, сейчасъ его и убивали. Врываясь въ окопы, козаки тягнули къ собѣ крючями возы съ цѣлымъ ладуномъ и хватали воиновъ зъ ляцкого табора. „Тогда — говоритъ одинъ Ляхъ, бывший въ таборѣ пѣдъ Збаражемъ: братъ не смѣлъ подати помощи брату, ксендзы не могли приготавливати воиновъ на смерть, не успѣвали навіть хоронити мертвыхъ. Лѣтняя спека, тѣснота, гниеніе труповъ задушали окопанныхъ въ таборѣ Поляковъ, а що надъ все страшнѣйше, наступилъ великій голодъ. Припасы, які прежде накупили въ русскихъ селахъ за дорогую цѣну, были истреблены; въ городѣ не можъ было достати ничого ни за які гроши; паны, отвыкши уже отъ своихъ роскошныхъ стравъ, корнились кѣнскимъ мясомъ; шляхтичъ зарывалъ свою издохшую шкапу та еще нераздъ дерся за ню съ якимъ

товарищемъ, который также для себе старался здобыти кусень чужой кобылины. Однако въскорь и такой источникъ прокормленія перервался; много коней еще передъ прибытіемъ козакѣвъ прогнано за обозъ, чтобы при осадѣ не вредили; остальные были застрѣлены или задохлись въ дыму. Затѣмъ жолнѣры кормились всякою падалью, собирали въ городскихъ домахъ котѣвъ, мышей, собакъ, а коли и тѣхъ дальше не ставало, отрывали скѣру зъ повозокъ и обувь, та и ѣли, розварюючи въ водѣ, а инныи грызли зубами спеклую сыру землю.“ — „И не одинъ Ляхъ — каже знову украинскій лѣтописецъ: заплатилъ мыто головою на ляцкомъ базарѣ подъ Збаражемъ, а воды бѣдныи не напился безъ кровавой заплаты, но и тую пилъ съ червями и суровицею изъ трупѣвъ; козаки бо нарочно кидали трупы убитыхъ въ воду.“

Придаючи бѣльшого Ляхамъ утрапленія; козаки и бѣглии хлопцы, выпочивая ѳъ нападѣвъ, сѣдѣли на валы и дразнили врагѣвъ всякими насмѣшками: „Коли вы, панове, чиниць на Украинѣ отберати будете? Отъ уже рѣкъ, якъ мы еще вамъ ничего не платили. А може чи не загадасте якои новои панцины? Отъ, изъ скота доси не брали десятины; кони ржуть, воли пошалѣли, на ярмарокъ до Броцлавѣ гнати хочуть. — Ей, панове, годъ вамъ уже далѣй въ вашихъ норахъ держатися; тѣлько дурно контуши покаали та сорочки подерли, по шанцахъ лязячи. Бо то все наше, тай вы сами будете ясырь Татарамъ голоднымъ. Отъ-се вамъ що нарѣбили тѣ аренды, та всякіи ваши здырства и панцины!“ — Ещежь насмѣхаясь зъ бѣды ляцкой, що ишла ѳъ голода, хлопцы русскіи, сидѣчи на окопахъ, склали особную пѣсню, котора ажъ до нашихъ часѣвъ доховалася, и котора такъ ото начинается: „А що то за хижка тамъ на вырѣжку? Подъ тою хижкою Ляхи сидѣли, собакъ лупили, ножи поломали, зубами тагали. Ой, дѣду Фирлю, продай намъ олю! А ты Вишневецкій, выведи танчикъ по вѣмецки!“

На тѣмъ бѣльшую нужду Ляхѣвъ въ ихъ таборѣ находилось богато слугъ и двораковъ, которы въ часъ осады козацкой не тѣлько не хотѣли уже слухати своихъ панѣвъ, но еще толпами выкрадались изъ обоза та переходили на службу до Хмельницкого. Ба, навѣтъ нѣкоторы знатныи шляхтичи та и чужестранцы, якіи служили въ полкахъ Фирлея, перебѣгали до козакѣвъ, желая спастися ѳъ голодной смерти въ таборѣ. Хмельницкій охотно принималъ всѣхъ переходовцѣвъ, особенно же всѣхъ чужинцѣвъ, понеже межъ тѣми были искусныи пушкарѣи и инженерѣи. — Не такъ добре были приняты Збаражскіи вѣщане, которы зъ-початку осады по принужденію держались Поляковъ, а потомъ, коли видѣли перевагу Хмельницкого, всѣ перейшли до козакѣвъ, заявляя, що они, яко Русины, желаютъ служити ѳъ-те-

церь справъ русско-козацкой; однакожь козаци, гнушаясь ихъ воступкомъ при началъ осады, не приняли ихъ въ свои ряды, но отдали Татарами въ неволю.

Таке было отчаянне положенне Ляховъ въ часъ той памятной осады Збаража. Тамъ не меньше Хмельницкій сильно досадовалъ на то, що облога она такъ долго тянется, а Ляхи, хотя и якъ поражены и зменьшены числомъ, ани не думаютъ поддаватися. Затѣмъ онъ прибиралъ различни способы, чтобы упорство Ляховъ якъ-нибудь зломити. Разъ онъ надѣлалъ соломяныхъ страхопудбъ, одѣтыхъ въ турецкое платье, посадилъ на коней и думалъ напугати Поляковъ появленіемъ будто новаго турецкого войска; однако Ляхи розсмотрѣли черезъ зрительныи скла, що се не настоящіи Турки, и такъ хитрость козацна не удалася. Потомъ Хмельницкій пробовалъ склонити на свою сторону панибъ русскои вѣры, бывшихъ въ обозѣ Фирдея, вызывалъ ихъ на тайный розговоръ и предлагалъ имъ такъ пощаду, якъ и значныи подарки; однакожь паны ти уже такъ на-скрѣзь переданы были Польщѣ, що ани слухати не хотѣли братнихъ увѣщаній своего единовѣрца, русского Гетмана. — Наконецъ Хмельницкій ужилъ еще и того крайного средства: знаячи, що мужественный князь Іеремія удержуе цѣлый обозъ, онъ постановилъ хотъ-бы навѣтъ здрадою поймати его въ свои руки. Для той цѣли подмовилъ онъ Крымского Хана, абы тойже вступилъ въ личныи переговоры съ княземъ Вишневецкимъ, якобы предлагая ему отъ своей стороны перемиріе и дружбу. Затѣмъ Ханъ татарскій послалъ къ Вишневецкому своего первого визира, чтобы вызвати его изъ обоза на переговоры; а хотя Вишневецкій, въ сопровождѣ цѣлого полка своихъ воиновъ, выступилъ изъ-за окоповъ, абы съ Ханомъ переговораются, однакъ примѣтивши хитрость, сейчасъ скрылся назадъ въ свои норы, та больше зъ нихъ и не показовался.

А межѣ темъ въ-оныхъ норахъ Ляхамъ уже не въ моготу ишло держатися. Въ концѣ Юлія, въ одинъ изъ тѣхъ дней, коли зъ огромного козачого вала летѣли на Поляковъ огненныи тучи пороха, а бомбы и кулъ не давали никому выглянути изъ подземныхъ дѣръ, загальное отчаянне охватало весь ляцкій таборъ. Тогда заголодали все воины: „Больше намъ ничого не остается, якъ уйти въ замокъ, или же бѣжати въ поле!“ Но князь Іеремія крикнулъ на нихъ: „Тамъ, текъ! уйти на замокъ! Того лишь и хочется неприятелю, щобъ мы уступили ему нашъ обозъ, а сами залзли въ городъ и замокъ. Тогда онъ насъ и повывераетъ оттуда, якъ грибы зъ юшки. А бѣжати въ поле! Та и якъ пробратисъ скрѣзь неизчислимныи ряды вороговъ? Хибать дрыла придѣлати собѣ, и вередетати по воздуху черезъ козацкіи вѣды? Подлецъ той, кто уйде въ замокъ; безумецъ сей, кто захочю

убыгати въ поле! Я, хотьбы и самъ одинъ, остану тутъ!“ — Тогда-то по распоряженію его, Поляки отправили всѣхъ раннѣхъ и недужнѣхъ въ замокъ Збаражскій, стоявшій на возвышеніи за городомъ, а самы здѣлали еще тѣснѣйшія окопы и заперлися въ нихъ.

Въ самомъ несчастномъ положеніи люцкаго войска, коли голодъ лютился въ найвышномъ степени, князь Іеремія, хотя и самъ въ юшку изъ шурбѣвъ, таки не тратилъ духа и заохочалъ все войско до бою. „Еще пождѣмъ немного — говорилъ онъ жолнѣрамъ: и мы одержимъ помощь! Король недалеко! Отъ, его що-нико не видати!“ — Неразъ онъ ходилъ съ отрядомъ за окопы добывати языка (глядати вѣсти), и одного дня привелъ въ обозъ кѣлькохъ пѣвникобѣвъ, изъ которыхъ одинъ высказалъ, що король уже недалеко Топорова, що пѣдъ Радеховомъ, и що татарскіи стражи видѣли его власными очами. Се утѣшило Полякобѣвъ. — „Ото и нашъ часъ приходитъ, говорилъ Іеремія: и мы въ свою очередь помстимся надъ врагами!“ Чѣмъ сильнѣйше козаки напирали на Полякобѣвъ, чѣмъ жарче палили изъ пушокѣвъ, тѣмъ бодрѣйшимъ оказывался Вишневецкій. „Радуйтесь! радуйтесь! восклицалъ онъ: ото король уже надходитъ; для тогожь и непріятель сильнѣйше на васъ нападае, чтобы скорѣйше взяти васъ, поки еще не прибылъ король.“ — А чтобы тѣмъ певнѣйше утвердити своихъ воиновѣвъ въ вѣрѣ о приближенію короля, князь Іеремія ужилъ такого обмана, що показовалъ имъ одну записку, прилетѣвшую будто съ выстрѣломъ ѣтъ козацкаго обоза, въ которой якійсь переходовець Ляхъ препоручалъ своимъ братьямъ вытравати еще кѣлька дней въ осаду, понеже король съ великою силою уже естъ въ Топоровѣ. Войско, узнавши о той записцѣ, стало на-скрѣзъ бодрѣйше, и хотя козаки сильно палили въ обозъ, а голодъ дѣлался чѣмъ-разъ бѣльше невыносимымъ, за то каждый шумъ въ непріятельскомъ таборѣ наполнялъ сердца Полякобѣвъ ожиданіемъ. — Такіи то были заслуги князя Іеремія, которому ѣтдають честь не только польскіи, но и русскіи льтописецѣ.

А що до вѣсти оной о приближеніи короля, рѣчь властиво такъ стояла: Еще передъ приходомъ козакобѣвъ пѣдъ Збаражъ польскіи военачальники писали до канцлера Оссолинскаго, просили помочи и представляли невозможность удержатися противъ сильного и многочисленнаго непріятеля. Также въ часъ осады они кѣлька разы послали письма того рода, но козаки заедно ихъ перехватывали. Затѣмъ лише ѣтъ пойманныхъ пѣвникобѣвъ узнавали они часъ до часу, що король иде до нихъ на помочь, однакожь никакъ не могли дати знати королеви ни о томъ, где стоитъ ихъ войско, ни о семъ, въ якомъ оно страннѣмъ находится положеніи. Въ конціи мѣсяця Юлія, коли то бѣда Ляхѣвъ до крайности притиснула, было объявлено въ ихъ обозъ, що

если кто доставить королю о сей бѣдѣ извѣстіе, той одержитъ великую нагороду. Тогда-то найшолся въ обозѣ одинъ молодой шляхтичъ, именовъ Скржетускій, который, не зважая на наибольшую опасность, поднялся идти съ извѣстіемъ до Топорова, где въ самомъ дѣлѣ король уже стануль тогда съ своимъ войскомъ. Скржетускій, перелезши зъ головы до ногъ въ русскаго хлопа, переплыль ночью черезъ ставъ, приперающій къ обозу, проползъ якъ зивя посреди спящихъ Татаръ, и на досвѣткахъ добрался до болотистаго мѣстца за козацкимъ валомъ; тамъ просидѣль онъ цѣлый день въ укрытію, а на другу ночь ползъ знову по травѣ, ажъ доки не достигъ до буряновъ, где уже ани стражъ ніяка не стояла. Въ дальшой дорогѣ Скржетускій уже смѣло выдавалъ себе за русскаго хлопа, нанялъ повозку и такъ загналъ счастливо до Топорова.

А въ Топоровѣ стоялъ король Янъ-Казиміръ, що-ино прибывшій въ тѣи стороны съ 40.000 мужа жолнѣрѣвъ и шляхты изъ цѣлой Польши та съ около 60.000 людьми панскихъ слугъ и локаѣвъ тоиже шляхты. Войско се еще въ половинѣ мѣсяца Юнія собралось было пѣдъ коменду короля и канцлера его Оссолинскаго въ городѣ Люблинѣ, где однакожъ простояло оно бездѣльно около трехъ недѣль наибѣльше зъ той причины, що коменданты, не получая долшій частъ ніякихъ извѣстій ни отъ Фирлей ни отъ Вишневецкаго, не знали, куда бы имъ обернутися. Таке бо несчастье тогда было для Ляхѣвъ на Руси нашей, що войну противу нихъ провадили не самыи тѣлько козаки и Татаре, но и весь нарѣдъ русскаго сего края, такъ селяне якъ и мѣщане, хотя тѣи и не были по военному вооружены. Тожъ и дѣялося такъ еще передъ пришествіемъ Хмельницкаго пѣдъ Збаражѣ, що всякихъ гонцѣвъ и стражей, якихъ высылали будъ Фирлей и Вишневецкій отъ Збаража, будъ король и Оссолинскій отъ Люблина, русскіи люде наши перехватывали по дорогахъ, и такимъ способомъ одно войско о другѣмъ ничего не знало, ни где оно находится, ни що съ нимъ дѣется. Потомъ же, коли Хмельницкій въ началѣ мѣсяца Юлія окружилъ докольсенька ляцкій таборъ пѣдъ Збаражемъ, то уже оттуда черезъ цѣлыхъ 4 недѣль ани гонцѣвъ ніякихъ за королемъ не высылаю, и о якомъ-нибудь взаимномъ передаванью извѣстій межъ Ляхами не могло быти и бесѣды. Нарѣдъ же русскій на цѣлой просторони земель отъ Збаража до Люблина, хотя и добре зналъ о томъ, що пѣдъ Збаражемъ дѣется, однако все тое онъ старанно сохранилъ передъ Ляхами, и тѣи не могли затѣмъ ни угрозами мукъ ни приреченьемъ грошевыхъ нагородъ отъ того народа дѣстати языка (т. е. вѣсти о военныхъ дѣйствіяхъ въ краю). — Наскучивши собъ долгимъ постоемъ пѣдъ Люблиномъ, король ляцкій постановилъ на-конецъ ступати далъй

въ край русскій, куда очи понесуть, абы гдѣсь таки найти будь Фирлея, будь непріятеля. Дня 7 Юлія двинулся бнѣ зъ-пѣдъ Люблина, и перешедши черезъ Красноставъ и Сокаль, стануль дня 31. Юлія пѣдъ Толоровомъ (се мѣстечко коло Радехова въ повѣтъ Бродскѣмъ).

Тогожь самого дня, 31. Юлія, пригналь до Топорова и панъ Скржетускій, бѣтъ которого король въ первый разъ довьдался, где стоитъ войско Фирлея и яка бѣда ему дѣется. Тогда король уже не спинался въ походѣ, но сейчасъ-же на другій день двинулся въ дальшую дорогу, постановивши иди мимо Золочевъ и Зборовъ до Збаража. Прибывши до Золочева, бнѣ выдалъ тутъ особную грамоту, которою отрѣшилъ Хмельницкого бѣтъ гетманства, а вмѣсто него назначилъ предводителемъ козацкихъ войскъ якого-то пана Забуского, который въ тое-же время произнесъ присягу вѣрности на гетманство. — Дня 4. Августа король со своимъ войскомъ прійшолъ въ село Милоновичи недалеко мѣстечка Зборова, не маючи впрочемъ ни найменьшой вѣсточки дальше ни о Фирлею ни о непріятелю. Хотя бо розсылаль бнѣ заедно гонцѣвъ своихъ во всѣ стороны, щобъ дѣстати языка, но все таки гонцъ его пропадали безъ вѣсти, а войско его ишло въ русскую землю якъ-бы въ море, не зная, где встрѣтитъ его непріятель. Русскіи бо жители край если и знали що о козакахъ, то не говорили ничего Полякамъ, такъ що и самъ король принужденъ былъ сказати о нихъ памятный слова ти: „Она Русь вся докольсенька самыи бунтовники, которы о ничѣмъ другѣмъ не думаютъ, тѣлько якъ бы нищити Полякѣвъ.“

А межи тѣмъ Хмельницкій, застоявшись пѣдъ Збаражемъ, зналь всѣ движенія королевской арміи: русскій бо селяне, привозивши припасы въ Топоровъ для польского войска, отправлялись послѣ того до своихъ братьей козакѣвъ розказовати о положеніи непріятеля; а выслаемыи на подѣздъ ляцкіи гонцъ попадались въ руки козакѣвъ, которы узнавали бѣтъ нихъ всѣ найменьшіи тайны. Также и мѣщане города Зборова, видячи приближеніе Ляхѣвъ, изъявили Хмельницкому свою готовость помагати ему; наконецъ и множество простыхъ слугъ, прішедшихъ съ ляцкими панами, паребѣгали до козакѣвъ, желая бѣтмстити свои кривды на головахъ гордой шляхты. Словомъ, Хмельницкій еще и розмагался на силахъ въ кождый часъ, а коля узналь бнѣ, що король приступае уже къ Зборову, тогда оставилъ пѣхоту свою кѣнчати ворога пѣдъ Збаражемъ, а самъ съ козацкою кѣнницею и съ цѣлою силою Татаръ поднялся супротивъ короля пѣдъ Зборовъ. Всего войска провадилъ бнѣ туда около 100.000 мужа, самыхъ конныхъ.

А былъ тамъ пѣдъ Зборовомъ по лѣвой сторонѣ густыи дубовыи лѣсъ, закрывавшій широко цѣлу окрестность. Хмельницкій зналь

хорошо сію мѣстность и повелѣть туда своихъ козако́въ и Татаръ, такъ що находился на мило́у ѓтъ польскогого обоза при селѣ Мьновѣ, а никто изъ Ляхѡвъ не подозрѣвалъ того. — Мимо Зборовъ протекала ѓтнога рѣки Стрипы, черезъ котору власне тогда готовились Ляхи переходити. Хмельницкій постановилъ дожидатись, коли Поляки начнутъ переходъ, и въ той-часѣ стремительно нанести на нихъ изъ двохъ сторонъ. Для той цѣли одну часть Татаръ ѓнъ оставилъ на лѣвой сторонѣ, а другую вразѣ съ козаками перепровадилъ на правую, где еще стояли Ляхи. ѓнъ приготовилъ свое войско въ боевой порядокъ, и собравши старшинъ, передъ рядами козако́въ говорилъ таку бесѣду: „Молодцѣ! Отцы, братья, дѣти ваши простирають до васъ руки и просятъ васъ освободити ихъ отъ фараонского яра ляцкого; души замученныхъ Ляхами Русинѡвъ молятъ о мщеніе за кровь ихъ, безвинно пролитую! Церковь наша, Ляхами поруганна и здоптана, зываетъ до васъ, сынѡвъ своихъ, постояти за ню силою козацкою! Однакожь якъ и безошадно станете побивати Ляхѡвъ, но не дерзайте подняти убійственной руки на самого короля, помазанника Божого! Мы воюемъ противъ панѡвъ ляцкихъ, нашихъ мучителей, которые подвигли короля на насъ мимо его воли. Затѣмъ розбивая всѣхъ Ляхѡвъ, не трогаймо одной то́лько особы короля, котора передъ лицемъ всѣхъ народѡвъ есть особа священна.“

Была то Недѣля, и до того польске свято Успенія (дня 5. Августа), коли до-свѣта Ляхи начали переправлятьсѣ черезъ ѓтногу рѣки Стрипы. Абы ускорити переправу, они поставили два мосты; одна часть подъ начальствомъ короля должна была переходити по той сторонѣ Зборова, котора называлась „на Озерну,“ куда ишла дорога на Збаражъ; а другая часть войска двигалась гостинцемъ отъ Львова. Оба мосты были тѣсны для множества возѡвъ и воинѡвъ, и затѣмъ войско надто растянулось, та и переправившись, не могло скоро стати въ боевой порядокъ. А понеже день былъ пасмурный и дождливый, то король, для предъостереженья якої опасности, отправилъ на самомъ розсвѣтѣ два отряды въ передову и заднюю стражу: въ-передъ повхалъ Самуилъ князь Корецкій, извѣстный бѣглець зъ Корсунской выправы, а на-заду держалъ стражу панъ Коржицкій съ 1200 мужа шляхты, станувши недалеко озера, образуемого рѣкою. Обязанкомъ тѣхъ стражей было: въ разѣ якого небезпеченства дати знати войску и здержовати нападь до той поры, поки войско не прійде въ порядокъ.

Козаки видѣли все, що дѣлають враги, и самъ Хмельницкій выкарабкался на одно высоке дерево, та ѓттуда слѣдилъ за переправою ѓтъ стороны Львова. ѓнъ не велѣлъ трогати Ляхѡвъ до тѣхъ поръ, ажъ коли они растянутся еще бѡльше и стануть еще безпеч-

нѣйши, що нигде нѣтъ ворага. И Хмельницкій не обманулся въ своихъ розсчетахъ: около полудня Ляхи, переправлявшися отъ стороны Львова, оказались такъ увѣренными въ отдаленности непріятеля, що на половинѣ переправы они росклалися обѣдати. — Но на-разъ прибѣгаютъ до нихъ гонць отъ пана Коржицкого, вѣщаютъ, що изъ лѣса напала на нихъ Татарва, и желаютъ помочи. „Глупство! (отвѣчаютъ обѣдавшіи паны) то вамъ отъ переполоху привидѣлось!“ — За кѣлька хвиль прибѣгаютъ и другіи гонць съ такимъ-же тревожнымъ извѣстіемъ. Паны однако все еще не довѣряли гонцямъ и нѣкакъ не хотѣли оставити своего обѣда; они лише послали отъ себе одного шляхтича, щобы розвѣдати, чи справдѣ напали Татаре на Коржицкого. Но се было уже за пѣзно: Татаре до-чиста розбили заднюю стражу, а панъ Коржицкій съ малымъ остаткомъ своего отряда бѣжалъ донести о всей бѣдѣ въ обозъ королевскій.

Межи тѣмъ Зборовскіи мѣщане зазвонили во весь звонъ. Се былъ знакъ для козаковъ, що пора начати нападъ на головную Ляховъ силу. Татаре и козаки яко-бы изъ-подъ земли появились передъ ростерянными рядами обѣдавшихъ пановъ, и съ оглушающимъ крикомъ ударили на нихъ. Слуги въ перестрашу покидали возы на мостъ и зъ-разу здѣлали невозможнымъ ни зъ другой стороны подати помочъ перешедшимъ, ни послѣднимъ убѣжати на другую сторону; при томъ дожджъ и туманъ такъ закрыли видъ на всю околицю, що Поляки, якъ каже одинъ ихъ лѣтописецъ, прежде могли чувствовати удары, чѣмъ увидѣли непріятеля, наносившого ти удары.

Началась ужасная рѣзня. Нестройными и непривыкшими къ битвамъ шляхтичи падали безотпорно. Кѣнница ихъ хотѣла уйти и покинула пѣхоту. Татаре и козаки по-особно еще тѣмъ удобнѣе истребляли и тѣхъ и другихъ. Король, одержавши сумную вѣсть отъ пана Коржицкого, послалъ на помочъ панамъ у другого мѣста кѣлька полковъ; однако въ тойже хвиль сила непріятельска возросла такожъ, — вся присланная на помочъ отряды были окружены, розбиты и истреблены совершенно съ ихъ начальниками. Тогда то погибъ панъ Балдуинъ Оссолинскій, братанецъ канцлера, молодой человекъ, подававшій великіи надѣи; погибъ знакомитый панъ Тишкевичъ и князь Четвертинскій, вельможа православной вѣры, также одинъ изъ Чернецкихъ, и сверхъ двѣста особъ изъ знатнѣйшихъ родинъ польскихъ раненыи попадали изъ коней и окончили житье въ мукахъ.... и много, много погибло тогда цвѣта шляхты ляцкой, много осталось въ Польшѣ замковъ и дворовъ безъ властелиновъ, много воеводствъ и повѣтовъ безъ начальниковъ, премного вдовъ а сирѣтъ еще болѣе. На пѣль-мили все поле и цвѣтушій лугъ покрылись шляхетскими трупами; кровь текла рѣками,

и на полъ-мили до Зборова не осталось ни одной ляцкой души; щобъ могла сказать слово о томъ, що тутъ на дни 5 Августа дѣялось! Число убитыхъ пановъ простиралось до 6000, не вчисляя до того панскихъ слугъ, которыхъ погибло и въ-трое стѣлько. Вozy со всеми пожитками, пушки и множество оружія достались козакамъ, которы того дня стали повсемѣстно побѣдителями.

Росправившись такимъ способомъ съ одною частію польского войска, козаки и Татары кинулись еще и на тѣ полки, которыми доводилъ самъ король и канцлеръ Оссолинскій. Битва загорѣла тутъ уже до найвысшей степени. Князь Корецкій, который держалъ тутъ передовую стражу, вступилъ первый съ козаками въ борьбу; но коли передъ нимъ показалась незчисленная сила Татаръ, онъ подался въ задъ и чѣмъ-скорше бѣжалъ къ полкамъ, которы окружали самого короля. Тогда Татары появились густою толпою передъ очами головного войска польского. Въ-слѣдъ за ними посыпали и козаки изъ лѣса, и станули прямо противъ особистой стражи королевской.

Бѣда Ляхамъ угрожала велика. Однакоъ помимо того они еще не тратили духа, а выслали супротивъ козаковъ одного шляхтича съ посольствомъ отъ самого короля, который имѣлъ стѣлько смѣлости, що передъ лицомъ численнаго козацкого войска оповѣстилъ громкимъ голосомъ: яко король поставилъ козацкимъ Гетманомъ пана Забусского вмѣсто „мятежнаго“ Хмельницкого, и яко отъ имени короля назначается нагорода въ 10.000 червонцевъ за голову Хмельницкого. Козаки отповѣли на то посольство гучнымъ смѣхомъ, и шляхтичъ-посолъ со встыдомъ ускакалъ изъ поля до своихъ. — Въ тоежь время Татары кинулись на правую сторону польского войска, и начали по своему звичаю дикимъ крикомъ вызывать до борьбы. Поляки не трогались изъ мѣстца, однакожь козаки и Татары, напавши на нихъ насильно, принудили ихъ уступить къ городу Зборову. Три разы подавалось на-задъ польское войско, три разы завертали его паны воеводы; наконецъ не стало силъ, — Татары врзались въ серединау арміи, такъ що Поляки не-взначай, при темнотѣ отъ дыму и выстрѣловъ, били другъ друга, а дальше взялись убѣгати, увлекая за собою задніи ряды своихъ полчищъ. Тогда тѣ козаки и Татары розгоняли Ляховъ на четьре вѣтры и убивали безпощадно.

Король Казиміръ, видячи крайне замѣшательство въ своемъ войску, покинулъ свое становище въ осередку арміи, и на весь духъ поскакалъ къ лѣвому крылу, где станувши съ обнаженною саблею и загорожая дорогу бѣгущимъ, закричалъ отчаяннымъ голосомъ: „Панове! не покидайте мене, не губятъ ойчизны!“ Власною рукою хваталъ онъ за узды убѣгающихъ коней, оборочалъ и подгонялъ ихъ на непріятеля,

и таки самъ піднималъ изъ земли покинутыя прапоры та и показовалъ ихъ войску въ знакъ ободренія; а коли паны шляхтичи не слухали его возгласбвъ, грозилъ заколоти всякого, кто осмалится обернутись къ неприятелю задомъ. Устыдавшись присутствія короля и при томъ боячись отъ него кары, воины устремились было на Татаръ, но зноа были змяты и знова подались въ бѣгство; не помагали ни просьбы, ни грозбы, — и уже походило все на пораженіе, якое было подъ Пилявою.

И по-правдѣ, Пилявское пораженіе было-бъ въ-полнѣ повторилося еще тогожъ самого дня подъ Зборовомъ, однакожъ Ляховъ спасла тамъ разомъ прегустая и рака, случившаяся подъ вечеръ, котора всю окрестность докола Зборова яко-бы непрозримою плахтою закрыла. Въ сумеркахъ перервалася кровавая битва. Поляки розстроивши, розтерянны, столпились въ своемъ обозѣ, кругомъ которого густыми рядами стояли козаки и Татаре. За колька годинъ задача козацкого возстанія должна была очевидно розрѣшиться.

Настала нѣчь. Грозна и ужасна была нѣчь тая для Поляковъ. Роспука овладѣла и жолнѣрами и воеводами; она въ тайнѣ овладѣла и королемъ. А якъ и знуренный былъ король, но все таки еще той ночи созвалъ онъ всѣхъ военачальниковъ на военну раду. Рада тая отбылася подъ открытымъ небомъ, и такъ король якъ и всѣ полководцы присутствовали той радѣ, сидячи на коняхъ. — „Мы погибли! нѣтъ для насъ спасенія!“ такъ заговорила бѣльшество радныхъ. — Но король заговорилъ: „Скажѣть, братья, що дѣлати въ такѣмъ положенью, коли Хмельницкій окружилъ насъ? У него 100.000 войска, кромъ Татаръ! Якъ же намъ спасатися?“ — „Най погибнемъ мы всѣ“, отповѣди воеводы: „но съ житьемъ и свободою короля сподучена цѣлость державы; на королю почивае все спасеніе Польщи. Най погибнуть члены, лишь бы цѣла была голова! Намъ конечно треба обдумати способъ, якъ бы вывести тайно короля изъ обоза.“ — „Никоди!“ воскликнулъ Янъ-Казиміръ: „ніколи я не покажу себе подимъ трусомъ, но я хочу устояти до конца, и хочу жити и умирати съ вами!“

Такое рѣшеніе короля засмутило всѣхъ ляхскихъ воеводъ, которы вже и представляли собѣ, що подъ стѣнами Зборова случится неохибно погибель Польщи. Однакожъ посередъ крайного ихъ смущенія явился имъ духъ-утѣшитель въ особѣ быстроумного канцлера, князя Оссолинского. Сей то мужъ, хотя ніякъ не придатный до войны, но дуже умный въ дѣлахъ политики, видячи въ той хвилѣ наибольшое для Польщи небезпеченство, рѣшился спасти свою ойчизну способомъ, який нікому изъ другихъ воеводъ тогда ани не прийшовъ быль въ голову. Ото выступилъ онъ на радѣ оной военной съ такою бесѣдою: „Еди-

ное средство нашего спасенія есть: блучити Татаръ бть козаковъ. Отже потреба бы написати письмо до Хана, напомяти ему услуги, оказанныи ему покойнымъ королемъ Владиславомъ, представити, що козаки будутъ Татарамъ невдячны, наконецъ приречи ему рбчную платню червонцями бть стороны Польщи, и загаломъ просити его, щобы заключилъ съ нами щиросердную дружбу. Такимъ способомъ мы отвлечемо Хана бть козаковъ, а Хмельницкій буде принужденъ съ нами помирится.“

Тая рада Оссолинского была всеми съ наибольшою радостью принята. Сейчасъ списалъ король до Хана Исламъ-Гирея письмомъ съ покоренькимъ прошеньемъ о его дружбу, и тоеже письмо заключилъ такими ото памятнымъ словомъ: „Предлагаемъ тобъ, Вельможный Хане, нашу пріязнь, котора на-невно щирша для васъ буде, чъмъ ныншня дружба козацка. Козаки бо всегда были тобъ врагами, та хотя теперъ и кажутся пріятелями, но коли прійдутъ въ силу, они на васъ же, своихъ союзниквъ, обернутъ оружіе, словно якъ тотъ волчата, приходючи въ возрастъ, заѣдаютъ козу, що ихъ молокомъ своимъ кормила“. — Письмо сіе королевске передано было одному пльненному Татарину, а той обовязался за пару червонцѣвъ сейчасъ доставити оно самому-же Хану.

Посль того Ляхи немного успокоились, и вже съ ободреннымъ духомъ ожидали восходу солнца. По мрачной ночи солнце възбѣшло весело на востоцъ; явился день 7. Августа 1648 г. Вчера война провѣдилась преимущественно Татарами; сегодня былъ день козаковъ. Хмельницкій до-свѣта роздѣлил войско свое на двѣ части: одна, сильнѣйшая, ударила на польскій таборъ, стоявшій пдѣ мѣстомъ въ недоконченнхъ окопахъ; другая, пдѣ предводительствомъ полковника Гладкого, начала штурмовати городъ. Мѣщане Зборовскіи зазвонили во всѣ звоны, кинулись помагати братія-козакамъ, и въ тѣхъ мѣстцахъ, где валъ былъ низкій а ровы не глубоки, закидали ровы хворостомъ та соломою и показовали козакамъ дорогу. — Польскій драгуны, оборонявшіи городъ, ослабли на первой стычцѣ и подались въ задъ. Король послалъ имъ на помощь рбзныхъ слугъ и чуровъ пдѣ начальствомъ Забусского и ксендза-езуита Лисецкого, за которыми повлеклось туда еще больше яцкихъ ксендзовъ, узброенныхъ по военному. Война завязалась тутъ жестока, но все таки Ляхи ослабли: драгуны всѣ до одного лягли въ сѣчи, ксендзы побиты, чуры отрзаны и поражены. Побѣдители-козаки заняли русскую церковь на краю города, внесли на ню свои пушки и начали крѣпко нагрѣвати Ляховъ, засыпуючи тучами куль ихъ обозъ.

Межи тѣмъ оныи козаки, которы нападали на окопы, уже розбили цѣлый рядъ повозокъ, зъ якихъ складался тутъ польскій валъ, а одинъ

козакъ уже и устроилъ свою хоругвь на лядскихъ окопахъ. Жаръ борьбы розгорался все бѣльше и бѣльше; козаки рвались отъ всѣхъ сторонъ якъ бѣшены; и вже навѣтъ гузары, найдѣльнѣйшии жолнѣры въ войску польскѣмъ, не въ силахъ были обороняти окопѣвъ своиими долгими списами. Козаки добрались въ самъ осередокъ лядцого табора, заводнили тойже таборъ во всѣхъ частяхъ такъ густо, що Ляхамъ и свѣта Божого передъ ними видко не стало; тожь одни зъ Ляхѣвъ лежали уже въ струяхъ крови подъ ихъ ногами, другіи розбѣгались за окопы, попадая тутъ въ руки полчищъ татарскихъ. Одна лише толпа доборныхъ рыцарей польскихъ тѣснилась еще около своего короля, щобъ не дати принаймнѣй его самого въ неволю. Но козаки розсыяли и тую послѣдню охранительную стражу, та достигали вже и до самого короля...

На-разъ — мовъ-бы якимъ чудомъ все измѣнилось. Отъ звонницъ русской городской церкви роздался громкій голосъ Гетмана: „Згода!“ Хмельницкій, видячи ѣтъ-туда, якое небезпеченство угрожае особѣ короля, приказалъ остановити битву. Онъ бо, якъ повѣдають современные лѣтописцы, имѣлъ такъ високу почесть для особы Монарха, що подъ нѣякимъ условіемъ не дозволилъ чинно оскорбити коронованную его голову, а вразъ-же и не хотѣлъ, чтобы Монархъ христіанскій достался въ бисурманскую неволю. На воскликъ Хмельницкого: „згода!“ рзня въ таборъ стала уйматися; однако стояло еще много труда, щобъ розъяренныхъ козакѣвъ поуспирити; въ гдекоторыхъ мѣстцахъ рубали они Ляхѣвъ еще до самого вечера. Тѣлько въ таборъ, где находился король, борьба утихла; побѣдители-козаки ѣтступили.

ЗБОРОВСКІЙ ДОГОВОРЪ И ЕГО ПОСЛѢДСТВІЯ НА УКРАИНСКОЙ РУСИ.

Якъ лишь усмирилась борьба кругомъ Зборова, явился въ польскій таборъ Татаринъ съ поклономъ отъ Крымского Хана, и принесъ королю письмо съ такимъ извѣстіемъ: що Ханъ готовъ прияти предложенную дружбу подъ условіемъ, абы Польша платила Татарамъ щорочную дань и абы король, простивши козакамъ всю вину за ихъ бунты, примирился съ Гетманомъ Хмельницкимъ. Вразъ съ тѣмъ письмомъ прислалъ и Хмельницкій таку вѣсть отъ себе, що и ѣнъ не спротивится примиренію, если тѣлько оно заключено буде на корыстныхъ для Руси условіяхъ. — Вскорѣ послѣ доставленія ханского письма, въ полудне 7. Августа, прискакалъ къ польскому табору трубачъ ѣтъ хана, и три разы протрубилъ, що ханскій визиръ уже выѣхалъ на переговоры и ожидае королевскихъ повѣренникѣвъ.

Изъ польской стороны выѣхалъ на переговоры канцлеръ Оссолинскій съ 8 панами, и они остановились въ лѣщинѣ подъ лѣсомъ,

где ожидалъ ихъ визирь Шеферъ-Кази. Тутъ то заключили они договоръ слѣдующаго содержания: 1) Межи королемъ Яномъ-Казиміромъ а Ханомъ Исламъ-Гиреемъ и ихъ наслѣдниками завязуется вѣчная дружба такъ, що обѣ стороны обязуются подавати другъ другу помочь въ каждой потребѣ. 2) Король польскій назначаетъ Хану въ даръ щорочно 90.000 злотыхъ, а кромѣ того выплатитъ Хану задержанную отъ двохъ лѣтъ платню въ сумъ 200.000 злотыхъ, изъ которыхъ 30.000 заплатитъ сейже часъ. 3) Войско татарское отступитъ сейчасъ такъ отъ Зборова якъ и отъ Збаража. 4) Король польскій обязуется простити вину войску Запорожскому и принять снова въ свою милость Гетмана Хмельницкого, а войско Запорожское утвердить ему присягою свою вѣрность.

На другій день послалъ и Хмельницкій пословъ своихъ въ таборъ польскій для заключенія особнаго договора. Хотя бо вовсе не побѣжденный, а побѣдитель, онъ таки рѣшился тутъ-же подъ Зборовомъ помириться съ королемъ и съ давнымъ другомъ своимъ Оссолинскимъ наибольше по той причинѣ, що не тѣлько не надѣялся уже помочи отъ Хана на дальшее веденіе войны, но еще мѣгъ и обавлятися, що тойже Ханъ соединитъ навѣтъ противъ него съ новыми союзниками. Тожъ не смотря на свое корыстне положеніе военне, Батько нашъ Хмельницкій таки по-неволю мусьль протягнути руку до згоды съ Ляхами. — Колижъ козацкіи послы явились въ польскѣмъ таборѣ съ мирными предложеніями отъ Хмельницкого, то Ляхи, хотя властиво на-скрѣзь пораженныи, приняли ихъ съ ругательствами и навѣтъ не хотѣли заключати съ ними особнаго перемирія. „Якъ то? — говорили нѣкоторые горделивыи паны: Хмельницкій смѣе предлагати намъ условія мира? Онъ рабъ нашъ дерзаетъ уважати себе рѣвнымъ съ нами? Вѣдай мы уже здѣлали договоръ съ Ханомъ, яко съ самодѣльнымъ владѣтелемъ, а съ козаками, яко съ нашими подданными, отдѣльно договорятися не будемъ.“ — Такъ говорили тіи паны, которыхъ маетки находились далеко отъ Украины; однакожъ другіи, которыи испытали силу козацкаго оружія, которыи неразъ покидали свои дома и тѣлько бѣгствомъ спасали жизнь свою, тіи, указуючи на панѣвъ изъ коренной Польщи, говорили съ тоскою: „Тіи панове не запробовали, якъ больно бѣе козака, а для того такъ и говорятъ; но мы должны на условія Хмельницкого згодитися, понеже мы въ его рукахъ. Если у насъ вѣтъ возможности покорити козаковъ оружіемъ, то треба покорити ихъ прощеніемъ и ласкою.“

Долго еще Ляхи спорили о тѣмъ, чи договорятися съ Хмельницкимъ отдѣльно, чи не договорятися, ажъ наконецъ самъ король далъ голось за договоромъ, и оттакъ — якъ каже русскій летописецъ:

хотя Полякамъ крѣпко не хотѣлось принять условій Хмельницкого, но они розсудили, що лучше вертатись имъ додѣвъ съ цѣлыми ушами.

Въ Четверть, дня 9. Августа, пѣдписанъ былъ отдѣльный съ козаками договоръ пѣдъ Зборовомъ такого содержанія: 1) Король оставляетъ войско свое Запорожское при всѣхъ старинныхъ правахъ и свободахъ, и выдать на тое сейчасъ новую привилегію. 2) Войско Запорожское мае состояти изъ 40.000 мужа козаковъ, которы записаны будутъ въ реестръ. Составленіе реестровъ прислужае Гетману, но Гетманъ не смѣе записовати въ козаки людей бѣльше надъ означенное число (40.000), а прочіи люде на Украинѣ, що не будутъ записаны въ реестръ, должны исполняти свои обовязки пѣдданчіи такъ, якъ давнѣйше исполняли. 3) Городъ Чигиринъ съ своимъ округомъ оставляется на-всегда при булавъ гетманской, яко маетность Гетмана Богдана Хмельницкого, „вѣрного слуги короля и Рѣчи-посполитой.“ 4) Все, що зъ допущенія Божого дѣялося въ часъ нынѣшного замѣшательства, мае быти предано забвенію, и ніякій панъ не смѣе мстити и казнити за прошлое. 5) Король прощае всѣмъ тѣмъ изъ шляхты, которы якимъ-будь способомъ находились въ Запорожскомъ войску, а всѣ маетки, забранныи кѣмъ-нибудь у тѣхъ людей, будутъ имъ назадъ звернены. 6) Въ тѣхъ мѣстахъ, где будутъ жити козаки, коронныи войска не могутъ занимати постоя. 7) Въ земляхъ козацкихъ жида не смѣютъ ни жити, ни быти арендаторами. 8) Що до уніи, такъ въ коронѣ якъ и въ великомъ-княжествѣ литовскомъ, также що до цѣлости церквей и ихъ маетковъ, буде здѣлано постановленіе въ присутствіи и и по желанію Отца-Митрополита Кіевского и всего духовенства. Кромъ того король позволяе Отцу-Митрополиту Кіевскому засѣдати въ державномъ Сенатѣ. 9) Всѣ уряды и достоинства въ воеводствахъ Кіевскомъ, Брацлавскомъ и Черниговскомъ будутъ роздаваны тѣлько тамошнимъ дворянамъ, исповѣдующимъ греческую вѣру. 10) Ксендзы езуиты не мають права находитись въ Кіевѣ и въ другихъ городахъ, где суть привилегованныи рускіи школы, но должны непремѣнно всѣ перейти въ другіи мѣста. Всѣ рускіи школы, существующіи издавна, должны оставатись въ цѣлости. 11) Козаки не имѣютъ права шинковати горьякою, но могутъ для себе варити горячіи напитки и продавати гуртомъ. 12) Всѣ повышіи условія будутъ утвержены на соймѣ, а теперъ, предавши все забвенію, да пребуде згода и любовь межи людьми, живущими на Украинѣ, и межи войсками королевскими а Запорожскими.

Написанныи и скрѣпленный печатію договоръ тѣмъ Зборовскій былъ дорученъ королю, который пѣдписавши его, отдалъ посламъ Хмельницкого. Тогда Хмельницкій пѣдъ стѣнами Зорова произнесъ

передъ крестомъ и святымъ Евангеліемъ присягу на вѣрность королеви и коронѣ, по чѣмъ онъ звернулся до панѣвъ, бывшихъ при складанью присяги, и сказалъ пріязно: „Най же позволить мнѣ король упасти до ногъ его.“ — Паны были довольны такимъ желаніемъ; однакожъ козаки, не довѣряя Полякамъ ни на волосъ, закричали: „Не пустимъ нашего Батька, щобы вы, Ляхи, его не заѣли. Най кто-нибудь изъ знатныхъ панѣвъ останется у насъ на закладъ, а безъ того Гетманъ нашъ не поїде до короля.“ — Посль такого заявленія козаковъ одинъ знакомитый вельможа польскій, панъ Любомірскій, присутствовавшій при заключеніи договора, рѣшился сейчасъ остати при козакахъ ажъ до повороту Хмельницкого изъ ляцкого табора, и тогда козаки отпустили своего Ватька-Гетмана.

Въ Пятницю, дня 10 Августа рано, Хмельницкій въ сопровождѣ сотни знатнѣйшихъ козаковъ прибылъ въ польскій таборъ. Его поѣвели до королевского шатра (намету), и въ той хвилѣ паны увѣряли короля, що Хмельницкій явится съ трусливымъ и униженнымъ видомъ, зложивши на грудь руки, ледви переводячи дыханіе. Однако паны обманулись.

Хмельницкій воїшолъ бодро въ королевскій обозъ, и явился передъ лицемъ короля съ полною повагою и съ чувствомъ гетманского своего достоинства. Преклонивши одно коленно, онъ сказалъ слѣдующу достопамятную бесѣду: „Много уже лѣтъ, найяснѣйшій Монархо, злобива и коварная ненависть польскихъ панѣвъ обернена была на насъ, вѣрныхъ слугъ твоихъ. Всѣми возможными способами они доптали права и свободы нашихъ старшинъ, уважали козаковъ Запорожскихъ не войскомъ твоего Величества, а своими рабами. Священники наши были для нихъ гѣрше магомеданъ, презрѣнны и гонимы. Захвативши въ державѣ власть при покойномъ королѣ Владиславѣ IV., паны ляцкіи не давали намъ поднести свободный голосъ на соймъ; насилія, убійства, крайніи оскорбленія всякого рода мы претерпѣвали отъ нихъ безкарно. Мы жаловались на нихъ королю, но не были выслуханы. Терпѣніе наше перебралось: мы принуждены были заключити союзъ съ чужеземцами и ужити ихъ помочи противу шляхты. Якъ же осуждаги насъ за то, коли мы обороняли жизнь свою и имущество, що свойственно есть и всякому звѣряти? Таже и скоть, если его мучать, боде. У мене и въ мысли николи не было поѣдмати оружія противъ Монарха, владѣтеля нашего милостивого и невинного въ страданіяхъ нашихъ. Мы возстали тѣлько противъ тѣхъ, которы презирали козаковъ, яко пресмыкающихся, угнетали насъ, яко самыхъ послѣднихъ рабовъ.“ — Тиі слова говорилъ Хмельницкій съ великимъ жаромъ, а король, не смѣючи сказати що-нибудь отъ имени осоромленной Польщи, сохра-

нялъ молчаніе и тільки протягнулъ ласкаво руку свою ко Хмельницкому, котору тойже съ почтенемъ уцѣловалъ. За короля промовилъ литовскій подканцлеръ Сапѣга лишь тѣи слова: „Що было и кто въ томъ виновать, того не можь роздбрати, а навѣтъ и вспоинати о томъ бѣльше не будемъ. Найяснѣйшій король, яко добрый Монархъ, спріе зарѣвно всѣмъ своимъ пѣдданымъ, и прощае виновного, если бнѣ заглядитъ свѣй поступокъ вѣрностію и трудами во благо отечества.“ — Послѣ того Хмельницкій, повидавшись еще и съ канцлеромъ Оссолинскимъ, вернулъ назадъ въ свѣй козацкій таборъ.

На другій день (11. Августа 1649 г.) враждебныи войска розойшлись: Поляки съ королемъ отправились ко Львову, Хмельницкій же и Ханъ ко Збаражу.

А въ Збаражѣ то въ ону пору Ляхи доведены были до такогo истощенія, що уже для утоленя голоду неставало имъ и самой найсквернѣйшой стравы. Уже бо девятая недѣля наступила зъ того часу, якъ панское войско стануло пѣдъ Збаражемъ, а семая недѣля зъ того дня, якъ оно вступило въ битву съ козаками. Еще два-три дни — и обозъ ляцкій пропалъ бы вже самъ ѳтъ себе. Однакожь на дни 10. Августа донеслася пѣдъ Збаражѣ глухая вѣсть о заключеніи Зборовского мира, котора вскорѣ-же таки и оправдалась на наибѣльшу для Полякѣвъ радость. Рано бо на дни 12. Августа явился пѣдъ Збаражемъ самъ Гетманъ Хмельницкій, и провзжаясь на своемъ кони пѣдъ ляцкими окопами, громкимъ голосомъ восклицалъ: „Згода! згода!“ — Въ тоежь время вошли въ таборъ польскій два королевскіи урядники, которы доручили начальникамъ письмо короля и ѳтписъ Зборовского договора. Спасенное ѳтъ неминуемой погибели войско ляцке радовалось безъ кнця, а тільки одинъ Вишневецкій негодовалъ на Зборовскій миръ именно за тое, що по условію тогожь мира обовязане было также и Збаражское войско заплатити Хану одну часть окупа. Но гнѣвъ Вишневецкого не удѣялъ тутъ ничего: польскіи бо жолнѣры, скѣлько ихъ остало при жизни, всѣ кричали въ небо-голосы, щобы ихъ чѣмъ-скорше выпустили изъ окопѣвъ, а коли паны начальники не мали при собѣ готовыхъ грошей на стѣлько, абы окупъ Татарамъ заплатити, то молодой Потоцкій ѳтдалъ себе Хану въ заложники — и послѣ того выходъ Полякамъ изъ ихъ тѣсныхъ норъ пѣдъ Збаражемъ дозволенъ былъ свободный.

По ѳтходѣ Татаръ изъ-пѣдъ Збаража отворились польскіи окопы, и чахлыи та побѣдлыи на-скрѣзь Поляки выползли изъ своихъ ямъ яко-бы настоящіи мары. По извѣстію одного таки польского лѣтописца зъ тыхъ часѣвъ, при началѣ осады въ окопахъ заключено было 10.000 шляхты, а изъ нихъ осталося теперь лише 3000; слугъ

же погнбло ббльше чьмъ на половину, а изъ 60.000 коней остало живыхъ несполна 3000. Никто изъ Поляковъ не былъ въ силахъ ийти прямо, не шатаючись; одинъ подувъ вѣтра, якъ каже льтописецъ, валилъ ихъ зъ ногъ, а кто имьлъ коня, той держался за его хвбсть, другіи же таки на кождбмъ кроку падали бтъ знеможенія. Хлопы русскіи, стоявшіи въ козацкомъ таборѣ, продавали Ляхамъ тьмъ свои запасы хлѣба за битыи талары и не забывали колоти ихъ гбръкими насмьшками. Самъ Гетманъ провзжался съ гордостію межи шляхтичами, которы съ невымовною радостію увидьли въ первый разъ послѣ долгого томленія хлѣбъ и чистую воду. Хмельницкій, указуючи на нихъ, кричалъ своимъ козакамъ: „Годуйте панбвъ, годуйте, та по-малу, а то они еще обьѣдятся, тай не дай Боже, помрутъ.“ Зналъ бо вьдай Хмельницкій, що зголоднвьмый, якъ пріймется за-живо до вьдла, умирае бтъ наглого пересыту.

Отпустивши Поляковъ изъ-пбдъ Збаража въ ихъ ляцкій край, нашъ Гетманъ Хмельницкій со своимъ численнымъ войскомъ бступилъ на Украину въ славу и чести. Повертаючихъ въ свояси козаковъ витали рбдныи батьки ихъ и матери и сестры съ великимъ торжествомъ, та пытали ихъ съ любопытствомъ: „Що же? богато пропало Ляхбвъ?“ — „Що пбдъ Збаражемъ, бтповьдали козаки: то нехай той зчислить, кому тамъ лучилосъ быти; а що пбдъ Зборовомъ, тамъ хотьбы и найббльшій панъ, а мусьлъ головою наложити; що же слугъ панскихъ а войска наемного пало, то добре сказати знаютъ поля Зборовскіи.“ — А по всьхъ селахъ и мьстечкахъ, куда провзжалъ Хмельницкій, звонено во всь звоны, и люде русскіи, по обычаю предковъ, выходили съ образами, съ хлѣбомъ и солію на встрьчу Батькови, що избавилъ Украину бтъ кормиги ляцкой. „Радуйтесь, братья! — говорилъ Хмельницкій къ народу: пбдъ Зборовомъ сила русская была поставлена на вагу съ польскою, и переважила: теперь цьлый свьтъ узнае, що значать козаки!“ — Се было славное время, и нарбдъ по всей Украинѣ величалъ тоежь время торжественными думами и пьснями, изъ которыхъ многіи до нашихъ часбвъ сохранилися. Въ одной такой пьсни воспьвалъ нарбдъ: „Были у насъ злы-дни, чорныи години — никто не приходилъ спасати Украины; никто за насъ Бога не хотьлъ молити, никто не подалъ воды кровавыи раны наши омыти. Но пбднялся Хмельниченко, встало Запорожье — зчезли злы-дни, и никто насъ вже не переможе. Вже не буде у насъ Лаха, ни жида ни пана, и не буде въ цьломъ свьтъ, якъ наша Украина!“

Повертаючи на Украину, Гетманъ Хмельницкій розослалъ до всьхъ гайдамацкихъ загонбвъ, що бушевали на Волюню и въ земляхъ литовскихъ, оповьщенье о Зборовскомъ мирѣ, та приказалъ имъ

всюду отъ борьбы съ Ляхами воздержатися. Однако не смотря на то, буйныи толпы гайдамакъ и козакобъ такъ на Волюню якъ и на Литвъ не переставали кѣнчати Ляхбѣв, гдѣ лише ихъ настигли. Такъ еще во время Збаражской осады кѣлька козацкихъ загонбѣв, отдѣлившиися отъ войска, напали на городъ Острогъ, въ которахъ заперлось было около 20.000 душъ Полянбѣв, жидѣв и русскихъ перекинчикѣв. Начальники тѣхъ козацкихъ загонбѣв, Небаба, Донецъ и Головацкій, ворвались хитрою штукаю въ Острогъ, перебили ляцкую залогоу, вырзали въ пень всѣхъ скрывшихся жителей, а городъ цѣлый обернули въ пепелище. Такой-же доль дозналъ и городъ Заславъ на Волюню, гдѣ православныи мѣщане сами помагали козакамъ рзати и тонити жидѣв та католикѣв. — Съ немезьшимъ розъяренѣмъ бушевали гайдамацкїи загоны такожь и въ литовскихъ земляхъ, гдѣ особливо лютился надъ Ляхами полковникъ козацкїи Кречовскїи, сердечный другъ Хмельницкого, избавившїи тогожь передъ двома лты отъ смерти. Кречовскїи гонялся по Литвъ и по Бѣлой-Руси съ 30.000 мужа гайдамакъ, здобывалъ города, разбивалъ многїи ляцкїи полчища, ажъ наконецъ застигнутый войскомъ польскимъ въ невыгодномъ становищи, програвъ битву и зъ роснуки отнялъ собъ житье, разбивши въ очахъ Ляхѣв голову свою о дерево. — Въместо Кречовского явились на Литвъ уже новыи начальники гайдамацкихъ шаекъ, коли на-разъ въ мѣсяси Августъ приспѣла туда изъ-пѣдъ Зборова вѣсть, що маръ межи королемъ а Хмельницкимъ заключенъ -- и въ слѣдствїе того бунты на-родныи по всему краю стали немного усмирятися.

И справдъ, по заключеню Зборовского мира, пѣдписанного самымъ королемъ Польщи и Гетманомъ Руси, оно такъ и выдавалось, що настане постоянное спокойствїе въ земляхъ русскихъ, а страшная вражда двохъ славянскихъ, въ найближшомъ сусѣдствѣ съ собою живущихъ племенъ наконецъ уже усмирится. Однакожь вышло не такъ. Зборовскимъ договоромъ прежде всего не довольны были паны Ляхи, которы еще пѣдъ Зборовимъ говорили: що пѣдписали той договоръ не зъ доброй воли, а по принужденю, и що обовязкомъ ихъ совѣсти буде, условїи того договора, яко унижительныхъ для Польщи, не держатися. Тожъ они, якъ повѣдае летописецъ русскїи зъ тѣхъ часѣв, помнили сей договоръ лишь до той поры, поки не перестали смотрѣти на кровавыи трупы своихъ военныхъ товарищей; но потомъ сей-часъ снова начали свои злобства. — Якъ тѣлько вернулъ король съ войскомъ своимъ отъ Зборова до Варшавы, паны шляхта самымъ грубымъ способомъ стали тутъ укоряти такъ его якъ и канцлера Оссолинского, писали на нихъ острыи пасквиды (ругательныи письма), упрекая ихъ за то, що вмѣсто абы побити збунтованныхъ

хлопѣтъ, заключали съ ними сѣрошную згуду. На сойѣ же Варшавскомѣ, который собрался въ мѣсяци Ноябрь 1649 г. за-для утверженія Зборовскаго договора, паны депутаты, хотя и затвердили онъ договоръ едино по той причинѣ, абы доставити своимъ братьямъ, дѣдичамъ русскихъ земель, способъ повернути на Украинну, но за то таки въ очи ругали короля яко слабодушнаго Монарха, а воеводу Киселя и Оссолинскаго яко зрадниковъ Польщи, которы будто подновили короля на несчастну для Польщовъ Зборовску угоду. Тутъ то паны, приверженць Іереміи Вишневецкаго, говорили въ лице Оссолинскому: „На майбблнную кару заслужилъ ты собъ своими дѣланіями! Ты еще за короля Владислава нохался съ козаками противу шляхты, а тепершннго короля ты попровидилъ майже безъоружнаго подъ Зборовъ, якъ на рязку; ты довелъ короля до такого униженія, що онъ, отдавши сперва гетманство пану Забускому и объявивши Хмельницкаго измѣнникомъ, потомъ зловъ перемѣнилъ свое постановленіе; ты зъобовязалъ нашу Польшу платити постыднную дань Татарамъ и завязалъ съ козаками такій унизительный договоръ, о якомъ наши дѣды и не слыхали!“ — И въ самой-же рѣчи, сумше то было положеніе канцлера Оссолинскаго, которому всъ его дѣйствія, кѣи онъ почиталъ спасительными для Польщи, выйшли противъ его желанія на крайню бѣду для Польщи. Онъ бо то, якъ извѣстно, старался было обезпечити Польшу отъ сусѣдъ и усирити Турцію, страшную тогда для христіанства; а тутъ выйшло напротивъ, що Польша принуждена была дань платити татарокому Хану, подручнику Султана. Онъ бажалъ укрѣпити королевскую власть и сокрушити буйство и безправье шляхты; а выйшло напротивъ, що тая шляхта, увидѣвши небезпеченство, еще сильнѣйше утвердилась супротивъ короля, и зъ той поры якъ майбблнше завладѣла въ Польшѣ. Онъ желалъ соединити тѣснѣйше Русь и съ Польшею, стараясь здѣлати козаковъ орудіемъ преобразования державы; а выйшло напротивъ, що Русь еще больше зненавидѣла Ляхню и готова была разбѣрвати вже и послѣдню связь съ Польшею. Такій несчастный конецъ всѣхъ щиро-задуманныхъ дѣйствій огорчилъ до крайности канцлера Оссолинскаго, и онъ не пережилъ уже ни одного лѣта послѣ того тяжкаго сойма, на которомъ такъ безоощадно обругано его за Зборовску угоду.

Но жежи тѣмъ зъ другой стороны такожъ и русскій народъ имѣлъ много причинъ не задоволятисъ такъ самымъ Зборовскимъ договоромъ, якъ еще больше лихими его послѣдствіями. Сперва то, якъ сказано, возрадовалась наша Русь, коли изъ-подъ Зорова верталъ Хмельницкій яко побѣдитель, принудившій Ляховъ къ заключеню невыгоднаго для Польщи мира; однакжъ вскорѣ потомъ, коли

наши люде розсмотрались близше въ условіяхъ того мира, радость ихъ перемѣнилась въ немалый смутокъ. Увѣрились они, що также и Хмельницкій підписалъ договоръ Зборовскій не по доброй воли, а просто лишь зъ обавы передъ Ханомъ, котораго Лахи уже было успѣли для себе купити. Дальше-же по условіямъ того договора должна была и Украина дань платити Татарамъ. Уже Хмельницкій изъ своей мошонки отсчиталъ Хану 500.000 галдрѣвъ; но того оказалось еще мало, и затѣмъ наложено по-головный податокъ на народъ русскій для выплаты такъ званымъ „союзникамъ.“ Къ тому Татаре, ласки на пожитки Украины, позволяли собѣ распорядитись произвольно въ земляхъ своихъ союзникѣвъ — козакавъ и вводили въ ясырь дѣтей и женщинъ. — До тогожь по войнѣ, якъ то звычайно бывае, настала въ земляхъ русскихъ страшена дорожня; хлопы, звши все готовое въ походѣ, приходили домова и заставляли родины свои въ бѣдности. Пришла осѣнь: мужики не брались за цѣпы, которыми въ лѣтъ молотили Ляхѣвъ якъ солому, а по войнѣ вже и ничего было молотити. Но все то еще не была крайня нужда, ажъ найгѣрша она прийшла незадолго отъ дальшихъ условій Зборовского договора.

Одно зъ головныхъ условій того договора было: що Митрополитъ Кіевскій мае право засѣдати въ державномъ сенатѣ. Затѣмъ въ конци мѣсяца Новембрія, коли уже договоръ затверженъ былъ сенатомъ, Митрополитъ Кіевскій Сильвестеръ Коссовъ въ сопровождѣніи знатного духовенства прибылъ до Варшавы, абы заняти тутъ сенаторское мѣсто, купленное для него цѣною крови. Но еще передъ появленіемъ его, въ сенатѣ распочались нарады надъ тѣмъ: допустить ли греко-русского Первосвятителя въ сенатъ, или не допустить. Поднялся зъ того поводу завязанъ споръ, при случаю котораго меньшая часть сенаторѣвъ — мірянъ обставала за тѣмъ, абы принятымъ для позору исполнити условіе Зборовского мира и на якійсь часъ принять Митрополита до сенату; напротивъ же того, бѣльшинство сенаторѣвъ, а то всѣ ксендзы-бискупы и найзнатнѣйшіи магнаты ніякъ не приставали на допущеніе въ сенатъ духовного головы „шизматикѣвъ.“ Особливо съ великимъ жаромъ стояли за тѣмъ мнѣніемъ бѣльности польскіи прелаты и арцибискупы, и они тѣ майже съ бѣшенствомъ говорили такъ: „Ніякъ мы не можемъ сидѣти подъ однимъ дахомъ съ головою шизмы, съ непріятелемъ святаго ойца, римского папежа! Если же противное наказуе Зборовскій договоръ, то мы знаемъ, що сей договоръ заключенъ былъ въ часъ небезпеченства, по принужденію; такий доготоръ, а еще до того завязаный съ шизматиками, насъ католикѣвъ не обовязуе, и самъ-же король не мае права дѣлати угоду, котора оскорбляе римскую нашу вѣру. Николи, николи въ свѣтъ шиз-

матикъ не дождеся того, щобы сидѣти ему съ нами! Иначе мы все выйдемъ изъ сенату!“ — Послъ такихъ грозныхъ словъ духовенства ляцкаго сенатъ единодушно ухвалилъ: абы Кіевскаго Митрополита до избы сенаторской не припустить. О сей ухвалѣ извѣстилъ воевода Кисель тотъ-часъ нашому Митрополиту, а той не заходилъ уже въ соборъ нечестивыхъ, но отряси прахъ отъ сапогъ своихъ, опустилъ Варшаву и вернулъ чымъ-скорше до Кіева.

Тое нарушенье одного зъ найважнѣйшихъ условій Зборовскаго договора оскорбило до-жива такъ Хмельницкаго якъ и всѣхъ козаковъ въ Украины, которы оттакъ постановили отплачовати Ляхамъ такую-же мѣркую при исполненью своихъ условій тогожъ договора. А найважнѣйшия то условія, якіи вымагались отъ Хмельницкаго по Зборовскому договору, были именно тѣи два: 1) абы панамъ шляхтичамъ, которы передъ бунтомъ козацкимъ имѣли свои добра на Украинѣ, свободно было повернути до своихъ маекъ; 2) абы козацкаго войска было не больше якъ 40.000 мужа реестровыхъ. Що до перваго условія, то Хмельницкій прирекалъ Ляхамъ исполнити его не скорше, ажъ поки бнѣ не запише въ реестръ тѣхъ 40.000 козаковъ, которы составляли мали гетманское войско. А со списованьемъ тѣхъ реестровъ отвлекалъ бнѣ умышленно цѣлу осень 1649 г., абы такимъ способомъ забрати до реестру якъ наибольше людей изъ такихъ селъ, которы належало было отдати польскимъ шляхтичамъ. Тожъ и приказовалъ бнѣ набирати въ реестръ майже всѣхъ людей изъ маекъ Вишневецкаго, Конецпольскаго и другихъ найбогатшихъ пановъ, которы были наибольше враждебны для Руси. Кромъ того отбиралъ бнѣ у тѣхъ пановъ цѣлы маетки, мѣста, села, хуторы съ полями, лѣсами и всѣма доходами пѣдъ тѣмъ будто предлогомъ, що оныя паны захватили колисъ коронны добра, которы должны были служити жительствомъ для козаковъ. Тѣи то маетки Гетманъ отдавалъ на власность козацкимъ старшинамъ, полковникамъ и асаудамъ, которы зъ того часу стали составляти на Украинѣ богатое сословіе русскаго народа, такъ названное сословіе русскихъ помѣщиковъ (дѣдичей). Тѣмъ то способомъ Хмельницкій отнялъ у Конецпольскаго 70 селъ, а у Вишневецкаго въ-двое стѣлько, забравши имъ къ тому всю скотину, пчелы и конскія табуны, а оставляя тѣлько недвижимое имѣнне.

Такии поступки Хмельницкаго чрезмѣрно не подобались Польщѣ. Еще въ осени 1649 г. король выслалъ до Хмельницкаго комисаровъ для окончнаго устроенья дѣлъ въ Украинѣ и для водворенья тамъ-же изгнанныхъ пановъ. Головнымъ комисаремъ назначенъ былъ знову панъ Адамъ Кисель, котораго къ тому король именовалъ Кіевскимъ воеводою. Вразъ съ Киселемъ ѣхали на Украину многи

польскіи паны, бажая съ нетерпѣньемъ достатись до своихъ маєткѣвъ. Хмельницкій принялъ Киселя въ Кіевъ дружелюбно, однакожь панамъ шляхтъ приказалъ дожидатись удобнѣйшого времени. Ажь на дни 16. Сѣчня 1650 г., коли доручено было въ Кіевъ затверженіе Зборовского договора ѳъ стороны Варшавского сената, дозволилъ Хмельницкій вступити панамъ въ ихъ украинскіи маєтки. — Тогда то паны шляхтичи толпами посыпалися въ Украину, и желая задобрити для себе Хмельницкого, давали ему богатии подарки та просили у него собѣ покровительства. Хмельницкій увѣрялъ ихъ, що все буде хорошо, що они будутъ жити счастливо и спокойно, если тѣлько обходитись стануть съ народомъ по людски; вразъ же съ тѣмъ розслалъ ѳнъ по Украинѣ гетманское письмо, которымъ приказывалъ всѣмъ, що не вписаны въ реестръ, повиноватися панамъ своимъ пѣдъ загроженіемъ смертнои кары. Подобное-жь письмо выдалъ для Украины также и король Польши, который заповѣдалъ всѣмъ хлопамъ, що если они стануть бунтоватись противу панѣвъ, то коронное войско вразъ съ реестровымъ козацтвомъ буде побивати ихъ якъ-бы чужихъ непріятелей.

Якъ тѣлько розбѣшлися тіи письма по Украинѣ, якъ тѣлько узнали хлопы, не вписанныи въ реестръ, що они обовязаны будутъ зновъ робити панщину, сейчасъ заворушилося все по краю, и народъ закричалъ: „Якъ то? мы будемъ робити панщину? А где же ѳтницъ Гетмана? То чейже всѣ мы не были козаками?“ — Хлопы наотрѣзъ ѳтказались служити панамъ. Бѣольшая часть панѣвъ ледви-що вступила въ свои маєтки, а вже сейчасъ зневолена была спасатися бѣгствомъ, многіи же зъ нихъ таки заплатили житьемъ за тое, що важились строжайше обходитись съ народомъ. Бѣглии паны спѣшили до Кіева пѣдъ захорону воеводы, но тутъ жители Кіева не впускали ихъ въ середину города; затѣмъ шляхтичи скитались по передмѣстьяхъ и доокрестныхъ селахъ, та при великой тогдашней дорожнѣ рѣдко кто изъ нихъ мѣгъ дѣстати кусокъ бѣлого хлѣба. Многіи зъ нихъ пухли ѳтъ голоду и умирали по дорогахъ и улицахъ, надаремно стараясь пѣддержати житье травѣю и листьями.

Но межи тѣмъ богатии вельможи, которы направили съ собою изъ Польши много слугъ и чурѣвъ та и могли держати при собѣ численну двѣрскую стражу, тіи не утѣкали передъ хлопствомъ, а напротивъ брались заводити въ своихъ маєткахъ прежни польскіи порядки. Такъ князь Корецкій, тойже самъ, що по два разы утѣкалъ передъ козаками зъ поля битвы, якъ лишь пріѣхалъ на Волинь до своихъ маєткѣвъ, сейчасъ велѣлъ ѳтглядати межъ своими пѣддаными тѣхъ молодцѣвъ, которы за послѣднои вѣины возбужали свою братію до бунту, а поймавши ихъ, ѳнъ безъ суду и росправы

приказалъ всѣхъ ихъ посадити на палъ. — Жестокій той поступокъ розъярилъ хлопѣвъ въ цѣломъ краю Волинскомъ. „Прежніи бѣды падають на наши головы! Паны уже начинаютъ мучити насъ, якъ мучили за-давна!“ роптали хлопы. Одни убѣгали изъ селъ, другіи же собирались въ толпу и волновались, не зная, що дѣлати. Въ оную толпу явился православный Священникъ и говорилъ имъ таке: „Ото вамъ нагорода за наши терпѣнія, за кровь нашу, пролитою на то, щобы добыти свободы и скинути зъ себе невыносимое ярмо ляцкое! Отъ-же вамъ образчикъ панской милости, отъ-же клейноты польской славы — трупы нашей братіи на палыхъ! Не перемогли Ляхи нашей крѣпости силою, такъ перемагають лестію. Така вамъ злоба Полякѣвъ! Самъ Богъ открывае нашей простотѣ очи, щобы мы не повѣряли панской злобѣ нашихъ душъ. Много насъ паны кривдили, много мы пострадали отъ ляцкого тиранства, а теперъ самы по доброй волѣ кладемъ свои головы въ тоежъ ярмо, которе що-ини скинули изъ шеи. Лисъ звѣрина — но и той не лѣзе въ другій разъ пѣдъ клѣщи, и навѣтъ птиця не полетитъ въ другій разъ на сѣтку! А челоуѣку на то и розумъ данъ, щобы онъ розсужалъ и отъ бѣды уходилъ. Кто, братья мои, разъ захотѣлъ пановати, той и послѣднее поставитъ, лишь бы усидѣти на панствѣ. Таке дѣлають нынѣ ляцкіи паны. Въ ихъ дворахъ обманъ и лесть, и коли не змогутъ они побити кого силою, такъ побивають обманомъ и еще тѣмъ величаются. Давно ли высохла кровь нашего дѣльного Павлюка, якъ послѣ Кумеекъ паны заманили его, зарисягли клятвою, що ему ничего не буде, а потомъ казили въ Варшавѣ пекельною смертію? Та по що давное вспомянати: посмотрѣть на нашихъ братьей — они еще на палыхъ, и може еще дышать и призываютъ васъ стерегчи себе самцѣхъ, та во имя Боже поднятись на праведную месть за ихъ муки!“

Тая бесѣда, сказанная съ силою и вдохновеніемъ, а до того сказанна Отцемъ духовнымъ, произвела велике дѣйствіе. Толпа заволновалась; розъяренныи хлопы кричали: „До цѣпѣвъ! до кѣсъ! бити Лахѣвъ, бити всѣхъ безъ пощады! Кара имъ за ихъ пекельну злобу!“ Грозная вѣсть понеслася по всѣхъ околицяхъ, и въ рѣзныхъ мѣстцяхъ Волины и Подбѣля составились знову гайдамацкіи загоны.

На чель гайдамацкихъ загонѣвъ, поднявшихся въ надѣ-Бужанской и по-Днѣстрянской земли, стануль славный козакъ Ничай, хоробрый Брацлавскій полковникъ. Противъ тѣхъ загонѣвъ выслалъ Хмельницкій кбляка полкѣвъ козацкихъ, приказавши имъ ловити гайдамацкихъ начальникѣвъ и карати ихъ смертію. Прійшла бо зновъ така хвиля на Хмельницкого, що бажалъ онъ принаймнѣй для виду сохраняти миръ съ Поляками та и мучилъ своихъ русскихъ селянъ, принуждая ихъ

повиноватися тѣмъ ляхкимъ панамъ, противъ которыхъ самъ піднялъ ихъ до бунту. Однако Ничай не убоаяся Гетмана Хмельницкого, но побивая дальше польскихъ пановъ, послалъ до него толпу отчаянныхъ депутатвъ, и ти отъ имени своего полководця говорили къ нему такіи рчи: „Тожъ ты, Батьку-Гетмане, покидаешъ насъ, покидаешъ тѣхъ, которыхъ обовязался еси защищати и не давати въ обиды панству! Та чи слыный ты и не видишь, що Ляхи тебе обманюють своими ласками, щобы потомъ погубити коварно? Чи не понимаешъ, що они хотять тебе розбронити, посваривши тя съ вѣрнымъ народомъ? Поступай-же, якъ хочешъ: если тобъ мила неволя, оставайся въ ней, а мы выберемъ собъ другого Старшого, который лучше бѣтъ тебе постоить за насъ!“

Выслухавши такіи рчи, Хмельницкій не осмѣлился пренебрегчи голосомъ Брацлавского полковника, любимого народомъ Ничая — того Ничая, которого имя славне стало по всей Руси и которого нарѣдъ величалъ въ своихъ пѣсняхъ, и до-нынѣ сохранившихся, богатыремъ наибольшой отваги и силы. Гетманъ Хмельницкій сказалъ депутатамъ Ничая ободрительно ти слова: „Успокойтеся, я васъ не опушу. Въ реестръ козаквъ бѣльше принимати не можна; однакъ кто захочетъ быти охочимъ козакамъ, нехай такимъ и буде.“ — Тѣмъ и успокоилось немного збунтованное хлопство.

Послѣ того Гетманъ созвалъ до Переяславля козацкую Раду, на которой мали списатися реестры козаквъ, абы точно знати, скѣлько въ гетманствѣ есть воинства регулярного, а скѣлько мае быти по-при немъ козаквъ охочихъ (т. е. добровольниквъ, не записаныхъ въ реестръ). Рада тая собралась въ первыхъ дняхъ Марта (1650 г.), и зъ постановлений той Рады наилучше было можъ звѣрковати, що козаки вовсе не думаютъ слыпо повиноватися условіямъ Зборовского договора, которого и самы Ляхи ни за-що собъ не важили. И такъ по Зборовскому договору всего козацкого войска должно было находится лише 40.000 мужа; но тутъ на Радѣ въ Переяславлю Хмельницкій велѣлъ записати до реестру сверхъ 50.000 мужа, а до того препоручилъ, абы каждый реестровый козакъ добралъ собъ еще по два мужа, одного конного а одного пѣшого, та еще и чурѣвъ-помочниквъ хотьбы и по три и по четыре. Кромъ того Хмельницкій составилъ еще 20.000 козаквъ для резервы, надъ которыми начальство бѣдалъ бѣтъ сыну своему Тимоѣю. Такимъ образомъ число козацкого войска было надъ мѣру значительне и доходило до 300.000 мужа. Всѣ ти козаки становили особое сословіе вольныхъ людей, имѣли свои козацкіи права и свободы та не признавали надъ собою ніякого пана, кромъ одного Батька Гетмана.

Списавши до реєстрів своє войско, Хмельницький и козацкіи старшины на Переяславской Радѣ постановили упомнутись настойчиво у короля: 1) щобы русскій Митрополитъ непременно былъ принятъ до сенату въ Варшавѣ: 2) щобы уніа по всей Руси была цѣлковито уничтожена, а всѣ церкви и церковныи маетки, которыми владѣють уніаты по прежнимъ королевскимъ привилеямъ, абы были сейчасъ звернены духовенству православному, дабы оттакъ уже не было ніякого розъединенія въ вѣрѣ русской; наконецъ: 3) абы король далъ приказъ панамъ, приходящимъ въ украинскіи маетности, являтися безъ вооруженныхъ свитъ и обходитися съ народомъ по людски. — Кромѣ того станула така змова на Переяславской Радѣ: що если король и паны Поляки не захотятъ на-далѣ исполняти условій Зборовского договора, то абы дати знати о тѣмъ до Московского Царя и просити у него помочи и защиты противу враждебной Польщи.

Умноженіе козацкого войска и розумныи постановленія на Радѣ въ Переяславлѣ ободрили духа всеи Руси та и удоволили якось навѣтъ тѣхъ людей изъ селянского стану, которы, не бывши записаны до козацкого войска, принуждены были служити панамъ яко пѣдданыи. За то панамъ Полякамъ, где якіи еще приостали въ земляхъ русскихъ, прійшло отъ той Переяславской Рады богато пострадати, та многіи изъ нихъ, абы полегчити своей бѣдѣ, освобожали народъ до часу, отъ панщины и входили со своими пѣдданыи въ договоры перемирія. А яке то сумне было состояніе оныхъ панѣвъ по Переяславской Радѣ, о тѣмъ оповѣдае одинъ изъ тѣхъ-же панѣвъ, живній тогда на Украинѣ, въ своихъ запискахъ слѣдующее: „Наше перемиріе съ хлопями, где они отъказовалось отъ всякой панщины, а тѣлько прирекали давати въ свята до двора гдеякіи даруночки, то перемиріе пахло рабствомъ для насъ самыхъ. Самыи найбогатшіи прежде паны не доставали ни гроша изъ великихъ маетностей, которы лишь по имени слыли ихъ власностію. Тіи же, которы были не такъ богаты, принялись самы орати и косити, а жѣнки ихъ, що прежде боялись выйти на солнце, щобы не загорѣти, вязали снопы въ жаркіи дни жнива. Не было села, не было двора, где бы бѣдній шляхтичъ мѣгъ и зввнути свободно: ледви бо кто изъ насъ хотѣбы трохи на хлопѣвъ погорячился, сейчасъ бунтъ докола, а 40.000 реєстровыхъ козаковъ, мовъ той горохъ зъ мѣшка, розсыпавшись по цѣлой Украинѣ, производили страшній для насъ шпорохъ“.

Однакожь якъ и лихо велось панамъ Полякамъ на Украинѣ, а все таки они не тратили гордого духа, полагаючи всю свою надѣю на Зборовскій договоръ, по которому русскіи селяне, не затыгненныи въ ряды козацтва, уважались всегда ихъ пѣдданыи. Такими уважалъ тѣхъ

селянъ и самъ Гетманъ Хмельницкій, который еще и теперь не переставалъ строго карати оныхъ пѣдданныхъ, що не хотѣли панамъ своимъ повиноватися. Се поступованье Хмельницкого еще бѣльше ободрило панѣвъ, и они заключали межъ собою заговоры для усмиренія непослушныхъ пѣдданныхъ оружіемъ. Тожъ убѣгали они изъ своихъ маестностей до Польши и повертали ѳттуда на Украину съ войсковыми шайками, врывались въ збунтованныя села и страшно мучили хлопѣвъ, ѳтрѣзывали уши, пороли носы, выколывали очи. При такихъ безпорядкахъ начали зновъ появлятися на Украинѣ уняты, польскіи ксендзы и навѣтъ езуиты.

Тогда то хлопы, не хотѣвши ніякъ служити лядскимъ панамъ, убѣгали въ степы за Днѣперъ и поселялись въ московскихъ земляхъ; другіи же составляли гайдамацкіи загоны пѣдъ названіемъ „левенцѣвъ“, т. е. отчайдушныхъ молодцѣвъ, и бились съ польскими шайками. Въ западныхъ частяхъ Украины, на Волюню а особливо на Подѣлю происходили всѣ ужасы безначалія и безпорядка, и велася зновъ лютая вѣйна селянъ съ панамы. Коронный Гетманъ Потоцкій, освободившись изъ Крымской неволи, собиралъ знову войска и ставилъ ихъ около Каменца. Тогда то шайки польскихъ жолнѣрѣвъ врывались за черту, Зборовскимъ договоромъ назначену, а хлопы изъ своей стороны нападали на леговища польскихъ воинѣвъ. И такъ зъ обохъ сторонъ уневажнялся Зборовскій договоръ, а борьба кипѣла страшнымъ способомъ.

Хмельницкій увидѣлъ теперь, що не возможно удержатися въ мирѣ съ Поляками на основаніи Зборовского договора, заключенного съ ними на-скоро. Изъ всего, ще тогда дѣялось на Украинѣ, истекала причина новой неизбѣжной вѣины. Тожъ Хмельницкій за-вчасу постановилъ забезпечити собѣ ближайшихъ сусѣдъ и приклонити ихъ на свою сторону.

СНОШЕНІЯ ХМЕЛЬНИЦКОГО СЪ МОСКВОЮ и СЪ ТУРЕЦКИМЪ СУЛТАНОМЪ.

Сусѣдными державы, Великая Русь и Турція, звертали ѳтъ самого начала военъ козацкихъ пильную увагу свою на Украину. Гетманы же козацкіи, а наибѣльше изъ нихъ Хмельницкій, старались всегда приклоняти къ собѣ русского Царя, а невредливымъ здѣлати турецкого Султана. Особливо зъ весны 1650 г., коли то ѳтбыласъ славна она Переяславска Рада и коли цѣла Русь украинска ажъ надто увѣрилась, що съ Поляками и по Зборовскомъ перемирію жити въ спокою годѣ, постановилъ Хмельницкій вступити въ близное сношеніе съ великорусскимъ Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, стараясь зодобрити его для себе на случай новой вѣины съ Польщею. Тожъ сейчасъ по Пе-

редславской Радѣ выслалъ Хмельницкій тайное посольство въ Москву, которое отъ имени украинскихъ козаковъ и всего южно-русского народа заявило Царю Адексью, яко могущему защитнику святого православія, поклонъ и сердечную дружбу. Вразѣ съ тѣмъ Хмельницкій послалъ Царю гдеякіи книжки и письма печатанныи въ Польшу, въ которыхъ находились непристойныи выходки противъ особъ царской родины, ба и противъ особы самого-же Царя всея Руси; также извѣщаль онъ черезъ своихъ послѣвъ, що латинскіи ксендзы на проповѣдяхъ своихъ поносятъ святое православіе, и що король замышляе съ Татарами напасти на велико-русскую державу. Извѣщенія тіи прійшли въ саму пору до Москвы: тогда бо уже были начались неудовольствія межи царскимъ дворомъ а Варшавою. Царь жаловался, що Поляки пишуть неполно и съ небреженіемъ его титуль, а черезъ то нарушають условія заключенного съ Москвою мира. Такое обвиненіе относилось межи прочимъ и до наибльшого врага Руси, князя Іереміи Вишневецкого, который въ своихъ урядовыхъ грамотахъ злобиво оскорблялъ титуль и особу царскую.

Побуженный посольствомъ Хмельницкого Царь Алексѣй выслалъ въ мѣсяци Юліи 1650 г. до Варшавы боярина Григорія Пушкина съ другими послами, абы о свое царское достоинство грозно упомялися. За прїѣздомъ тѣхъ царско-русскихъ послѣвъ до Варшавы пѣднялась велика тревога межъ Поляками. Послы требовали отъ имени Царя, абы всѣ тіи паны, которы на-перекоръ мирныхъ договорѣвъ оскорбили титуль царскій, подвергнуты были за бѣльшіи вины карѣ смерти, а за меньшіи погрѣшенія вязницѣ. Кромъ того домагались послы, щобы всѣ „безчестныи“ книги и письма, въ которыхъ русская вѣра соромно порицается, были спалены въ ихъ притомности, а писатели и издатели тѣхъ книжокъ абы караны были смертію. Такое грозное требованіе послѣвъ царскихъ испугало короля и шляхту ляцку тѣмъ бѣльше, що они увидѣли въ тѣмъ добитный предлогъ до вѣйны, котору русскій Царь непременно желалъ Польшу объявити. А повеже до той-то вѣйны Поляки теперъ ніакъ не были приготовлены, то старались они всякими прелестными способами задобрити царскихъ послѣвъ, абы угрожающую бурю якъ-такъ ѳтъ себе ѳтклонити. Тожъ поносили они цѣлыи стосы такъ званыхъ „безчестныхъ“ книжокъ и всякихъ грамотъ польскихъ, въ которыхъ было якое-нибудь оскорбленіе достоинства царского или вѣры православной, та всю тую грѣховную дрянъ спалили на огненномъ кострѣ въ притомности послѣвъ московскихъ, прирекая при тѣмъ пѣдъ клятвою, що таковыхъ книжокъ и грамотъ уже на всѣ вѣки. издавати въ Польшу не дозволить. Также обѣтовали они торжественно, що якъ тѣлько соберется ихъ соймъ въ Варшавѣ, то на тѣмъ-же соймѣ будутъ

предложены до укаранья всь преступники, которы противъ царского достоинства погрѣшили, яко же и тии писатели, що безчестныи книги противъ святого православія печатали. Кромъ того такъ король якъ и старшии сенаторы заявляли въ найсолодшихъ словахъ по-многократно свою пріязнь и преданность для русского Царя, заприсягая урочисто, що хотять съ нимъ во вѣчномъ мирѣ и согласію жити та всегда ёго яко первого и наибольшого предъ всьми монархами земными почитати. Наконецъ паны въ Варшавѣ дали еще на честь послѣвъ московскихъ великопльпный пиръ, на которомъ не занедбали зновъ изливати свои сердечности для Москвы и русского Царя, абы такимъ способомъ зацткати грозу, яка было до нихъ уже неслася.

Русскіи послы изъ своей стороны принимали покорныи заявленія и обѣтницъ панѣвъ Полякѣвъ съ видимымъ удовольствіемъ, однакожь знаючи измѣнчивый обычай шляхты ляцкой, требовали поруки ѳтъ самого короля, що все станется по ихъ желанію. Наконецъ послѣ прашального угощенія, сдѣланного для нихъ польскими сенаторами, они уѣхали, повторивши еще разъ, що тѣлько строгое укараніе „безчестныхъ книжниковъ“ и оскорбителей царского титула може ѳтклонити вѣйну Москвы съ Польщею.

Якъ и радовались паны Поляки, що тѣмъ разомъ якось выкрутились ѳтъ розрыва съ Москвою, но все таки не могли они позбытись того увѣренья своего, що начавшоеся недорозумѣнье съ русскимъ Царемъ доведе ихъ до неминуемой вѣйны, котора для Польши тѣмъ буде страшнѣйша, що на-вѣрно съ Москвою звяжеться и Хиельницкій. Тожъ за-вчасу стали они глядати собѣ союзниковъ и начали прежде всего ѳтъ Крымского Хана. А случилось же власне тогда, коли выѣзжали московскіи послы, що прибылъ до Варшавы ѳтъ Хана Исламъ-Гирая посоль Мустафа-Ага съ предложеніемъ, абы соединенными силами на Москву напасти. „Татарѣ — говорилъ Мустафа-Ага — не могутъ сидѣти спокойно дома; имъ потреба вѣйны хотьбы съ кѣмъ-нибудь. Нападѣмъ же вразъ на тѣхъ бородатыхъ козъ (такъ называлъ онъ московскихъ Руссовъ), а 100.000 Крыницѣвъ будутъ готовы хоть сейчасъ на услуги Польщѣ.“

Якъ-разъ припала така бесѣда до сердца панамъ Полякамъ: они обѣщывали татарского посла, прирекли дати ему астраханское царство и золотыи горы Азіи и все тое, чога самы не имѣли а чѣмъ и не могли располагати. Такъ и уговорились они съ посланникомъ Хана, абы, акъ прійде часъ, вспѣльными силами поднятись на русское царство. Кромъ того пѣдъ великою тайною умовились они: если вѣйна съ Москвою скѣнчится счастливо, обернути свои силы вспѣльно на Укра-

и ну и козаковъ, которыхъ Поляки представляли яко давнихъ враговъ Татарвы, достойныхъ безпощадной мести.

Якъ и тайно велися тѣ переговоры Поляковъ съ посломъ Крымскаго Хана, а всежь таки Хмельницкій, въ таковыхъ справахъ николи незасыпавшій, узналъ о нихъ еще скорше, чѣмъ посолъ татарскій успѣлъ донести ихъ своему Хану. Сидѣлъ бо въ Варшавѣ вѣрный козакъ Верещака, который постоянно слѣдилъ за всякими движеніями и роботами пановъ въ дворѣ королевскомъ, та и неустанно подавалъ вѣсть о всемъ на Украинну.

Но въ тую-же пору Татары прислали и до Хмельницкаго послѣвъ съ предложеніемъ, абы бѣ и шолъ съ ними на русскаго Царя, помирившись съ Польщею. Также недоляшокъ-воевода Кисель, сидѣвшій тогда на Украинѣ, подмывлялъ Гетмана усильно до той войны, представляя ему, що се буде добрый случай загладити прежніи огорченія, якіи козаки нанесли Польщѣ. Хмельницкій съ притворною радостію слушалъ тѣ предложенія, далъ приказъ козакамъ собиратися, приводити въ порядокъ пушки, заготовлялъ военные припасы, но межѣ тѣмъ въ оный-же часъ отправилъ гонца въ Москву съ предостереженіемъ, и послалъ Царю полный реестръ своего войска, желая обезпечити его, що сила Украины супротивъ Татаръ велика. Черезъ тогожь гонца своего велѣлъ онъ сказати въ Москвѣ: „Най Его Величество не думаетъ ничего дурнаго о насъ; мы не замыслиемъ и замышляти не будемъ на Москву ніякого зла, а просимъ царскаго покровительства надъ Украинною!“ — Русскій Царь Алексій принялъ посольство Хмельницкаго дуже ласкаво, и прирекъ изъ своей стороны, що не откажетъ своего покровительства и помочи козакамъ и всему южно-русскому народу, якъ скоро пристѣе къ тому удобное время.

Тогда то паны Поляки, узнавши, що тайны ихъ открыты, задумали поразити Хмельницкаго самымъ хитрымъ оружіемъ, и король ихъ выправилъ до Москвы нарочнаго посла, пана Прижиловскаго, черезъ котораго велѣлъ пересказати русскому Царю слѣдующее: „По дружбѣ своей къ Его Величеству Царю король Польши перестерегае его, що Хмельницкій по наущенію Турковъ соединился съ Татарами и бажае ворватися въ московское царство. Онъ то вразѣ съ Крымскими послами присылалъ до насъ просити вспомогательныхъ силъ противу Москвы; но король польскій не хоче нарушити мира съ русскимъ Царемъ и проситъ его, чтобы онъ въ такѣмъ случаю, если козаки нападутъ на Москву съ Татарами, не подозрѣвалъ того, що участвуетъ съ ними король и корона польска.“ — На такѣ хитре предостереженье отвѣчала Москва коротко, но благорозумно ось-тое: „Козаки суть въ-

дай подвластны польскому королю, тожь и належить ему унимати ихъ и не допустити до своевольныхъ нападовъ на русское царство.“

Такии то были въ ономъ году сношенія Гетмана съ Москвою. Царь московскій чѣмъ-разъ больше увѣрялся о щирой дружбѣ козаковъ, та выжидалъ только времени, абы имъ помочи разъ на-всегда высвободитись изъ ялицкой неволи.

Межи тѣмъ Хмельницкій видѣлъ надто ясно, що Поляки таки конечно желаютъ розорвати Зборовскій договоръ та нюхаютъ съ Крымскими Татарами едино въ той цѣли, абы на случай, коли годъ воевати Москвы, напасти хотьбы на Украину. Татарамъ бо все рѣвно было, гдѣ бы воевати, а только бы грабити и найди собѣ поживы; они могли служити Польшѣ dogodнымъ орудіемъ для покоренія Украины, якъ недавно служили Украинѣ для ея освобоженія отъ ярма Польщи. Они-жь то и за-вчасу показовали се, понеже наскучивши собѣ миромъ, начали уже нападати на украинскіи села.

Въ такихъ околичностяхъ проворный Хмельницкій постановилъ вступити въ сношенія съ Султаномъ турецкимъ, который былъ верховнымъ владѣтелемъ Крымскихъ Татаръ и повелѣвалъ ихъ Хану. Затѣмъ лѣтомъ 1650 г. послалъ нашъ Гетманъ къ Султану въ Царгородъ одного своего полковника съ предложеніемъ дружбы и съ тою просьбою, абы Султанъ запретилъ Татарамъ набѣгати на Украину, за що, якъ прирекалъ Хмельницкій, Украина буде колись-то находитись подъ покровительствомъ Турціи. Обрадованный тѣмъ Султанъ послалъ сейчасъ въ Чигиринъ своего чауша (посланика), который привѣзъ Хмельницкому въ подарокъ турецкую саблю съ рукоятію слоновой кости, а кромѣ того хоругвь съ изображеніемъ луны, также гетманскую булаву, осыпанную дорогими камнями, и почетную грамоту, въ которой Хмельницкому наданъ былъ титулъ „князя Украини“. Чаушъ предлагалъ Хмельницкому помочь противъ Поляковъ и потомственное княжество на Украинѣ, если только онъ признастъ покровительство Султана. Хмельницкій изъ своей стороны прирекалъ признати надъ собою то покровительство, если только Султанъ поможе ему прогнати Ляховъ не только изъ Каменца, но и зо всѣхъ земель, якіи заселены народомъ русскимъ. Впрочемъ вымовилъ собѣ Хмельницкій, щобы покровительство Султана не было данничествомъ, то есть, щобы Украина не потребовала за то дань Туркамъ платити, а только щобы обовязана была на войнахъ Турціи помагати и особливо отъ нападовъ охороняти Чорное море. За то чаушъ турецкій отъ имени Султана прирекалъ подъ клятвою, що Гетманъ съ козаками буде въ наибольшей чести передъ всеми другими союзниками Турціи, и що Татаре уже во вѣкъ не посмѣють дѣлати насилія Украинѣ.

Коли велися ті переговори съ султанскимъ посломъ въ Чигиринъ, узнавъ о томъ воевода Кисель въ Кіевъ, и бнъ, якъ кажуть лѣтописецъ, такъ цѣлый испугаея того, що мало-было не умеръ напрасною смертію. Такъ и не повѣхаль бнъ до Хмельницкого самъ, но послалъ брата свого, Юрія Киселя.

А коли той панъ Юрій Кисель прїѣхаль до Чигирина, козацкій Гетманъ былъ собѣ подпитый и дуже гнѣвный: ему бо тольکو що донесли, що Потоцкій стануль съ войскомъ на границъ Украины, и жолѣры вриваються за черту въ козацкую землю та и страшно мучать тамъ хлопвѣ русскихъ. Хмельницкій встрѣтилъ пана Киселя тѣми словами: „Здравствуй! Я приняль уже турецкую протекцію!“ — „Ваша вельможность! вскричалъ поблѣднѣвшій Кисель: если для тебе ничего не значить погибель Польши и самого твоего короля, то за-для православной вѣры, за-для свободы не вяжися съ бисурманскимъ Туркомъ, а лучше пригорнися до своего христїанского короля!“ — „А що-жь менѣ дѣлати, сказалъ Хмельницкій: коли Ляхи хотятъ моея погибели. Ваши несправедливости, ваши тайныя козни вынуждаютъ мене глядати захорони у Туркѣвѣ.“ — Кисель хотѣль на тое доказывати по своему, но сердитый Гетманъ перервалъ его бесѣду и закричалъ: „Не тольکو Украину, а Польшу всю и Римъ и папежа завоюю, та Туркамъ отдамъ!“

Кромъ Киселя, тутъ-же передъ Гетманомъ стояли депутаты отъ рѣзныхъ польскихъ панѣвъ, що на Украинѣ имѣли свои сѣла, и принесши Хмельницкому всякія подарунки, просили его, абы усмирилъ бунтующихся хлопвѣв. На ихъ просьбу Хмельницкій прїишоль въ еще бльшую досаду, обернуль къ Выговскому и указавши на Киселя, сказалъ: „Повѣсити его!“ а указавши на депутатѣвъ, добавилъ: „Утопити ихъ!“ — Киселя и депутатѣвъ выпроводили зъ комнаты, а Гетманъ послѣ того пиль еще зъ досады, сердился, наконецъ упалъ и заснулъ. Пробудившись потомъ, бнъ вспомнулъ о своей розгоряченности, и первый его вопросъ былъ: „А що, живый Кисель? Приведѣтъ его сюда.“ — Кисель же истинно былъ живъ; жена бо Хмельницкого и Выговскій, знаючи, що Гетманъ иногда въ пору гнѣва давалъ приказанія, о которыхъ потомъ жалѣль, не исполнили его на-казу. Киселя привели къ Гетману, а той таки самъ просиль у него прощенія и отпустиль его въ свояси. Потомъ Гетманъ держалъ еще нараду съ турецкимъ посломъ, и послѣ нарады отправиль его съ особенными знаками прїязни къ Султану.

Такъ отже Хмельницкій, вступивши въ дружескія сношенія съ турецкимъ Султаномъ, имѣль тогда уже власть дѣйствовать на подручника султанского, Хана Крымского, и розорвати союзъ Крымцевъ

съ Польщею. Онъ началъ отъ того, що вмѣсто Москвы, направилъ Татаръ на Молдавію.

А была справа Хмельницкого съ Молдавою така: Молдавскій господарь Липула, завдячая свое спасеніе Хмельницкому еще въ г. 1648 (бачите, на Липулу збунтовались было тогда Молдаване, но Хмельницкій, пославши ему своихъ козакѣвъ, усмирилъ бунтовникѣвъ та удержалъ Липулу на молдавскомъ престолѣ), прирекъ былъ выдати за молодого Тимоша Хмельницкого дочь свою Домну-Розанду, найславнѣйшую красавицу Молдавіи. Сей однакожь обѣтницъ Липула не хотѣлъ потомъ исполнити подъ тѣмъ предлогомъ, що будьто не смѣе того здѣлати безъ дозволенья покровителя своего, Султана турецкого. Колижь Хмельницкій межи тѣмъ постарался не лишь о дозволенье, но и о выразный приказъ турецкого Султана на тую женитьбу, тогда Липула подружился съ Поляками, сталъ враждовати на Хмельницкого та и постановилъ выдати доньку свою за польского пана, молодого князя Дмитрія Вишневецкого. Хмельницкій, розгнѣванный за такую невдячность и нарушеніе обѣтницъ, написалъ до Липулы письмо въ такихъ словахъ: „Если ты не отдашь доньки твоей за моего сына, то я пошлю до тебе за нею сто тысячъ сватѣвъ!“

Якъ заповѣлъ, такъ и здѣлалъ нашъ Хмельницкій. Порозумѣвшись съ турецкимъ Султаномъ и призвавши къ собѣ 20.000 Крымскихъ Татаръ, онъ послалъ въ Молдавію „сватѣвъ“ — численное войско подъ начальствомъ своего сына Тимоша, которое вскорѣ заняло всѣ важнѣйшіи города молдавского княжества. Тогда-то господарь Липула, убѣгая изъ своей zagrożенной столицъ, изъ города Ясъ, писалъ до пана Потоцкого, стоявшаго около Каменця, чтобы той поспѣшалъ къ нему на помощь. Однакъ панъ Потоцкій, надто занятый борьбою съ русскими хлопами на Подблѣю, не важился помогати Липулѣ, который приновленъ былъ отъ Татаръ и козакѣвъ скрыватись въ дикихъ ущельяхъ молдавской верховины, откуда съ трепетомъ глядѣлъ онъ на горящіи кругомъ села и города своего княжества. Наконецъ, коли козаки спалили и престольный городъ Ясы, а Татарамъ забушевали ужасно по всей молдавской землѣ, гордый Липула упокорился до того степени, що теперь уже самъ отъ себе предложилъ доньку свою въ замужество за Тимошею Хмельницкого, а Татарамъ выплатилъ военный гарачъ въ 300.000 таларѣвъ. Такимъ способомъ господарь молдавскій радъ-нерадъ всѣхъ удоволилъ: Хмельницкого заручинами съ прекрасною донькою, турецкого Султана своимъ тяжкимъ укореніемъ а Татаръ богатою добычею. Только самъ онъ плакалъ надъ згарищами своей столицъ и нарекалъ на Ляхѣвъ, що они побужали его враждовати на Хмельницкого, а въ бѣдѣ оставили его на паству побѣдителя.

„Велика слава стала на Украинь!“ такъ вѣщае одна русско-народная дума: „Тогда козацтво не давало себе на смѣхъ никому, а топтало ногами непріятели. Такъ то Хмельницкій славно удѣлялъ дѣло: Польшу побѣдилъ, Волощину засмутилъ, гетманщину звеселилъ, а Москвы воевати не далъ тяжкимъ вороженькамъ!“

Эъ той-то поры розбился союзъ Крымцевъ съ Польщею, вытѣренный противъ московскаго царства. Татары были довольны, що козаки скорше, чѣмъ Поляки, дали имъ сподобь обогатитися чужимъ добромъ; а Ханъ Исламъ-Гирей, хотя и боялся, що Русь здѣлается сильною, но не смѣлъ дѣйствовати на-перекоръ Хмельницкому; понеже турецкій Султанъ приказалъ Хану, яко своему подручнику, находитися съ Хмельницкимъ въ дружескихъ сношеніяхъ та земель русскихъ не нападати.

Упоравшись съ Молдавою, Хмельницкій задумалъ зяву приступити до росправы съ Польщею. Насампередъ выправилъ онъ козацкаго старшину Кравченка къ пану Потоцкому, который отъ Каменца переступивши за черту, договоромъ означену, лютился тутъ надъ русскими селянами, противъ нелюдскихъ пановъ возставшими. Кравченко, явившись къ Потоцкому, не поклонился тому гордому пану, ами виталъ его приватствіемъ, но сейчасъ заговорилъ грознымъ голосомъ: „Ты чѣмъ ты еще не напился нашей крови, пане Потоцкій! Зачѣмъ нарушаешь Зборовскій договоръ та пхаешься въ землю козацкую?“ — „Земля николи не была козацкою, сказалъ Потоцкій съ великимъ гнѣвомъ: земля принадлежитъ коронѣ польской, а я стою тутъ не по власной воли, но по приказу короля, который и надъ вами, козаками, владѣ.“ — После такого вступу межъ Кравченкомъ а Потоцкимъ завязалась лютая сварня, а мало не прійшло до схватки на сабли; однакожъ Потоцкій, ровнявши, що може Хмельницкій нарокомъ прислать такого молодца, щобъ его роздражнити, повздержалъ свой гнѣвъ а отправилъ Кравченка съ увѣреніемъ, що уступить за черту до Каменца, якъ скоро король на то согласится.

Межи тѣмъ бунты селянъ противъ пановъ по всѣхъ земляхъ Руси взмагалися чѣмъ-разъ больше, и Хмельницкій чѣмъ-разъ лучше то видѣлъ, що не возможно удержатися въ миръ съ Польщею на основаніи Зборовскаго договора, отдававшего большую часть народа Украинны подъ власть пановъ-шляхты. Хмельницкій затѣмъ постановилъ тогда на предстоящемъ соймѣ въ Варшавѣ требовати совершеннаго уничтоженія всякой панщины, а для того уже и пересталъ карати селянъ за непослушаніе панамъ, та и началъ отъ-теперь навѣтъ явно потаковати освобоженію народа отъ коридги панской. Знаючи однакожъ, що Поляки не згодятся на его требованія, онъ на-крѣпко гото-

вился до войны и старался забезпечити собою дружбу державъ сусѣднихъ.

Забираючи въ уваженіе до цѣлковитого розрива съ Польщею, Хмельницькій послалъ въ поздній осени 1650 г. до Варшавы трехъ Старшинъ козацкихъ, Маркевича, Гурского и Дорошенка, абы тѣмъ вы сойми и въ сенатѣ, яки власно тогда были собрани, предложили оконченыя требованія Украины. Старшины козацкіи, прибувши до Варшавы, найшли тутъ у Ляховъ такъ великую вражду протѣву себе, що пань навѣтъ не хотѣли доустити ихъ ни до сойму, ни до сенату. Однакожъ на ушляной нагагань короля, который велѣлъ почитати въ шихъ достоинство, послѣать петманскихъ, ихъ приушено наконецъ въ соймовую избу, где они предложили слѣдующее: „Для совершенного успокоенія Украины необходимо потребны ось-тѣмъ условія: 1) Щобы во всякъ прехъ воеводствахъ Украины, Киевскомъ, Брацлавскомъ и Черниговскомъ, ніякій панъ ни шляхтичъ, посѣдающій села, не имѣють в дѣсти на дѣхъ селянъ, но если пожелаетъ тамъ жити, абы жилъ яко робивый, велѣтъ другимъ жигелямъ и стоять подъ властію козацкого Гетмана; 2) Щобы унія, яко причина вѣчныхъ роздорбъ, была цѣлковито уничтожена не только на Украинѣ, но и во всякъ земляхъ герцога и великого княжества Литовского, а православна въра абы имѣла полную свободу, и духовенство православное рѣвне было въ правдѣхъ и почестяхъ римскому духовенству; 3) Тѣмъ условія, вразъ со всеми другими, находящимися въ Зборовскомъ договорѣ, должны быти утвержены присягою знатнѣйшихъ сенаторбъ Польщи, а кромѣ того Польша для занарученія тѣхъ условій має дати въ залогъ четырехъ найзнатнѣйшихъ панбъ, именно: Іереміе Вишневецкого, извѣстнаго вѣдога ковакбъ, также Александра Колецпольского, Любомірского и Калишевского, которы яко заложники должны пребывати въ своихъ маеткахъ на Украинѣ, однакъ бевъ всякого войска.“

Тѣмъ требованія послбъ козацкихъ произвели въ соймъ и въ сенатѣ страшенную бурю. Пань стали выкриковати на Хмельницького: „Якъ то! онъ хлопскій Гетманъ важится домагатись бгъ насъ, щобы мы, зрбннвшіи панбъ съ хлопами, скасовали подданство и панщину! Онъ смѣе требовати, щобы мы уничтожили унію во всякъ земляхъ, яки принадлежать коронѣ! Такъ вѣдай едино на панщинѣ и на уніи стоить наша Польша въ земляхъ русскихъ! И еще то захочуе Хмельницькій, щобы мы не только на тѣмъ забаги его згодилися, но еще и заложникбъ ему дали, панбъ найзнатнѣйшого нашего роду! Тожъ хибанъ небо такъ уже покарало насъ, що хлопскій народъ Руси осмѣляється ставити до насъ такіи требованія и выповѣсти послушенство

нашому панованью! О, не допустимъ того, и лучше всь погибнемъ, нѣжь бы могли мы такой соромъ Польщи пережить!"

Послѣ такого шуму и крику противъ домогательствъ Украины, пань сенаторы всѣма голосами рѣшили: выповѣсти войну Хмельницкому, а для веденія той войны ужити не только всь силы Польщи, но еще кромь того наняти войска отъ Нѣмецъ и просити о грошевую помощь у папежа римского. Поставивши такє пань сейчасъ употребили всякихъ мѣрь и способствъ, абы якъ можь найдучше до войны приготовитися. Одинъ только король, предвидячи шо война съ Хмельницкимъ привести може Польшу до руины и паденія, старался еще дѣйствовати якъ-такъ примирительно. Онъ то, желаючи за-добрити для Польщи трехъ Старшинъ козацкихъ, которы яко послы отъ Гетмана прибыли до Варшавы, звадалъ ихъ шляхтичами, и передалъ черезъ нихъ повѣрное письмо до Хмельницкого, упрощая тогожь, абы усмирилъ свои „надто смѣлы“ требованія и сталъ на-дадъ добрымъ другомъ Польщи.

Однакожь Хмельницкій, замысливши уже разъ росправитися съ Польшею, не хотѣлъ ничего и знати о ласкавыхъ письмахъ короля, вѣдалъ бо о томъ добре, шо владѣ въ Польши не король, а бутная шляхта. Тожь коли вернули послы его изъ Варшавы и рассказали о злобномъ настроеніи и рѣшеніяхъ панѣвъ сенаторѣвъ польскихъ, онъ сейже часъ скликалъ военную раду, та и уговорился съ нею о томъ: чи ожидати Ляхѣвъ на Украинѣ, чи опередивши ихъ, за чертою Украины на нихъ вапасти. Послѣ многихъ толковъ, военная рада рѣшила: держатиоь на Украинѣ межи Кіевскимъ и Брацлавскимъ воеводствомъ по Бугу, и укрѣпити тую сторону, о сколько можь, найсилнѣйши.

Въ-слѣдъ за тѣмъ Хмельницкій выдалъ универсалъ (возваніе къ народу), въ которомъ объявилъ русскому міру, шо новая война съ Польшею начинается, вразъ же запретилъ жити панамъ Ляхомъ на Украинѣ, исключая тѣхъ, которы отречутся отъ своихъ правъ надъ селянами и стануть за-одно съ козаками. Сейчасъ на то возваніе по-спѣшали мужики въ цѣлой Украинѣ въ сборное мѣстце, назначенное у Ставищъ, а пань-Ляхи, которы не успѣли еще ухватитъ зъ земель русскихъ, въ наибольшомъ пополаху утѣкали до Польщи, побиваемыми по дорозъ русскими хлопамъ. Въ послѣднихъ дняхъ 1650 г. приспѣла до Ставищъ также передовая стража Крымскихъ Татаръ, состоящая изъ 9000 мужа, а за тою имѣлъ вскорѣ явитися и самъ Ханъ Исламъ-Гирей съ цѣлымъ своимъ войскомъ, которого прирекъ доставити на помощь Хмельницкому до 100,000 мужа.

О томъ-же часъ прибылъ до Чигирина посолъ турецкого Султана, который привелъ съ собою въ подарокъ Хмельницкому

арабскихъ жеребцовъ наилучшой породы, и оповѣстивъ Гетману, що Султанъ не только далъ приказъ Хану Крымскому и Молдаванамъ, абы шли помогати Украинѣ, но еще и самъ готовъ прислати на помочь свое власне турецкое войско. Хмельницкій принялъ многоцѣнный даръ отъ Султана дуже пріязно, однакожь що-до предлагаемыхъ силъ вспомогательныхъ заявилъ онъ: що супротивъ Польщи достаточно ему будѣ помочи отъ одного Крымского Хана, а на Молдаванъ онъ не помагае и безъ нихъ таки обойдется. — Такъ то козацкій Гетманъ нашъ умѣлъ хитроумно отклонити отъ себе надто навязчивую дружбу турецкого Султана, та не принялъ онъ до помочи ни его войска, ни молдавского, а довольствовался одними Крымскими Татарами, думаячи собѣ ось-такѣ: если въ-купъ съ Татарами Польшу не переможу, то въ-конецъ таки не Султанъ, а русскій Царь-Батько прійде со своими войсками, щобъ на вѣки вѣчны освободити русскій народъ отъ неволи лядской.

Желая однакожь кромѣ Хана Крымского имѣти до-часу еще якогось надежного союзника, Хмельницкій porozумѣлся и съ сусѣднымъ сѣмйградскимъ княземъ Ракочіемъ, съ которымъ и заключилъ былъ такій договоръ, що онъ долженъ напасти на Краковъ въ то время, коли козаки будутъ громити Польшу отъ востока.

Такъ приготовившись до войны, Хмельницкій ожидалъ спокойно первыхъ напастныхъ подвиговъ отъ стороны Польщи.

НОВАЯ ВОЙНА СЪ ПОЛЬЩЕЮ; СМЕРТЬ НИЧАЯ — ПОБѢДА БОГУНА.

Перши военныи дѣйствія начались въ мѣсяци Лютомъ 1651 г., а то на Подбалью, въ той земли, где збунтованный народъ русскій отъ самого начала не хотѣлъ признати Зборовского договора и своимъ примѣромъ первый потянулъ всю Украину къ новой войнѣ съ Поляками. Тутъ то около Каменца стояли польскіи полководцы, Потоцкій и Калиновскій, съ 30.000 жолнѣровъ, и умовились такъ, що Потоцкій долженъ былъ остати подъ Каменцемъ, а Калиновскій съ болъшюю частію войска двинутисъ противъ герода Бару, абы въ тѣхъ сторонахъ напасти Брацлавского полковника Ничая, который со своимъ полкомъ составлялъ тамъ передовую стражу военныхъ силъ Хмельницкого.

А стоялъ же той полковникъ Ничай съ 3000 козаковъ недалеко Бару въ мѣстечку Красномъ, слѣдячи оттуда прилжно за всякими движеніями Потоцкого и Калиновского. Побудка Ляховъ супротивъ Ничая началась отъ того, що прислали они до него своихъ депутатовъ, которы будто о войнѣ ничего не знаючи, зывали Ничая, щобы онъ рорпуснулъ свое войско. Однакожь Ничай спбзнался на лядкихъ улов-

кахъ, та якъ-стѣй велѣлъ онъ панѣвъ депутатѣвъ на дубъ повѣсити, выдаючи судъ такій, що они шпигуны и лазутчики, которыхъ по военному праву слѣдуе укарати соромною смертію.

А наспѣла тогда власне мясниця — така пора, въ которой козаки по русскому звичаю конечно предаются буйному гулянью. Тоже не воздержался и Ничай отъ гулятики: онъ послалъ одну сотню подъ начальствомъ сотника Шпаченка до мѣстечка Ворошилѣвки, абы тойже уважалъ тамъ на приближеніе Ляхѣвъ, а самъ съ козаками потышался въ Красномъ на крестинахъ у корчмарки такъ розгульно, що про войну съ заклятыми врагами ани не стямилсѣ. Вправдѣ товарищи-козаки, дожидаясь що-хвиля Ляхѣвъ, перестерегали дѣльного своего начальника: „Ей, панъ-брате Ничаю, держи коника въ сѣдлѣ, а саблю подъ опанчою!“ — но Ничай все таки гулялъ а товарищамъ казалъ: „Есть у мене добрый хлопецъ Шпакъ; онъ менѣ дастъ знати, коли на Ляхѣвъ выступати.“ — Такъ и пьянствовали козаки съ хоробрымъ полковникомъ Ничаемъ, не уважая и на свѣтлую Недѣленьку.

А межѣ тѣмъ Калиновскій, узнавши черезъ своихъ шпигуновъ о всемъ, що дѣется въ Красномъ, подступилъ съ 7000 доборного войска насампередъ подъ Ворошилѣвку, ударилъ нечаяно на Шпаченка и поразилъ передовую сотню тогоже такъ ужасно, що не осталось и одного челоуѣка, абы перенести вѣсть до Красного о несчастью. Потомъ еще въ самую нѣчь Калиновскій погнался на мѣстечко Красне, где никто и не думалъ о яковомъ нападѣ.— Былъ уже третій часъ по полночи, коли Поляки войшли въ мѣсто. Все тутъ спало послѣ похмѣлья твердымъ сномъ, а тѣлько собаки, почувавши ворога, залаяли-завыли жалостно. Гдѣякіи изъ мѣщанъ пробудились, та зачувши стукъ конскихъ копытъ и бряцанье сабель, ударили на тревогу въ великій звѣнъ. Тогда пьяныи козаки спохватились за оружіе; вскочилъ и Ничай на своего буланого та выхалъ на улицу, где козаки уже рзались съ Ляхами въ темнотѣ.

Сперва-то козаки подъ начальствомъ неустрашимого Ничая крѣпко оборонялись въ мѣстѣ, застелили все улицѣ ляцкими трупами, ба и выгнали навѣтъ Полякѣвъ за городскую браму; однакожь вскорѣ отъ другой стороны мѣста нагрянули свѣжіи польскіи отряды съ великою силою, запалили мѣсто та завязали еще лютейшую борьбу съ козацтвомъ. Середъ горѣющихъ будынкѣвъ козаки рубались отчаянно, отбивались отъ врагѣвъ, наступавшихъ на нихъ перевагою зо всѣхъ стѣоронъ, а наконецъ таки стали уходить въ укрѣпленный замокъ за мѣсто. Самъ же Ничай, цѣлый пострѣлянный и изрубленный, еще отмахивался саблею, доказуючи чуда мужества; Поляки усидовались взяти его живцемъ, но не взяли; умирающого козаки-товарищи перенесли въ замокъ, где онъ

и скончался, заповѣдаючи козакамъ передати послѣдній поклонъ осиротѣвшій матери.

Начальство надъ козацкимъ отрядомъ послѣ Ничая приняли сотники Гавратынскій и Кривенко. Черезъ три дни они мужественно оборонялись на замку, а предлагаемого отъ Поляковъ помилованья не хотѣли принять. Наконецъ четвертого дня, не видячи ни откуда спасенія, козаки ночью вырвались изъ замку, но еще передъ досвѣтомъ Поляки догнали ихъ на озерѣ, которое тогда покрыто было ледомъ. Тутъ-но козаки всѣ погибли въ сѣчь, а только сотники Гавратынскій и Тишко были живцемъ схвачены и сейчасъ повѣшены.

Занявши замокъ, Поляки вошли въ замковую церковь и нашли въ ней мертвое тѣло Ничая, надъ которымъ отпѣвали парастасъ православныи священники. Ляхи поубивали тѣхъ священниковъ, а потомъ ругались надъ ихъ трупами и надъ трупомъ Ничая, колючи ихъ саблями и списами. — Народная пѣсня говоритъ, що русскіи мѣщане изъ Красного предлагали Полякамъ окупъ за тѣло Ничая, абы похоронити его съ честію; но вражіи Ляхи не взяли ни серебра, ни золота, а изрубали тѣло козацкого рыцаря на дробныи части и пустили ихъ по водѣ; только голова Ничая спаслась отъ посоромленья, бо русскіи люде якость-то унесли ю и похоронили въ церкви великомученицы Варвары, произнесши надъ нею завѣтное прашанье: „Прощай, козаче! Слава твоя не умре, не поляже, а проіе вѣки въ рѣдной Украинѣ!“ — Мѣстечко Красне выгорѣло до тла; Ляхи истребили безъ разбора всѣхъ жителей, а ихъ имущество, яке еще было спаслося отъ огня, разграбили до остатка.

Се пораженіе козаковъ подъ Краснымъ показалось русскому міру недобрымъ знакомъ на будущность. Бачите, козаки, подобно Татарамъ и Полякамъ, имѣли таке повѣрье, що первая удача или неудача служить предзнаменіемъ счастливого или несчастливого окончанія войны. Отъ того-то предчувствіе якогось угрожающаго лиха занѣдрилось въ народѣ нашѣмъ, коли рознеслася вѣсть о погибели славнаго полковника Ничая. — Самъ Хмельницкій былъ сильно засмученъ, однакожъ скрывалъ передъ козаками свою печаль и спѣшилъ изліати досаду свою на вороговъ. Желая зновъ ободрити духа въ народѣ, отъ изъ Чигирина выдалъ новый универзалъ, въ которомъ приказовалъ всѣмъ жителямъ Руси вооружатися по-головно за свободу рѣдной земли, и позволилъ истребляти все, що лише осталось польского и католического въ земляхъ русскихъ. Вразъ же розслалъ отъ своихъ довѣренныхъ людей такожъ и въ Польшу, щобы тіи бунтовали тамошнихъ селянъ, увѣряя ихъ, що се козаки воюють не за одну свою Русь, но за галомъ и за весь простый народъ въ земляхъ короля польского.

Скільки пораженіє Ничая засмутило Русинівъ, стільки же оно обрадовало Поляківъ. Скоро бо панъ Калиновскій донесъ до Варшавы, що вінъ удявъ въ Краснѣмъ и якъ то вінъ сподѣється покорити вскорѣ цѣлу Украину, сейчасъ Поляки съ найбѣльшимъ восторгомъ стали отпраляти благодарственныи набоженства за побѣду, давали сугубыи обѣды а заводили торжества и празники, якъ-бы то ненавистная для нихъ козачина уже вся розбита была до-чиста. — А то ни-уроку, побитый былъ отрядъ одного козацкого полковника, состоявший изъ 3000 мужа, та еще побитый силами, мало не въ-трое бѣтъ него бѣльшими!

Межи тѣмъ Калиновскій, послѣ побѣды надъ Ничаемъ, скрѣпилъ свое войско новыми отрядами, прибывшими изъ головного табора зъ-пѣдъ Каменця, и началъ опустошати землю межи Бугомъ и Днѣстромъ. Три мѣстечка, именно Морахва, Шаргородъ и Черниховець, въ которыхъ не было ніякой залогы козацкой, пѣдались ему безъ опору. Поляки не убивали тутъ людей, но ограбили ихъ до нитки. Отъ Черниховець польское войско обернулось на богатый городъ Ямполь надъ Днѣстромъ. Увѣдавши по дорожѣ, що въ Ямполью собирается великій ярмарокъ, Поляки задумали впасти туда на часъ за-для обильной добычи. Абы нападъ свой произвести нечаянно, они рпустили слухъ, що будто идутъ до Винницъ, где стоялъ съ козаками полковникъ Богунъ. Тожъ мирныи купцъ, зѣхавши до Ямполья отъ всѣхъ сторонъ свѣта, не ожидая нападенія, пороскладали свои товары, та безъ журбы завели торговлю. Однакожь на-разъ Ляхи съ великимъ войскомъ вторгли въ городъ, та кинулись на грабежъ по всему рынку. Ажь тогда бѣдныи купцъ, увидѣвши небезпеченство, стали убѣгати зъ города, и столпились на мостъ; но мостъ обломился, и всѣ попадали въ рѣку. Поляки окружили цѣлый городъ, рохитили все имущество купцѣвъ, а коли уже бѣдьше ничего было брати, они пѣпалили мѣсто и начали убивати всѣхъ жителей безъ розбора, не пощадивши ни старцѣвъ, ни женщинъ, ни малыхъ дѣточокъ. Тогда погибло въ Ямполью звыщъ 10.000 люда всякихъ народностей — Русинѣвъ, Волоховѣвъ, Венгрѣвъ, Грековѣвъ, та ни одной живой души не оставили ляцкїи жолнѣры.

На вѣсть о погромѣ Ямполья Ляхи въ Варшавѣ выпраляли зновъ великїи торжества, давали обѣды, а польскїи пѣснопѣвцъ писали на честь Калиновского похвальныи вирши, величая его богатыремъ чудовнымъ, который будто и родился на тое, абы знивечити „поганую гидру козацтва.“ Паны же шляхта, которы на возванье короля должны были всѣ собиратись на войну и платити потроенный податокъ, вообразивши собѣ теперъ, що Калиновскій самъ розгромитъ всѣхъ козаковъ та прожене ихъ въ степы ажь по Донъ, уже не радо складали военный податокъ и дуже лѣново собирались на посполитое движеніе. „Таже то — гово-

рили они: панъ Калиновскій съ однимъ кварцаннымъ войскомъ и безъ насъ розмече русскихъ хлопѣвъ на-прахъ; то и по щожь еще и намъ влечися на Украину, коли тамъ незадолго и бити кого не буде!“

Но межи тѣмъ грабежи и розбои Калиновского въ земляхъ русскихъ не долго удавались. Зруйновавши беззащитный Ямполь, онъ богатырь Польши пустился ѳтуда пѣдъ крѣпкій городъ Стѣны, где въ замку на недоступной горѣ засѣлъ козацкій сотникъ Александренко съ горстію отчайдушныхъ молодцѣвъ. Пѣдступивши пѣдъ той замокъ, Калиновскій взывалъ Александренка, щобы пѣддался и заплатилъ окупъ; но козацкій сотникъ ѳтповѣлъ коротко: „Грошей у мене нѣтъ, а суть казаки и пушки; будемъ битись до послѣднихъ силъ!“ — ѳттакъ Ляхи черезъ три дни штурмовали замокъ, натративши людей и кулъ своихъ богато, а все надарешно; въ-конецъ таки увѣрились они, що скалистыхъ стѣнъ не добудуть, хотьбы всѣмъ имъ прійшлося наложить головами, та якъ непышны ѳтступили ѳтъ оныхъ Стѣнъ, оставляя Александренка съ его хороброю сотнею въ супокою. — Се была перва въ той войпѣ устоявшая стѣна Руси противъ Полякѣвъ.

Еще гѣрше пѣйшло Калиновскому пѣдъ Винницею надъ Бугомъ, куда онъ прямо ѳтъ Стѣнъ двинулся. — Въ городъ Винницъ стоялъ многославный козацкій полковникъ Иванъ Богунъ, вѣрный другъ погибшого Ничая. Силъ у него было тутъ не бѣльше надъ четыре сотнѣ, но онъ — якъ каже украинская лѣтопись — „упремудрилъ“ Ляхѣвъ такъ, що научились его почитати. Прежде всего онъ выправилъ гонца въ Чигиринъ за помощію, а самъ постановилъ ужити хитрого способу, абы задержати Ляхѣвъ пѣдъ Винницею, доки надтягне войско ѳтъ Хмельницкого. Якъ лишь Поляки въ силъ около 15.000 мужа пѣдходили къ Винницъ, Богунъ оставилъ въ Винницкомъ замку одну сотню, а самъ выступилъ на встрѣчу Ляхамъ, и подразнивши ихъ густою перестрѣлкою, сталъ передъ ними убѣгати, перейшолъ замерзшую рѣку и заперся въ укрѣпленномъ монастырѣ, который находился близъ Винницъ и окруженъ былъ со всѣхъ сторонъ водою. Поляки примѣтили, що у Богуна войска маленько, та и думали, що утѣкалъ онъ просто ѳтъ страху; тожь и кинулися они сейчасъ на монастырь, а никому изъ нихъ не прійшло до головы, зачѣмъ по леду была пороскидана солома. А се, бачите, Богунъ приказалъ за-вчасу прорубати на Бузѣ ледъ, и коли поранній морозъ покрылъ воду тонкою корою, накидати соломы. Густыи ряды польского войска ступили на тѣи мѣстця и стремголовъ пѣрнули на дно. Въ числѣ кѣлькохъ сотъ утонувшихъ Полякѣвъ былъ и панъ Юрій Кисель, тойже самъ, що то прошлого года ледви спасся ѳтъ шибеницъ въ домъ Хмельницкого.

Розб'яшений тою хитростію Калиновскій постановивъ собѣ стій-що-стій взяти живцемъ Богуна. Онъ отпривилъ пана Ляндскоронского съ однимъ отрядомъ за Бугъ для підсмотру, чи не зближається яке свѣже козацке войско, а самъ приказавъ своимъ полкамъ идти штурмомъ такъ на Винницькій замокъ якъ и на укрьпленный монастырь, въ которыхъ кромѣ козацкихъ сотень Богуна находились также и жители города Винницъ. — Всѣ усилія Поляковъ взяти приступомъ хотьбы замокъ, хотьбы монастырь, были надаремны. Богунъ съ изумительною для враговъ дѣятельностію и быстротою комендовалъ разомъ и монастыремъ и замкомъ, та не тѣлько ѳтражалъ удачно приступы жолнѣровъ, но и безпокоилъ ихъ отважными вылазками. — Разъ же случилось такъ, що въ одну нѣчь нашъ козацкій полковникъ здѣлавъ вылазку съ трема сотнями козаковъ на другую сторону Буга для узнавія, не иде ли къ нему помочное войско ѳтъ Хмельницкого; той отрядъ вступилъ въ битву съ Поляками; ляцкіи жолнѣры спѣзнали Богуна, понеже лучи мѣсяця ярко блестяи на его свѣтломъ панцырѣ. Враги устремились на него: Уже хорунжий панъ Рогальскій ударилъ его рукояткою своего прапора, а другіи жолнѣры хватали его за руки, но Богунъ, надзвычай-сильный, однимъ встряхомъ повалилъ на землю всѣхъ жолнѣровъ и поскакалъ на весь духъ, ѳтмахиваясь саблею ѳтъ толпы гонителей, — коли на-разъ, въ жару битвы, попалъ въ одну изъ тѣхъ прогалинь на водѣ, въ которой прежде такъ хитро спровадилъ Поляковъ. Но борзый кѣнь его счастливо выскочилъ изъ воды на ледъ, та и унѣсъ своего мокрого и обмерзшого ѳдця въ монастырь. Поляки думали, що тая приключка ѳтобѣе у него охоту до такихъ смѣлыхъ выходокъ, однакъ къ удивленію ихъ, на другій-же день Богунъ зновъ показався на своемъ буланомъ кони. Тогда Ляхи насмѣшливо кричали до него: „А що, пане Богунъ, якъ ваше здоровье?“ — „Ничого! отвѣчалъ Богунъ: я тѣлько скупался въ той-же банѣ, въ которой потопилъ багацько вашой братіи!“

Такъ прошло двѣ недѣли — Калиновскій бѣсился, що не мѣгъ пѣдъ Винницею ничего удѣяти; ажъ тутъ-же на-разъ надбѣгае и Ляндскоронскій со страціною вѣстію, що приближається Уманскій полковникъ Глухъ съ сильнымъ отрядомъ козаковъ. Ляндскоронскій встрѣтился съ нимъ коло Липовця и бѣжалъ безъ оглядки; Глухъ гнался за нимъ во-слѣдъ, и уже туй-туй долженъ былъ явитись пѣдъ Винницею. Тая вѣсть навела на Ляхѣвъ ужасный страхъ, который — якъ кажутъ льтописецъ — подобный былъ тому переполоху, який овладѣлъ Ляхами пѣдъ Пилявою. Все въ ляцкомъ таборѣ закричало: „Утѣкаймо, поки еще часъ! Иначе насъ застигне Мартова роскаль, и мы на болотахъ та ѳтъ голоду всѣ выгибнемъ въ непріятельскѣмъ краю!“ — Сейчасъ дано приказъ:

чѣмъ-скорше уходити и покидати навѣтъ все вѣзы, которы полны были добыткѣвъ еще ѳтъ Ямполя. Но нѣкоторые отдѣлы войска такъ на-скрѣзь прониклися страхомъ, що поутѣкали и безъ коменды, самы не зная куда. Панъ Калиновскій и другіи коменданты, желая ихъ удержати, поспѣшили за ними, покинувши таборъ и бѣольшую часть пойска безъ всякого начальства. Тогда ляцкіи чуры, корыстаючи зъ безпорядку, кинулися на вѣзы та начали самовольно выбирать изъ нихъ, що кому хотѣлось; паны вступились за свою добычу, та ѳтъ того завязалась бѣйка, въ которой перемагли чуры, яко численнѣйшіи. Въ тоежь время другіи жолнѣры, запившись зъ вечера, спали мертвецкимъ сномъ, а коли при бѣйцѣ паны съ чурами побудились, то представляючи собѣ, що на нихъ нападаютъ козаки, они спохватились за мушкеты та взялись стрѣляти на своихъ. Тожъ богато Ляхѣвъ погнбло тутъ ѳтъ своихъ власныхъ куль и сабель!

Такъ пройшла нѣчь, для Ляхѣвъ дуже несчастлива. На досвѣтъ Богунъ, ани не дожидаяся на Глуха, здылалъ вылазку изъ монастыря, и тогда Поляки, где якіи пріюстали еще пѣдъ Винницею, кинулися наутеки, ѳтрекшись не тѣлько своихъ возѣвъ, но и всѣхъ пушокъ и всякого оружія, которы ѳттакъ сталися добычею козаковъ. Дальный Богунъ преслѣдовалъ Ляхѣвъ далеко та гнался за ними якъ вихоръ, розбивая по дорозѣ недобиткѣвъ. Закѣмъ панъ Калиновскій добѣжалъ до города Бару, то изъ его войска лягло въ дорозѣ около 5.000 мужа трупомъ. Такимъ способомъ Ляхи пѣдъ Винницею потеряли не тѣлько все тое, що награбили на Подбѣлю, но до того еще стратили и все власныи свои пожитки, такъ, що прійшовши до Бару, они не имѣли ни штанѣвъ чистыхъ, ни сорочокъ. — Изъ Бару они поспѣшили до Каменця, где соединились съ другою частію войска, стоявшего тамъ пѣдъ начальствомъ Потцого.

Зъ той поры войско польске стояло пѣдъ Каменцемъ и уже не осмѣлялось выступати изъ табора. Оно находилося тутъ въ дуже бѣдномъ положеніи. Коли власне наступила Пасха (Великдень), то таа Пасха — якъ каже одинъ польскій историкъ — была по-правдѣ настоящою іудейскою пасхою въ пустыни. Не имѣючи хлѣба, Поляки по-нуждѣ ѣли булочки въ родѣ опрѣсникѣвъ, безъ соли и съ гѣречью, понеже тіи булочки печены были изъ лебеди. А до тогожь грозныи вѣсти все тревожили ихъ; такъ молдавскій господаръ Липула доносилъ имъ, що Хмельницкій зберается ударити на нихъ съ сильнымъ войскомъ, чтобы не дати имъ соединитись съ посполитымъ ополченіемъ, которое заготовлялось въ Польщѣ пѣдъ начальствомъ самого короля. ѳттакъ то панъ Калиновскій посылалъ теперъ до Варшавы извѣстія, цѣлкомъ не такъ радостны, якъ изъ-пѣдъ Красного и зъ Ямполя, но

самыи сумныи та жалостны, а до того такъ онъ якъ и панъ Потоцкій просили на чымъ-свѣтъ скорѣйшой помочи изъ Польщи.

Такъ и сталося теперь, що Ляхи въ Варшавѣ на-скрѣзь разочаровались въ своихъ буйныхъ надвѣяхъ на побѣдоносную силу своего кварцяннаго войска. Паны-шляхта, которы недавно выправляли торжественныи бенкеты на славу Калиновскаго, теперь на-разъ стали якъ дурнѣ, посумнѣли та зажурились, що не лише треба имъ платити потроенный податокъ, но еще и ставитись къ посполитому ополченію. Тожъ и послѣдовало теперь, що вся Польша, затревожена побѣдами одного козацкаго полковника, хороброго Богуна, заволоновалася на-скрѣзь и для власнаго обезпеченія собрала супротивъ козаковъ великіи войска не лише у себе дома, но наймала ихъ за богатый грѣшъ также изъ Нѣмецъ та зъ Италии и Франціи.

ВЕЛИКАЯ БИТВА ПОДЪ БЕРЕСТЕЧЕОМЪ; — ЗДРАДА ТАТАРЬ.

Въ то время, коли происходили завзятыи битки въ Красномъ и подъ Винницею, Гетманъ Хмельницкій со своимъ численнымъ войскомъ стоялъ заедно еще въ глубокой Украинѣ, та дожидался зъ дня на день Крымскаго Хана, который по данному слову имѣлъ быть съ цѣлою силою Татаръ прибыти сюда въ первомъ мѣсяци 1651 г. Однакожь минулъ первый мѣсяць, миналъ и другій, и потычки съ Ляхами у границъ Украины уже на-добре были распочалися, а Хана Крымскаго все таки не было видко на Украинѣ, та ѳттакъ то и годъ было козацкому войску до загалнаго походу на Польшу собратися. Вправдѣ Хмельницкій посылалъ до Хана по кѣлька разы гонцѣвъ своихъ съ такимъ увѣдомленьемъ, що польскаго войска подъ Каменцемъ всего-на-всего не бѣльше якъ 30.000, и що затѣмъ дуже легко прійдется розбити такъ незначную силу, закѣмъ еще король съ посполитымъ ополченіемъ прійде тому войску на помочь: но не смотря на тое, Ханъ Исламъ-Гирей, якъ-бы желаючи дати часъ скрѣпитися Польшѣ, не двигался до походу та оставлялъ Хмельницкаго въ положеніи нерѣшительномъ, выжидающомъ, где то межи тѣмъ кожда хвиля была дорога, и потреба было зъ неи корыстатися. Прійшлося отже Хмельницкому, якъ то кажуть, ни въ-задъ ни въ-передъ, и нужно было на мѣстци стояти и дорогое время даремно тратити.

А межи тѣмъ Ляхи въ часъ оного застоя успѣли на-стѣлько собратися съ силами, що не лише нагромадили якихъ 200.000 мужа посполитаго ополченія, но еще за великій грѣшъ спровадили наемное войско зъ Нѣмецъ, котораго кожда сотня на войнѣ всегда бѣльше значила, чѣмъ тысяча панѣвъ-шляхты, или такъ званныхъ „посполита-

кѡвъ.“ На чель того многочисленнаго войска стануль самъ король, который на первую вѣсть о пораженіи Калиновскаго пѡдъ Винницею двинулся изъ Варшавы, и дорогою черезъ Люблинь ступаль пѡдъ Сокаль въ русскую землю надъ рѣкою Бугомъ.

Было то въ первыхъ дняхъ мѣсяца Мая, коли Хмельницкій увѣдалъ, що король польскій съ огромнымъ своимъ войскомъ прибыль пѡдъ Сокаль, и намѣряе соединитись съ отрядами Потоцкаго и Калиновскаго, стоявшими до сихъ поръ таборомъ пѡдъ Каменцемъ. Не дожидаясь уже дальше Крымскаго Хана, Хмельницкій пѡднялся изъ глубины Украины, та постановилъ прежде всего пересѣчи кварцянному войску изъ - пѡдъ Каменца соединеніе съ королемъ. Въ той-то цѣли выправилъ ѡнъ козацкій отрядъ въ 40.000 мужа пѡдъ начальствомъ Асаула Демка и полковника Джеджалика на Каменецъ, абы тойже ударилъ на кварцянныхъ жолнѣрѡвъ изъ-заду, коли они двинутся, а самъ съ 80.000 козаковъ пустился дорогою къ Тернополю, абы станути межъ короля и жолнѣрѡвъ зъ-пѡдъ Каменца. Замысль той, якъ и остроумно былъ обдуманый, не повелся однакожь Хмельницкому зъ той причины, понеже молдавскій господарь Липула, узнавши о немъ за-вчасно, далъ знати чѣмъ-скорше Потоцкому, а сей убѣжалъ изъ Каменца еще передъ тѣмъ, закѣмъ козаки могли быти его достигнути. Коли козацкое войско пѡдъ начальствомъ Демка и Джеджалика прибыло пѡдъ Каменецъ, уже по Ляхахъ и слѣдъ ту застигъ. Вправдъ козаки отправились за Ляхами въ погоню, та и догнали ихъ на переправѣ черезъ рѣку Сереть при селѣ Купчинцахъ; однакожь не успѣли они уже захватити бѡльшой силы польскаго войска, а тѡлько розбили задній отряды, забравши имъ всѣ военныя запасы и богато пушокъ. — Избавившись ѡтъ небезпеченства, войско Потоцкаго и Калиновскаго таки наконецъ достигло до Сокала и тутъ соединилось съ королемъ.

А въ тую пору Хмельницкій доходилъ уже до Тернополя, намѣряя ѡттуда загородити дорогу королевскимъ ополченіямъ; однакожь довѣдавшись тутъ, що замысль его розрушенъ и що кварцянное войско уже соединилось съ королемъ, завернулъ ѡтъ Тернополя пѡдъ Збаражъ, и тамъ-же станувши таборомъ, постановилъ дожидатись Крымскаго Хана. — Ѳттакъ около трехъ недѣль непріязненныя войска простояли въ своихъ таборахъ: козацкое пѡдъ Збаражемъ, а королевское пѡдъ Сокалемъ; оба теряли удобное время къ нападенію одно на другое. Хмельницкій не рѣшался напасти на короля, понеже польскіи силы убѡльшались съ каждымъ днемъ, а становище козаковъ пѡдъ Збаражемъ было невыгодне; король же изъ своей стороны боялся ити на Хмельницкаго, понеже зналъ ѡнъ надто добре, що хотя силы польскіи были многочисленны, однакожь бѡльшая часть тѣхъ силъ состояла изъ

шляхты - посполитакѡвъ, которы до вѡйны еще мало были заправлены. Тожь особливо король то прагнуль якъ найдолше простояти въ таборѣ пѡдъ Сокалемъ, та за той часъ обучалъ онъ посполитакѡвъ въ военномъ искусствѣ и собиралъ тутъ еще новыи силы изъ подалышихъ сторонъ Польщи.

Межи тѣмъ въ таборѣ пѡдъ Збаражемъ за такъ долгого постоя уже появились и всякіи болѣзни на людяхъ, а то такъ пагубныи, що въ короткое время козаки вывезли 260 возѡвъ съ мертвецами и недужными. Кромъ того край докола былъ опустошенъ еще прежнею вѡйною а въ послѣдній годъ и саранчею. Козацкое войско начало терпѣти голодъ, и Хмельницкій посылалъ отряды за хлѣбомъ ажъ далеко въ Польсье и на Волянъ. — Такимъ же неудобствамъ подверглось и королевское войско пѡдъ Сокалемъ: и тамъ розширились заразливыи болѣзни, ѡтъ которыхъ многіи умирали, не увидѣвши непріятеля. До тогожь многочисленное стеченіе народа произвело тамъ дорожню такъ велику, що бохонецъ хлѣба платился червонцами, и паны-шляхта — якъ каже льтопись — нерѣдко дерлися съ собою на-смерть за кусокъ бѣлого хлѣба; ба и оvesъ былъ по 20 злотыхъ за корецъ, тогда якъ въ звычайное время цѣна его была тѡлько 2 злотыхъ. Ещежь кромъ того у панѡвъ-шляхты, якъ то звычайно водилося въ Польщѣ, владѣль и въ таборѣ пѡдъ Сокалемъ духъ незгоды и неповиновенія, и король имѣлъ за цѣлый часъ пребогато хлопоту лишь надъ тѣмъ, абы спорящихъ якъ-такъ мирити, непослушныхъ карами страшити.

Простоявши такъ зверхъ три недѣли пѡдъ Сокалемъ, Поляки дивнымъ однимъ случаемъ увѣрилися наконецъ, що то мѣстце, которое сперва здавалось имъ найвыгоднѣйшимъ для принятія битви съ непріятелемъ, было таки для сей цѣли неудобнымъ. Случай же той былъ такій: Крымскій Ханъ ишолъ уже съ ордами своими на соединеніе съ Хмельницкимъ, и прислалъ послѡвъ до короля пѡдъ Сокаль. Ти послы имѣли тайное свиданіе съ королемъ, который замѣтивши изъ ихъ бесѣды, що Ханъ недоволенъ своимъ союзникомъ Хмельницкимъ, предлагалъ ему въ даръ южную часть Украины, где находилось буйное Запорожье — гнѣздо всякихъ бунтѡвъ козацкихъ, если тѡлько онъ отступитъ ѡтъ Хмельницкого. Послы Хана выслушали то предложеніе съ удовольствіемъ, но потомъ выпросили собѣ еще дозволеніе повидатися съ татарскимъ Мурзою Ничахомъ, которого Калиновскій взялъ былъ въ неволю пѡдъ Купчинцами и привелъ съ собою пѡдъ Сокаль. Той Мурза (татарскій Старшина), богатырь великанского росту, позыскалъ собѣ особенную ласкавость панѡвъ Полякѡвъ уже черезъ то, що былъ изряднымъ знатокѡмъ дѣлъ военныхъ; онъ то совѣтовалъ Полякамъ не покидати мѣстца пѡдъ Сокалемъ, представляя имъ тоуже яко

весьма для войны выгодное. Колиж ханскіи послы зѣйшлися съ нимъ, тогда два Поляки, знавшіи татарску бесѣду, переодѣлись въ нѣмецкихъ жолнѣрѣвъ, и стоячи на стражи при Ничаху, услышали, що Ничахъ описовалъ посполитакѣвъ яко трусѣвъ и неудалыхъ воиновъ, та передавалъ Хану совѣтъ чѣмъ - скорѣйше напасти на Ляхѣвъ пѣдъ Сокалемъ, где бнѣ межи тѣмъ буде ихъ задержовати своею дорадою, для того, що мѣстце се для нихъ надто тѣсне и неудобное. Хитрого Мурзу Ляхи послѣ того ѣсправили въ Варшаву, а ханскихъ послѣвъ ѣпустили съ честію до Хана.

Изъ цѣлой той приключки змѣрковали Ляхи, що если Крымскій Ханъ и недоволенъ своимъ союзникомъ Хмельницкимъ, но все таки бнѣ не опуститъ способности, коли можъ, повредити Полякамъ. Впрочемъ думали они, що ханскіи послы, прибывшіи для тайныхъ переговоровъ съ королемъ, могли быти также и шпигуны, присланныи для того, чтобы узнати, якъ велике польское войско и чи возможно съ нимъ зладити. Тожъ паны Поляки не смѣли оставитися на тѣмъ мѣстци, которое неприятель уважалъ для себе выгоднымъ, та ѣттакъ и постановили перенести свой таборъ куда-будъ на Волюнь, где то — якъ говорили они — суть и просторныи поля и богатая паша. Для вынайденья такого мѣстца на Волюню король выслалъ туда съ отрядомъ войска пана Конецпольского, а той осмотрѣвши переправы и мѣстца, донѣсъ вскорѣ королю, що саме удобное мѣстце для табора и дл битвы есть при рѣцѣ Стырь пѣдъ мѣстечкомъ Берестечкомъ.

И такъ на дни 5. русского Юнія цѣле войско польске, усиленное ополченіями ново-прибывшихъ посполитакѣвъ, двинулося ѣтъ Сокала въ походъ пѣдъ Берестечко. Въ-передъ, по дорозъ къ Збаражу, где стоялъ Хмельницкій, высланъ былъ князь Іеремія Вишневецкій съ 3.000 мужа конницы для пѣдмотру за движеніями козакѣвъ.

Якъ тѣлько Поляки замыслили ийти на Волюнь, Хмельницкій сейчасъ узналъ о тѣмъ и хотѣлъ напасти на нихъ въ тую пору, коли они будутъ проходить чрезъ болотныи мѣстца межи Сокалемъ и Берестечкомъ, та заперти ихъ въ непроходимѣю околью. Но бнѣ зъ-часу на-часъ дожидался Хана и не рѣшался выступити до его прибытія цѣлымъ войскомъ, а послалъ лише въ-передъ одинъ ѣтрядъ козакѣвъ, готовячисъ кинутися самъ за нимъ, якъ скоро надтягне Ханъ съ Татарами. — А справдъ же, первого дня на походъ войско польске ишло болотистымъ, грязкимъ лугомъ; конь застрягали въ грязи, колеса у повозокъ ломались на ямахъ, жолнѣры збивались зъ дороги, такъ, що весь походъ задержовался на каждомъ кроку. Вечеромъ войско должно было переправлятися по узкой дорозѣ, окруженной озеромъ и мочарами; оно рѣстягнулося на велику просторонь и находилося въ такомъ положеніи, що

еслибы козаки напали на него, то Ляхи при всей многочисленности своей не въ силахъ были оборонитись громадно и помагати собѣ взаимно, но были бы тутъ на голову розбиты. Однакожъ Хмельницкій, увзавшись уже разъ — та на свою бѣду — дѣйствовати не иначе, якъ лише въ-купъ съ Ханомъ, пропустилъ добрую способность напасти на Ляховъ въ часъ того перехода по болотахъ, — та и такъ оно сталося, що войско польске ускореннымъ ходомъ наконецъ шестого дня майже неповредимо достигло до Берестечка.

Ажъ тогда, коли Поляки уже стояли подъ Берестечкомъ, Хмельницкій двинулся изъ-подъ Збаража, и въ дорогъ соединился съ Крымскимъ Ханомъ, который наконецъ по долгой проволокѣ надоспѣлъ сюда съ своею ордою. Тутъ то радостныи воскликы и приветственный громъ пушокъ возвѣщали на далекое пространство о соединеніи козацкого Гетмана съ начальникомъ Крымцевъ. Однакожъ уже первое свиданіе союзниковъ предвѣщало мало добра. Ханъ Исламъ-Гирей принималъ холодно дружескіи привѣты Хмельницкого, а въ дальшомъ розговорѣ намекалъ съ неудовольствіемъ о томъ, що Хмельницкій не только не далъ ему завести войны съ Москвою, отъ которой Татары сподвѣвались богатой добычи, но еще дѣйствующи посредствомъ турецкого Султана, принудилъ Хана итти войною на Поляковъ та и нарушити Зборовскій договоръ, выгодный для Крымскихъ Татаръ. Лишь съ великимъ трудомъ удадся Хмельницкому удобрухати Крымского Хана, который оттакъ съ затаеннымъ злосердіемъ ступалъ далѣй подъ Берестечко.

Приближаясь до рѣки Стыра, передовыи отряды козаковъ встрѣчали тутъ уже численную стражу ляцкого войска, та заводили съ нею часто завязатую перестрѣлку. Въ одной такой перестрѣлкѣ уже недалеко Берестечка, на дни 8. Юнія вечеромъ, участвовалъ также одинъ отрядъ Татаръ. Дѣло обѣшлося безъ великого кровопролитія, но случилось оно такъ, що Татары предвѣщали изъ него недоброе оконченіе битвы. Былъ бо у Татаръ звычай замѣчати, въ якую сторону головою упаде первый татарскій трупъ: если упаде зверненъ до неприятеля, то се знакъ счастливый, а если до своихъ, то война скончится неудачно. А тутъ-же сталося, що якийсь Татаринъ на чорномъ кони розскочился на Ляха, но той ударилъ его списомъ — и Татаринъ упалъ на-взнакъ головою до своихъ. Послѣ того Татары оногo дня уже не бились, а отступили съ предчувствіемъ неудачи изъ поля битвы.

На другій день, коли взойшло солнце, Поляки подъ Берестечкомъ увидѣли изъ-дали на южной сторонѣ зближающіися войска неприятеля. Козаки — якъ каже летопись — въ своихъ коротенькихъ чорныхъ свиткахъ были подобны громовой хмарѣ, которую воднуе буря.

Они остановились таборомъ на полѣ миль ътъ ляцкого табора надъ рѣчкою Пляшевою, що впадае въ Стырь. Въ-слѣдъ за ними начали мало-помалу появляться и Татары, которы тутъ-же уставлялись долгимъ лукомъ по лѣвой сторонѣ козацкого табора. — Около полудня, коли происходила битва передовыхъ отрядѣвъ и майже цѣле войско польске выступило передъ своѣй таборъ, Ханъ Крымскій, станувши на холмѣ, приглядался черезъ зрительныи стекла ляцкому воинству, та удивлялся, що оно такъ многочисленне. По оконченіи вступной битвы ътъ скликалъ своихъ Мурзъ на военную раду и началъ совѣтоватися: якъ бы найти ключку, щобъ оставити Хмельницкого а примиритися съ Поляками. — Узнавши о томъ Хмельницкій чѣмъ - скорше приѣжалъ до Хана, но той съ гнѣвомъ великимъ сталъ упрекать его: „Якъ-же се? ты увѣрлялъ мене, що у Полякѣвъ войска якихъ - нибудь 30.000 мужа, а я вижу, що ихъ таки далеко бѣльше, чѣмъ моихъ и твоихъ полкѣвъ въ-купъ взявши!“ — А хотя Хмельницкій представлялъ на тое Хану, що передъ двома мѣсяцами, коли то Татары должны были прійти на помощь въ Украинну, имѣли Поляки въ самомъ дѣлѣ лишь 30.000 кварцянного войска пѣдъ Каменцемъ, и що навѣтъ теперъ, коли король съ тѣмъ войскомъ соединился, еще не тяжко буде побити его на голову, понеже королевскіи ополченія состоятъ изъ самыхъ неудольныхъ и трусливыхъ посполитакѣвъ; но всежъ таки Ханъ Исламъ-Гирей не переставалъ сердитися на Хмельницкого, а въ-конецъ навѣтъ просто нагрозилъ ему: „Если ты менѣ завтра не росправиши съ Ляхами, то я тебе самого отведу на арканъ до короля!“

И еще тойже ночи лукавый Ханъ выслалъ своего довѣреннаго Мурзу въ королевскій обозъ, та заключилъ съ Ляхами тайный договоръ, по которому король обовязался ътступити Хану Запорожскую Сѣчь и давати ему каждый годъ почетную дань, а Ханъ за то ѡбтовалъ изъ своей стороны, що слѣдующаго дня на войнѣ буде боротися тѣлько для позору, а потомъ покине Хмельницкого та убѣгне изъ поля битвы. Договоръ той съ королемъ заключенъ былъ въ наибѣльшой тайни, такъ, що въ татарскомъ таборѣ навѣтъ наиблизшіи довѣренники Хана ничего о немъ не знали, съ изытіемъ тѣлько одного Мурзы-посланника и самого Хана.

Межи тѣмъ Хмельницкій, хотя и по-неволю принужденъ былъ выслухати грозныи упреки своего сердитаго союзника, но все таки не унывалъ, не падалъ духомъ, а положилъ все упованіе на своихъ хоробрыхъ козакѣвъ, съ которыми готовился чуда доказати на посполитыхъ ополченіяхъ Польщи. Тсжь повернувши изъ обозу Хана, ътъ еще тойже ночи поскакалъ пѣдъ ляцкій таборъ, та сталъ приглядатися, чи не найде якого слабшого мѣстця, чтобы на него съ успѣхомъ напасти. И въ

самомъ дѣль увидѣлъ онъ, що одинъ скрайній окопъ ляцкого табора, где стояло наемне нѣмецкое войско, былъ слабо устроенъ и для нападу легко доступный. Здѣлавши таке открытіе, козацкій Гетманъ вернулъ до своего табора, добралъ зъ-помежи козаковъ самыхъ найотважнѣйшихъ и погнался съ нимъ на онъ окопъ, въ которомъ стояли Нѣмцы. О полночи козаки переплыли рѣку Стырь, и съ наибольшою осторожностію закрались въ окопъ ляцкого табора. Нѣмецкіи наемники спали, утомленные битвою и трудами за-дня. Розсыпавшись межи сонными, козаки начали ихъ колоти, и уже много погибло Нѣмцевъ, а ни одинъ не успѣлъ и пикнути. Ажъ послѣ долгого труда, коли бѣгъ рванья руки у козаковъ ослабли, а умирающіи Нѣмцы, почувствовавши скръзь сонъ мученіе, произносили глухіи стоны, пробудился одинъ ляцкій пушкарь, и дозрѣвши зъ-боку, що дѣется, на-разъ выпалилъ изъ пушки. Громъ выстрѣла розбудилъ множество народа: рознеслась тревога на трубахъ бѣгъ одного окопа до другого, и вскорѣ цѣлый таборъ былъ уже на ногахъ. Ляшши летѣла туда, бѣкуда послышался выстрѣлъ, — но козаковъ уже тамъ не было: они кинулись въ рѣку, переплыли ю, и коли жолнѣры съ запаленными лучинами смотрѣли на поклады зарѣзанныхъ тѣлесъ нѣмецкихъ, молодцъ наши уже выбрались на-сухо и повернули все здорово до своего табора.

Отъ той хвилѣ все вѣйско польске уже не спало. Проснулись и въ козацкомъ войску. И тамъ, и у Поляковъ начали готовитись до головной битвы. — Якъ тѣлько замрѣло на востоцъ первыми досвѣтками и можъ было человека бѣгъ человека различити, король началъ уставляти войска въ боевой порядокъ. Онъ раздѣлил ихъ по обыкновенію на три части: правое крыло бѣгдалъ пѣдъ коменду Потоцкому, лѣвое крыло Калиновскому и Іереміи Вишневецкому, а самъ съ головною силою станулъ въ центръ. Правое крыло примыкало къ лѣсу, лѣвое къ рѣцѣ Стыру. Въ-переду центра стояли пушки и нѣмецкая пѣхота; по-заду былъ таборъ, окруженный возами, скованными долгимъ ланцухомъ, а за нимъ Берестечко и рѣка Стырь. — Число всего польского войска простиралось до 300.000, но если дочислити къ тому еще слугъ, погонщикѣвъ, оставшихъ въ таборъ и при возахъ, то оно было далеко бѣльше и могло по-правдѣ привести въ отрахъ не одного Хана. „Въ тое бо время—якъ каже одинъ польскій историкъ—тѣлько ксендзы, женщины, старики и дѣти остались дома въ Польшѣ; всѣ же дорослы и сильныи пѣйшли на войну, на котору благословилъ Поляковъ самъ папѣжъ римскій; всякій отже Полякъ желалъ корыстати зъ папѣжского благословенства, абы избавитись отъ грѣхѣвъ и мученій по смерти“.

Тоже и Хмельницкій бѣгъ самого досвѣта устраивалъ свою армію; а тая-жъ раздѣлена была на двѣ половины: на козацку и татарскую. По

широкой рѣвинѣ на лѣвой сторонѣ расположились Татары; ихъ долги ряды загибались на-задъ въ видѣ полумѣсяца, и соединялись съ козацкимъ войскомъ. Козаки стояли прямо противъ лѣвого польскаго крыла; въ-передѣ находился славный козацкій четырехугольникъ, складующійся изъ возовъ въ три ряда, скованныхъ межъ собою желѣзными ланцами; козацкая пѣхота уставлена была рядами въ серединѣ того подвижнаго четырехугольника, который составлялъ собою мовь-бы сильную крѣпость и могъ зѣ одного мѣстца на другое передвигатися. Пѣхота была прикрыта на бокахъ отрядами кѣбнищъ. — Число Ханскаго войска выносило до 100.000, а козацкаго до 120.000, т. е. всего союзнаго войска было 220.000 мужа. Въ числѣ томъ было около 20.000 узброенныхъ селянъ изъ земли Волинской.

Такъ на дни 20. русск. Юнія 1651 г. стануло на рѣвинѣ пбдъ Берестечкомъ по обоимъ сторонамъ противъ себе зверхъ пблѣ миліона военнаго люду. Каждый изъ тѣхъ воиновъ готовился къ борьбѣ за то, що для него было найдорожшимъ: Поляки за римскую унию и за свое панованье на Руси, Татары за военную славу и добычу, козаки за святое православіе и свободу своего отечества.

Выстроившись до битвы, противники долго не видѣли другъ друга за пораними тужаномъ, который передъ восходомъ солнца густо покрылъ всю Стырскую рѣвинну. Въ польскомъ таборѣ пѣли набожныя пѣсни и носили чудотворный образъ Холмской Божой Матери, котораго роботу преданіе приписовало св. Евангелисту Луцѣ. Образъ той, якъ говорили Поляки, былъ подаренъ Цареградскимъ Императоромъ Кіевскому Князю, — и въ онѣмъ то памятнику зѣ часовъ независимости нашей Руси Поляки глядали помочи противъ козаковъ, которы въдай и возстали на то, абы независимость Руси нашей назадъ отыскати. Коли по таборѣ носили той образъ, король въдилъ по-межъ ряды своего войска и возбужалъ ихъ мужество такою промовою: „Панове браца! Теперь прійшомъ часъ отплатити мятежному козацтву за оскорбленіе нашей католической вѣры, и спасти потоптанное право и честь польскаго королевства. Я съ вами пребуду нерозлучно; и мы или розбѣдемъ хлопвѣ и повернемъ домовѣ съ побѣдою, или все поляжемъ тутъ въ оборонѣ Польщи. Лучше бо умерти, чѣмъ быти въ неволѣ у хлопства и въ посмѣяніи у всѣхъ народвѣ!“

Тоеже дѣялося и въ козацкомъ войску, которое такожъ вѣтало день головной битвы молитвами и богослуженіемъ. Тутъ-то въ таборѣ козаковъ находился греческій Митрополитъ Іоасафъ, который изъ города Коринфеа еще о веснѣ перѣехалъ на Украину, та вразъ съ козацкимъ войскомъ прибылъ ажъ сюда подѣ Берестечко. Онъ Митрополитъ, препоясавши Хмельницкаго мечемъ, освященнымъ черезъ

Патріарха на само́мъ гробѣ Господнемъ, проѣзжалъ на кони межи козаками и кропиль ихъ священною водою; передъ нимъ несли церковныя хоругви и иконы, окованныя по православному обычаю въ золотыя ризы, а до небесъ возносился дымъ кадильный яко предвѣстникъ пушечнаго дыма. Архіерей Іоасафъ говорилъ до козако́въ: „Братія и войны Христовы! Пойдите за цѣрковь вашу, за святую вѣру православану; заступѣть вашу мать Русь отъ злобиваго врага и супостата!“ — Хмельницкій же въ своей горностаевой мантии, препоясанный освященнымъ мечемъ, съ гетманскою булавою въ руку, лѣталъ на многоцѣнномъ бѣломъ кони и напоминалъ козакамъ, що прійшовъ день утвердити на-всегда свободу вѣры и русскаго отечества; и голосъ его, такой страшно-громкій голосъ, що приводилъ враго́въ въ трепетъ своею рѣзкостью, розносился далеко-широко по долину Стыра и отбивался гомономъ ажъ о стѣны Берестечка.

Середъ такихъ приготовленій до бою взбѣшло Божье свѣтло — солнце. Утренній туманъ мало-помалу исчезалъ, и наконецъ поднялся на востоцъ свѣтлый кругъ солнечный, и лучи его отразились въ блестящихъ оружіяхъ и панцыряхъ, а поранній вѣтрець заигралъ прапорами и пушистыми значками на шеломахъ воинства. Былъ то видъ величественный: на просторони, сколько можъ было окинути окомъ, розставились незчисленныя ряды трехъ враждебныхъ народо́въ; ихъ роздѣляло рѣвное поле, которому сужено было упитися кровію и устелитися трупами. Противники смотрѣли другъ на друга въ молчаніи, неподвижно, якъ-бы любующись огромо́мъ своихъ силъ. Хмельницкій не приказалъ начинать битвы до той поры, поки самъ непріятель не кинется на нихъ. Король же далъ приказъ своимъ войскамъ не двигатися изъ мѣстца, поки Татары и козаки не начнутъ нападати. Такъ въ поважномъ безмолвію войска обохъ сторонъ стояли до полудня, а только рѣдкіи крики прерывали глубокую тишину, подобную до той, яка бывае въ воздухѣ передъ наступленіемъ бури. — По полудни Ляхи уже думали, що Хмельницкій не трогается зъ мѣстца для того, бо може намѣряе бѣжати, или замышляе яку-нибудь хитрость. Тожъ король приказалъ оглядатися на-задъ и остерегатися нападенія зъ-тылу, отъ Берестечка. Якій-то непонятный пострахъ сталъ распространятися межи лаяцкими комендантами, такъ, що нѣкоторые хотѣли уже отложить битву до другого дня. Тогда король, желая усмирить смущеніе и не допустить войско до упадку духа, послалъ въ татарскій таборъ пана Отвиновскаго, знавшаго бесѣдити по татарски, съ такимъ вызовомъ до Хана, абы тойже началъ чымъ-скорше битву, которая должна была завестися отъ стороны Татаръ не то на-правду, а только для вида, на позоръ.

Была другая година по-полудни; хмары начали подниматись и закрывати солнце, а вѣтеръ подулъ отъ запада, отъ стороны ляцкого табора. На-разъ въ польскомъ войску заграли на трубахъ и заспѣвали пѣсню въ честь Богородицы, котору пѣли всегда передъ начатіемъ битвы. Тогда - то козацкая пѣхота двинулась подъ прикрытіемъ своего четырехугольника. Татаре съ дикимъ крикомъ поскакали на центръ польской арміи. Въ тую-же пору Іеремія Вишневецкій съ 12 полками кварцяного войска и съ 4 ополченіями посполитакѣвъ кинулся стремительно на козацкѣвъ. Неустрашимый той полководецъ ляцкій самъ указовалъ всѣмъ дорогу и летѣлъ въ - передъ съ обнаженнымъ мечемъ. Отъ насильного его напору заколебался козацкій четырехугольникъ, который — по увѣренію самыхъ навѣтъ Полякѣвъ — бывалъ всегда неприступный и непобѣдимый.

На несчастье, въ войску козацкомъ межи Старшинами находилось тогда уже немало такихъ, которы „для панства великого, для лакомства нечестивого“ — якъ каже льтопись — готовы были предати врагамъ свободу вѣры и отечества. Такимъ то измѣнникомъ первый оказался тутъ Асаулъ Гурскій, родомъ Кіевлянинъ, тойже самъ, що то недавно на-веснѣ былъ въ посольствѣ отъ Хмельницкого въ Варшавѣ и за ласкою короля сталъ нареченъ шляхтичемъ. Онъ то недолгодъ поганый, въ самъ оный часъ, коли полки Вишневецкого нападали на козацкій таборъ, двинулъ свои отряды на-задъ, и черезъ тое сотворилъ выломъ въ козацкѣмъ войску. Тогда Поляки наскочили на саму середину козацкихъ силъ, розѣрвали четырехугольникъ, а князь Вишневецкій, станувши на возахъ козацкѣвъ, показовалъ оттуда прапоръ съ гербомъ своего дома, величаясь хвилевою побѣдою, якои доспѣлъ черезъ зраду Гурского.

Въ-слѣдъ за Вишневецкимъ король изъ своего центра послалъ на козацкѣвъ пушки и нѣмецкую пѣхоту, а межи тѣмъ и отъ правого крыла прибѣжалъ на помощь Вишневецкому панъ Конецпольскій. Тогда то закипѣлъ наплотѣйшій бой: разомъ загремѣло колькадесять пушокъ и тысячи-тысячъ самопалѣвъ, въ небо поднялась черная туча, розрываемая огнистыми блесками, кругомъ по полю раздавались ужасны крики раненыхъ, тяжкіи стоны умирающихъ, ржаніе коней, рыкъ испуганного скота, а скрѣзь носившійся докѣла дымъ виднѣлись червоныи потоки крови, стосы трупѣвъ ляцкихъ и козачихъ, съ обнаженными саблями и стрѣльбами въ зазеленѣлыхъ рукахъ...

Подъ вечеръ, коли борьба все еще кипѣла и козаки выперали уже послѣднихъ Ляхѣвъ изъ своего четырехугольника, — на-разъ Крымскій Ханъ мовъ бышенный закричалъ на весь голосъ: „въ козацкомъ таборѣ зрада!“ и стремительно пустился въ бѣгство. За нимъ всѣ

Татаре, якъ-бы поражены нелюдскимъ страхомъ, побѣжали изъ поля битвы, отрекаячися и своего табора и всѣхъ своихъ пожиткѣвъ. — На видъ такой великой зрады, самъ Хмельницкій — той мужъ неустрашимого сердца, который всегда навѣтъ враговъ изумлялъ твердостью и притомностью своего духа — стоялъ теперь якъ ошеломленный; потомъ отдалъ онъ начальство Джеджалику, а самъ вразъ съ Быговскимъ и кѣлькама козаками погмался за Ханомъ, абы уговорити его и завернути назадъ на побоевище.

Въ тую пору Ляхи заняли все поле, где передъ тѣмъ стояли Татары, и начали поражати козаковъ отъ трехъ сторонъ: зъ-переду, отъ правого и лѣвого крыла. Тогда одна часть козацкои кѣнницъ, видячи докола саме небезпеченство, убѣжала изъ табора и пустилася въ слѣдъ за Татарами. Другая часть кѣнницъ и пѣхота устояла супротивъ переважной силы Ляхѣвъ, и наконецъ мужественный Джеджаликъ привелъ войско козацке въ порядокъ, та отразивши всѣ напады Поляковъ, занялъ крѣпкое становище надъ рѣкою Пляшевою, где по-заду примыкали непроходимыя болота.

Межи тѣмъ по заходѣ солнца замрачилось. Густыя хмары закрыли цѣлый небосклонъ, и полялся сильный дощъ, такъ, що и годъ было людскимъ силамъ продолжати битву. Ляхи повернули до своего табора, а козаки благословили дощевое ненастье, и старшии межъ ними говорили: „То всегда такъ бывае, що послѣ каждой кровавой битвы самъ Господь - Боженко змывае изъ своей земли человѣческую кровь, пролитую людскими руками.“

Цѣлу нѣчь послѣ той битвы польскіи жолнѣры, утомлены борьбою за-дня, спали якъ убитыи, где кто упалъ, и никто не обавлялся нападѣ козаковъ, которые, еслибы тогда были корыстали изъ способности, могли бы были въ тую нѣчь подъ Берестечкомъ зинвечити армию Польщи. Однакъ Батька Хмельницкого не было тогда въ козацкомъ таборѣ, и нестало такого начальника, который рѣшилъ бы ся вести козаковъ на зинвеченъе Польщи. Тѣлько дощъ цѣлу нѣчь лѣялъ якъ зъ ведра, и премочилъ сонныхъ панѣвъ Поляковъ до послѣдней нитки.

Но въ козацкомъ таборѣ наши молодѣцъ, навѣкъши до слоты и зноевъ, не спали ни одной хвильки. Они дожидались своего Батька-Гетмана, который прирекъ до нихъ вернутися. А межи тѣмъ въ сѣю дощливую нѣчь они знова збили свои возы въ четыреугольникъ, и взиались окопывати обозъ изъ трехъ сторонъ; зъ четвертой стороны имъ не нужно было нѣякихъ окопѣвъ, бо тамъ простиралось болото, въ которѣмъ утонулъ бы человекъ та и съ концемъ до того. Окопы, якъ камънными стѣны, станули въ одну нѣчь, и козаки до-дня готовы были на новую битву, такъ, що и Ляхи съ удивленіемъ говорили: „А то вамъ, якій

крепкій нарѣдъ! Окопали докола землю рыскалами, та видно, що се хлопы ни-уроку до такой работы!"

Въ Суботу, дня 21. Юнія, козаки и Поляки собирали по полю своихъ трупѣвъ, та зъ обохъ сторонъ насчитали ихъ до 6.000. Тѣла своихъ братьей козаки похоронили при рѣцѣ Пляшевой, усыпавши надъ ними высокую могилу; Ляхи же хоронили трупы простыхъ жолнѣрѣвъ подѣ Берестечкомъ, а тѣла панѣвъ-шляхты перевозили ажъ до Львова для погребенія тѣхъ-же въ тамошномъ костелѣ Кармелитѣвъ. — Сего-же дня, въ Суботу, паны Поляки, отправивши урочистое набоженство за вчерашню побѣду, держали въ обозѣ короля военную раду, и на ней постановили таке: абы сейже-часъ приступити до облоги козацкаго табора и палити на козакѣвъ до той поры, пока они не стануть просити мира, а тѣмъ часомъ послати за великими пушками до Гродна и до Львова, понеже въ ляцкомъ таборѣ не было такихъ пушокъ, потребныхъ для облоги надто просторнаго и уже окопаннаго козацкаго четырехугольника. — Въ Недѣлю Ляхи подвинулись ближе до козацкаго табора и растянулись около него въ видѣ полушляца. Нѣмцямъ же было приказано подѣлати на другой сторону окопы и палити на козакѣвъ зъ востока. — Такъ то козацкій четырехугольникъ орудженъ былъ майже докольсенька вражымъ войскомъ.

А межи тѣмъ козаки цѣлу Суботу ждали Хмельницкаго, а не дождались; выглядали его до полудня въ Недѣлю, но не доглядѣлись, — а наконецъ узрѣли себе окружены окопамъ, которы для пушокъ насыпали польскій жолнѣры. Тогда молодѣцъ наши, видячи, що уже Гетманъ до табора ихъ не дѣстанется, постановили иждати себе подѣ начальство Джеджалика, котораго и самъ Хмельницкій оставилъ нитъ своимъ заступникомъ, нарекиши его генеральнымъ Атаманомъ.

Отъ Понедѣлка (23. Юнія) козаки начали вести нн-ново завзятую борьбу съ Ляхами, дѣлаючи смѣлымъ выходы отъ всѣхъ сторонъ своего укрѣпленнаго табора, та отгакъ день за днемъ побивали польскихъ жолнѣрѣвъ будъ на ихъ окопахъ, будъ навѣтъ въ ихъ власномъ обозѣ, куда заганялися перязъ подѣ начальствомъ неустрашимаго полковника Ивана Богуна. Тутъ то херобры и отчайдушны были подвиги козакѣвъ, а дуже хитры ихъ замыслы, якии звичайно выдумовалъ и исполнялъ дѣльный Богуиъ, ставиий еще отъ росправы подѣ Винницею пострахомъ и грозою польскаго войска. — Такъ держались козаки супротивъ великой переваги ляцкой цѣлымъ дѣвъ недѣль, набавши за той часъ богато панѣвъ-шляхты и забравши кѣлька ортъ постолитакѣвъ въ неволю до своего табора.

Наконецъ дня 6. Юлія, въ Четверть, Полякамъ привезли великіи пушки изъ Львова и зъ Гродна, та ажъ отъ того часу военное счастье

наидождялось болѣе на сторону польску. Началась така страшная пальба на таборъ козацкій, що за-черезъ дымъ козакамъ и свѣта Божого не стало видко, и они — якъ то самы признавались — уже думали, що земля подъ ними провалится. Виравдъ отстрѣлювались они хоробро, но ляцкіи пушки были далеко болѣе отъ козацкихъ и наносили имъ много вреда. Тогда козаки-небоги, подобно осажденнымъ Полякамъ подъ Збаржемъ, окопывали себе и коней своихъ подвойными и потрѣйными окопами; однакожь и тое не поправило ихъ долъ, бо така война была не въ козацкѣи духу. Козаки готовы были пойти въ огонь, въ воду, на всякого врага, хотьбы и на чорта, но сидѣти неподвижно въ заключеніи и бояться выглянути на свѣтъ Божій — се было несходно съ ихъ розмашистою натурою. До тогожь случилася още та бѣда, що козаки подѣлились на партіи: оди выбрали начальникомъ Джеджалика, другіи Богуна, третіи еще якого иного Старшину. А кожда партія исполняла лише тое, що приказовалъ ей начальникъ, и не хотѣла дѣйствовать такъ, якъ повелѣлъ избранный другою партією; та ещежь и самы начальники постуцали нарочно одинъ на-переноръ другому.

Затѣмъ Атаманъ Джеджаликъ, увидѣвши, що въ томъ роздорѣ козаки, вмѣсто Поляковъ, вскорѣ начнутъ изъ досады бити другъ-друга, переслалъ въ ляцкій обозъ до короля таке предложеніе, абы захвати пальбу за-дѣя начатія мирныхъ переговоровъ. Король съ охотою присталъ на то предложеніе, приказалъ прекратить пальбу, однакожь при томъ ведѣи обавляючися якою хитрости отъ стороны козаковъ, бѣи повелѣлъ держати пушки всегда на-поготовъ.

Оттакъ начались переговоры взглядомъ заключенія мира козаковъ съ Поляками, и ти переговоры тягнулись черезъ цѣлыхъ 10 дней, та за той часъ они перерываны были по три разы обновленіемъ пальбы изъ обохъ сторонъ, и въ-конецъ таки до ничего не допривадили. — Дѣялось бо такъ во время тахъ переговоровъ, що насампередъ козаки не всъ хотѣли миритися съ Ляхами, а наиболѣе противнымъ былъ всякому примиренію съ ними подковникъ Богунъ. Потому-же, коли перемогли приверженцы Джеджалика, желавшіи съ королемъ пореговорятися, то выслано въ ляцкій таборъ трехъ Старшинъ козацкихъ, однакъ тѣже принесли оттуда такъ тяжкіи условія мира, що вже и найсмирнѣйшіи зъ раббѣи не хотѣли на нихъ згодитися. Ото бо требовали надменныи гордостію и случайною побѣдою паны Ляхи: „1) абы козаки отрѣклись союза съ Татарамы и на-всегда стали вѣрными подданными Польди; 2) абы выдали Ляхамъ на казнь не тѣлько своихъ знакомитшихъ Старшинъ, но и самого Гетмана Хмельницкого, за которымъ должны пуститися въ погоню и живцемъ его королю доставити; 3) абы отдали всъ свои прапоры, всъ пушки, якіи имѣютъ въ таборѣ и якіи

суть на Украинѣ, къ тому и бунчукъ, и булаву, и всякіи другіи знамена гетманскіи; 4) абы добровольно отреклися Зборовского договора яко и всѣхъ своихъ козацкихъ свободъ, по которымъ могли самоуправно собою распоряджати, выберати своихъ Старшинъ и стояти на свѣтъ вольнымъ народомъ.“

Якъ и въ крутомъ положеніи находились козаки пѣдъ Берестечкомъ, а всежъ таки никто изъ нихъ не рѣшался на тій безчельный требованія Ляхѣвъ пѣдписатися. Сперва-то отвергали они загаломъ всѣ четыре помянутыи точки, заявляя панамъ Полякамъ, що до скончанія вѣка ни одного изъ тѣхъ условій не пріймуть; однакожъ потомъ, коли разъ и другій повторилась пальба изъ окопѣвъ лаяцкихъ такъ страшенна, що бѣтъ картачѣвъ ажъ розрывался козацкій чотыреугольникъ, тогда козаки послали знову до короля трехъ своихъ Старшинъ, которы бѣтъ имени всего козацтва освѣдчили слѣдующее: „Мы признаемся, що есьмо побиты, и затьмъ просимъ для себе милости и пощады. Король най не забываетъ, що завдячуе намъ свободу и житье свое еще изъ вѣины пѣдъ Зборовомъ. И мы нынѣ находимся въ подобной тѣснотѣ, якъ тогда король, тожъ хочемъ съ нимъ помиритися. Мы выдамо ему Хмельницкого, бѣтступимъ отъ союза съ Татарами и вѣрно будемъ служити коронѣ, а най тѣлько король затвердитъ намъ Зборовскій договоръ и наши стародавныи права козацкіи. А остатне слово наше до васъ, паны Ляхи, таке: пѣдпишѣтъ Зборовскіи условія, которы мы вамъ написали саблюю, иначе мы не хочемъ миритися, и лучше всѣ до одного положимъ свои головы.“

Но гордыи Ляхи въ ничемъ не хотѣли бѣтступити отъ своихъ требованій, та бѣттакъ и закѣдчилисъ мирныи переговоры, а обѣ стороны стали знову готовитися до дальней, еще завзятѣйшой борьбы. — И по-правдѣ стояло дѣло такъ, що хотя Ляхи сильнѣйши были числомъ войска и добротою своихъ пушокъ, но за то уже закрадался до нихъ голодъ, и отъ тяжкого поста пѣдъ голымъ небомъ недуговали пре-многіи паны посполитаки, до выгодного житья навывкшии. Межи тѣмъ козаки, имѣвшій въ своемъ таборѣ еще богато овецъ, волѣвъ и всякой живности, держалися всѣ здорово та заедно ободряли своего духа тѣмъ упованіемъ, що таки наконецъ приспѣе до нихъ съ помощію Батько Хмельницкій. Тожъ и кто знае, якъ бы то дальше пѣйшло было съ оною вѣиною пѣдъ Берестечкомъ, еслибы козакамъ не помѣшала была одна та и друга великая бѣда, вырившася таки во власномъ ихъ обозѣ.

А была-жъ козакамъ бѣда во-первыхъ та, що у нихъ находилось богато простыхъ селянъ, которы въ козацкомъ войску значили майже стѣлько, що посполитаки въ лаяцкомъ войску. Тіи селяне, хотя и добры были до сыпанья окопѣвъ, но не здалися до стрѣльбы и въ

случаяхъ тѣсноты мѣшали воинамъ-козакамъ наибольше черезъ то, що скоро тревожились, ѳтступали и ширили безладъ въ таборѣ. — Другая велика бѣда для козаковъ состояла въ томъ, що уже въ оно время было межи ихъ Старшинами немало нареченныхъ шляхтичей или же такихъ людей, которымъ пахла Польша съ ея шляхетнымъ панствомъ, а кололъ въ зубы русскій хлѣбъ козацкій. Ти то недоляшки перебѣгали въ польскій таборъ, якъ скоро видѣли, що буде пальба изъ великихъ пушокъ, и пристаючи тамъ до перекинчика, пана воеводы Киселя, ѳткрывали Ляхамъ всякіи военныи замыслы козаковъ. Такъ перейшолъ до Поляковъ еще въ часъ мирныхъ переговоровъ ѳтъ Чигиринского полка сотникъ Крыса; за нимъ пѣйшли родовитыи шляхтичи: Липинскій, Головацкій и много инныхъ, таки природныхъ Русинѳвъ, которыхъ именъ ани упоминати тутъ не годится. Ляхи называли такихъ нечестивыхъ переидѳвъ „вѣрными Русинами“, принимали ихъ ласкаво, чтобы принадити еще и другихъ, та позваляли имъ служити въ польскомъ войску. — Лише одинъ изъ тѣхъ-го „змѣѳвъ, которымъ и жити не треба“ — якъ выражается летопись украинска — найшолъ у Ляхѳвъ не такъ ласкавый приѳмъ. Се былъ Иванъ Лисенко, Атаманъ одного найзавзятѣйшого гайдамацкого загона. Онъ то явился безъ оружія въ обозъ князя Вишневецкого, избравши оногo наибольшого врага козачины, чтобы тѣмъ сильнѣйше докзати свое обращеніе на „вѣрного.“ Представши передъ Вишневецкого, Лисенко сказалъ: „Принимаю унію, признаю римского папежа, и клянусь польскимъ крижемъ, що уже николи не буду дѣлати лиха католикамъ.“ Князь Вишневецкій съ омерзѣніемъ смотрѣлъ на гайдамака, и не сказавши ему ни слова, звернулсѧ до своихъ мечникѳвъ, далъ знакъ, а самъ выйшолъ прочъ. Послѣ того мечники замучили Лисенка, розбравши его тѣло пѳдъ тортурами на куснѣ.

Такъ при возрастающихъ бѣдствіяхъ козацтва завеласѧ снова на дни 16. Юлія сильная пальба изъ польскихъ окопѳвъ на козацкій таборъ. Розъяренныи козаки начали тогда убивати плѣнныхъ посполитакѳвъ въ виду лѧцкого войска; одному изъ тѣхъ плѣнникѳвъ ѳтрубали голову, другому забили пѳдъ колѣна гвозди. Полковникъ Богунъ, которого козаки выбрали на-теперь вмѣсто Джеджалика своимъ головнымъ начальникомъ, рѣшилсѧ не поддаватисѧ до послѣдней капли крови, и дѣйствовалъ противъ Поляковъ такъ оружіемъ, якъ и своею хитростію. Онъ пустилъ въ лѧцкій таборъ таку поголоску, що будто Хмельницкій съ Крымскимъ Ханомъ уже вернулсѧ и ночью нападуть на Поляковъ. Для увѣренья Ляхѳвъ, що поголоска тая основана на правдѣ, козаки затрубили въ трубы, забубнили въ литавры и пѳдняли восклицѧ привѣтствія. Сейчасъ выслалъ король за рѣку Стырь кѳлька сильныхъ отрядѳвъ своей арміи, а межи тѣмъ Богунъ напалъ на польскіи окопы, заста-

вленные пушками, та вырзалъ тутъ богато Нѣмцѣвъ-пушкарей, которы своєю отличною пальбою якъ наибольше козакамъ докучали.

А помимо сего удачнаго подвига, уже ни искусство Богуна, ни отвага козаковъ не могли спасти ихъ наибольше черезъ то, шовъ ихъ таборъ загнуздился неспасенный розладъ внутренній. Переполохъ хлопѣвъ, непривыкшихъ до правильной и такъ долгой войны, замагался съ каждыиъ днемъ и доходилъ наконецъ уже до крайности. Многи изъ нихъ, вооруженни тѣлько въ косы, сходилися толпами на тайныи нарады по кутахъ козацкаго табора, та толковали межъ собою такъ: „Що-же братья дѣлати! Король хоче, щобы козацкии Старшины инли до него на заставъ, а они не хотять; ѳтъ того и не мирятся, а тѣмъ часомъ Татаре руйнують нашъ край, забирають нашихъ женъ и дѣтей. ѳтъ наилучше: выдаймо Старшинъ Ляхамъ, та хоть самы спасемся!“ — Богунь узналъ о такомъ замыслѣ хлопѣвъ, та и сейчасъ собравши Старшинъ на военну раду, говорилъ имъ: „Дурне хлопство хоче ѳтдати насъ на заръзъ, а не знае, що потомъ и само цѣле пропаде. Не остается намъ ничего, якъ выйти отсюда и спасти не лише самыхъ себе, но и трусливыхъ хлопѣвъ.“

Старшины згодились на предложенье Богуна, однакъ щобы той замыслъ мѳгъ быти исполненъ яко належитъ, то Богунь не приказовалъ объявляти о немъ въ таборъ, а велѣлъ переводити козаковъ мало-помалу на другий бѳкъ рѣки, и межъ тѣмъ безпрестанно боротися съ Ляхами, абы отвлечи ихъ вниманіе. Такъ за распорядженьемъ Богуна козаки начали по-заду свога табора класти мосты черезъ рѣку Пляшеву и сыпати греблю черезъ болота. Народу же было сказано, що се дѣлается для того, абы имѣти пасовиско на другой сторонѣ рѣки. Но Поляки довѣдались сейчасъ о всѣхъ тѣхъ работахъ ѳтъ одного „вѣрнаго“, который того дня перейшолъ до нихъ изъ козацкаго табора, и затѣмъ король выправилъ пана Ляндскоронскаго съ кѳлькѳми тысячами войска за рѣку, абы не дати козакамъ уйти изъ табора.

Тогда неустрашимый Богунь рѣшился вести войско свое на проломъ, и устроилъ дѣло такъ: Въ Недѣлю вечеромъ ѳнъ приказалъ одной части козаковъ и всѣмъ хлопамъ начати битву съ Ляхами, а другую часть козаковъ выслалъ по-задъ табора готовить греблю. Хлопамъ выкотилъ ѳнъ кѳлька бочокъ горѣлки, и розогрѣтыи хлопы погнались на врага мовъ лютыи звѣры. Они боролися въ той вечеръ такъ хоробрѳ, увели такъ богато ляцкихъ пльничковъ, що самы Поляки говорили тогда: „Чортъ бери! у хлопѣвъ тѣхъ незломана сила, та и пороху у нихъ много; а у насъ руки уже мѣлють та вѣтеръ кѳнныи колыше. Богъ знае, що дальше буде!“ — Послѣ жаркой битвы хлопы о пѳздномъ вечерѣ вернули до табора, та не подозрѣвая, що тамъ надъ

рѣкою дѣлають козаки со Старшинами, напналися горьки, и вскорѣ весь таборъ заснулъ. А козаки межъ тѣмъ звозили на болота возы, кожухи, шатры, жупаны, свитки, мышки, сѣдла, попоны — загаломъ все, що лишъ имѣли и безъ чого при нуждѣ могли обійтися, кидали въ болото, и такимъ способомъ вымостили три гребль. Ляндскоронскій увидѣлъ то и выступилъ съ своимъ отрядомъ супротивъ козаковъ, чтобы не дати имъ переправитися. Но гребль были уже устроены, и козаки пѣдъ начальствомъ Богуна и вѣсхъ своихъ Старшинъ ишли по тѣхъ гребляхъ якъ по пуху. На-разъ передніи ряды гукнули що-силъ: „ура!“ Той крикъ испугалъ Ляндскоронского; бнѣ думалъ, що на него наступае цѣлый таборъ, а понеже у него было войска немного, то уступилъ изъ дороги и побѣжалъ на весь духъ. — Тогда козаки свободно перейшли по своихъ гребляхъ, а тѣлько глякїи неосторожныи при нѣчной темнотѣ потопилися на тѣмъ переходѣ въ болотахъ.

На другій день скоро-свѣтъ хлопы побудилися, а уже половины войска и всей кнїницѣ не было въ таборъ. Сперва-то хлопы нанш еще не пожрковалися, понеже таборъ былъ дуже великій, а при тѣмъ ранній туманъ закрывалъ видъ докола. Лише тїи, що ночевали поближе рѣки Плашевой, переходили за козацтвомъ черезъ гребль толпами. Прочїи же уже и засыли преспокойно до снѣданья, — коли на-разъ ктось пресередѣ толпы крикнулъ рѣзкимъ голосомъ: „Братья! уже ни одного полковника нема въ таборѣ, всѣ поуѣкали!“ Тогда-то цѣла череда хлопства въ наибольшбшѣ пополоху пѣдняла такъ великій крикъ, що бѣтъ того ажъ Ляхи на своихъ окнахъ напугалися. Отрекаючися снѣданья и горьки, нанши хлопы мовъ-бы тїи наполопненнїи пѣдъ сѣтями воробцѣ метелися на всѣ стороны, и кричучи заедно „пропали мы!“ глядѣли въ таборъ перехода. Вправдѣ передніи козаки, що находилися ближше у мѣстця переправы, кликали ихъ за собою, но хлопы-саракїи натолпилися туда въ такѣмъ множествѣ, що розгрузили гребль и начали тонутї по болотахъ. Надаремно Богунъ, пѣдѣхавши къ нимъ зъ другого берега, увѣрялъ ихъ, що бнѣ николи въ мысляхъ не имѣлъ кидати ихъ на паству злой долѣ, и приказовалъ имъ переходити осторожно и въ порядку; надаремно козаки кричали имъ: „пожалу! не пхайтеся!“ хлопы таки не поснѣвши на гребль, надалися въ рѣзныи стороны, толклися, стукали лбами одинъ о другого, и въ нерестраху стрѣмголовъ летѣли въ воду.

Межи тѣмъ Ляхи якїйсъ часъ съ удивленїемъ смотрѣли на ту бѣгѣтню по козацкѣмъ таборѣ, та не могли поняти, що се значить. Нѣкоторые думали, що Богунъ задумалъ якую-те новую хитрѣсть, и що козаки притворнымъ бѣгетвомъ хотять завлечи ихъ въ свѣй таборъ. Они доведалися о всемъ ажъ тогда, коли до нихъ прибѣжали пльнннїи шаяхтїи, котори при той спѣсѣобности еще живннїи выдѣбылися изъ ко-

зацкого табора. Приписуючи цѣле то приключенье Божому промыслу, Ляхи повалили теперь отъ всѣхъ сторонъ въ козацкій четыреугольникъ, и якъ зголоднѣлыи волки они насампередъ кинулися на все, що въ таборѣ находилось изъ ѣда. Одни съ жадностію заберали мясо, що на рожняхъ великими куснями жарилось, другіи хватали за горчки съ борщемъ, кисилемъ та козацкою саламахою. Поживая на-скоро ти простыи стравы, паны Поляки съ радостію восклицали: „О Господи Боже! якъ Ты милосердный! Мы уже погибали зъ голоду, а Ты нечаяно послалъ намъ стѣлько хлѣба, муки, каши, мяса!“ — Въ таборѣ было много овецъ и быковъ, богато коней, зовсѣмъ осѣдланныхъ, а къ тому 28 пушокъ, а самопалѣвъ и пороху на-стѣлько, що ними можъ было заосмотрѣти цѣле польске войско; все тое Ляхи забрали. Кромъ того взяли они тутъ-же и два прапоры, знамена козацкой вѣрности на службѣ у Польши: одинъ прапоръ былъ той, которого козакамъ даровалъ король Владиславъ, коли онъ поднималъ войну противъ Турковъ и въ тайнѣ замышлялъ возстановити повагу свою королевску посредствомъ русскаго народа; другій былъ прапоръ, присланный Хмельницкому въ Переяславъ королемъ Іоанномъ-Казимиромъ. — Также розграбили Ляхи шатеръ Гетмана Хмельницкаго и взяли его шкатулу, въ которой было множество писемъ и 30.000 таларѣвъ. Талары достадишь панамъ начальникамъ, кто изъ сихъ успѣлъ шо для себе захватити, а письма и печать войска Запорожскаго передано королеви. А была въ тѣхъ письмахъ переписка съ турецкимъ Султаномъ, съ Семиградскимъ княземъ и другими сусѣдными владѣтелями, однакожъ всѣ важнѣйшіи изъ оныхъ писемъ были начертаны тайною азбукою, котору Ляхи не умѣли отчитати, и затѣмъ не могли они изъ переписокъ Хмельницкаго для потребы своей ничого узнати.

Бушующи по козацкомъ таборѣ, Поляки надовсе глядали за греческимъ Митрополитомъ Іосафомъ, котораго рады были живцемъ захватити и подвергнути его наибольшимъ мученіямъ за то, що уважали его головною причиною упорства козаковъ. Но Митрополитъ не достался живой въ ихъ руки: онъ еще на день передъ тѣмъ, выступивши съ освященнымъ мечемъ въ руцѣ середъ рядѣвъ козачихъ, палъ во время пальбы отъ кулъ ляцкой. Поляки перенесли его тѣло въ свѣй таборъ, а король приказалъ похоронити Архіерея въ близкой русскай церкви со всѣмъ его драгоценнымъ святительскимъ облаченіемъ. — Посередъ раннихъ и убитыхъ, находившихся въ козацкомъ обозѣ, Ляхи нашли также немало трупѣвъ своихъ пльненныхъ братьей; на тѣхъ трупахъ они видѣли знаки жестокихъ мученій, якихъ козаки въ своей розъяренности супротивъ живыхъ пльнниковъ тогда допускалися. Се возбудило ужасную месть въ польскихъ жолнѣрахъ: они гонялись

за хлопамы, где якія пріостали еще въ таборѣ, и убивали ихъ всѣхъ безъизвѣтно. Въ таборѣ было немало женщинъ, которыя прійшли туда, абы подъяти труды и злыдни со своими мужами и братьями. Но такъ для тѣхъ не было пощады, якъ навѣтъ и для раннихъ и умирающихъ. Надаремно хлопы кричали: „Милостивыи панове Ляхи, на Бога гляньте, будемъ вѣрны; мы не козаки, а мужики изъ черни!“ — Поляки отвѣчали имъ: „Нѣтъ пощады для тѣхъ, которыя пили шляхетскую кровь и грабили костѣлы!“ И жоліѣры вытаскивали безсильныхъ хлоповъ изъ-подо возовъ, изъ болотъ, и мучили безъ милосердія; а бѣдныя хлопы вже и самы кидались въ рѣку Пляшеву и скорою смертію избавлялись отъ мученій.

Но найшлося межы тѣмъ хлопствомъ русскимъ 3.000 мужа такихъ, що не посоромили тогда козацкой славы. Они то взбравшись на невеликій холмъ, дорого продали жизнь свою, та обороняясь мужественно, перебили множество враговъ; а коли увидѣли, що на нихъ уже со всѣхъ сторонъ наступае сильное войско, тогда скочили въ воду, предпочитая смерть рабству. Осталось изъ нихъ еще 300 мужа; тѣи засѣли на маломъ островѣ, на рѣцѣ Стырѣ, и оборонялись яко львы черезъ цѣлый день; скѣлько ни подходили до нихъ шляхтичи, но молодѣцъ наши ловко падали на нихъ та и мѣтко рубали ихъ косами, якъ скоро гдейкій отважный Ляхъ пускался черезъ воду. Послѣ многихъ неудачныхъ нападѣвъ польскіи начальники уже наконецъ не могли найти въ своемъ войску такихъ охотниковъ, которыя бы важились приступати къ острову. Тогда самъ Потоцкій послалъ депутата до тѣхъ отчайдуховъ, для которыхъ не было страха смерти. Депутатъ говорилъ имъ такъ: „Панъ Потоцкій удивляется вашей храбрости, и жалюочи такихъ дѣльныхъ воиновъ, даруе вамъ житье, если поддастесь.“ — Но русскіи борцы отвѣтили: „Скажѣтъ пану Потоцкому, чтобы онъ такъ не думалъ о козакахъ. Нѣтъ, Ляхи, не здурите насъ обѣтницами; намъ жизнь не дорога, а ласкою враговъ мы гнушаемся!“ Се говорячи, они показали множество серебра и золота, которое унесли съ собою изъ табора. „Смотрѣтъ, сказали они дальше: якъ мало для насъ значать скарбы того свѣта!“ И послѣ того серебро и золото полетѣло въ воду на-очахъ изумленныхъ Поляковъ. „Знайте, додали молодѣцъ: що свобода для козака надъ все найдорожша!“

Оттакъ Потоцкій послалъ на нихъ два полки. Самъ король прібжалъ смотрѣти на то рѣдкое зрѣлище. Молодѣцъ наши обняли другъ-друга, произнесли молитву и кинулись на Поляковъ; каждый изъ нихъ не прежде розстался съ житьемъ, ажъ поки не побилъ кѣлькохъ враговъ, а падаючи отъ куль, каждый еще сказалъ ободрительное словце своему товарищу. Цѣла сотня ляцкого полка пала трупомъ, а богато пановъ

было тяжко раненныхъ, закѣмъ перебили неустрашимыхъ тѣхъ рыцарей Руси. Наконецъ остался лише одинъ изъ нихъ; той вскочилъ на лодку и началъ ѳтмахиватись косою. Уже 14 кулъ запустили въ него, а онъ былъ еще живъ и держался! Одинъ жолнѣръ кинулся на него также съ косою, но и той былъ ѳбитый. Тогда король велѣлъ сказати козакови, що цѣнить высоко его хоробрость и даруе ему жизнь. Однакъ воинъ нашъ отвѣтилъ: „Я гнушаюсь жизнію; хочу умерти, яко правый козакъ!“ — Ажъ послѣ того кѣлька Нѣмцѣвъ войшли по шію въ воду, и закололи его списами.

Така то вамъ была завязтость русскаго люду противъ мерзенаго шляхетства Польщи!

ХЛОПСКИИ БУНТЫ ВЪ ПОЛЬЩѢ И НА ЛИТВѢ; — ПОВОРОТЪ ХМЕЛЬНИЦКОГО ОТЪ ТАТАРЪ.

Въ то время, коли велася война съ козаками подъ Берестечкомъ, Ляхи приневолены были обороняти свое пановаѣе противъ бунтѣвъ въ хлопскихъ навѣтъ во власной хатѣ: на Мазурахъ и въ Велико-Польшѣ. — Бунты ти появились первобытно въ нашей русской Галичинѣ, где дѣльные Гуцулы въ своихъ горахъ первы повиновались голосу Хмельницкаго, который еще въ началъ сей новой войны посредствомъ своихъ универсалѣвъ вызывалъ селянъ не лише Руси, но и цѣлой Польщи и Литвы до повстанья противъ панѣвъ, гонимелей простонародіа. Отъ Гуцулѣвъ мятежи хлопски перенеслися vzdolжъ Карпатскихъ горъ ажъ до мазурскихъ гѣрнякѣвъ, середъ которыхъ явился отважный начальникъ именовъ Напирскій, вправдѣ шляхтичъ зъ роду, но при томъ добрый другъ бѣднаго хлопства. Вразъ съ Напирскимъ подвизался за справу притѣсненнаго люду Мазуръ Чепецъ, который съ сильнымъ отрядомъ опрышкѣвъ первый спустился изъ горъ въ долины, и пѣднималъ тутъ селянъ та маломѣщанъ до бунту противъ панѣвъ и жидѣвства. Ополченія Напирскаго и Чепця возросли до значительной силы, и они зруиновавши докола панскіи дворы та забравши ихъ маєтки, поставили собѣ далѣй таку задачу: заняти укрьпленнии города, якіи находились въ земли мазурской, потомъ взяти Краковъ и передати тую столицю Польщи въ руки Хмельницкаго. Замыслъ той надѣялись они тѣмъ легче исполнити теперь, коли войска въ Польшѣ не было ніякого, а шляхта майже вся съ королеми пѣйшла противъ козаковъ на Вольнѣ. Первая крѣпость, зъ которой Напирскій началъ свое дѣло, была крѣпость Чорштинъ, лежащая на неприступной горѣ на берегу рѣки Дунайца. Тамъ вмѣсто старосты былъ пѣдстароста жидъ, и Напирскій взялъ ону крѣпость не оружіемъ, а самою хитростію, уживши того спасобу, що выдалъ себе передъ жидомъ за

королевского коменданта, присланного будто для обнятія залого въ Чорштинь.

Коли вѣсть о занятіи Чорштина черезъ Напирского дойшла до Краковскаго бискупа, которому въ часъ войны, кромѣ духовной власти, была препоручена также мірская власть для стереженія покою въ Польшь, то сей бискупъ собралъ на-скоро якихъ 1000 людей въ Краковъ, устроилъ ихъ и послалъ на Чорштинь. Противъ хитрости также онъ Краковскій бискупъ ужилъ хитрости. Его войны, подступивши подъ Чорштинь, показовали такой видъ, будто и они суть сторонники Хмельницкаго и желають пристати до бунту. Довѣрчивыи Мазуры впустили ихъ въ крѣпость, а межи тѣмъ вскорѣ надоспѣлъ туда отрядъ польскаго войска въ 3000 мужа, присланнйи королемъ изъ-подъ Берестечка для усмиренія повстанцевъ мазурскихъ. Бискупскіи войны захватили нечаянно Напирскаго и Чепця, та и помогли королевскому войску назадъ отобрати сильную крѣпость Чорштинь. Тогда начальнико́въ бунту приставлено въ тяжкихъ оковахъ до Кракова, и тутъ то Напирскій на судовомъ свидѣствъ сказалъ Лахамъ: „Я родомъ Мазуръ, но я помагалъ Хмельницкому. Еслибы вы мене не были перехитрили, то я взялъ бы Краковъ и освободилъ бы всѣхъ селянъ въ Польшь отъ власти пановъ и жидовъ.“ — Напирского посадили на палъ подъ стѣнами Кракова, а Чепця лядкии каты порубали на четыре части. Такъ несчастливо скончили вѣрныи сподвижники Хмельницкаго на Мазурахъ, и оттакъ грозный бунтъ селянъ въ оныхъ сторонахъ усмирися.

Подобное возмущеніе народу здѣлалось также около Познаня въ Велико-Польшь. — Туда явилось шесть русскихъ дворянъ православной вѣры, посланныхъ Хмельницкимъ для подущенія бунту межи польскимъ хлопствомъ. Сперва то они прикидывались передъ шляхтою, будто - бы убѣжали зъ Украины, спасаясь отъ козацкаго возстанія; а потомъ, коли шляхта изъ тѣхъ сторонъ выбралась до посполитаго ополченія на Волынь, они стали возмущати простый народъ, объявляючи, що Хмельницкій возсталъ за свободу не лише русскаго, но загаломъ всего простаго народа въ Польшь, призывали низвергнути ярмо пановъ, и такимъ способомъ набрали толпу, котора подняла повстанье. Но князь Черторыйскій, управлявшій тогда бискупствомъ Познанскимъ, погасилъ мятежъ въ самомъ началѣ. Отрядъ изъ 500 мужа конницъ, посланный нимъ противъ бунтовнико́въ, напалъ на нихъ нечаянно, и хлопны велико-польскіи — звычайно не то, що наши русскіи козаки — зъ первого напора всѣ разбѣжались. Четыре изъ русскихъ дворянъ были схвачены и вбиты на палъ; прочіи скрылися въ лѣсахъ. То поражение отняло отвагу у другихъ хлоповъ, которы по примѣру оныхъ уже такожь были готовы поднятися. Потомъ же и вѣсть о пораженіи Хмель-

ницкого пѣдъ Берестечкомъ погасила всякую охоту до подобныхъ движеній, — та ѳттакъ и спаслась тѣмъ разомъ стара грѣшница, шляхетская Польша, ѳтъ переворотѣвъ, якіи иначе непременно были бы ю постигли.

А несмотря на то, що хлопскіи бунты въ Польшѣ не удалися, они таки имѣли недоброе вліяніе на дальшую вѣйну Ляхѣвъ съ козацтвошъ. Коли бо послѣ пораженія козаковъ пѣдъ Берестечкомъ Ляхамъ нужно было цѣлою силою ударити на Украину, абы такимъ способомъ панованье свое въ земляхъ русскихъ крѣпко на-даль забезпечити, они вмѣсто того бушевали еще кѣлька дней въ околицяхъ Берестечка, а потомъ дошедши лишъ до Кременця, остановились и не хотѣли всею арміею дальше на Русь ступати. Тутъ то паны посполитакѣ, которыхъ было сверхъ 200.000 мужа, встрѣчая всюду по краю безлюдныя села и не находячи для себе нигде догодного постоя ни якого прокормленія, стали докучати королеви, абы ѳнъ пустилъ ихъ назадъ домѣвъ до коханои Польшѣ. „Якъ то! говорили они съ неудовольствіемъ: мы оставили наши родины, наши дома въ самъ горячій часъ господарки; мы давали потрѣбный податокъ и самы до бою ставились, а еще и то-то уважается дурничкою! Хотятъ насъ зруйновати, хотятъ повести въ непріятельскую землю и выморити голодомъ! А межѣ тѣмъ въ Польшѣ нашою неспокойно: хлопы бунтуются, и кто знае, що тамъ нынѣ дѣется съ нашими дѣтьми и жѣнками!“

Зачувши такіи дорѣканія шляхты, король Іоаннъ-Казиміръ, яко человекъ мягкосердный и для панѣвъ уступчивый, выпустилъ изъ-пѣдъ Кременця майже всѣхъ посполитакѣвъ, которы вже и безъ его дозволенья губилися по дорозѣ, утѣкаючи въ Польшу, а для дальшого усмиренія Украины отрядилъ ѳнъ не бѣльше якъ 40.000 кварцяннаго войска и наемныхъ Нѣмцѣвъ та и 7000 такихъ панѣвъ-шляхты, которы пѣздно прійшли и еще не были въ битвѣ. Тое число войска казалось достаточнымъ, абы до-останка розбити козаковъ, которыхъ сила, по мнѣнію Ляхѣвъ, уже пѣдъ Берестечкомъ была цѣлкомъ зломлена. — Поставивши надъ тѣмъ войскомъ начальниками Потоцкого, Вишневецкого и Калиновского, король попрощался съ ними за Кременцемъ, а самъ отправился черезъ Броды и Львѣвъ назадъ до Варшавы. Межѣ тѣмъ кварцянное войско двинулось трема шляхами на Украину, разбилая по дорозѣ всюду бѣдный русскій нарѣдъ и розграбляя его остатніи пожитки.

Въ той часъ, коли Поляки ѳтъ Кременця ишли въ Украину, происходили и на Литвѣ и въ Бѣлой-Руси событія, некорыстныя для sprawy простого люду, а утѣшительныя для польского панства. Также бо на Литвѣ и въ Бѣлой-Руси поднялся былъ нарѣдъ на шляхту, и въ тіи

стороны Хмельницкій еще тогда, коли ишолъ на Волюнь, выслалъ былъ около 20.000 козакѣвъ для охороненья границъ Украины ѳтъ польско-литовского войска, стоявшего въ Бѣлой-Руси пѳдъ начальствомъ князя Радзивила. Поки не извѣстно было, чѣмъ скѳнчится война на Волюню, Радзивиль съ своимъ отрядомъ, состоящимъ изъ 30.000 мужа, не трогался зъ мѣстца и стоялъ таборомъ пѳдъ Рѣчицею; но коли король извѣстилъ ему о побѣдѣ пѳдъ Берестечкомъ и поручилъ соединитися съ войскомъ, которое пѳйде въ Украину, тогда полки Радзивила стали дѣйствовать съ бѳльшимъ завязьемъ супротивъ козакѣвъ и збунтованного народа, щобы проложити собѣ дорогу ко Днѣпру, до Кіева. На несчастьѣ козакѣвъ головнымъ ихъ начальникомъ былъ тамъ Небаба, человекъ отважный и крѣпкій тѣломъ, но при тѳмъ гуляка и пьяница безъ границъ, который своимъ лихимъ примѣромъ испорчалъ старшинъ-товарищѣй и простое козацтво. Тожъ не диво, що Радзивиль побилъ таке войско Небабы на границѣ Бѣлой-Руси пѳдъ мѣстечкомъ Рѣпками, где и самъ Небаба съ многими пьяными козакамъ положилъ свою буйну голову на боевищи, а тѳлько акихъ двѣ-три тысячь зъ его войска спасли свое житѣе, убѣжавши въ городъ Черниговъ надъ Днѣпромъ-рѣкою. Изъ-пѳдъ Рѣпокъ Радзивиль погнался на Черниговъ, занялъ той богатый городъ, розграбилъ его, поубивалъ множество народа, и ѳттакъ уже не встрѣчая нигде опоры, ишолъ правымъ берегомъ Днѣпра до Кіева, где вскорѣ и расположился таборомъ на рѳвиннѣ пѳдъ передѣльемъ Кіева, пѳдъ Подоломъ.

Въ саму тую пору, коли Радзивиль готовился добывать Кіевъ, Потоцкій вступилъ уже такожь въ предѣлы Украины, и станулъ на постою въ городъ Любартовъ, где однакожь принужденъ былъ около недѣли задержатися, понеже ѳтъ тяжкого похода по опустошенномъ Волюню и ѳтъ голода въ войску его появились лютыи болѣзни, ѳтъ которыхъ еще въ дорогѣ пало до 2000 жолнѣрѳвъ. Згомодивое и на-скрѳзь утомленное войско ляцке ажъ въ Любартовъ начало приходити до силъ, найшовши тутъ довольно поживы въ плодахъ богатой земли украинской, котору и самы Ляхи называли тогда „обѣтованною землею.“

И такъ Украина наводнена была врагами зъ двохъ сторонъ, и они готовились уничтожити всякій зарѳдъ козацкой свободы и русской независимости. — То где-же былъ тогда Хмельницкій, оный вождь-верховодитель Руси, который поднялся былъ обезпечити свободу козацтва и на-всегда отыскати независимость русского народа? Тѳлько глухія слухи носились о немъ въ народѣ, що будто Ханъ татарскій, пѳймавши его пѳдъ Берестечкомъ, держитъ его въ оковахъ и не допускае ему собрати козацкіи силы противу Польщи. Но въ са-

момъ дѣль долго не знали ни Ляхи, ни козаки, куда дѣлся Хмельницкій и що съ нимъ дѣется.

А оно съ Хмельницкимъ отъ-що сталося: Погнавшись изъ-пѣдъ Берестечка за Крымскимъ Ханомъ, абы тогожь застановити и на поле битвы назадъ завернути, бнѣ догналъ вправдѣ Хана, однакожь найшолъ у него недобрый пріемъ. Розъяренный владѣтель Крыма приказалъ взяти его пѣдъ стражу, и упрекалъ его такими словами: „Черезъ тебе, поганый Гетмане козацтва, я понесъ великую неславу передъ цѣлымъ міромъ бисурменѣвъ. Ты менѣ наговорилъ, що у Поляковъ войска немного, а я тобѣ и повѣрилъ; но межи тѣмъ показалось, що у нихъ войска бѣльше, чѣмъ у мене и у тебе, та ѣттакъ не осталось менѣ ничего, якъ со встыдомъ убѣгчи изъ поля битвы. Такий соромъ николи не случился Татарамъ, и ты долженъ за то дорого менѣ заплатити!“ — Послѣ того Тагаре заволокли Хмельницкого ажъ до Крыма, и тутъ держали его въ неволи и требовали зъ него великій окупъ. Тогда Хмельницкій послалъ Выговского въ Чигиринъ до сына своего Тимоѣя, и ждалъ пѣдъ стражею у Хана до тѣхъ поръ, поки Выговскій не привѣзъ окупу 800.000 таларѣвъ. Взявши ѣтъ Хмельницкого гроши, Ханъ пустилъ его лишь въ одной сорочцѣ и въ жупанѣ, но при тѣмъ прирекъ прислати ему на помощь своихъ Татаръ, якъ скоро упорается съ собраніемъ съна для коней своего войска.

Выпущенный изъ татарской неволи Гетманъ Хмельницкій погналъ въ товариствѣ маленького числа вѣрныхъ козаковъ на Украину съ тою цѣлю, щобы чѣмъ-скорше собрати войско и поспѣшити на помощь своей братіи пѣдъ Берестечко. Ничого не зная о тѣмъ, що тамъ сталося пѣдъ Берестечкомъ, бнѣ прискакалъ въ мѣстечко Паволочъ, где мѣщане тоже ничего не вѣдали о пораженіи козаковъ надъ Стыромъ и надъ Днѣпромъ-рѣкою. Тожь удивились Паволочане дуже, увидѣвши Батька-Гетмана безъ полковниковъ и безъ почетной стражи, та стали допытовати его: „Якимъ дѣломъ, Ваша Милость, идешь туда одинъ, и що се такое, що не провадишь за собою войска?“ — Но Хмельницкій, не теряючи духа, отвѣчалъ Паволочанамъ: „Ничого! ничего! паны-братья, все буде добре! Я оставилъ 20 полковъ молодецкого войска противъ короля; они будутъ оборонятись хоть три мѣсяци; живности и пороху у нихъ богато. Треба лише собрати пѣдмогу зъ Крыма и зъ Украины, бо Ляхѣвъ пѣдъ Берестечкомъ великая сила. Но то ничего: хотьбы еще въ-друге стѣлько враговъ, а всѣхъ мы розбьемъ!“

Успокоивши такимъ способомъ мѣщанъ, Хмельницкій остался въ Паволочи, дожидаясь ханской помощи, и два дни пилъ безъ просыну. На третій день явился въ Паволочи Хмелецкій, одинъ изъ Старшинъ

козацкихъ, бывшихъ пѣдъ Берестечкомъ. Увидѣвши козака зъ-пѣдъ Берестечка, Гетманъ закричалъ: „А таборъ где?“ — „Уже чорты взяли таборъ. Утѣклисьмо зъ табора!“ ѡтповѣлъ засумованный козакъ. — „Якъ се? запыталь съ недоумѣнїемъ Гетманъ: а хоругви где?“ — „И хоругви пропали.“ — „А гарматы?“ — „И гарматы.“ — „А шкатула съ червонцями?“ — „Про ту и не знаю“, отвѣчалъ Хмелецкій. — Тогда Хмельницкій рвалъ на собѣ волосы, проклиналъ самъ себе и цѣлый мїръ, що дожилъ такого сорому.

Въ такомъ сумномъ росположенїи духа застали Гетмана въ Паволочи еще новыи гостѣ: прїѣхалъ сюда Джеджаликъ и розказалъ, що удѣялось въ козацкомъ таборѣ; прїѣхалъ Гладкій, а потомъ и другїи полковники съ остатками козаковъ. У одного зъ нихъ было не бѣльше якъ двѣ сотнѣ, у другого одна, а тѣлько Пушкаренко припровадилъ 600 своихъ Полтавцѣвъ. — „Бѣльше войска не ма?“ допытовалъ зажуренный Хмельницкій. — „Не ма, пане Гетмане! отвѣчали полковники: всѣ въ-роспорошку пѣйшли.“ — Тогда начался плачь и вопль въ цѣлой Паволочи, а къ убѣльшенью того горя, на-разъ надѣйшла туда и вѣсть, що Радзивилъ розбилъ Небабу и вступилъ въ Украину. На домѣръ всеи нужды Хмельницкій одержалъ еще и письмо изъ Крыма, доносящее о томъ, що Ханъ Исламъ-Гирей ѡтказуется ѡтъ всякой помочи козакамъ, та еще грозитъ напасти на украински предѣлы. Хмельницкій въ досадѣ уѣхалъ зъ Паволочи, сказавши на прощанью 'опечаленнымъ козакамъ: „Пойду на Запороже — и не хочу бѣльше воевати съ Ляхами!“

Вскорѣ однако нашъ Батько-Гетманъ якось знову ободрился, та повѣхалъ въ Чигиринъ, где хотѣлъ собрати еще грошей для найма татарской орды. На бѣду Чигиринцѣ збунтовались тогда противъ Хмельницкого и не пустили его въ городъ. Въ рѣзныхъ бо мѣстахъ Украины отвернулись люде ѡтъ Хмельницкого, уважая его измѣнникомъ за то, що ѡнъ покинулъ войско пѣдъ Берестечкомъ. Такъ навѣтъ и на Масловомъ-Бродѣ при рѣцѣ Русавѣ, где то звычайно ѡбывались собранїя простого козацтва, собралась уже такъ звана „чорная Рада“ съ тѣмъ замысломъ, чтобы ѡтсудити Хмельницкого ѡтъ гетманства, а на его мѣстце кого инного Гетманомъ козаковъ избрати. Ѳтъ того-то угрожало Хмельницкому совершенное паденїе, изъ которого ѡнъ уже навѣтъ николи былъ бы не поднялся, еслибы и тѣмъ разомъ не спасла его незвычайная бодрость и притомность духа, яка не опускала его въ найнебезпечнѣйшихъ случаяхъ жизни. Ѳнъ то зачувши о собранїи чорной Рады, явился на ней самъ особисто на Масловомъ-Бродѣ, и тутъ промовилъ такъ крепко и сердечно въ оборонѣ своего гетманства, и такъ безпощадно выступилъ противъ злобивого дѣйствїя и Крымцѣвъ и Ляхѣвъ, що козаки, недавно еще на-скрѣзь нимъ недовольныи, зновѣ

признали его своимъ Батькомъ-Гетманомъ и готовы были идти за нимъ хотьбы въ пекло на всякого врага-супостата.

Отъ того часу Хмельницкій уже не потерялъ крѣпкого духа, а показовалъ передъ народомъ всегда видъ такой, якъ-бы не дѣзналъ бытїя ніякого пораженія, но яко-бы счастливая доля начала зновъ ему спріяти. Къ удивленію всего народа, бытїя въ саму тую пору, коли Ляхи бытїя двохъ сторонъ напирали на Украину, оженился по другій разъ, и справилъ веселье такъ славне, якого на Украинѣ бытїя давна не запам'ятано. Стало бо ся таке, що первую свою жену, котора уже и такъ поживала была якійсь часъ съ шляхтичемъ Чаплинскимъ и котора была непослѣдною причиною возстанія Украины, повелѣлъ Хмельницкій за зраду и невѣрство о той порѣ повѣсити, и оттакъ взялъ теперъ другую жѣнку, по имени Анну, сестру Корсунского полковника Золотаренка. Потѣшаясь новою женою, Хмельницкій не залишилъ ни одной хвилї, абы до веденія дальшой вѣйны готовитися; не тѣлько бо розбѣславъ бытїя по всей Украинѣ новыи универзалы, зывая цѣлый нарѣдъ подъ оружіе, но послалъ также послѣвъ своихъ до турецкого Султана, требуючи бытїя отъ него и бытїя подвласного ему Крымского Хана скорой помочи. А хотя такъ Султанъ якъ и Ханъ отвернулися теперъ бытїя отъ того, кому счастье перестало спріяти, и подмогу козакамъ отказали, но за то Хмельницкій съ тѣмъ бѣльшимъ усердіемъ старался тогда воскресити силу во власномъ своемъ народѣ, абы оттакъ разъ уже и безъ чужой помочи дѣйствовати супротивъ Польщи.

И справдъ вышло оно такъ, що „плодовитая мати Украина — якъ каже рускій льтописецъ — возродила зновъ козацтва столь богато, якъ - бы пораженія подъ Берестечкомъ и не бывало.“ Повсюду собирались толпы русского народа и клялись хотьбы всѣмъ умерти, а не поддатися Полякамъ. Тутъ то знову передомъ всѣхъ Русинѣвъ ишли наши Подоляне, когоры узброившись въ косы и въ рога-тины, первыи кинулись на тѣхъ панѣвъ-шляхтичей, що уже повертали изъ Польщи, абы назадъ обняти свои маетности въ земляхъ русскихъ. Бужане сходились громадно до Прилуки подъ начальство Винницкого полковника Богуня, который надъ всѣхъ усердѣйше помагалъ Хмельницкому вооружатися, и бралъ навѣтъ зъ каждого жителя по галюру, абы за тїи гроши наняти якъ наибѣльше людей изъ татарской орды. Бытїя то Богунъ, довѣдавшись, що коронное войско иде на Кіевъ, поспѣшилъ соединити свое ополченіе съ ново-утвореннымъ войскомъ Хмельницкого, укрѣпилъ Бѣлую-Церковь и поставилъ козацкіи отряды въ Хвастовѣ и Трилисахъ, лежавшихъ на дорозѣ Ляхамъ до Кіева. Дѣятельность и возванія Винницкого полковника въ особенности возбуждали и поддерживали въ жителяхъ Руси духъ упорства, передъ ко-

торьмъ отъли слова ужасались пань Поляки. Всяде по при тыхъ шляхтахъ, куда проходило ляцкое войско, мужики наши съ ожесточениемъ палили на поляхъ власныи збжя, розвалили свои маты, увозили всякия принасы, чтобы не дати ворогамъ ни пристанища, ни прокормления. И Поляки вскорѣ почувствовали то ожесточеніе русскаго народа. Вышедши бо изъ Любартова, они дальне въ „обътованной землицѣ“ не могли ни за великии грѣши достати „бобы“ ни живности, ни якого набитка. Въ часъ похода непрестанно нападали на нихъ вооруженныи загоны, бгнималь таки въ ихъ очахъ возы съ военныи снарядами, останавливали Ляхвъ на переправахъ, ломали мосты и выкрикивали: „Вражи Ляхи! выбирайтесь въ ванну Полющу, а иначе и следу по вась тутъ не остане!“ Отъ недостатка здоровой стрavy появились въ войску польскомъ зновъ тяжкии болзнии, отъ которыхъ мерли особливо пань шляхта. Для 9 Августа на постою въ Паволочи умъръ отъ такой болзнии навътъ князь Геремія Вишневецкій, найзаконитишій рыцарь и военачальникъ Польщи, который такъ своимъ великимъ искусствомъ военнымъ якъ и непримиримую злобою за цѣлую жизнь наибближе вредилъ нашему козацтву. Коли на д. 12 Августа лѣртовъ тѣло его изъ Паволочи везли до Вишневця, абы тамъ похоронити его въ родимомъ грѣбѣ, замаялись польскіи воины горькими слезами, а за ними и вся Польша, тяженько зарыдала. — За то Хмельницкій, якъ каже одна польска лѣтопись, возрадовался дуже, коли уѣдалъ, що нѣтъ болше того, который всегда стоялъ ему костью въ горлы. Накѣонецъ Богъ выслужалъ наши молитвы — говоритъ Онъ козакамъ десницею Бога оказала справедливость. Князь Вишневецкій, що то хотѣлъ помысь обладати цѣлою Русью, теперъ звиннае чѣтыре локотѣ земли. Списы наши не поразили его, но Господь Богъ, иститель крови нашей, повергъ во прахъ беззаконную его голову. На другій день поелъ войскового похорону князя Геремія, Ляхи выйшли изъ Паволочи, и за два дни стайули пѣдъ мѣстечкомъ Трилисами, которое, якъ и вся украинскіи мѣстечка, состояло изъ деревяныхъ хатъ, и въ томъ часѣ вденномъ обведею было ровомъ, та дубовымъ частоколомъ. Смотрячи на то скромное мѣстечко, Ляхи ани не могли подумати, що придется имъ тутъ перебыти жаркій огонь, якого не дивнали еще до сихъ норъ отъ битвы пѣдъ Берестечкомъ. — А зайшло дѣло пѣдъ Трилисами такъ: Коли Поляки пѣдъ вечеръ сблизились къ мѣстечку, намѣря въ нешь свой подлягъ отбити, увидяли они изъ своему великому удивленію, що на частоколь кругомъ Трилисы сидли узброенныи людѣ обоего поая, такъ мужики якъ и женщины, которы ругаючись Полякамъ що немѣра, привитали ихъ густымъ градомъ кумъ изъ самопаловъ. Встрѣтивши такъ нежданное угоденіе, Потоцкій велѣлъ также

своими войсками дати огня въ частокоды, думаячи, що тѣмъ самымъ завязать Трилисы отстранить. Однако Трилисы не убоилися врага, но стрѣляли и ругались заодно Ляхамъ, хотя видѣли ясно, якъ великое польске войско, а якъ ничтожна ихъ сила. Тогда Потоцкій рѣшился ночевати въ поли, а на другій день скоро-свѣтъ приказалъ полкамъ своими брата Трилисы штурмомъ.

А было въ мѣстечку, кромѣ всѣхъ легко уброемыхъ жителей, только 600 мужа козаковъ: отже погибель ихъ была очевидна, но они рѣшились показати собою въ Украинѣ примѣръ, що лише отчаянною борьбою съ врагомъ на каждомъ кроку можна спасти народную страну. Начальникомъ въ Трилисахъ былъ Александрякко, той самъ, который еще зимою славно отличился въ Стѣпахъ, — Раненько до-свѣта Ляхи ударили на Трилисы изъ великихъ пушекъ, а пѣхота кинулась добывать частокоды. По два раза козаки отдерали Ляшю, задавши ей тяжкія страты; ажъ наконецъ за третій разомъ они принуждены были отъ частокодовъ уступить на Трилискій замокъ, украденный каменнымъ валомъ. Пѣхота ползла на валъ замка, где закипѣла найстрашнѣйшая борьба на сабли, ножи и на кудяки. Съ несмѣханною розъяренностію оборонялись тутъ наши люди; особенно женщины поражали нѣмецкихъ пѣхотниковъ рогацами та косами, и одна баба зарвала косяю начальника наемныхъ Нѣмцевъ, полковника Страуса, а около двѣ сотни его людей пали трупомъ на валу. Помимо такъ завзатой обороны, Трилисы были взяты Ляхами, которы спалили и замокъ и мѣстечко цѣле до-гла, а всѣхъ жителей, числомъ до 2000, вырвали, збыткуючись навѣтъ надъ дробненькими дѣтьми такъ жестоко, що разбивали ихъ невинныя головки о дерева и стѣны. — А якъ и несчастна доля постигла жителей Трилисъ, таки войско польске не отнесло отъ того ни найменьшой корысти, а напротивъ пострадало оно не только богато въ своихъ людяхъ, но вразъ съ тѣмъ набавилось великого страху передъ тѣмъ, що его еще дальше ожидать може на походѣ въ краю такъ жарко розъяренного народа. Особливо же наемники Нѣмцы затревожились событіемъ подъ Трилисами такъ дужо, що на долгій часъ они боялись леда какой-будь украинской женщины, подозревая каждую за хоробрую Трилисянку.

О томъ-же часѣ, коли Потоцкій имѣлъ тяжкое дѣло подъ Трилисами, дозналъ также князь Радзивилъ весьма немдого прирѣтанья отъ стороны мящанъ Кіева. — Стало бо ся такѣ въ городѣ Кіевѣ, що малая залога козаковъ, котора тамъ стояла, при зближеніи численнихъ полковъ Радзивила уступила изъ мѣста, абы такимъ способомъ доказати, що Кіевъ остае безъ обороны, и затѣмъ не надежитъ противъ него по военному поступати. По уступленіи козацкой залoги Кіевскій Митропо-

леть, Симеонъ Коссовъ, послалъ отъ имени всего города просиство до князя Радзивила съ тѣмъ заявленіемъ, чтобы былъ, если уже такъ конечно хоче, вступилъ съ своимъ войскомъ на мирный постой до Кіева, однакожь чтобы при тѣмъ пощадилъ беззащитныхъ мѣщанъ и не розграблялъ ихъ маетковъ. Колижь послѣ того войско Радзивила вѣйшло до Кіева, и вмѣсто мирного поста оно начало депускати въ грабежи на городскихъ маеткахъ, розъярешны мѣщане постановили запалити Кіевъ на всѣхъ концахъ, абы такъ истребити цѣле свое достояніе, най-бы оно не досталось въ руки ворогѣвъ. Якъ постановили, такъ и здѣлали Кіевски мѣщане: на дни 16. Августа, подъ часъ самого наибольшого вихра, подпалили они свои дома во всѣхъ частяхъ города, и бѣгтакъ поднялся ужасный пожаръ, бѣгъ которого за короткое время сгорѣло сверхъ 2000 домовъ со всемъ имуществомъ и со всеми господарскими будынками. Видячи такое ожесточеніе мѣщанъ и переконавшися, що уже ничего не осталось въ городѣ, що бы можно было розграбити, князь Радзивиль вѣйшолъ чѣмъ-скорше изъ пепелищъ города Кіева, и поспѣшилъ въ южныя стороны Украины, абы тамъ въ мѣстечку Васильковѣ съ войскомъ Потоцкого соединитися.

Кіевскій пожаръ и Трилисское кровопролитіе розъярили русскій народъ до найвысшой степени. Козаки и хлопы, скрываютчися по лѣсахъ, выходили теперъ изъ своихъ укрятій, и нападаю на пѣдѣнокіи отряды Ляхѣвъ, страшно метилися на нихъ за кровь своихъ братьей и за старина ихъ хать. Захвативши где-нибудь польскихъ пльничковъ, мужики ругалися имъ надъ-мѣру, сажали ихъ на палъ, здирали кожи и кобили рожнами. Въ тойже часъ загоны гайдамакъ, вѣбгаючися отъ всѣхъ сторонъ, безпрестанно нападали на передовыи и задніи стражи такъ Потоцкого якъ и Радзивила, отнимали имъ возы съ военными запасами, уводили пльничковъ и истребляли все, що найшли вражеского где-будъ по селахъ чи по дорогахъ. Въ следствіе того войско польске принуждене было заедно держатися въ-купъ чи то на походъ чи на постою, и не возможно было ему рѣспускати по околицяхъ меньши отряды за-дѣя стяганья корму для себе и своихъ коней.

Здавалося отже, що теперъ, коли за примѣромъ неустрашимыхъ жителей Трилесь и Кіева вся Украина поднималась знову до великого народнаго бунту, уже приспѣло время, где то сила и власть ненавистной Польши въ земляхъ русскихъ буде на-всегда подтита; однакожь — на несчастье Руси — зайшли вскоръ зновь такіи околичности, которы приневолили Хмельницкого заключити съ Ляхами еще одно перемиріе, изъ всѣхъ прежнихъ наибольше некорыстне для русскаго народа.

ОБЪЕДИНИТЕЛЬНЫЙ ДОГОВОРЪ; — НОВОЕ ПОСОЛЬСТВО ХМЕЛЬНИЦКОГО
 ВЪ МОСКВУ.

Въ послѣднихъ дняхъ мѣсяца Августа (1651 г.), коли полки Ра-
 дзивида соединились подъ мѣстечкомъ Васильковомъ съ войскомъ По-
 тоцкаго, Хмельницкій собралъ уже знову акихъ 40,000 мужа коза-
 ковъ и спровадилъ къ тому за великій грошъ изъ татарскихъ степей
 около 5000 бисурманъ подъ начальствомъ Карачъ-Мурзы. Съ тѣмъ-то
 ново-набраннымъ войскомъ расположился онъ подъ селомъ Рокитиномъ
 у рѣки Роси, намеряя оттуда слупати къ Бѣлой-Церквѣ, и тамъ
 ожидать неприятеля. Но устроая свои полки подъ Рокитиномъ, нашъ
 Батько-Гетманъ увѣрился тутъ, що его новые воины уже не были то
 козаки такого дѣльного духа и характера, съ которыми онъ колись-то
 побивалъ Дяховъ подъ Корсунемъ, подъ Пидвакою и Зборовомъ, а были
 то по большою части собранны на-скоро хлопцы-гайдамаки, добрыя де
 розбою въ меньшихъ потычкахъ, но до великой битвы съ правильнымъ
 войскомъ не дуже пригодны. А такожъ и козацкии полковники, съ изъ-
 ятиемъ Богуна и колькохъ старшихъ, были то люде новотныи, та до
 того зарозумѣлы и упрямы, которы не хотѣли одной годовѣ повино-
 ватися, но каждый важилъ много лише на свой власный розумъ.
 Къ тому и наемныи Татары Карачъ-Мурзы, которы приишли будто на
 помочъ Украинѣ, занимались лише грабежемъ своихъ союзниковъ, а
 розказовъ Хмельницкаго никакъ не слухали. Наконецъ — шо еще изъ
 всего было найгорше — старшины и простое козацтво, якъ-бы изъ
 голя и тяжкого смутку надъ шербатою долею Украини, предались не-
 помѣрному цѣнству, такъ, шо отъ того въ таборѣ Хмельницкаго не-
 разъ была клята-неспасенная година.

Видѣлъ отже нашъ Батько Хмельницкій, шо съ такимъ войскомъ
 не легка придется розбити на-разъ и Потоцкаго и Радзивида,
 которы, соединившись теперь, имѣли до 70,000 мужа правильного
 войска. Затѣмъ онъ, порадившись съ своимъ генеральнымъ писаремъ
 Выговскимъ, постановилъ на-теперь такъ: вѣйти съ Потоцкимъ въ пе-
 реговоры, взглядомъ заключенья новаго мира, абы оттакъ позыскати
 часъ для собранія большихъ силъ и для приведенія тѣхъ-же въ луч-
 ший военный порядокъ. Въ той-то цѣли Хмельницкій выправилъ черезъ
 нарочнаго посла до Потоцкаго письмо, въ которомъ межи прочими на-
 писалъ ось-то: „Ваша Милость, пане Потоцкій, наларемно истошаецъ
 свои силы, абы докорити насъ козаковъ, которы повстали не для нару-
 шенья мира, но для удаленья отъ себе великихъ воіющихъ, кривдъ,
 нанесенныхъ всему русскому народу отъ вашихъ пановъ-шляхты. Край
 нашъ повсюду зруйнованный, поля опустошены, села выпалены, мѣста

въ развалинахъ а храмы Божии въ крайномъ поруганіи. Все то чае-
жить приписать едину жестокости и мелодской злобѣ вашей братці
Поляковъ. Чогожь еще ждати изъ обоихъ сторонъ? Погибне ли наша
Русь, тогда нестане и Польша, бо вась заберутъ могущи сусѣды. Мы,
русскіи, козаки, готовы, вась умерги за нашу отчину, а вы, паши Поляки,
идете на насъ войною за заше надъ нами панованье, за цанщину и за
дворинца въ нашихъ селахъ. Богъ справедливый поразитъ въ - конецъ
таки тѣхъ виновныхъ, которы дервыи безъ всякой причины начаи тер-
зати невинныхъ и спокойныхъ людей, раббвъ своихъ и подданныхъ. Прійми
затѣмъ, Ваша Милость, мою послѣдню раду: Въмсто искусства военного
обернися лучше до того искусства, що учить заключити добрый миръ;
не надѣйся на счастье въ той упорной борьбѣ, и не думай побѣдою своею
усмирити козаковъ. Мы козаки, народъ упертый и крѣпкій волею: мы
не возносимся въ счастье, и не удаемъ духомъ въ бѣдствіяхъ. Лучше
и надежнѣе буде для вась, закъ дѣючти съ нами постраданный
миръ, чѣмъ вести дальще войну, которой оконченіе еще лишь одному
Богу вѣдомо. Однакъ если вы, Поляки, теперь откинете наше мирное
предложеніе, то мы на-конецъ дойдемъ противъ вась въ союзъ съ
могущими сусѣдами.

Якъ и не до-вподобы было пану Потоцкому то острое письмо
Хмельницкого, а таки гордый онъ военачальникъ Польши имѣлъ тогда
тоже свои причины и побудки, для которыхъ приневолень былъ болѣе
потягати за миромъ, нежь за дальшимъ веденіемъ войны съ разбуянимъ
козацвомъ. Прежде всего бо затревожила пана Потоцкого таа мысль,
що Хмельницкій въ своемъ письмѣ згадовалъ о союзѣ съ „могущими
сусѣдами“, подъ которыми очевидно разумѣлъ онъ, никого инного, якъ
лише Москву — отъ вѣкъ-вѣка наибольшое страшилище для Поляковъ.
И по-правдѣ такъ Потоцкій якъ загаломъ вась Лахи инного, не боялися
болѣе, якъ только того, абы разъ колись Украина, а за нею и вся
Мала и Бѣлая Русь, не соединились съ велико-русскимъ Царемъ, бо
отъ такого союза васьхъ русскихъ племень угрожала всегда самой
Польши — вѣчная память. До тргожь войска Потоцкого, до которого
прилучились еще и полки Радавида, терпѣло чѣмъ разъ болѣеший недо-
статокъ въ прокориленіи, а отъ того розмагачился тяжкій недугъ такъ,
що одной ночи въ первыхъ дняхъ Сентября умерло около 300 жол-
дѣровъ. Приближалась къ тому осѣнь, а съ нею непогоди и всякіи не-
удобства для лацкого войска въ непріятельской земли: коли жежи таць
русскій народъ, не только не усмирился, но по маръ большого небезпе-
ченства приходилъ до чѣжь разъ, болѣешой силы и болѣешой завзятости.
Оттакъ то що-хвиля приходили до польского табора вѣсти самыи не-
пріятныи. Такъ донесено Потоцкому, що Хмельницкій стануль уже

въ Бѣлой-Церкви и що туда-же Богунъ припробавилъ къ нему кѣлька полковъ самыхъ отчаянныхъ козаковъ. Дальше увидалъ Потоцкій и о томъ, що Винница была въ рукахъ козаковъ и стала съборнымъ мѣстцемъ для ихъ ополченій; що Паволокъ была взята нечаянно козаками, а вся оставленная въ ней залого польска была истреблена; наконецъ що уже и въ Хвастовѣ, недалеко Василькова, явилось 4000 козаковъ, которы заходятъ изъ-заду ляцкин полки и грозятъ затѣмъ бѣрзати имъ всякіи сношенія съ Польщею. Боялся отже Потоцкій, що если протягне вѣбну до глубокой осени, то войско его окружено буде неприятелемъ со всѣхъ сторонъ, и ани не зможе назадъ добраться до Польши.

Ти то всѣ великіи неудобства побудили такожъ и Потоцкого до начатія мирныхъ переговоровъ съ Хмельницкимъ, хотя шѣрковалъ бнѣ добре, що Хмельницкій готовъ былъ заключити яке-будѣ перемиріе вовсе не для широй згоды съ Польщею, но для позыкання часу къ дальшимъ военнымъ дѣйствіямъ. И въ самомъ дѣлѣ переговоры вскорѣ начались, а то бѣтъ того, що Хмельницкій, приславши двоухъ козацкихъ Старшинъ въ таборъ Потоцкого, требоваъ затверженія Зборовского договора; но коли Поляки на се ніякъ пристати не хотѣли, то желалъ Хмельницкій, чтобы до Бѣлой-Церкви звѣхали полновластныи комисары Потоцкого, съ которыми бы можно было новии условия мира установить. Оттакъ Потоцкій, одѣржавши бѣтъ Хмельницкого заложниковъ, выправилъ до Бѣлой-Церкви своихъ комисаровъ, поставляя на чель тѣхъ-же Кіевского воеводу Адама Киселя, которого Ляхи всегда уживали яко свое орудіе тамъ, где ходило имъ о томъ, абы Русь напу обѣтницами „згоды“ прельстити.

Коли польскіи комисары въздили до Бѣлой-Церкви, козаки окружили ихъ толпами и заявляли свое недовольствіе противъ мирныхъ переговоровъ крикомъ, свистомъ и грозьбами, та проклинали „вражихъ Ляховъ“ що-немира. Тогда-то старый Кисель, выгнувши изъ повоза, заговорилъ до козаковъ съ примилеіемъ: „Я не Ляхъ, а такіи-же русскій человекъ, якъ и вы, паны братья! Таже звѣство вамъ, у мене кровь изъ русской крови, и русскіи мои кости!“ — А козаки отвѣчали ему съ поруганіемъ: „Русскіи въ тебе кости, пане Кисель, но они наскрбѣ заросли ляцкимъ масомъ!“

Пріѣхавши на замокъ, где пребывала Старшина козацка, комисары предложили готовый уже договоръ, списанный въ таборѣ Потоцкого и состоявший изъ 24 условныхъ точекъ, изъ которыхъ кожда была вымѣрена на уничтоженіе козацкой силы и воли. Въ загалной основѣ той договоръ, названный Бѣло-Церковскимъ, содержалъ слѣдующее: „1) Козацкого войска, которого по Зборовскому договору было

40.000, теперь не може быти больше, якъ ино 15.000 мужа, а все прочиі люди по всей Руси мають уважатися подданныи короля и тѣхъ панівъ, що посѣдають добра въ земляхъ русскихъ; 2) ти 15.000 мужа козаковъ должны быти записаны въ реестръ, и ако реестровымъ козакамъ не дозволяется имъ стояти достоемъ въ воеводствахъ Брацлавскомъ и Черниговскомъ, где они до тѣхъ поръ стояти могли, а только въ одномъ Кіевскомъ воеводствѣ, и то лише въ мѣстахъ и маєткахъ королевскихъ; 3) за те войска коронны, которымъ прежде не вольно было стояти въ трехъ упомянутыхъ воеводствахъ Украины, займутъ теперь воеводства Брацлавске и Черниговске цѣлковито, а въ Кіевскомъ воеводствѣ стояти будутъ въ добрахъ шляхты, въ которыхъ не смѣе быти реестровыхъ козаковъ; 4) Гетманъ украинскихъ козаковъ долженъ оставатися на-всегда подъ старшинствомъ и подъ властію Гетмановъ коронныхъ, а не смѣе николи входить въ договоры и заключати союзы съ сусѣдными владѣтелями, особливо-же съ Царемъ московскимъ; 5) козани должны на-всегда отречися дружбы и союза съ Крымскимъ Ханомъ и не смѣють николи наймати собѣ до помочи людей изъ татарской орды; 6) вара: православно-русскя буде на рѣвнѣ поставлена съ католическою, однакожъ ти православныи Русины, которы до-теперь перейшли на унию или на католичество, должны оставатися и на-дадь, будь униатами, будь католиками; 7) жида, якъ прежде бывали двѣдичами и арендарами въ маєтностяхъ короля и въ добрахъ шляхты на Руси, такъ и на-дадь могутъ такими-же знову оставати. — Якъ и безчелныи были ти условія комисаровъ пана Потоцкого, а такъ Хмельницкій, не показуючи супротивъ нихъ ни найменьшого гнѣва, но сохраняя въ-полнѣ видъ поважнѣй и спокойнѣй, освѣдчилъ воеводу Киселю, що готовъ быти и весь ти точки договора приняти, а най-бы только паны Поляки оставили ему для исполненя сихъ условій часть свободный, принаймѣй до Рѣдва Христоваго. Думалъ бо Хмельницкій, що до Рѣдва бытъ успеѣе перевернути дѣло такъ, що Ляхамъ ми на-що не придадутся все ихъ выкруты-договоры, якими хотѣли они власть свою и пановацье въ земляхъ русскихъ знову на-долго обезпечити. Тожъ забичивши на-скоро переговоры съ комисарами Потоцкого, Хмельницкій и весь Старшины козацтва выступили изъ замка, и явились на великой площади города, где народъ козацкій, густыми толпами собранный, неспокойно дожидался кѣнця мирныхъ договорѣвъ. За появленіемъ Батька-Гетмана настудило молчаніе и водворилась тишина въ толпахъ козацкихъ. Начали читати условныи точки, — однакъ скоро лишь хлопцы зирьковали, що Зборовскій договоръ въ нихъ нарушенъ и що они знову будутъ приневодены одужити панамъ-шляхтѣ, такъ на-разъ поднялся великій шумъ, и народъ громко сталъ выкрикивати: „Оттакъ ты, пане Гетмане, съ Ляхами трак-

гуешь, а насъ бѣдныхъ покидаешь, та отдаешь насъ знову панамъ на муки подъ палки и батоги, на палъ та на шибениць! Но байдуже тебѣ! Закъмъ до того дойдеться, то ты и самъ наложишь головою, и ни одинъ Ляхъ живцемъ отсѣль не выйде!"

Послѣ тѣхъ восклицовъ раздались выстрѣлы: Хмельницкій и козацкій полковники убѣжали на замокъ, но толпа народа со всѣхъ сторонъ повалила за ними и готовилась брати замокъ штурмомъ. Татары начали пускати стрѣлы, а хлопы кидали камнями; всѣ окна въ замку разлетѣлись, и одна стрѣла мало было не попала въ голову воеводу Киселю. Тогда Гетманъ Хмельницкій, съ изумительною для пановъ неустрашимостію, вышполъ зновь изъ замка со всѣми Старшинами; толпа завязатого хлопства верглася на него съ поднятыми саблями и дубинами. Но Хмельницкій кинулся на цѣлу толпу, и держачи въ рукахъ гетманскую булаву, власноручно началъ бити вею всякого, кто ему попался, и кричалъ громовымъ своимъ голосомъ: „А поганць, а гайдамаки! Вы смѣете нападати на послѣвъ, которыхъ оскорбляти запрещають права народныя! Таже за нихъ въ ляцкомъ таборѣ суть наши заложники; такъ хоть своихъ братьевъ-заложниковъ пошануйте!“ — Той смѣлый поступокъ и громкія упомненія Хмельницкого усмирили яко-такъ розъяренную толпу, однакѣмъ помимо того такъ Хмельницкій якъ и всѣ Старшины провели ночь на замку безъ сна, и сами стояли на стражи у дверей тѣхъ комнатъ, гдѣ оставали затреноженныя паны-комисары Потоцкого.

На другій день послѣ того народнаго возмущенія — а было то 9 Септембрія 1651 г. — паны комисары уѣхали изъ Бѣлой-Церкви, сопровождаемыи самымъ Гетманомъ и Старшинами козацкими далеко за городъ. Ажъ коли они выѣхали въ-даль на чистое полѣ, то разлученная толпа хлоповъ и Татаръ таки догнала ихъ, высадила изъ повозовъ и обдерла ихъ всѣхъ до-чиста, оставляя на нихъ лише штаны и сорочки. Производячи тую грабежь, хлопы докучали панамъ-комисарамъ еще такими приговорками: „Не за-для корысти беремъ зъ васъ, паны Ляхи, ваше серебро и золото, но просто за-для того одного, щобы вамъ, тяжкимъ вороженькамъ, досадити, и за вашу ляцку згубу русскимъ псятукомъ отплатити!“

Такъ ограбленныя паны комисары пустилися дальше пыцкомъ въ дорогу и встрѣтили цѣле войско польске уже на походѣ изъ Герляновки въ Бѣлую-Церковь. Тутъ то панъ Потоцкій, хотя и дуже огорчился, увидѣвши воеводу Киселя и своихъ пановъ полѣмочниковъ въ весьма оплаканномъ станѣ, но за то урадовался тѣмъ извѣщеніемъ ихъ, що Хмельницкій на условія новаго договора согласився. — На другій день (10 Септембрія) ляцкія полки зближились подъ Бѣлую-

Церковь, и тутъ панъ Потоцкій, уставивши свой шатеръ на курганъ, называемомъ Острая Могила, ожидалъ Выговскаго и другихъ отпущенниковъ козацкихъ, которы послѣ умовы должны были прибыти туда для присяженія Бѣло-Церковскаго договора. Однакожъ вмѣсто ожидаемыхъ, явились инныи, цѣлкомъ неожиданныи козаки, числомъ 12, а на ихъ чель Старшина Одынецъ, и тѣи, вступивши въ шатеръ Потоцкаго, заявили рѣзко: що войско козацке новаго договора не пріймається, а требуе затверженія и точнаго исполненія всѣхъ условій Зборовскаго договора; иначе козаки готовы битись до послѣдней капли крови.

На такє нечаянное требованіе панъ Потоцкій сталъ якъ бѣшеный, та перервавши сейже-часъ всякіи мирныи сношенія съ козацтвомъ, далъ знати Хмельницкому, що польскіи войска готовятся до дальшой битвы. — Хмельницкій же изъ своей стороны, хотя и не радъ былъ вступати въ нерѣвную борьбу, а все таки оставилъ полную волю своимъ козакамъ, абы они, если и не успѣють цѣлковито побити непріятели, прінаймнѣй черезъ свою хоробрость вынудили у Поляковъ болѣше выгодныи условія.

За тѣмъ на дни 13. Септембрія началась подѣ Бѣлою-Церквою кровопролитная битва, котора продолжалась черезъ цѣлыхъ три дни, и въ которой такъ козаки якъ и союзники ихъ Татаре держались супротивъ Ляховъ такъ крѣпко, що побѣда туи-туи клонилась на ихъ сторону. Ажъ четвертого дня, коли ляцкимъ полкамъ удалось значно поразити кѣнницу татарску, и коли до того въ козацкомъ таборѣ уже были сильно появились заразливыи недуги, лютившіися до сихъ поръ лишь межъ Поляками, то Хмельницкій рѣшился знову поднати мирныи переговоры съ Потоцкимъ, который, помимо своей переваги въ силахъ военныхъ, увѣрился достаточно, що борьба подѣ Бѣлою-Церквою ведется дуже упорно, та оттакъ и самъ такожъ знову склонялся до згоды. — Отже на дни 16. Септембрія Хмельницкій высалъ въ таборъ Потоцкаго двоухъ козаковъ съ такимъ заявленіемъ, що онъ на всѣ условія новаго договора согласится, якъ скоро дозволится ему вмѣсто 15.000 держати 20.000 мужа козацкаго войска. А коли Потоцкій безъ всякой суперечки присталъ на тѣхъ 20.000 козаковъ, то сейже-часъ наступило перемиріе, и заключенъ былъ договоръ такъ званый Бѣло-Церковскій, который послѣ присяженія отъ обоухъ сторонъ потребовалъ еще только затверженія отъ стороны польскаго сойма въ Варшавѣ.

Заклучивши сей договоръ, Хмельницкій забажалъ еще повидатися съ паномъ Потоцкимъ особисто, абы умовитися съ нимъ и взглядомъ времени, отъ котораго договоръ долженъ былъ войти въ исполненіе. По той причинѣ нашъ Гетманъ затребовавъ отъ Потоц-

кого за себе заложниковъ, которы и сейчасъ присланы были зъ польскаго табора, именно паны коменданты: Янъ Гонсьвскій и Марко Собьскій. Коли тѣ заложники польскіи явились въ Бѣлой-Церкви, то козаки и ихъ полковники старались весьма силами отклонити Батька-Гетмана, щобы онъ не отправлялся во вражій таборъ Потоцкого, та грозили его придержати навѣтъ силою; однакожь Хмельницкій приказалъ выкотити козакамъ десять бочокъ горѣлки, и коли они всенародно чествовались, онъ съ кѣлькама Старщинами поскакалъ въ ляцкій таборъ, и тамъ здѣлалъ съ Потоцкимъ таку умову, що исполненіе Бѣло-Церковскаго договора начнется ажъ зъ весны 1652 г.

Покончивши се дѣло, Хмельницкій хотѣлъ сейчасъ вертати назадъ до Бѣлой-Церкви, однакожь Потоцкій и Радзивиль, желая показати ему свою особенну ласкавость и почтеніе, запросили его до себе на обѣдъ. Хмельницкій принялъ то запрошеніе, однакожь не залишилъ при томъ своей осторожности при пированью съ врагами. Тутъ-то онъ, сидячи за столомъ на первомъ мѣстци и съ накрытою головою (бачите, такий былъ звычай въ оныхъ часахъ, що высокодостойныи особы не знимали своихъ шапокъ ни при обѣдахъ ни на собраніяхъ), хотѣ и розговоривалъ весело съ Ляхами, но при томъ уважно подсматривалъ за всякою стравою и всякимъ напиткомъ, та еще велѣлъ глядѣти за тѣмъ и своему оруженосцу, который въ знакъ почести черезъ часъ обѣда стоялъ за его плечима. Выпивши кѣлька чарокъ добраго вина, нашъ Гетманъ не вдержался отъ того, абы про-межи жартами не сказати панамъ и где-яку терпкую правду. Такъ пригадалъ онъ пану Потоцкому его тяжкое поражение подъ Корсунемъ и послѣдовавшую за тѣмъ татарску неволю, а обернувшись оттакъ до князя Радзивила, сказалъ ему: „Се велике диво, що я вижу Вашу Милость въ польскомъ обозѣ! Предки ваши были люде на-твердо православны, и ни одинъ Радзивиль еще не помагалъ Ляхамъ истребляти православное козацтво! А теперъ то не лише Вы, но и зять вашъ, измѣнникъ Липула, напосѣлисьеся козакамъ на-смерть вредити!“ — Тѣи острыи приговорки Хмельницкаго збывали паны Поляки жартами, однакъ уже въ часъ обѣда они перешептывались межъ собою, якъ бы нашего Батька-Гетмана отруити. Въ концѣ обѣда загремѣла музыка, выстрѣлено изъ пупокъ: начали пити здоровье короля. Хмельницкій догадался, що въ его кубку находится отруа; онъ открылъ голову при имени короля, а надѣлъ шапку зновь, коли пили за здоровье шляхты. Дрожащою рукою схватилъ онъ кубокъ, стукнулъ нимъ по столу, такъ, що вино розлѣялось, и въ сейже-часъ попрощавшись съ панами, вышолъ, съѣлъ чѣмъ-скорше на коня та и поскакалъ стрелою въ Бѣлую-Церковь. — Такъ то и спасся Хмельницкій нашъ отъ некеальной зрады ляцкой!

Послѣ того войско польске, простоявци еще колька дней подъ Бѣлою - Церквою, звынудо свой таборъ и двинудося оттуда двома шляхами: князь Радзивидъ съ литовскими полками ступалъ назадъ въ свою Литву, а Потоцкій съ войскомъ короннымъ верталъ за черту Украины на Подолье. Однакожь зовсѣмъ невеселый былъ той поворотный походъ обоихъ войскъ изъ Украины, понеже всюду, куда они ступали, край былъ опустошенный, и нигде не найшлось для нихъ ни догодного постоа, ани стравы подостаткомъ. До тогожь пождрь на люде лютидся въ войску коронномъ на Подолью такъ ужасно, що отъ него погибдо въ дорозъ зновъ колька тысячь мужа, ба и самъ Потоцкій старый умеръ на заразу дня 9. Октобрія въ мѣстечку Литичевъ, не успавши навѣтъ дойти до границъ коханои Польщи.

По смерти Потоцкого обнялъ главное начальство надъ войскомъ короннымъ панъ Калиновскій, который станувци постоемъ въ городѣ Винницѣ, имѣлъ теперъ послѣ всѣхъ цѣлорочныхъ усилій Польщи въ земляхъ русскихъ хотъ стѣлько удовольствія, що въ околицяхъ Винницѣ вышалъ, четвертовалъ и сжигилъ въ огню русскихъ людеи, якихъ найшолъ тутъ еще живыхъ или на старости въкъ свой доживающихъ. За егѣ то коменданства стали знову повертати на Подолье и на Волынь паны - дѣдичи изъ Польщи, и тиже зъхавши теперъ до своихъ маетковъ, заставляли тутъ всюду лишь руины и пустоши, на яки ажъ лачно было дивитися. Всяду бо въ тѣхъ земляхъ былъ страшенный голодь и недостатокъ, та нигде не найшлось для пановъ ни найменьшого дохода ни зъ земли, ни отъ люду; а где и приостали были яки подданыи, тѣхъ мучили паны изъ самого чувства мести, стараясь отплатити на нихъ злобу за понесенныи въ прежнихъ лѣтахъ страты. Отъ того-то въ народъ — якъ каже льтопись русска — въ ономъ часѣ слышны были злорчєнїя, и вопль, и горе, и ропотъ великій такъ противъ Ляховъ якъ и противъ самого Хмельницкого, который заключенїемъ Бѣло-Церковского договора спровадилъ наибольше зло на Русь нашу черезъ тое, що отъ-теперъ вражїи Ляхи уважали себе знову необмеженными панами душъ и маетковъ русскихъ.

Въ такомъ смутномъ положенїи единымъ спасенїемъ для русскаго народа было итти въ свѣтъ за очи, и оттакъ наци люде, яки еще остались въ живыхъ на Подолью и на Волыню, стали выхидити цѣлыми толпами ажъ за лѣвый берегъ Днѣпра, глладаючи для себе новой отчины въ земляхъ русскаго Царя. Поддѣвстраце и Бужане складали тогда на свои возы или сани все имущество, подналяли свои хаты и стоги - обороги, щобы не достаюсь и крихотки ихъ худобы врагамъ, и уходили цѣлыми селами въ предѣлы московскаго царства. Надаремно польскїи жолнары заступали имъ дорогу и убивали всякаго, кто изъ нихъ въ руки

ихъ попался; наши селяне выбирались изъ своихъ земель со стрѣль-
бани и косами, та пробивались до нового отечества съ оружіемъ
въ рукахъ, окупуючи жизнь и свободу своею кровію. — Въ-слѣдъ за
селянами отправлялись въ московскіи предѣлы также и украинскіи
козаки, для которыхъ уже послѣ пораженія подъ Берестечкомъ не
было долъ ни воля въ рѣдной землицѣ. Первые козаки, которы дали
примѣръ до такого переселенія козачины въ Московщину, были 1000
мужа изъ ново-устроенного Острожского полка, убѣжавшіи по битвѣ
подъ Берестечкомъ въ полномъ узброеніи за границу Украины. Они то
поселившись на пустыхъ берегахъ Дона и Сосны, просили русскаго
Царя, абы позволилъ имъ жити въ земляхъ его и положить основаніе
для новой русскои Украины. И Царь Алексѣй Михайловичъ,
урадованый прибытіемъ тѣхъ козаковъ въ свою землю, надалъ имъ
право удержати все прежнее устройство козацое, дозволилъ имъ выбо-
рати зъ-посередъ себе полковника, сотникѣвъ, асаулѣвъ, та и управля-
тись цѣлкомъ по обычаю свободныхъ полковъ украинскихъ. — Се-жь то
и былъ первый такъ названный слободскій полкъ козаковъ въ земляхъ
Царя русскаго.

Отъ великаго стеченія нашихъ селянъ и козаковъ въ областяхъ
царскои державы побудовались уже въ началъ 1652 года на просто-
рони отъ Путивля до Острогожска многіи слободы, изъ кото-
рыхъ повстали большіи села, мѣстечка и города, якъ именно: Сумы,
Лебединъ, Ахтырка, Бѣлополье, Короча, Харьковъ и другіи. Поселенія
тіи заводились на ладъ украинскій съ козацкимъ устройствомъ и назы-
вались слободами, отъ чего и вся тая земля, заселенная ново-при-
бывшими Мало-Русами, дѣстала названье Слободскои Украины,
то-есть Украины свободной, для розличія отъ гетманскои Украины, где
была неволя народу отъ Поляковъ.

Слѣдуючи за душевнымъ влеченіемъ своего народа, который всею
масою бажалъ поступити подъ покровъ и защиту русскаго Царя, Гет-
манъ Хмельницкій такожь изъ своей стороны выправилъ весною
1652 г. посольство въ Москву съ предложеніемъ, въ немъ-же выражена
была та примѣчательная мысль: абы переселити всѣхъ козаковъ
въ царскую землю. Ото бо писалъ тогда Хмельницкій къ рус-
скому Царю такъ: „Пожалѣй насъ, Государь православный! Умило-
сердись надъ православными церквами Божиими и надъ нашою невинною
кровію. Ничого не исполняютъ Поляки, що намъ прирекли, и всегда
нарушаютъ всякіи договоры, на якіи намъ присягали. Такъ святые Бо-
жии церкви, якіи прирекли отдати намъ изъ уніи, не отдали до-нынѣ,
та еще обертאותъ въ уніятскіи навѣтъ тіи, которы у насъ въ твердомъ
православіи до-теперъ устоялися. Они просто хотятъ искоренити право-

славную вѣру въ народъ нашомъ, а для того-то и собрали на насъ коронныя войска свои; они ругаются надъ нашими святынями, мучать христіанъ православныхъ духовного и мірскаго чина, и дѣлаютъ такія жестокости, шо Вашому царскому Величеству и слухати о томъ буде жалко. Со слезами отже просимъ Тебе, Государь русско-православный, ме дай, абы Ляхи, клятвопреступники и мучители, зруйновали насъ до конца; прійми насъ пѣдъ свою царскую руку и дозвожь намъ всѣмъ поселитись въ земляхъ твоей могущой державы.“

Се письмо Хмельницкаго передалъ посланникъ его, козацкій Старшина Искра, въ царскую Думу въ Москвѣ, а таяже Дума розсмотрѣвши цѣлу справу ону прильжно, отвѣтила отъ имени Царя Алексѣя Михайловича слѣдующее: „Православный Царь - Государь всея Руси сердечно сожалеетъ надъ страданіями русскаго народа и надъ притѣненіемъ святой православной вѣры на Украинѣ, та и готовъ всегда подати своей русской братіи помочъ и защиту. Земли русскаго Царя суть богаты и просторны, и бнѣ дозволяе русскимъ козакамъ поселитись въ нихъ, где имъ угодно, та и охотно прійме бнѣ до себе хотѣбы и всѣхъ жителей Украины и другихъ сторонъ Малои Руси, надаючи имъ всякую свободу для ихъ житья и православной ихъ вѣры. Однакожь въ своей неограниченной милости для украинской Руси Царь-Государь велитъ роздумати Гетману Хмельницкому: шо станется съ украинскими землями тогда, если козаки выйдутъ все изъ тѣхъ-же земель, и оставлятъ ихъ супротивъ Польшы безъ всякой защиты? Чи не захотятъ тогда Поляки забрати тѣи земли на свою питоменну власность, и заселивши ихъ хотѣбы и нехристиан-бисурманами, на-всегда тѣи спокойнѣчныя русскія земли отъ едино-племенной Руси оторвати? Чи останется въ оныхъ земляхъ своего русскаго народа на стѣлько, абы ихъ супротивъ насилія Ляховъ для прѣмныхъ поколѣній Руси сохранить? — Въ такихъ то околичностяхъ русскій Царь препоручае Гетману украинскихъ козаковъ розважити, шо чейже лучше ему буде остати съ своимъ войскомъ въ земляхъ надъ Днѣпромъ, та потерпѣти тамъ еще хотѣбы одно лѣто, доки наконецъ соберется велике воинство Москвы, которое въ своеѣ часъ прійде козакамъ на помочъ, абы ихъ отъ кормиги ляцкой на-всегда освободити.“

Съ такимъ отвѣтомъ отъ русскаго Царя повернулъ козацкій Старшина Искра на Украину, а Гетманъ Хмельницкій рѣшился послѣ того поступати такъ, шобы о скѣлько силъ и возможности оборонитись супротивъ Ляховъ а при томъ-же всегда бити готовымъ до заключенія вѣчнаго союза и братерскаго соединенія съ русско-православною Москвою.

ПОХОДЪ НА МОЛДАВІЮ; — ИСТРЕБЛЕНІЕ ПОЛЬСКОГО ВОЙСКА ПОДЪ БАТОГОМЪ.

О томъ-же времени, коли Хмельницкій высылалъ свое посольство въ Москву, изготовленъ былъ реестръ украинскихъ козаковъ, а лице войско должно было вступить на постой въ воеводства Украины. По Бьло-Церковскому договору всего козацкого войска имѣло быти до реестру записано не больше якъ 20.000 мужа; но Хмельницкій не уважая уже на условія Бьло-Церковского мира, приказалъ вписать въ реестръ сверхъ 40.000 козаковъ, и розставилъ полки свои навѣтъ въ такихъ мѣстахъ Украины, гдѣ по договору стояти козакамъ не дозволялося.

А поступилъ Хмельницкій такъ противъ Бьло-Церковского договора по той причинѣ, понеже не вѣрилъ, абы онъ договоръ надолго устоялся и абы навѣтъ Поляки въ Варшавѣ условія его затвердили. — А въ самой же рѣчи случилось оно, що помянутый договоръ не одержалъ соймового затверженія, и то зъ такого поводу: Сенатъ польскій, собравшійся весною 1652 г. въ Варшавѣ, былъ — якъ то звычайно въ сойны Ляховъ — надъ-извру бурливый и сварливый. Паны заберались на немъ судити и укарати гдѣдкихъ богатыхъ вельможъ за своевольства и всякіи злочинства; оттакъ вельможи подкупили одного литовского депутата, именемъ Сицинского, а тойже крикнувши съ сенатъ свое: „nie pozwalam!“ збрвалъ соймъ подъ тѣмъ предлогомъ, що засѣданіе его тягнулося долше надъ часъ назначенный. Въ слѣдствіе того паны-сенаторы изъ Варшавы розъѣхались, а Бьло-Церковскій договоръ навѣтъ не прійшолъ подъ соймовыи нарады.

Якъ тільки Хмельницкій узналъ, що Бьло-Церковскій договоръ не утвержденъ польскимъ сойномъ и що затѣмъ Украины больше не обовязуе, сейчасъ сталъ онъ вписовати въ реестръ козаковъ, сколько ихъ ему захотѣлось, та и вѣйшолъ на-ново въ союзъ съ Крымскими Татарами, которы того лишь и бажали, абы, дождавшись весны, найти собъ знову способность для добычи и поживы. Желая отже якъ-нибудь заняти корыстолюбныхъ Татаръ и неусидчивыхъ козаковъ, нашъ Батько-Гетманъ задумалъ подняти военный походъ на Молдаву, постановивши собъ строго укарати Молдавского Господаря Липулу за тое, що онъ не только отягался выдати свою доньку за молодого Тимоша Хмельницкого, но еще богато вредилъ Украинѣ за цѣлый часъ войны еи съ Польщею въ несчастномъ 1651 году. — Готовядись до того походу на Молдавію, Хмельницкій написалъ еще въ началѣ Мая 1652 г. письмо до Липулы съ такимъ ото предостереженіемъ: „Посватай, вельможный Господаре, доньку свою Домну съ сыномъ моимъ Тимошею,

а тобѣ буде добре, и дѣти наши будутъ счастливы; если же не посвятишь и ей за сына моего не выдашь, то я изотру, изомну тебе такъ, що останку твоего не останется, и съ вихрами прахъ твой размечу по воздуху.“

Одержавши такое грозное письмо Хмельницкого, Липула выслала сейчасъ послѣвъ своихъ до пана Калиновского, стоявшего съ войскомъ короннымъ на Подблѣю, та умоляла его на-чѣмъ-свѣтъ, абы спѣшилъ къ нему на помощь. На тую просьбу Липулы Калиновскій якъ-стой двинулся въ походъ до границъ Молдавіи, а знаячи о томъ, що войско Хмельницкого проходити буде черезъ Бугъ-рѣку въ околицѣ Ладыжина, стануль тамъ-же таборомъ на берегу Буга коло горы Батогъ, желая въ томъ мѣстци козакамъ дорогу заступити. Войско Калиновского состояло изъ 50.000 мужа, но оно уставилось въ неудобномъ становищи такъ, що въ-переду его табора была рѣка Бугъ, отъ обѣхъ сторонъ лѣсы и болота, а зъ-заду стремистая гора Батогъ, которая не давала полкамъ подалше въ задъ развинути ся.

Для Хмельницкого не могло быти ничего такъ пожаданнымъ, якъ одно тое, що Калиновскій своимъ походомъ до границъ Молдавіи вмѣшался въ справу, до якои не повиненъ былъ мѣшатися, та подавалъ черезъ тое Украинѣ поводъ до начатія новой войны съ Польщею. Хмельницкій мѣгъ въдай побити Ляховъ, разрушити некорыстный Бѣло-Церковскій договоръ и оттакъ ясно доказати передъ цѣлымъ свѣтомъ, що не бытъ причина того разрыва, но самыи-же Поляки. Собравши затѣмъ 20.000 козаковъ и столько-же Татаръ, которымъ повелѣлъ ступати иншою дорогою надъ Бугъ, онъ двинулся къ Ладыжину просто въ тую сторону, где стоялъ Калиновскій. Абы однакожь не дати Ляхамъ поводу думати, що се козаки хотятъ съ ними начати борьбу въ часъ тревающего еще перемирія, нашъ Гетманъ ужилъ тои хитрости, що изъ дороги написалъ до Калиновского письмо съ такою пересторогою: „Ваша Милость желаетъ заступити дорогу моему сыну, который съ колькома тысячами войска иде женитися съ донькою Молдавского Господаря. Се не хорошо, а еще до того и небезпечно для васъ, панѣвъ-Поляковъ, тѣмъ облыше, що ваше войско стануло на мѣстци, для оброрны якъ найневыгоднѣйшомъ. Я боюсь, чтобы сваты моего сына по своей молодецкой буйности не завели битки съ полками Вашей Милости, и для того на-широ совѣтую, зъ дороги имъ уступитися.“

Тое письмо Хмельницкого побудило польскихъ комендантовъ подъ Батогомъ становище своего войска ближе розсмотрѣти, и оттакъ многи зъ нихъ увѣрились, що становище то по-правдѣ дуже неудобне, и для того радилъ особливо панъ Пржемыскій, старый, досвѣдченный военачальникъ ляхскій, абы зъ-подъ Батогъ уступити, а перейти съ табо-

ромъ пѣдъ Брацлавъ или пѣдъ Райгородъ. Однакъжъ Калиновскій, выбравши разъ уже собѣ то мѣстце пѣдъ Батогомъ, не хотѣлъ, яко головной начальникъ, дати себе передъ подчиненными завстыдати, ѳткнулъ затѣмъ умную раду Пржіемского, а велѣлъ всемъ слухати своихъ розказѣвъ. Послѣ того приказалъ ѳнъ сыпати ѳтъ стороны Буга широкіи окопы, которы за-для великой просторности ляцкого табора растягались ажъ на цѣлу милю, та ѳтъ того и не могли быти достаточно пушками заставлены.

Въ то время, коли Ляхи окопывали свой таборъ пѣдъ Батогомъ, Хмельницкій зближился уже къ Ладыжину и роздѣлилъ свои войска такъ, абы ѳтъ всехъ сторонъ на враговъ напасти. Татарамъ велѣлъ ѳнъ иди въ-передъ просто на центръ ляцкого табора; Тимоша съ частію козаковъ выправилъ другимъ шляхомъ за Бугъ повышь Ладыжина, а прочимъ полкамъ своимъ приказалъ обйти Ляхѣвъ ѳтъ горы Батога. Самъ же Гетманъ Хмельницкій остался по-заду за Бугомъ, показуючи видъ, будто ѳнъ не думаетъ нападати, а тѣлько наблюдаетъ за сыномъ.

Для 29. Мая передовой отрядъ Татаръ, которыми доводилъ Нурединъ, братъ Хана Исламъ-Гирея, появился передъ центромъ польского войска. Татаре не показовали ніякого враждебного вида, но готовились будто по-мирному проходити мимо ляцкій таборъ. Коли ѳни зближлись туда на-выстрѣлъ, Поляки дали до нихъ огня, и Калиновскій приказалъ цѣлой своей кѣнницѣ кинутися противъ нихъ. Тогда Татаре, якъ будто на-скрѣзь переполошены, стали утѣкати, а Калиновскій со своею кѣнницею гнался за ними все дальше и дальше, ажъ на-разъ роздался зъ-по-заду его тревожный крикъ: „Стѣйте! вертайте назадъ! Козаки зъ-тылу нападають на обозъ!“ — Тогда кѣнница стремительно поворотила назадъ, посыпая въ перестрашу и въ розстройствѣ до обозу, а межи тѣмъ убѣгающіи Татаре обернулись въ-слѣдъ за нею, поражая ю стрѣлами и кулями.

Повернувши до обозу, Калиновскій засталъ тутъ велику тревогу и замѣшательство. Случило бо ся такъ, що въ тууже пору, коли кѣнница его гналась за Татарами, Тимошей Хмельницкій съ козаками напалъ по-заду табора на розставленный тамъ отрядъ польского войска, та истребилъ его майже совершенно. Оставшіися недобитки того отряда прибѣжали що-тху до обозу и оповѣстили тутъ, що Хмельницкій въ кѣлька хвиль явится за ними, а ещежъ при томъ ѳтъ страха увѣряли ѳни, що козаковъ у Хмельницкого есть до 100.000 мужа.— Межи тѣмъ наступила коротка лѣтняя нѣчь, сама ужасна для полчищъ Калиновского. Ожидая що-хвиль нападу ѳтъ всехъ сторонъ, Ляхи въ наибольшомъ смущеніи и страху начали розсуждати о своемъ положеніи. „Калиновскій губить войско! кричали ѳни: Черезъ него то мы

всѣ должны погибати! Зачѣмъ бнѣ завелъ насъ сюда? Зачѣмъ не слухалъ умныхъ людей, що радили ему оттуда отступити?“ — Другиі выкриковали: „Огдати его измѣнника-безумца Татарамъ! най иде въ Крымъ собѣ самъ, а най не пропадемъ мы всѣ черезъ одного такого дурня!“ — Инныи же кричали еще: „Нѣтъ, не Татарамъ, а выдаймо его Хмельницкому! За то пощадятъ козаки все войско та еще насъ и надгородятъ!“

Угрозы тиі донеслись до Калиновского, и бнѣ самъ особисто явился середь збунтованныхъ полчищъ, та грозилъ, то просилъ, та заклиналъ ихъ на имя коханой Польщи, абы успокоились и съ убодреніемъ ожидали дня битвы. Но его войны, особенно-же паны посполитаки за цѣлу нѣчь не переставали сыпати проклатія на своего военачальника, а раненко до-свѣта вся посполитая кѣнница и загаломъ всѣ конныи Ляхи, уставившиися въ полки, стали утѣкати изъ своего табора. Тогда Калиновскій велѣлъ пушкарямъ и нѣмецкой пѣхотѣ чѣмъ-скорше зайти утѣкающихъ отъ-переду та задержати ихъ силою: Пушкари и Нѣмцы, забѣгши коннымъ полкамъ дорогу, дали на нихъ огня и засыпали ихъ ряды кулями и картечами. Кѣнница изъ своей стороны отвѣтила тоже выстрѣлами, та и въ бѣшенствѣ кинулась со списками на Нѣмцѣвъ; но Калиновскій приказуе повторити пальбу изъ всѣхъ пушокъ, и оттакъ начинается лютая межиусобна битва, где свой на своего палить и ударе. — Однакъ на-разъ въ ляцкомъ таборѣ выбухае пожаръ. Стало бо ся такъ, що коли Калиновскій съ Нѣмцями погнался за польскою кѣнницею, слуги и чуры, оставшии въ обозѣ, бѣольшою частію люде то русскіи и козакамъ спріяющіи, запалили сѣно въ кѣлькохъ мѣстцахъ табора, а отъ того загорѣлись шатры и всякіи запасы ляцкого войска въ обозѣ.

Въ тую саму пору, коли горѣлъ польскій таборъ а на рѣвнинь у Буга рѣзались Ляхи съ своими наемными Нѣмцями, появились изъ-за холма Батога козацкіи полки подѣ начальствомъ Золотаренка. Кѣлька хвиль простояли тутъ козаки мовъ-бы въ землю вкопаны, та не довъряли очамъ, що се бачили. Сперва думали они, що то яка хитрость ляцка; однакожь вскорѣ узнали они отъ обозовыхъ слугъ, яка ту зайшла страшная безладица, и тогда Золотаренко, на-скрѣзь завзятый недругъ Ляхѣвъ, крикнулъ до своихъ: „Ей братья! дивьтса, самъ чортъ наганяе Ляхѣвъ въ нашу лапку. Голыми руками ихъ заберемъ, въ ихній огонь заженемъ: самы подохнутъ. О-теперь то братья помстимоса за кривду нашу Берестецку, спалимъ, згубимъ нашихъ ворогѣвъ!“ — Послѣ того козаки отъ горы Батога кинулися на Ляхѣвъ, а въ тойже часъ отъ рѣки Буга явился и Нурединъ со своими Татарами.

Началась ужасная битва. Польская кѣнница, не опамятавшись еще отъ картачѣвъ и куль нѣмецкихъ, теперь на-разъ поражена несподѣваннымъ и насильнымъ нападомъ козаковъ, розсыпалась въ наибольшомъ неладѣ, и не могла навѣтъ обороняться. Густыи толпы Поляковъ, разбиваемыи отъ всѣхъ сторонъ хоробрѣишъ козацтвамъ, бѣжали по полю мовъ тѣи наполошенныи стада дикихъ барановъ и летѣли въ Бугъ якъ пострѣлянныи утки. Кѣлька тысячъ утонуло въ той рѣцѣ за одно мгновеніе. Другіи, напуганныи такииъ несчастіемъ, утѣкали назадъ до своего обозу, но козаки гнались за ними и вгоняли въ огонь. Иныи вновь убѣжали въ поле, въ лѣсъ, въ болота; однакъ и за тѣми летѣли козаки якъ хмара, перерѣзывали имъ дорогу, заходили зъ боковъ, стрѣляли, рубали, кололи зо всѣхъ сторонъ. Отважнѣишии изъ Ляховъ, видячи, що смерть неизбежна, згромадились около головного начальника, пана Калиновского, и въ отчаяніи хотѣли еще послѣдними силами перерѣзаться скрѣзь ряды козацтва; но тутъ они середъ загального розстройства ніякъ не могли прійти въ порядокъ, а до того густыи дымъ отъ горящего табора закрывалъ имъ очи, и духота запырала дыханіе.

Тогда то Калиновскій отъ крайнои роспуки закричалъ: „Я не хочу бѣльше жити! Менѣ соромъ смотрѣти на то восходящее солнце!“ Съ тѣми словами кинулся олъ въ толпу забѣгающихъ туда Татаръ, и самъ глядаючи собъ смерти, найшолъ ю отъ татарскихъ стрѣлъ на полю битвы. Застрѣленному Татарѣ отрубали голову и доставили ю Нуредину, а той повелѣлъ ону голову Калиновского обнести съ торжествомъ по всему боевищу, та потомъ переслалъ ю на доказъ побѣды Гетману Хмельницкому.

Въ тойже часъ, коли Татарѣ расправлялись съ Калиновскимъ и его прибочнымъ отрядомъ, Тимошъ Хмельницкій со своими полками ударилъ на ляцкихъ пушкарей и на пѣхоту нѣмецку, которы подъ начальствомъ пана Пржіемского и Марка Собѣсского составляли головную силу польского воинства. Борьба тутъ завязалась страшенна, понеже особливо пѣхота нѣмецка, которой было до 10.000 мужа, постановила обороняться до послѣднихъ силъ и не погибнути безъ отпора. Однакъ вскорѣ, якъ громъ отъ бурливой хмары, залетѣлъ туда другій союзникъ козаковъ, Карачъ-Мурза, съ 14.000 мужа своихъ дикихъ Татаръ-Ногайцѣвъ, и помѣгъ Тимошу побити Нѣмцѣвъ на голову. Окруженныи зо всѣхъ сторонъ пушкарѣи и пѣхотники нѣмцкіи, не видячи ни откуда для себе спасенія, отдали всѣ пушки, числомъ до 60, и положили все оружіе, просячи для себе о пощаду; но козаки и Татарѣ вырубали ихъ всѣхъ до послѣднего. Тутъ то полягли и коменданты ихъ, панъ Пржіемскій и Марко Собѣсскій.

До полудня тогоже дня осталось изъ всѣхъ полчищъ Калиновскаго не больше, якъ 5000 мужа. Ти бѣдняки-недобитки, покинувши уже всяке оружіе, ховались по болотахъ и въ сусѣдномъ борѣ, та просили козакѣвъ хоть для себе о пощаду. Но козаки, убиваючи навѣтъ и сихъ безоружныхъ Ляхѣвъ, приговорювали ихъ: „Вы не жалѣли насъ, коли и мы были въ бѣдѣ пѣдъ Берестечкомъ та въ Трилисахъ! Вашъ Калиновскій и Потоцкій разъ попалися до насъ въ неволю, то мы ихъ пощадили; а снѣ потомъ убивали и мучили нашъ невинный народъ, що ажъ лячно о тѣмъ згадати! Якъ они съ нами дѣлали, такъ и мы дѣлаемъ съ вами. А до тогожъ, еслибы вамъ и дати пощаду, то куда дѣти васъ такъ богато пльвникѣвъ, коли мы теперь на походѣ въ Молдавію? Выбьемъ всѣхъ васъ, такъ меньше буде войска въ Польшѣ, и уже не зможете въ своей злобѣ намъ вредити!“ — Такимъ способомъ, припоминая всѣ несправедливости и оскорбленія, якіи вытерпѣла Украина ѣтъ Полякѣвъ, козаки убивали навѣтъ безоружныхъ недобиткѣвъ ляцкихъ по болотахъ и въ дубровахъ пѣдъ Батогомъ, не даючи никому изъ нихъ пощады.

Истребленіе польскаго войска пѣдъ Батогомъ было такъ цѣлковите, що изъ 50.000 мужа осталось ихъ въ живыхъ всего лишьъ 256 людей, и то именно такихъ, которыхъ Татарѣ укрыли про-межъ собою съ тою цѣлю, абы за нихъ окупъ въ грошахъ ѣтъ Польщи дѣстати.— Достигши такой пѣбѣды, козаки устроили на згарішахъ ляцкаго табора веселое пированье: тутъ то загремѣла звонкая запорожска музика, поліялась горьлка, и козаки заспѣвали свои розгульні пѣсни, называя себе весѣльными сватами молодого Тимоша, которому послѣ пораженія польскихъ силъ уже отвертою стала дорога до прекрасной молдавской княжны, доньки Господаря Липулы.

А межи тѣмъ старый Гетманъ Хмельницкій, пѣдождавши за рькою Бугомъ ажъ до той поры, поки козаки безъ него окѣнчили пораженіе ляцкаго войска, явился лишь на третій день по той битвѣ въ обозѣ пѣдъ Батогомъ, та показовалъ тутъ притворно видъ гакій, якобы неудоволенъ былъ изъ своевольнаго поступку своего сына. Зналъ бо ѣнъ прозорливый Батько-Гетманъ, що сила Польщи черезъ пораженіе пѣдъ Батогомъ еще далеко не вся зломлена, та по той причинѣ задумалъ ѣнъ такъ поступати, якобы еще не цѣлкомъ зрывалъ съ Польщею. Тожъ ѣнъ, прибывши въ Батогскій таборъ, коли довѣдався тутъ, що Татарѣ спасли ѣтъ розъяренной толпы козацтва сверхъ 250 Ляхѣвъ, выкупилъ тѣхъ-же пльвникѣвъ богатымъ окупомъ у татарскаго начальника Нуредина, та отправилъ ихъ ласкаво назадъ до Польщи и черезъ нихъ переслалъ еще до короля въ Варшаву письмо съ такимъ ого заявленіемъ: „Сынъ мѣй Тимошей ишолъ на свадьбу до Молдавы,

однакъ на-разъ панъ Калиновскій остановилъ его на дорожъ, не уважая на права заключенного межи нами мира, коли то и Богъ не ѳтнимае земли и воды ни у добрыхъ, ни у злыхъ. Я перестерегалъ пана Калиновского и радилъ уступити зъ дороги, но ѳнъ мене не послушалъ. Простътъ, Ваша королевска Милость, що мои козаки, якъ то звычайно въ томъ разъ весъльныи люде, простерли надто далеко свою буйность, та ѳтъ молодецкой горячки они обѳишлися съ паномъ Калиновскимъ не такъ въжливо, якъ бы належало.“ — Бачите, такъ искусно умъль часами еще и пожартовати зъ Ляхѳвъ нашъ Хмельницкій!

О томъ-же часъ Батько Гетманъ написалъ и до Молдавского Господаря Липулы таке: що се „наши козаки побили на-голову твоихъ союзникѳвъ-Ляхѳвъ, и уже тобъ нѳякъ противу насъ враждовати и оператися. Я не хочу посылати на тебе Татаръ, абы свѳтъ не говорилъ, що женю мого сына насидѳемъ; но ты за то самъ добровольно присылай чъмъ-скорше до насъ въ Чигиринъ своихъ боярѳ, а я выправлю Тимоша до тебе въ Ясы по дружески, безъ войска, най-бы наконецъ дѳти наши счастливо повънчалися.“ — На тое прѳязне письмо Липула въ самомъ дѳль отвѳтилъ вскорѳ черезъ своего посланника дуже прѳязно: що доньку свою Домну-Розанду охотно выдасть за молодого Тимоша, та для той цѳли еще въ теченѳ сего лѳта прише своихъ боярѳ до Чигирина.

Послѳ того Хмельницкій, простоявши кѳлька дней пѳдъ Ладжиномъ, отправилъ бѳльшую часть наемныхъ Татарѳ въ свояси, а самъ забравши съ собою здобыти на Ляхахъ пушки, вступилъ съ войсками въ Подѳльскую землю и занялъ Винницю. Тутъ то Татаре, якѳи еще при немъ остались, недовольныи своею невеликою добычею пѳдъ Батогомъ (бачите, достали они лише то, що при трупахъ ляцкихъ цънного найшли, а ничего изъ табора, бо той со всъма пожитками до-гла выгорѳлъ), домагалися конечно, щѳбы Хмельницкій позволилъ имъ ворватися загонями въ Польшу; а также и козаки радили ийти на городъ Львѳвъ, абы еще и русскихъ Галичанѳ зъ-пѳдъ ига ляцкого высвободити. Однакожъ Хмельницкій не хотѳлъ за борьбою съ Ляхами опустошати земли русской, уже и такъ надто много пострадавшой, та рѳшился вернути назадъ въ Украину, абы на-теперь хоть-бы тую часть Руси ѳтъ Полякѳвъ совершенно очистити.

Тожъ и началось теперь сѳе очищованье земель русскихъ ѳтъ ляхолѳтѳя зновъ съ великимъ усердѳемъ. На перву бо вѳсть о пораженѳ польскихъ войскѳ пѳдъ Батогомъ простый нарѳдъ нашъ во всѳхъ сторонахъ Малои Руси пѳднялся знову на Ляхѳвъ; а понеже войска польского тутъ уже правъ нѳякого не было, то збунтованное хлопство кидалось на панѳвъ-дѳдичѳвъ, которы послѳ Бѳло-Церковского

договора вновь численно изъ Польши туда насходилися. Тогда то въ опустошенныхъ вторбчными войнами земляхъ русскихъ, изъ-посередь згарищъ сель и мѣстечокъ, появились новыи гайдамацкіи загоны, отъ которыхъ погибло много пановъ-шляхты, и спелельо много дворищъ и костеловъ польскихъ, що-ино недавно вновь отбудованныхъ. — Тѣмъ то хлопскіи бунты въ земляхъ русскихъ продолжались черезъ цѣлыя лѣты, и они то по-правдѣ вже на долгое время очистили нашу Русь отъ ляцкого панства.

Межи тѣмъ въ началѣ мѣсяца Августа прибыли въ Чигиринъ молдавскіи бояре отъ Господаря Липулы съ запрошеніемъ на свадьбу прекрасной княжны Домны-Розанды, и оттакъ молодой-князь Тимошъ Хмельницкій поспѣшилъ до Ясѣ, въ сопровождѣніи почетныхъ сватовъ-козакѣвъ, которы тѣмъ разомъ ѣхали на Молдаву не яко строгіи воины, но яко истинныи сваты весельныи. Прїездъ ихъ до города Ясѣ отбылся съ наибольшимъ торжествомъ: самъ Липула съ цѣлою родиною, съ боярами и многочисленнымъ народомъ виталь ихъ у прекрасно устроенныхъ воротъ городскихъ, и при звуку всѣхъ звонѣвъ города, въ сопровождѣніи музыки и почетныхъ пѣвчикоѣвъ, впривадилъ ихъ въ свой дворецъ, где найкрасшіи комнаты приряжены были для молодого Тимоша. Дня 31. Августа совершилось слюбное вѣнчаніе Тимоша Хмельницкого съ княжною Домною-Розандою, по чемъ черезъ цѣлу недѣлю отбывались весельныи забавы и пиршества, отъ которыхъ гудѣль-роходился весь городъ ажъ до збытку. — Наконецъ дня 7. Септембрія Тимошъ, одаренный богатымъ вѣномъ отъ Липулы, отправился съ молодою женою назадъ въ Украину.

Вѣсть о славной женитьбѣ Тимоша Хмельницкого съ молдавскою княжною была новымъ громомъ для панѣвъ-Полякѣвъ въ Варшавѣ, который вже отъ несчастной Батогской войны зовсѣмъ потратили головы, а теперъ еще бѣльше поражены были возростомъ славы и силы Хмельницкого. Они бо паны-шляхта въ Варшавѣ, на-скрѣзь зажуренныи тѣмъ, що власть Польши въ земляхъ русскихъ за одно лѣто была такъ страшно подтята, мусьли въ своей горести смотрѣти еще и на то, якъ найлютьшій ворогъ ихъ черезъ женитьбу своего сына съ донькою Липулы добывается навѣтъ до Молдавского престола, который до того времени стоялъ нѣяко подъ верховладствомъ польской короны. Тожь они, собравшиися на соймъ державный, стали прилжно розмышляти надъ тѣмъ, якъ бы зъ одной стороны поддержати на-дале свое панованье на Руси, а зъ другой не дати Хмельницкому надто возростати въ силу у державъ сусѣднихъ. Впривадъ радилъ тутъ самъ король панамъ сенаторамъ, що наилучше бы было покѣнчити справу съ Хмельницкимъ въ такій способъ, чтобы выслати противъ него огро-

многое войско зъ посполитого ополченія, якъ се такое выслано было въ прошломъ лѣтъ пѣдъ Берестечко; рада тая однакожь не подобалась панамъ наибльше зъ той причины, що посполитое ополченье надто много стояло, и треба было навѣтъ знакомитымъ вельможамъ выставляти житье на небезпеченство. Кромъ того паны-шляхта обавлялись заедно бунтѣвъ хлопскихъ въ самой навѣтъ Польщѣ, та уже нѣякъ не рады были собѣрати посполитое ополченіе, до которого должны были прежде всего паны-шляхта особисто ставитись. Затѣмъ послѣ многихъ крутыхъ росправъ и суперечокъ сенаторы въ Варшавѣ постановили таке: абы изъ всѣхъ воеводствъ Польщи собрати скѣлько можъ наибльше нового войска, которое должно бы быти готово итти на Русь и тамъ-же панованье шляхты польской назадъ привернути. А що же до Хмельницкого, то рѣшили паны: абы въ такихъ трудныхъ околичностяхъ на-теперь съ нимъ борьбы не заводити, но радше заспокоити его якимъ новымъ перемиріемъ. Для заключенія такового перемирія паны сенаторы урадили выслати на Украину двоухъ знакомитыхъ шляхтичей, панѣвъ Зацвѣлиховского и Черного, давныхъ другѣвъ Хмельницкого, которымъ препоручили вымогти на нашомъ Гетманѣ, абы онъ принялъ слѣдующіи условія: 1) „Козаки должны на-всегда отречися ътъ союза съ Татарами, 2) Хмельницкій долженъ прислати своего сына заложникомъ въ Варшаву; а за то Польша 1) объявить козакамъ загальное прощеніе за своевольство ихъ пѣдъ Батогомъ, и 2) нагородитъ Хмельницкого и всю его родину наибльшими почестями и маетками на Украину.“

Въ мѣсяць Септембръ панове Зацвѣлиховскій и Черный, яко мирныи послы ътъ стороны польского сойма и короны, прибыли въ Чигиринъ. Гетманъ Хмельницкій принялъ ихъ, яко давныхъ своихъ знакомыхъ и прѣгелей, дуже ласкаво, однакожь на условныи предложенія, які привезли они ътъ сенату, онъ отповѣлъ рѣзко таке: „Съ Татарами я не могу розбитися, понеже Ляхи заедно дѣбютъ на то, абы мене и Украину погубити. Сына я не пошлю въ заложники, для того, що одинъ еще надто малый, а другій недавно-що оженился, и затѣмъ не можна ему оставити такъ скоро молодой жены. А що до прощенія для моихъ козакѣвъ, то они ътъ Польщи того не прѣимуть, якъ не прѣиму и я ътъ неи ни достоинствъ ни маеткѣвъ, бо слава Богу, и сего и того есть у насъ по-достаткомъ. Супротивъ же всѣхъ условій Польщи я ътъ моей стороны предлагаю то одно: пѣдпишеть и затвердѣтъ намъ Зборовскій договоръ, — а иначе съ вами, паны Ляхи, не варта и говорити!“

Послѣ того Хмельницкій сталъ еще остро укоряти послѣвъ ляхскихъ, що они осмѣлились предлегати ему условія, въ которыхъ не было и згадки о Зборовскомъ договорѣ. Но панъ Черный из-

видался передъ нимъ тѣмъ словы: „На посла нема чога сварити; вѣдай посель якъ осель — несе тое, що на него положить.“ — Оттакъ оба паны послы уѣхали изъ Чигирина, ничего не здѣлавши.

А межи тѣмъ нашъ Гетманъ выправилъ новое посольство въ Москву съ тѣмъ извѣстіемъ, що Поляки, хотя и сильно поражены козаками, не хотять исполнити Зборовского договора, а затѣмъ козаки и Гетманъ съ цѣлымъ народомъ просятъ зновъ усильно русскаго Царя, чтобы ѓнъ принялъ Украину пѣдъ свою могущую руку. На тое-же ѓповѣли изъ Москвы Хмельницкому, що ото вскорѣ отправится царскій посланикъ въ Польшу съ настойчивымъ требованіемъ, абы Зборовскій договоръ исполненъ былъ во всѣхъ точкахъ, якъ належится, — а иначе русскій Царь съ своимъ войскомъ самъ уже вступится за народныя права Украины.

Тогда то Поляки ажъ бѣсились отъ злости, що не могли ничего удѣяти Хмельницкому. Еще пѣзною осенью собрали они на-скоро зъ 10 полковъ мѣшанного войска, и король приказалъ молодому Станиславу Потоцкому идти съ тѣмъ войскомъ въ Украину. Однакъ Хмельницкій не убоялся того, зналъ бо ѓнъ, що въ Польшѣ, хотя и поставится яке-таке войско, но не такъ скоро соберутся гроши, для содержанія тѣхъ войскъ потребны. И въ самой-же рѣчи сталося такъ, що ново-набранныи жолнары, не дошедши еще до Украины, стали бунтоватись на власныхъ своихъ комендантовъ за тое, що имъ за ихъ службу не плачено; затѣмъ Потоцкій далъ знати о своей нуждѣ до Варшавы; а король приказалъ походъ на Украину застановити. — Межи тѣмъ наступила зима, жолнары разбрелися та поутѣкали назадъ въ Польшу, а Потоцкій надѣлалъ козакамъ лише смѣха своимъ неудачнымъ походомъ.

Такъ то годъ 1652 цѣлый былъ годомъ самыхъ тяжкихъ страданій для Польши. Кромѣ Батогского пораженія Польша въ ономъ году дознала еще всѣ возможныи бѣдствія. Черезъ цѣле лѣто опустошало Польшу моровое повѣтріе; „и валялись трупы людскіи (каже лѣтопись зъ тѣхъ часѣвъ) якъ снопы по поляхъ; осиротѣлыи родины скитались по лѣсахъ и ущельяхъ; звѣры забѣгали изъ дебрь и яругъ въ людскіи хаты.“ Страшныи пожары знивечили многочисленныи города; ѓтъ дождей погибло збѣже въ поляхъ; рѣки выступали изъ береговъ. Вода руйновала и зносила дома и истребляла людей. А годъ на люде и на звѣрята былъ того лѣта въ Польшѣ такъ великій, що въ одномъ мѣстци — якъ оповѣдае польскаѣ лѣтопись — на плышомъ по рѣцѣ-Вислѣ стѣжку сѣна сидѣли волк и коза цѣлкомъ съ собою дружелюбно: всѣблная бо нужда здѣлала волка смиреннымъ а козу безбязненною.

МОЛДАВСКАЯ ВОЙНА; — НОВАЯ ЗДРАДА ТАТАРЪ ПѢДЪ ЖВАНЦЕМЪ.

Съ весною 1653 г. Польша якоь знову поставилась на ноги, та собравши 12.000 нового войска, выправила тоежь войско на Украину пѡдъ начальствомъ Стефана Чарнецкого, который по смерти князя Іереміи Вишневецкого славился первымъ и наилучшимъ полководцемъ польскимъ.

Онъ то Чарнецкій въ самой рѣчи надѣлалъ немало бѣды въ земляхъ русскихъ: перешедши бо скорымъ походомъ черезъ Подѡлье, онъ вгоргнулъ въ украинску. область, въ землю Брацлавскую, опустошая по дорожь села и мѣстечка, та розбивая нарѡдъ рускій безъ милосердія. Ажь пѡдъ Монастырищами заступилъ ему дорогу дѣльный полковникъ Богунъ, который, хотя имѣлъ съ собою всего лишь 4000 козакѡвъ, но стануль сибѡло противъ три-разы сильвѣйшихъ войскъ Чарнецкого. А ужилъ тутъ нашъ Богунъ супротивъ Ляхѡвъ знову такой хитрости, що передъ нею не устоялся навѣтъ такъ прозорный рыцарь, якъ былъ панъ Чарнецкій. Ото бо шо здѣлалъ Богунъ: заперши одну часть козакѡвъ въ укрьпленномъ монастырѣ за-для бороненья тогожь ѡтъ нападу ляцкого, онъ переодѣлъ около 1000 другихъ своихъ воинѡвъ въ татарскіи одѣнья и поставилъ ихъ на убочи въ лѣсахъ, а самъ съ остальными зайшолъ тихцемъ въ-задъ полкѡвъ Чарнецкого. Козаки въ монастырѣ оборонялись съ такимъ мужествомъ, шо Чарнецкій въ часть штурма на той монастырѣ не тѡлько стратилъ сверхъ 5000 мужа своего войска, но еше до того и самъ тѣжко раненъ былъ въ правую щеку. Колижь упалъ онъ безъ чувствъ пѡдъ стѣнами монастыря и воины польскіи въ замѣшательствѣ обступили ранного начальника, — тогда на-разъ изъ лѣсѡвъ являютя съ дикимъ крикомъ притворныи Татаре, а ѡтъ заду заходитъ Богунъ съ настоящими козаками. Поляки, пораженныи такъ нечаяннымъ явленіемъ мнимыхъ Татаръ и свѣжихъ войскъ козацкихъ, покинули вozy свои съ безчисленною добычею, награбленною въ несчастныхъ украинскихъ селахъ и мѣстечкахъ, та бѣжали безъ оглядки въ Польшу, успѣвши лишь съ бѣдою взяти межи себе ранного Чарнецкого. — Такъ то и скѡнчился походъ пана Чарнецкого на Украину, и козаки долгій часъ свѣялись зъ того пораженія Ляхѡвъ пѡдъ Монастырищами, величая хитрую штуку военну полковника Богуна.

По розбитіи полкѡвъ Чарнецкого король польскій и паны шляхта въ Варшавѣ прійшли въ таке розъяреніе, шо постановили ужити всѣхъ силъ и способѡвъ, абы наконецъ уже Хмельницкого цѣлкомъ перемогчи а козакѡвъ до-останка истребити. Для той цѣли они не тѡлько наняли сверхъ 20.000 свѣжого войска зъ Нѣмецъ и собрали до 40.000 добре узброенныхъ людей изъ цѣлой Польши, но еше къ тому заклю-

чили противъ Хмельницкаго тѣсный союзъ съ сусѣдными князьями, именно съ волошскимъ Государемъ Радулою и съ семиградскимъ княземъ Ракоchiaмъ, которы, бывши до - недавна добрыми пріятелями нашего Гетмана, теперъ за - черезъ женитьбу его сына съ молдавскою княжною, стали наибольшими его врагами.

Такъ бо случилось тогда на Молдавіи, що Государь Липула, полагаячи на силу зятя своего Тимоша Хмельницкаго, задумалъ поѣдти поѣдъ себе не лише семиградскихъ Молдаванъ, що жили поѣдъ властію князя Ракоchia, но забрати навѣтъ цѣлу сусѣдню Волощину, въ которой владелъ, яко самодѣльный князь, Государь Радула. Для отверненья отъ себе той напасти, князь Радула и Ракоchia не ждали того, ажъ Хмельницкій пріѣде Молдаванамъ на помощь, но вторгли вспѣльными войсками нечаяно въ молдавскую землю, прогнали Липулу изъ Ясъ, та на его мѣстце посадили тамъ - же на княжескомъ престолѣ молдавскаго боярина Стефана Бурдуца, сродника Радулы. Тогда то прогнанный Липула убѣжалъ на Украину, а его жена съ 4000 мужа своихъ вѣрныхъ Молдаванъ заперлась въ укрѣпленномъ городѣ Сочавѣ при русской границѣ, ожидая тутъ помощи отъ зятя своего, хороброго Тимоша. — Отъ того - то повсталъ для Хмельницкаго молдавская война, въ которой супротивъ него выступили: новый Государь молдавскій Стефанъ, князь Радула и Ракоchia, та наконецъ и Польша, ввязавшаяся со всякимъ врагомъ - супостатомъ, кто лишь захотѣлъ вредити Руси нашей и Хмельницкому.

Намѣряя поборити всѣхъ четырехъ враговъ своими власными силами, Гетманъ Хмельницкій выправилъ своего сына Тимоша съ 20.000 мужа козаковъ на Молдавію, а самъ съ 30.000 козацкаго войска двинулся на Подолье, чтобы тамъ при добромъ якомъ случаю змѣрится съ ново - набранными силами Польши. Пришедши ажъ до Тернополя, Хмельницкій довѣдался тутъ, що польске войско поѣдъ начальствомъ самого короля Іоанна - Казимира собирается въ Глинянахъ недалеко Львова, и що того войска есть уже сверхъ 60.000 людей добре убранныхъ и въ нѣмецкій пушки сильно заосмотренныхъ. На тую вѣсть наши козаки, видячи себе въ невеликой силѣ, заколебались, а Батько - Гетманъ, желая узнати волю народа о томъ, що дальше дѣлати, созвалъ въ городѣ Тернополи велику народную Раду, на котору собралъ онъ все свое войско, а кромѣ того такожъ русскихъ людей изъ мѣстъ и сель земли Подольской. На той Радѣ, отбывавшойся при участіи многочисленнаго народа поѣдъ голымъ небомъ, постановлено такъ: 1) абы отъ молдавской войны, яко для русского народа вредливой и цѣлкомъ безпотребной, на - всегда отвязатися, а козаковъ на Молдавію за - для обороны чужихъ престоловъ не посылати; 2) абы собравши на

Украинь еще бѣльше войскъ козацкихъ, ударити всѣма силами на Польшу, и уже николи не заключати ніякого мира ни згоды съ королемъ польскимъ, но вмѣсто того упросити великого русскаго Царя, щобы ѓнъ принялъ всѣ русскіи земли зъ - пѣдъ лядского панства пѣдъ свою могущую руку. — Противъ тѣхъ постановленій Тернопольской Рады пѣднесли свѣй голось гдеякіи старшины козацкіи, которыи происходятъ ѓтъ шляхетского роду и маючи на Украинь своихъ пѣдданныхъ такъ само, якъ польская шляхта, рады были якъ-нибудь съ Польщею помиритися, абы и на-даль изъ кровавого поту русскаго народа паношитися; однакожь голосы такихъ кѣлькохъ старшинъ-недоляшкѣвъ съ соромомъ замолкли передъ громкимъ, единодушнымъ заявленіемъ воли козацтва и народа Руси.

Послѣ той Рады въ началѣ мѣсяца Юлія (1653 г.) Хмельницкій со своимъ войскомъ ѓтступилъ ѓтъ Тернополя и повернулъ на Украину, абы тамъ-же заняться собраніемъ и устроеніемъ бѣльшихъ силъ военныхъ. — О томъ-же часѣ двинулся и король польскій со своимъ таборомъ изъ-пѣдъ Глинянъ, и остановился въ городѣ Львовѣ, ожидая тутъ прибытія еще новыхъ полкѣвъ изъ Польщи. Дня 20. Юлія войско его готовилось уже къ дальшому походу на Русь, коли на-разъ явился во Львовѣ посоль русскаго Царя, бояринъ Репнинъ-Оболенскій съ товарищами. ѓттакъ задержано походъ зновъ на кѣлька дней, и начались пересправы съ московскими послами.

А ти-же московскіи послы поставили прежде всего давнее свое требованіе: абы король укаралъ тѣхъ панѣвъ Полякѣвъ, которы въ своихъ печатныхъ письмахъ оскорбляютъ титулъ и особу русскаго Царя. Колижь король ѓтповѣлъ на тое, що теперь, въ часѣ военного похода, сего здѣлати не може, тогда бояринъ Репнинъ-Оболенскій ѓтъ имени самого Царя заговорилъ въ первый разъ о Хмельницкѣмъ и о козакахъ, та сказалъ слѣдующее: „Великій Царь - Государь нашъ, изъ любви для православной христіанской вѣры и святыхъ Божихъ церквей, готовъ здѣлати брату своему, королю польскому, таке уступство, що не велитъ казнити оскорбителей своей царской особы, однакожь пѣдъ тѣмъ лише условіемъ: если король и паны сенаторы перестанутъ вести вѣйну съ Гетманомъ Хмельницкимъ, если возвратятъ православнымъ на Руси всѣ ихъ церкви, якіи были оборочены пѣдъ унію, и если уже николи не будутъ притѣсняти православныхъ людей, а пѣдпишутъ и затвердятъ на вѣки вѣчны заключенный съ козаками Зборовскій договоръ.“ — На то требованіе король и паны Ляхи, примѣтно затревоженные, стали извинятися, що они николи православныхъ не притѣсняли, а тѣлько дозволяли имъ переходити на унію, котору и самъ король уже истребити не може за-для присяги, данной

папезови римскому; а що до Зборовского договора, то сказали паны, що сего затвердити не можуть, понеже козаки, яко отвѣчны бунтовники, милости ніякой не достойны, но должны быти безъусловно підбиты и покорены.

Однакожь послы-бояре не хотѣли ани слухати тѣхъ лядскихъ выкрутѣвъ, но требовали настойчиво, щобы Зборовскій договоръ былъ сейчасъ підписаный. Паны же Ляхи изъ своей стороны отъказывались отъ того на-отрѣзь, и войско польске стало выступати въ походъ таки въ-очахъ посланникѣвъ московскихъ. Тогда бояринъ Репнинъ-Оболенскій, прашаясь съ Ляхами, сказалъ до нихъ тѣи грозныи слова: „Великій Царь-Государь всея Руси зрываетъ всякіи сношенія съ Польщею, и не буде терпѣти уже такого безчестія отъ Ляхѣвъ, но велить о всѣхъ вашихъ неправдахъ и о нарушеніи вѣчнаго мира писати до державъ сусѣднихъ, заявляя о тѣмъ, що Польша договоры свои клятвопреступно ломить. А за святу православную вѣру русску и за свою честь великій Царь-Государь буде стояти твердо, а съ нимъ и всѣ мы, великій нарѣдъ русскій — такъ намъ Господи Боже допоможи!“

Послѣ того царскіи бояре уѣхали въ Москву, а польске войско підъ начальствомъ короля выступило изъ Львова и скорымъ походомъ спѣшило підъ Каменецъ на Подбѣле. Дошедши до Каменца въ половинѣ мѣсяца Августа, король выслалъ оттуда кѣлька тысячъ своего войска на помощь союзникамъ своимъ въ Молдавію, а самъ съ головною силою Ляхѣвъ стануль таборомъ межи Каменцемъ и Жванцемъ, абы тутъ прегородити дорогу козацкому Гетману, если бнѣ поїде на помѣчь своему сыну підъ Сочау.

О тѣмъ-же часѣ Хмельницкій, повернувши изъ Галичины въ Переяславъ, розбѣслалъ отъ-туда по всей Украинѣ гетманскій универсалъ, въ которомъ оповѣщаль всѣмъ сословіямъ русского народа о вѣроломствѣ Ляхѣвъ, которые для погубленія Украины звязались уже и съ Волохами и съ семиградскимъ княземъ, та затѣмъ взывалъ бнѣ нарѣдъ весь до борьбы на-смерть съ врагами русского отечества. — Въ тую-же пору Хмельницкій выправилъ посольство и въ Москву съ тѣмъ извѣстіемъ, що король уже иде въ Украину, и оттакъ уже наспѣло время, абы великій Государь исполнилъ свое царское слово и высвободилъ украинскую Русь зъ-пѣдъ ярма лядского. И на се посольство Гетманъ одержалъ вскорѣ пожаданный отвѣтъ: що уже на литовской границѣ собирается московское войско, и що русскій Царь пошле въ Украину послѣвъ для принятія козацѣвъ підъ свое покровительство.

Межи тѣмъ изъ Молдавіи отъ Тимоша Хмельницкого не было за долгій часъ ніякихъ вѣстей. — А оно-жь въ Молдавіи тогда отъ-щодѣялось: Жена прогнанного Господаря Липулы затворилась съ горстію

вѣрныхъ Молдаванъ въ крѣпости Сочавѣ надъ рѣкою Серетомъ, куда прибылъ до ней на помощь зять ея, хоробрый Тимошъ, съ 20.000 козацкого войска. Въ первыхъ дней мѣсяца Юлія крѣпость Сочаву окружили численными войска трехъ союзныхъ владетелей, именно: волошского князя Радулы, нового молдавского Господаря Стефана Бурдуца, и семиградского князя Ракочія. Противъ тѣхъ великихъ войскъ (было ихъ сверхъ 60.000 мужа) оборонялись козаки наши около два мѣсяца съ такимъ надзвычайнымъ мужествомъ, що и славный полководецъ семиградскій Янушъ Каменій, покоритель многихъ крѣпостей на Угорщинѣ, не мѣгъ подъ Сочавою ничего здѣлать. — Въ концѣ мѣсяца Августа приспѣли на подмогу союзнымъ войскамъ еще и лаяцкіи полки подъ начальствомъ молодого князя Димитрія Вишневецкого — того самого, который колись-то такожъ убѣгался о руку прекрасной Домны-Розанды, но потомъ нею отвержень, стался непримиримымъ врагомъ Тимоша и цѣлого роду Липулы. Сей то Вишневецкій, прибывши подъ Сочаву, по цѣлыхъ дняхъ и ночахъ дыбалъ лишь на то, абы погубити соперника своѣго, Тимоша Хмельницкого. И въ самомъ дѣлѣ случилось одного дня таке, що коли Тимошъ ходилъ по валу крѣпости межи пушками, Вишневецкій велѣлъ одному искусному стрѣльцю выцѣлти туда изъ арматы, куля попала въ вѣзъ, на которомъ стояла козацкая пушка, а осколки дерева ударили Тимоша въ ногу и въ голову такъ небезпечно, що бнѣ палъ безъ чувствъ, и бѣгъ тяжкихъ ранъ въ три дни потомъ скончался. — Такъ погибъ юный богатырь Украины въ чужой земли бѣгъ зрады лаяцкой!

По смерти Тимоша обнялъ начальство надъ козаками въ Сочавѣ дѣльный полковникъ ихъ Федоренко, который еще 6 недѣль оборонялъ крѣпость такъ удачно и своими отважными вылазками такъ страшно изнурилъ непріятеля, що начальники союзныхъ войскъ уже самы предлагали ему перемиріе на весьма догодныхъ условіяхъ. Однакъ Федоренко отвергалъ всякое перемиріе, а дожидаясь заедно помочи бѣгъ Гетмана Хмельницкого, держался въ крѣпости бодро и непобѣдимо. Ажъ наконецъ, коли въ крѣпости не стало уже ни куска стравы, ни капли воды до питья (враги бо заперли всѣ водопроводы бѣгъ рѣки Серета); коли до того изъ 20.000 козакѣвъ осталось всего живыхъ лишь 8000 мужа, а Гетманъ Хмельницкій не присылалъ подмоги ніякой: ажъ тогда — было то на дни 7. Октобрія — Федоренко поддалъ крѣпость Сочаву подъ тѣмъ честнымъ условіемъ, що его козакамъ дозволено было повертати въ Украину въ полномъ узброенію и повезти со славою туда мертвое тѣло Тимоша.

Межи тѣмъ у Батька Хмельницкого на Украинѣ набралось козацкого войска около 60.000 мужа, и бнѣ то, зачувши въ мѣсяци

Сентябрь о тьсномъ положеніи своего сына въ Сочавъ (о смерти Тимоша бнъ тогда еще не зналъ), забажалъ усиленно поспѣшити къ нему въ Молдавію на помощь. Однакожъ противъ того похода на Молдавію лучилась Хмельницкому одна тая перепона, що его полковники и старшіи козаки, собравшись тогда на военну раду, рѣзко порицали Гетмана за ону молдавскую войну, и высказали на радъ единодушно такє: „Не треба намъ чужу землю обороняти, а свою безъ обереганья лишати; лучше намъ постояти за себе самыхъ та боронити свою власну землю.“ — Тогда Хмельницкій, видячи и самъ тое добре, що о власныхъ силахъ на-разъ подвойную войну вести годъ, рѣшился таки съ ббльшою частію козацкого войска ийти на вырученье своего сына изъ бѣды въ Молдавію, а противъ польского короля запросилъ бнъ до помочи Крымского Хана, который тѣмъ охотнѣйше збирался теперь до войны на Ляхбвъ, понеже Ляхи, розбравши Зборовскій договоръ, уже друге льто не платили Татарамъ гарачу, по сему договору условленого.

Оттакъ имѣючи помощь бгъ Крымского Хана забезпечену, Хмельницкій въ первыхъ дняхъ Октобрія оставилъ для обереганія Украины 5000 козаковъ подъ начальствомъ Золотаренка, а самъ съ 55.000 войска двинулся въ походъ на Молдавію. Козаки его, хотя зъ - перва противныи войнѣ молдавской, таки наконецъ согласились ийти въ Молдавію, наибльше зъ той причины, що и война противъ Поляковъ должна была розрѣшиться въ оной сторонѣ, или же въ ей сусѣдствѣ. — На дорозѣ Гетманъ нашъ встрѣтилъ неожиданно козаковъ Оедоренка, повертающихъ изъ Сочавы и везущихъ съ собою мертвое тѣло Тимоша. Узнавши бгъ нихъ о всемъ, що сталося въ Сочавѣ, Батько Хмельницкій оцѣловалъ трупъ своего сына, и воскликнулъ: „Слава Богу! мѣй Тимошей умеръ якъ козакъ, и не дбстался въ руки враговъ!“ — Послеъ того приказалъ бнъ везти тѣло сына въ Чигиринъ, где оно и похоронили козаки на дни 22. Октобрія при стеченіи численного народа, при горенькомъ плачу родины Хмельницкого и молодой жены Домны-Розанды, котора власне о той порѣ родила помершому мужу двое близнюковъ.

Межи тѣмъ старый Хмельницкій ишолъ дальше, и по дорозѣ прилучился до него Крымскій Ханъ съ цѣлою ордою, числящюю около 100.000 мужа. А понеже теперь на Молдаву уже не было чога ийти, бо молдавская война со смертію Тимоша и по паденіи Сочавы уже цѣлковито закончилась, то постановилъ Гетманъ нашъ всею огромною силою, яка у него зновъ собралася, ударити на польского короля, который со своими войсками стоялъ еще заедно у границъ Подбля, межи Каменцемъ а Жванцемъ.

А положенье польского короля пѣдъ Жванцемъ было о той порѣ дуже неприятое. Пришедши бо въ тѣи стороны еще въ половинѣ лѣта, король съ своимъ войскомъ простоялъ тутъ черезъ 10 недѣль безчинно, дыбая на Гетмана Хмельницкого, который туда долженъ былъ идти на помощь своему сыну, и ожидая конца вѣины молдавской. Колижъ вѣина молдавска окончилась, а Гетманъ Хмельницкій таки въ тѣхъ сторонахъ не являлся, то зайшла потомъ слотная осѣнь, котора уже конечно принудила короля не пускаться черезъ болота въ походъ на Украину, но стояти далѣй безчинно въ таборъ пѣдъ Жванцемъ. Се была одна недогода для короля; друга еще бѣльша бѣда состояла въ складѣ его войскъ та и въ недостатку военныхъ запасѣвъ. Хотя бо и было войска королевского около 70.000 мужа, а до того по здобытїи Сочавы прїйшли пѣдъ Жванецъ еще и новыи союзники Польщи, именно 10.000 мужа семиградского войска и 3000 Волохѣвъ, но тѣи войска власне за-для значной своей численности, стоячи на тѣ-сной просторони, не находили достаточно живности ни для себе ни для своихъ коней, и ѣтъ того вскорѣ загостили до нихъ голодъ и всякіи болѣзни. Къ тому же королевское войско состояло въ бѣльшой части изъ такъ званыхъ лановыхъ жолнѣровъ, т. е. такихъ воинѣвъ, которыхъ польскїи паны - дѣдичи доставляли ѣтъ своихъ ланѣвъ (яко пѣдданныхъ лану) до военной службы лишь на три мѣсяци лѣта, и которы по истеченїи лѣтного речинца (около половины Септембрїа) должны были назадъ домѣвъ повертати. Тѣи то лановыи жолнѣры, выслуживши уже давно свои три мѣсяци и знудившись бездѣльнымъ постоемъ въ таборѣ, не хотѣли далѣе нїякъ о голодѣ и холодѣ служить, та убѣгали изъ пѣдъ Жванца цѣлыми толпами въ свою Польшу. Наконецъ, що о той осѣнной порѣ было найгѣрше, войско королевске цѣле, т. е. такъ лановыи жолнѣры якъ и наемныи Нѣмцѣ, выбравшиися на вѣину за лѣта, и сподѣючись, що еще за лѣта съ козаками упоракотся, не взяли съ собою изъ дому ни кожухѣвъ, ни якого теплого одѣнья, та ѣттакъ они коченьли ѣтъ стужи въ своихъ шалашахъ и палаткахъ пѣдъ Жванцемъ, особливо въ тое время, коли настала осѣнь мокра, вѣтренна и дуже холодна.

Хмельницкій зналъ о всѣхъ тѣхъ неудобствахъ и невыгодахъ польской арміи, тожъ придумалъ ѣтъ способъ весьма замысловатый, абы Ляхѣвъ пѣдъ Жванцемъ всѣхъ до-ноги выгубити. Прежде всего ѣтъ выправилъ цѣлу татарскую орду окольными шляхами на Волынь и велѣлъ ей ѣтътуда ажъ по - пѣдъ Каменецъ Подольскїй уставитися такъ, щобы королевске войско совершенно ѣтърѣзати ѣтъ Польщи. Самъ же ѣтъ съ козаками имѣлъ первый ударити на Жванецъ, однакожъ щобы продержати Ляхѣвъ ажъ до самой зимы, ѣтъ нарочно отягался съ на-

падомъ, и черезъ цѣлый мѣсяцъ только обходилъ всѣ околицы кругомъ Жванца, не даючи передовымъ стражамъ ляцкимъ и хвиль отпочинку.

Отъ того-то положеніе короля пѣдъ Жванцемъ становилось уже на-скрѣзь отчаянне. Его лановыи жолнѣры узнавши о томъ, що Татары заходятъ дорогу отъ Польщи, розбѣглися майже всѣ: одни изъ нихъ утѣкали въ Молдавію, где сейчасъ занялись грабжемъ и разбо-ями, другіи проберались черезъ Буковину въ сусѣдню Галичину, где однакожь они бѣольшою частію попадали въ руки забѣгающихъ туда Татаръ. Въ тоежь время оставили короля и новыи его союзники: Се-миградчане уйшли, извиняючись передъ королемъ, що явились нѣдъ Жванецъ безъ зимовой одежи, а Молдаване, вертаючи въ свояси, гово-рили, що принуждены иди обороняти свой власный край отъ рабункѣвъ польского ланового войска. Такъ то изъ цѣлой многочисленной арміи остались при королю лишь гдеякіи паны - шляхтичи и наемныи Нѣмцъ, которыи однакожь, не привыкши до слоты и холоду, мало не всѣ недуговали отъ простуды, та якъ бараны лежали майже безъ чувствъ въ сво-ихъ шалашахъ. Въ половинѣ мѣсяця Новембрія увѣрился король и ляц-кіи коменданты, що изъ всего ихъ войска лишилось не бѣльше якъ 4000 мужа довольно сильныхъ и здоровыхъ, съ которыми бы можна станути на поле битвы противъ непріятеля. Было отже тогда состояніе Полякѣвъ пѣдъ Жванцемъ таке, що Хмельницкій не то съ 50.000 козаками, якихъ съ собою имѣлъ, но хотѣбы и съ двома-трема полками мѣгъ былъ зни-щити Ляхѣвъ такъ цѣлковито, що изъ нихъ и одна нога до Польщи не вернула бы.

А однакожь въ такихъ тяжкихъ для Польщи околнчно-стяхъ зайшло въ тую пору одно событіе, которое якъ зъ одной сто-роны избавило Ляхѣвъ отъ крайной нужды, такъ зъ другой стороны подало поводъ Хмельницкому на-всегда жалти о заключенной съ Тата-рами дружбѣ. Король бо польскій, видячи свое безвыходное положеніе пѣдъ Жванцемъ, рѣшился ужити еще такой штуки, яка колись-то спа-сла его пѣдъ Берестечкомъ. Онъ затѣмъ знаючи, що Ханъ Крымскій соединился съ Хмельницкимъ противу Польщи наибѣльше за-для того, понеже Польша уже за друге лѣто не платила Татарамъ приреченного пѣдъ Зборовомъ гарачу, послалъ до Хана Исламъ-Гирея пана Вой-ниловича и Яна Собѣсского съ тѣмчасовымъ подаркомъ 4000 червонцѣвъ и вразъ - же съ предложеніемъ нового перемирія. Ханъ Исламъ-Гирей, стоявшій тогда недалеко Каменца и готовящійся уже иди на Ляхѣвъ пѣдъ Жванецъ, розгнѣвался дуже, коли привели къ нему польскихъ посланникѣвъ, прибывшихъ туда съ предложеніемъ мира; однакожь коли тіи посланники доручили Хану королевскій подарокъ и прирекли отъ имени польской короны выплатити залегмый гарачъ, тогда

сребролюбець-бисурманинъ принялъ лагоднѣйшій видъ та и сталъ договарятись о условіяхъ перемирія.

Посль короткихъ переговоровъ, въ которыхъ брали участіе также и подкупленны Поляками ханскіи чиновники, заключенъ былъ на дни 4. Декабрія (1653 г.) подъ Каменцемъ миръ съ Татарами на слѣдующихъ условіяхъ: „Ханъ Исламъ - Гирей отступаетъ отъ союза съ Хмельницкимъ, а за тое Поляки 1) заплатятъ Татарамъ 100.000 червонцѣвъ залеглого гарачу и будутъ потомъ каждого року платити точно сей гарачъ, якъ до того обовязались по Зборовскому договору; 2) король дозволяе Татарамъ, повергающимъ въ-свои, черезъ 40 дней грабити, нищити и уводити въ ясырь русскихъ жителей изъ всѣхъ земель, коронъ польской принадлежащихъ, исключая однакожь жителей польской вѣры и шляхетского роду; 3) по желанію Хана, щобы козакѣвъ на-далъ не дражнити, король тѣмчасово затвердитъ для самого позору всѣ условія Зборовского договора.“

Колижь Хмельницкій, стоявшій тогда супротивъ польского тabora подъ Жванцемъ, узналъ о заключеніи такъ соромного перемирія Ляхѣвъ съ Татарами, сейчасъ погналъ онъ подъ Каменецъ до Хана, и сталъ усиленно просити тогожь, абы козакѣвъ не покидалъ, та щобы принаймнѣй дозволилъ имъ самымъ теперъ розправитись съ Ляхами, которыхъ сила уже и такъ майже цѣлкомъ была зломана зимою и голодомъ. Однакожь Ханъ былъ глухій на просьбы Хмельницкого; онъ отговарялся, що здѣлалъ для него все, що лише мѣгъ, но не може кормити голодныхъ Татаръ словами и обѣтницами. Вѣдалъ бо лукавый Ханъ, що Хмельницкій не былъ въ станъ дати ему грошей стѣлько, скѣлько прирекли дати Поляки, а до тогожь Ханъ уже и боялся возростающей переваги Хмельницкого, зналъ бо о его сношеніяхъ съ русскимъ Царемъ, отъ которото и для татарской орды угрожала неминучая погибель. Впрочемъ Ханъ той уже зъ-давна постановилъ собѣ дѣйствовати такъ, щобы не допускати до совершенной переваги ни Полякѣвъ, ни нашихъ козакѣвъ, и якъ скоро одни надто росли въ силу, онъ начиналъ обороняти слабѣйшихъ, дабы такимъ способомъ сусѣды безпрестанно сами себе терзали, а Татаре могли тягнути отъ того свои корысти.

Посль такой ужасной зрады Крымского Хана подъ Жванцемъ Хмельницкій уже не важился дѣйствовати самъ противъ Полякѣвъ, обавляючись, що тогда цѣла орда открыто соединится съ королевскимъ войскомъ и въ-купъ съ тѣмъ-же кинетя на козакѣвъ. Для нашего Гетмана оставалась тогда одна надѣя на великого русского Царя, и затѣмъ онъ, ани не попрашавшися уже съ Ханомъ, отступилъ зъ-подъ Жванца и съ цѣлымъ войскомъ поспѣшилъ назадъ въ Украину, абы тамъ приняти замовленныхъ изъ Москвы послѣвъ. — О тойже порѣ,

дня 16. Декембрія, увхалъ и король до Львова, а за нимъ повлеклись зъ-пѣдъ Жванца зныдлыи та на-скрѣзь истощенныи останки польского войска въ числѣ не больше якъ 5 до 6000 мужа, которыи вразѣ съ королемъ благословили бисурманского Хана за то, що едино бнѣ избавилъ ихъ и цѣлу Польшу ѳтъ неминучої погибели.

Тогда то Крымская орда розсыалась по Волиню и Подѣлью, та весь край ажъ до самого Люблина загорѣлъ и задымился огнемъ и кровію. Се было слѣдствіе договора съ Поляками — именно такъ постыдного договора, якого зъ-поконвѣвка не запамятала людская память! Не было бо еще державы такой въ свѣтъ, где бы владѣтель-король самъ добровольно дозволилъ коли чужимъ войскамъ грабити, нищити и уводити въ неволю своихъ власныхъ пѣдданныхъ! Таке дѣялось лишь пѣдъ панованьемъ Польщи въ несчастныхъ земляхъ нашихъ оной зимы 1653 г.! — Однакожь за такъ немюдскій договоръ не минула кара Божя и самыхъ-же Полякѣвъ: хотя бо позволено было королемъ грабити однихъ лише русскихъ жителей, но своевольныи Татаре, опустошая всю русскую землю ажъ по рѣку Припеть, не разбирали своихъ жертвъ, а рѣзали и палили также шляхетскіи дома, та зверхъ 5000 шляхты — мужей, женъ и дѣвиць -- пѣйшло на арканахъ до неволь въ Крымъ.

Такое же разореніе постигло и Украину; Ханъ бо Крымскій, вертаючи зъ-пѣдъ Жванца, дозволилъ своей ордѣ поступати съ Украинцами такъ, якъ съ другими русскими пѣдданными польского короля, и Татаре палили тамъ села и мѣстечка, а жителей безъ розбору уводили въ ясырь. „Тогда то — каже одна старинна украинская пѣсня — зажурилась Украина, та побачила, що нигде ей дѣтися; тогда орда доптала коньми-маленькихъ дѣтей, рубала старыхъ, брала въ полонъ молодыхъ.“ — Таку то ѳплату дѣстала бѣдная Украина за свое шестилѣтнее побратимство съ невѣрными! „Бисурмане — говоритъ русска лѣтопись зъ тѣхъ часѣвъ — въ змовѣ съ Ляхами хотѣли погубити до конца русскій народъ; но Богъ, запиняяй лукавыхъ въ коварствѣ, обратилъ и поставилъ дѣло для Руси такъ, яко-же было ему извѣстно въ неизслѣдимомъ его совѣтъ.“

СОЕДИНЕНІЕ УКРАИНЫ СЪ ВЕЛИКОЮ РУСИЮ.

Дня 1. Октобрія 1653 г. въ Москвѣ происходило велике событіе. Столица Великой Руси кипѣла множествомъ народа, прибывшого ѳтъ всѣхъ сторонъ державы. Царь Алексѣй Михайловичъ слухалъ ѳбѣдню въ церкви Покрова Пресвятой Богородицы, где священнодѣйствовалъ самъ Патріархъ Никоиъ. Потомъ, при звуку всѣхъ звонѣвъ города, въ сопровождѣ духовенства и мирянъ, Царь пѣйшолъ въ грано-

витую палату, и въ полномъ царскомъ одѣяннїи сѣлъ на престолъ. По бокамъ его засѣли: Патріархъ Никоиъ, Митрополиты и Архіереи, дальше бояре, дворяне, стольники и думныя люди (т. е. выбранныя рады отъ всѣхъ сословій народа); вся палата наполнилась людьми всякихъ достоинствъ и званій такъ изъ Москвы якъ и зъ другихъ городѣвъ и областей державы. Се была такъ звана Земская Дума, котора собиралась лише въ многоважныхъ случаяхъ.

Царь открылъ засѣданіе Думы, а думный дьякъ (высокій чиновникъ царскій) началъ читати въ-слухъ слѣдующее: „По послѣдному миру съ Польщею было постановлено, чтобы Поляки писали царскій титулъ по его государскому достоинству, якъ воликій Государь самъ себе описуе; однакожь Поляки въ своихъ грамотахъ и письмахъ королевскихъ оскорбляли заедно титулъ царскій, та еще и въ своихъ печатныхъ книгахъ наводили такіи злыи безчестія, и укоризны, и клеветы, що того не ино великимъ Государямъ христіанскимъ, помазанникамъ Божиимъ, но и простому челоуѣку слышати и терпѣти невозможно и помыслити страшно. Вправдѣ Царь и Государь по кѣлька разы посылалъ требовати удовлетворенія, но того ніякъ не одержалъ. Заходить еще и друга вина на Поляковъ, именно тая: що Гетманъ Богданъ Хмельницкій со всѣмъ войскомъ козацкимъ въ прошлыхъ годахъ якъ и сего лѣта по кѣлька разы извѣщалъ Государю, яко паны Лахи, и сенатъ ихъ и вся Рѣчь-посполита возстали на святу православную вѣру русскаго народа, отвертали козаковъ отъ истинной ихъ вѣры русской, неволили до своей религіи, запечатовали церкви Божїи, обертали въ унию и причиняли православнымъ такіи поруганія и оскорбленія, якихъ не дѣлають ни надъ еретиками, ни надъ жидами. А хотя украинскїи козаки ополчились за вѣру и принудили Поляковъ согласитись на уничтоженіе униі, но Поляки не исполняли договорѣвъ и клятвъ своихъ; за чѣмъ Хмельницкій со всѣмъ войскомъ и народомъ Украины просилъ Государя приняти его подъ высокую царскую руку, а если Государь того не захочетъ, то прїнаймнѣй чтобы вступился за козаковъ и помирилъ ихъ съ королемъ. Послѣ того Царь-Государь предлагалъ королю и Рѣчь-посполитой прощеніе оскорбителямъ царской чести, если Польша изъ своей стороны помирится съ козаками на условїяхъ Зборовскаго договора, перестанетъ преслѣдовати православную вѣру и уничтожитъ унию; однакожь король и паны отъказали въ томъ, и знову начали воевати съ козаками, желая ихъ до конца истребити. Въ такихъ отже околїчностяхъ, где кромѣ того и Султанъ турецкій призываетъ Украину до себе въ подданство, а Хмельницкій со всѣмъ народомъ лучше хочетъ присоединитись до Великой Руси, Царь-Государь изволилъ препоручити: да розсудитъ Земская Дума, що тутъ здѣлати и якъ поступити?“

По оконченіи того чтенія началось отбирание мнѣній и голоса въ отъ соборныхъ членовъ Думы. Бояре первыи дали такое мнѣніе: „Коли Іоаннъ-Казиміръ былъ избранъ на королевство, то присягалъ онъ, що буде остерегати и защищати всѣхъ христіанъ, которыхъ вѣра различна отъ римско-католической, и що ніякимъ способомъ ни самъ не стане притѣснати никого за вѣру, ни другимъ того не дозволить; а если онъ своей присяги не здержитъ, то подданыи его освобожаются отъ всякой вѣрности и послушанія. Но король Іоаннъ-Казиміръ своей присяги не здержалъ: онъ возсталъ на святу православную вѣру русску, разорилъ многіи Божіи церкви а другіи обернулъ въ униатскіи. Выходитъ изъ того, що Гетманъ Хмельницкій и все козацкое войско стали теперь, послѣ нарушенія королевской присяги, вольныи люде. А потому, чтобы не допустить ихъ въ подданство турецкому Султану или Крымскому Хану, належитъ Гетмана со всѣмъ войскомъ и со всѣми городами и землями принять подъ высокую царскую руку, а Польшу объявити войну за оскорбленіе православной вѣры и царской чести.“

Потомъ отбирали мнѣнія у прочихъ членовъ Думы, и всѣ безъ исключенія согласилися на то само, що изрекли бояре, та и всѣ заявили торжественно, що готовы жертвовати маеткомъ и житьемъ за такъ важную справу, и рады умерти за честь своего Царя-Государя. Патриархъ и духовенство благословили Царя и всю державу, та сказали, що будутъ молити Бога, Пресвятую Дѣву и всѣхъ Святыхъ о помощь и пособіе для соединенія всѣхъ земель русскихъ въ одну могущую державу.

Послѣ того приговора Земскои Думы Царь послалъ въ Переяславъ уполномоченныхъ послѣдовъ, именно боярина Бутурлина и думныхъ людей Альферьева и Лопухина съ товарищами для принятія Украины подъ покровъ велико-русской державы. — Послы прибыли въ Переяславъ дня 31. Декабря 1653 г., въ такое время, коли Хмельницкій що-ино вернулся изъ-подъ Жванца и находился еще въ Чигиринѣ. Дорогихъ гостей изъ Москвы принималъ въ Переяславѣ козацкій полковникъ Тетеря и Протоерей Григорій съ великимъ торжествомъ, при чемъ козаки на славу того дня стрѣляли изъ пушекъ и воспѣвали радостныи пѣсни, а многочисленный народъ съ громкими восклицаніями сопровождалъ послѣдовъ московскихъ въ городскую церковь, где отправленъ былъ молебень за русского Царя и его родину.

Дня 6. Января 1654 г. прѣхалъ зъ Чигирина въ Переяславъ Гетманъ Хмельницкій. Отправляясь изъ Чигирина, онъ отпустилъ на волю еще 50 Ляховъ, взятыхъ на битву подъ Батогомъ, и до нихъ то сказалъ онъ тогда тѣи слова: „Теперь, паны Ляхи, мы уже на вѣки розлучаемся, такъ, що вы не будете наши, а мы ваши. Тои

страты вы собѣ николи не можете надгородити, а мы уже николи не покажемъ охоты съ вами соединитися. Не наша въ томъ вина, а ваша; такъ и жалуйтеся на самыхъ себе за то, що вы добровольно, по вашей глупотѣ и легкомыслію, потеряли.“

На день 8. Январія Хмельницкій созвалъ до Переяслава велику народную Раду, на котору кромѣ козаковъ собрались также численныи депутаты народныи отъ различныхъ мѣстъ и сель Украины. Раненько того-же дня добуши ударили въ литавры, и просторная площадь Переяславска наполнилась народомъ. Посерединѣ толпы здѣлане было вольное мѣстце. О 11. годинѣ Хмельницкій вышолъ на площадь, одѣтый въ полномъ гетманскомъ одѣяніи, прикрытый бунчукомъ; за нимъ шла вся Старшина украинска. Генеральный асаулъ приказалъ молчати, и народъ на площади, въ улицахъ, на дахахъ домовъ слухалъ промову своего Гетмана. А Гетманъ говорилъ къ народу ось-тое: „Панове полковники, асаулы, сотники, все войско запорожское и всѣ православныи Христіане! Всѣмъ вамъ вѣдомо, якъ Господь Богъ освободилъ насъ изъ рукъ вороговъ, преслѣдующихъ церковь Божу, оскорбляющихъ все христіанство нашего святого православія, хотящихъ искоренити насъ такъ, чтобы и имя русское не упоминалось въ земли нашей. Всѣмъ намъ уже то стало незносно, та и видно, нельзя намъ жити бѣльше безъ Царя. Для того-то мы собрали сегодня Раду, явную всему народу, чтобы вы съ нами выбрали собѣ владѣтеля изъ четырехъ, якого захочете: первый — Султанъ турецкій, второй — Ханъ Крымскій, третій — король польскій, четвертый — Царь православной великой Руси, Царь-Государь, которого уже шѣсть лѣтъ мы безпрестанно умоляемъ быти нашимъ Царемъ и владѣтелемъ. Тутъ, которого хотите, того и выбирайте! Султанъ турецкій — то бисурманъ. Всѣмъ намъ извѣстно, якую бѣду терпятъ наши братья, православныи христіане-Греки, и якъ они угѣснены отъ безбожныхъ Турковъ. Крымскій Ханъ тоже бисурманъ; хотя мы въ нуждѣ и завели съ нимъ дружбу, однако приняли черезъ то нестерпимыи бѣды, плѣненіе и нещадное пролитіе крови христінской! О угѣсненіяхъ отъ короля и польскихъ пановъ не треба и сказовати: самы знаете, що они почитали лучше жида и собаку, чѣмъ нашего брата христіанина! А православный христіанскій Царь-Государь одного съ нами русскаго благочестія, одного исповѣданія; мы съ православіемъ Великой Руси едино тѣло Церкви, имѣющее главою Иисуса Христа. Сей то великій Царь христіанскій, зжалившись надъ нестерпимымъ оскорбленіемъ православной Церкви въ нашей Малой-Руси, не презрѣвши нашихъ шести-лѣтнихъ моленій, склонилъ теперь къ намъ милостивое свое царское сердце, и прислалъ до насъ своихъ великихъ ближнихъ людей съ царскою милостію. Воз-

любви его съ усердіемъ! Кромъ его царской руки мы не найдемъ блаженнѣйшаго пристанища. — А кто насъ не захочетъ послухати, тотъ най иде, куда любо: вольная дорога!“

На тую бесѣду Гетмана весь народъ единодушнымъ восклицаніемъ отвѣтилъ: „Волимъ подъ Царя русскаго православнаго!“ — Послѣ того Переяславскій полковникъ началъ обходить майданъ кругомъ и роспытывалъ: „Чи все такъ изволяете?“ — „Все!“ кричалъ народъ. — Тогда Гетманъ воскликнулъ громкимъ голосомъ: „Да будетъ тако! Да укрѣпитъ насъ Господь подъ его царскою крѣпкою рукою!“ — Народъ же возгласилъ: „Боже, утверди! Боже, укрѣпи; щобы мы во вѣки все были едино!“

Потомъ начали читати договоръ, по которому Украина соединилась съ Великою Русію. Условія того договора были слѣдующія: „1) Все украинскія земли лѣвого берега Днѣпра, а на правомъ берегу воеводство Кіевское, Подолье и часть Воляны прилучаются яко цѣлостъ на вѣчны часы до велико-русской державы; 2) въ тѣхъ земляхъ має быти 60.000 мужа козацкаго войска, а въ случаю потребности и больше; 3) Гетманъ и все чиновники Украины избираются вольными голосами народа, и управляютъ въ краю по давнымъ обычаямъ и установамъ козацтва; 4) Гетману прислужаетъ право принимати чужихъ пословъ и зноситись съ иноземными державами, съ изытіемъ Польщи и Турціи, съ которыми сношенія могутъ дѣлаться лишь за вѣдомостію Царя; 5) Царь обязуется защищати Украину своимъ войскомъ и совершенно освободити ю отъ притязаній Польщи.“

По отчитанью тѣхъ условій, принятыхъ отъ народа съ великимъ удовольствіемъ, явились на площади въ Переяславлю царскіи послы, и бояринъ Бутурлинъ сказалъ къ собранному народу съ повагою тѣи слова: „Русскіи люде православны! Выдайте о томъ, що великій Царь-Государь не хоче и слышати, щобы вы единовѣрныи, едиnorodныи братья оставали въ крайномъ притѣсненіи, а церкви ваши въ запустѣніи и поруганіи отъ латинѣвъ-Полякѣвъ; онъ затѣмъ велѣлъ васъ, Гетмана Богдана Хмельницкаго и все войско запорожское, со всеми городами и землями, свободныхъ отъ подданства королю черезъ преступленіе нимъ присяги, приняти подъ свою высокую руку, и приказалъ своимъ царскимъ войскамъ помогати вамъ противъ клятвопреступникѣвъ, гонителей вѣры православной. А вы все, Гетманъ и все войско козацке, видячи къ собѣ доброту великаго Государя нашего, должны ему служити, желати добра и надѣлаться на его милость. Онъ же великій Царь-Государь буде сохрѣнати Гетмана и все войско запорожское въ своей милости, и буде защищати и обороняти васъ всехъ отъ всякаго врага-супостата!“

Послѣ того Хмельницкій съ царскими боярами и съ козацкими Старщинами удался въ городску соборную церковь, где долженъ былъ совершитись обрядъ взаимной присяги. Тутъ то насампередъ Хмельницкій и Старшины козацтва въ присутствіи численнаго народа присягнули на святомъ Евангеліи въ вѣрномъ подданствѣ Царю отъ имени всей Украины въ тѣхъ границахъ, въ якихъ она постановлена была по Зборовскому договору. Потомъ же московскіи бояре дали отъ имени своего владѣтеля клятвенное приреченіе, що Царь-Государь буде держати всю Малую-Русь съ цѣлымъ войскомъ запорожскимъ подъ своимъ покровительствомъ, сохраняя все давныя ей права и обороняя ю войсками своими отъ всякихъ вражійхъ нападѣвъ. — Послѣ священнаго обряда присяги началось утвержденіе Гетмана въ его гетманскомъ достоинствѣ. Бояринъ Бутурлинъ вручилъ тутъ Хмельницкому дары Царя, яко то: гетманскую хоругвь, булаву, сутую одежду и дороговязную шапку; а потомъ раздавалъ онъ также Старщинамъ, украинскимъ чиновникамъ и навѣтъ простымъ козакамъ различныя дарунки отъ русскаго Царя.

На другій день царскіи бояре выправили изъ Переяславля своихъ товарищей, московскихъ чиновниковъ, въ различныя мѣста и мѣстечка Украины для принятія присяги отъ жителей, а сами избрали для себе три знатнѣйшія города русскіи: Кіевъ, Нѣжинъ и Черниговъ, та на дни 14. Января поѣхали до Кіева. А тамъ-то уже на цолтора миль отъ Кіева выступили на-встрѣчу бояръ козаки и численныя толпы народа, та сопровождали ихъ съ наибольшимъ торжествомъ до престольнаго города Малой-Руси. У такъ званыхъ золотыхъ воротъ города привиталъ царскихъ бояръ самъ Кіевскій Митрополитъ, Сильвестеръ Коссовъ, на чель духовенства такимъ ото архіерейскимъ словомъ: „Вы приходите отъ православнаго Царя съ желаніемъ посѣтити наслѣдіе давныхъ Великихъ Князей русскихъ, къ съдалищу перваго Великаго Князя Руси, и мы выходимъ вамъ на-встрѣчу. Въ лицѣ моемъ витае васъ оный благочестивый Князь Владиміръ, витае васъ святой Апостоль Андрей Первозванный, возвѣсгившій на томъ мѣстци сіяніе великой Божой славы, витають васъ начальники Печерской Лавры, святые Антоній и Феодосій, изнурившіи для Христа жизнь свою въ печерахъ. Войдите въ домъ Бога нашего, на съдалище перваго благочестія русскаго, и дай Господи, щобы вашимъ присутствіемъ обновилось, яко-бы юность орла, наслѣдіе православныхъ русскихъ Князей!“

При отгомонѣ всѣхъ звонѣвъ города царскіи послы введены были торжественно въ Софійскую церковь, где Митрополитъ отслужилъ молебень, а народъ громогласно воспѣлъ многолѣтіе русскому Царю.

Потомъ складали присягу Кіевскіи козаки и горожане, всѣ съ наибольшою радостію величая той день, въ которомъ свободны стали отъ ненавистнаго панованья Польщи. Одни только католицкіи ксендзы, которыхъ тогда уже немало было въ Кіевѣ, та и гдеякіи высшіи достойники изъ православнаго духовенства, которы свои доходныи мѣстца подоставали зъ ласки Поляковъ, смотрѣли теперь нерадо на се торжество украинской Руси, та яко природныи шляхтичи, сприяющіи въ душъ ляцкому панству, отказовались отъ складанья настоящей присяги русскому Царю, а только давали условное приреченье вѣрности. — Изъ Кіева царскіи бояре отправились въ Нѣжинъ, где полковникъ Золоторенко принялъ ихъ съ наибольшими почестями, и городъ присягнулъ охотно; потомъ они перѣехали въ Чигиринъ, где присяга тоже отбылась съ великимъ торжествомъ и радостію народа. — О тойже порѣ товариши бояръ, чиновники царскіи, ѣздили и по другихъ городахъ и мѣстечкахъ Украины, та всюда въ православныхъ церквахъ русскихъ отправлялись благодарственныи богослуженія и отбывался святыи обрядъ присяги торжественно, охотно и велѣпно.

Такъ совершилось великое оное событіе прилученія Украины до Великой Руси; такъ исполнился наибольшій подвигъ славнаго нашего Гетмана Хмельницкаго — той подвигъ, въ слѣдствіе котораго соединились роздѣленныи изъ-давна части Руси во-едино, Русь начала чѣмъ-разъ больше крѣпитись и рости въ силу, а за то стара грѣшница, шляхетская Польша, чѣмъ-разъ зближалась до своего заслуженнаго паденія.

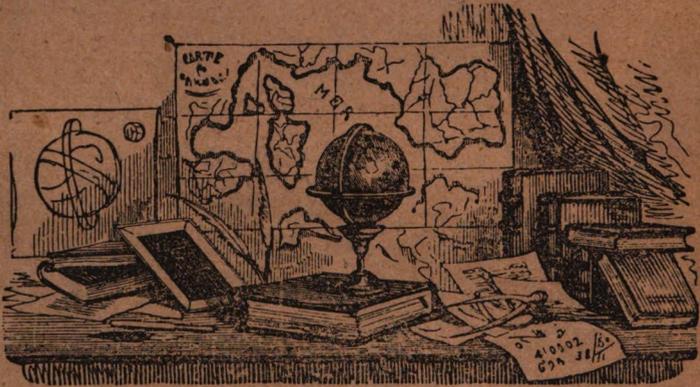
Закѣмъ въ послѣдующей части нашей Исторіи станемъ розказывать подробно, що дальше дѣялось на Украинѣ и въ другихъ предѣлахъ Руси, дополнимо тутъ въ короткости еще повѣсть о Батьку-Гетманѣ Хмельницкомъ, котораго славнымъ дѣламъ и подвигамъ таки цѣла сія третя часть Исторіи нашей есть посвящена. Такъ отже на заключеніе еще тое досказуемъ до исторіи о Хмельницкомъ:

Вскорѣ по соединенью Украины съ Великою Русію завелась межи Царемъ Московскимъ а польскимъ королемъ лютая война, въ которой также Хмельницкій со своими козаками славно участвовалъ, побивая Ляховъ на Волюню и въ Галичинѣ. Война загаломъ велася дуже счастливо для Руси; въ короткое время русскіи войска завоевали свыше 200 городовъ на Литвѣ и въ Польшѣ. Ишло уже навѣтъ до того, що всѣ русскіи земли имѣли были отпасти отъ Польщи до Москвы и составити едину русскую державу. Однакъ дѣло се тогда еще не устроилось. Шляхта, бачите, въ земляхъ тѣхъ уже сильно ополычалась и тя-

гнула къ Польщѣ; за шляхтою шли такожъ ксендзы, а тѣхъ много розвелося было въ нашей Руси. Ба навѣтъ козацкая Старшина не вся стояла за русскаго Царя; въ ней богато было шляхтичей, хотя и православныхъ; а шляхтъ то подѣ польскимъ панованьемъ жилось привольно и роскошно. Люде высшего духовнаго чина тоже не хотѣли изъ-подѣ греческаго Патріарха перейти подѣ Московскаго. Одинъ только простой народъ крѣпко тянулъ до Москвы, а Батько Хмельницкій довольно держалъ его въ томъ стремленіи. Но и самъ Хмельницкій имѣлъ часами свои отдѣльныя замыслы. Въдай то войну съ Поляками онъ началъ было за свою особистую кривду (отъ Чаплинскаго), та ажъ потомъ, коли увидѣлъ, що народъ ни за-що въ свѣтъ не хоче миритися съ Ляхами, онъ задумалъ здѣлати изъ Украины, Подбля и Воляня особную державу. Тую мысль подѣдержовалъ въ немъ тайникъ и другъ его Выговскій (шляхтичъ польскій зъ роду) навѣтъ тогда, коли Украина уже пристала къ русскому Царю; Хмельницкій и тогда пересылался тайкомъ съ розличными иноземными владѣтелями. Однакожь отъ всѣхъ судѣ Украина дознавала такія оскорбленія и обиды, що Хмельницкій увидѣлъ наконецъ, яко се невозможно ему устояти безъ русскаго Царя, та уже до смерти онъ стоялъ при Москвѣ вѣрно.

А смерть Хмельницкаго случилася ось-такъ: Въ г. 1657 прѣхалъ до него якийсь знатный шляхтичъ польскій и посватался за его доньку. Гетманъ былъ не отъ того, ударили по рукахъ, и шляхтичъ сталъ собиратися домовъ, чтобы приготовить все до свадьбы. На прощанью онъ выналъ изъ своего ящика бутельку съ горькою, чтобы по-частовати нею Гетмана. Коли Хмельницкій отвернувся, то шляхтичъ сыпнулъ въ его чарку какое-то лютое зѣлье, и оба выпили за здоровье невѣсты. Зъ той поры нареченный женихъ-шляхтичъ не показовался больше на Украинѣ, а Хмельницкій началъ сохнути и ныдѣти. Смертний часъ подступилъ; Хмельницкій усердно молился Богу. Дня 15. Августа 1657 г. онъ причастился и далъ приказъ похоронити себе въ родинномъ селѣ Суботовѣ. Въ саме полудне ударила пушка и загудѣлъ погребальный звонъ: Богданъ Хмельницкій скончался. — Въ двѣ недѣли потомъ тѣло Гетмана повезли въ Суботово. Не слышно было церковнаго пѣнія — такъ плакали и рыдали козаки, хоронячи Батька своего, старога Хмельницкаго!

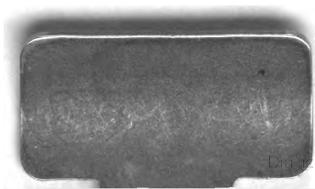
Конецъ шрестой части.

89095701686

B89095701686A

89095701686

b89095701686a